Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 2 (38) 2013

Хабаровск, 2013

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State
Transportation University»

THE HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES IN THE FAR EAST

Journal of Theoretical Research
published since January 2004
issued quarterly

№ 2 (38) 2013

Khabarovsk, 2013

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, М.А. Ковальчук, Л.П. Лазарева,
Р.Л. Лившиц, Н.Е. Мерецкий, С.В. Пишун, З.Г. Прошина,
В.В. Романова, О.А. Рудецкий (ответственный секретарь),
Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), А.М. Шкуркин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай),
Кальво-Мартинез Томáс Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

К.И. Воровьева, О.А. Любицкая

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь),
Е.Ю. Мальнева (переводчик)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, M.A. Kovalchuk, L.P. Lazareva,
R.L. Livshits, N.E. Meretsky, S.V. Pishun, Z.G. Proshina,
V.V. Romanova, O.A. Rudetsky (executive secretary),
E.N. Spassky (deputy editor), A.M. Shkurkin

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomás Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
E.Y. Malneva (translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE № 77-16283 issued August 29, 2003
Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 10

СТАТЬИ

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Алдашева А.А. Личность и законы адаптации 11
Яницкий М.С., Портнова А.Г., Богомолов А.М. Адаптационная парадигма в постнеклассической методологии психологических исследований развития личности 19
Костин А.Н., Голиков Ю.Я. Теоретические основания исследования психической регуляции поведения и деятельности 27
Иванова Е.М. Познавательная деятельность как условие самоопределения личности и профессионального становления 36
Махнач А.В. Социальная модель как парадигма исследований жизнеспособности человека 46
Левкова Е.А., Посвалюк Н.Э., Савин С.З., Турков Л.С. Информационные модели адаптации личности в социуме 54
Якушева Н.Ю. Проблема адаптации в генетической эпистемологии Жана Пиаже 59

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Воробьева К.И. Роль идентичности в адаптации субъекта к социальным изменениям 66
Яссман Л.В. Адаптированность человека к изменяющемуся миру как критерий личностной зрелости 70
Лазарева Л. П. Адаптивность личности как детерминанта душевного здоровья 76
Григорьева Н.Г., Дрюцкая С.М., Тюрина Ю.А. Ресентимент как фактор поведения дезадаптивной личности современного молодого человека 81
Монсонова А.Р. Ценностные детерминанты адаптации личности как субъекта этноконфессиональных отношений 88
Опарина Н.М., Тюрина Ю.А. Проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах 94
Яссман В.П. Реконструкция представлений о реальности у женщин с разной сексуальной идентичностью 100
Лактионова А.И. Особенности жизнеспособности и социальной адаптации подростков 107
Санжаева Р.Д., Балданова Ж.Б. Краеведческая деятельность как средство нравственного воспитания младших школьников 116

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Ермолаева Е.П. Социальная адаптация профессионала в контексте постперестроечных кризисов 122
Дикая Л.Г., Щедров В.И. Направленность и эффективность индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния человека 129
Сокольская М.В., Давыдов Ю.А. Специфика ресурсного обеспечения становления профессионала 142

Леженина А.А. Психологическая культура как условие профессиональной адаптации личности 148
Любицкая О.А., Чиженко К.А. Профессиональное восприятие успеха разнотипными специалистами 153
Юрина И.Г. Представление личности о творческом возрасте в контексте профессионализации 160
Зиброва Е.А. Психология трудовых династий в контексте адаптации 166
Григорьева Н.Г. Роль профессиональной идентификации в адаптации студентов вуза 172
Примаченко Я.В. Лидерский потенциал руководителей железнодорожного транспорта как критерий адаптации к условиям организационных изменений 176
Невструева Т.Х., Мурзина О.Р. Взаимосвязь имплицитной структуры страха безработицы и копинг-стратегий преодоления кризиса занятости (на примере специалистов-инженеров) 185
Дынькин Б.Е., Соболева Т.Н. Профессиональная психологическая подготовка оператора подвижного состава с использованием тренажерных методов 191
Соболева Т.Н. Метаинтеллектуальные операции как регуляторы эффективности деятельности оператора в условиях тренажера 198
Левкова Е.А., Воробьева К.И., Кошман О.Ю. Профессиональный стресс и эффективность трудовой деятельности среднего медицинского персонала 203
Анчукова Н.И. Психологические факторы профессиональной дезадаптации (на примере бизнес-тренеров банковской сферы) 208

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Потайчук Ю.В. Перспективы развития среднего профессионального образования в рамках университетского комплекса на Дальнем Востоке России 213
Забияко А.А. Жанровые поиски в прозе русского Харбина: пропаганда, «непреодоленная биография» или возрождение эпоса? 218

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 229

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 230

CONTENTS

Editorial.....

ARTICLES

PROBLEMS OF ADAPTATION OF PERSONALITY IN THE CHANGING WORLD

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY ADAPTATION

Aldasheva A.A. Personality and Adaptation Laws 231
Yanitsky M.S., Portnova A.G., Bogomolov A.M. Adaptive Paradigm in Post-Non-Classical Methodology of Psychological Research of Personal Development 231
Kostin A.N., Golikov Yu.Ya. Theoretical Underpinnings for Research of Psychical Regulation of Behavior and Activity 232
Ivanova Ye.M. Cognitive Activity as Prerequisite for Personal Self-Identification and Professional Growth 233
Makhnach A.V. Social Model qua Contemporary Paradigm of Research of Personal Resilience 233
Levkova E.A., Posvalyuk N.E., Savin S.Z., Turkov L.S. Information Models of Personality Adaptation in the Society 234
Yakusheva N.Yu. The Problem of Adaptation in Piaget's Genetic Epistemology 234

SOCIAL ADAPTATION OF PERSONALITY

Vorobyeva C.I. The Role of Identity in a Subject's Adaptation to Social Changes 235
Yassman L.V. Adaptation of a Person to the Changing World as a Measure of Personal Maturity 235
Lazareva L.P. Personal Adaptability as Determinant of Mental Health 236
Grigorieva N.G., Dryutskaya S.M., Tyurina Y.A. Resentment as a Factor Defining the Maladaptive Behavior and Personality of the Modern Young Man 236
Monsonova A.R. Axiological Determinants of Adaptation of Person qua Subject of Ethno-Confessional Relations 237
Oparina N.M., Tyurina Y.A. Adaptation Problems of Foreign Students in the Russian Higher Education Institutions 237
Yassman V.P. Reconstruction of Reality by Women with Different Sexual Identities 238
Laktionova A.I. Characteristics of Adolescents' Resilience and Social Adaptation 238
Sanzhaeva R.D., Baldanova Zh.B. Regional Studies qua Means of Ethical Education of Students of Elementary Schools 239

PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONALITY

Ermolaeva Ye.P. Social Adaptation of the Professional in the Context of Postreorganization Crises 240
Dikaya L.G., Schedrov V.I. The Focus and Effectiveness of Individual Styles of Self-Regulation of Functional State of Man 240
Sokolskaya M.V., Davydov Y.A. Specific Character of Resources Provision for the Development of a Professional 241

Lezhenina A.A. Psychological Culture as Prerequisite for Professional Adaptation of an Individual 241
Lubitskaya O.A., Chizhenko K.A. Professional Perception of Success by Specialists of Different Types 242
Yurina I.G. The Personal Concept of the Creative Age in the Context of Professionalization 242
Zibrova E.A. Labor Dynasty Psychology in the Context of Adaptation 243
Grigorieva N.G. Role of Professional Identification in the Adaptation of Students of Higher Educational Establishments 243
Primachenko Y.V. Leadership Potential of Railway Transport Managers as Criterion for Adaptation to Organizational Change 244
Nevstrueva T.H., Murzina O.R. Interconnection of an Implicit Structure of Fear of Unemployment and Coping-Strategies of Overcoming Crisis of Employment 244
Dynkin B.E., Soboleva T.N. Professional Psychological Training of Railway Vehicle Operators Using Simulation Methods 245
Soboleva T.N. Metaintellectual Operations as Regulators of Operator Performance Efference in Simulator Conditions 245
Levkova E.A., Vorobyova C.I., Koshman O.Yu. Professional Stress and Efficiency of Labor of Nursing Staff 246
Anchukova N.I. Psychological Factors of Professional Disadaptation (Case Study of Business-Trainers in the Banking Sphere) 247

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Potaychuk Yu.V. Prospects of Development of Secondary Professional Education within the Framework of a University Complex in the Russia's Far East 247
Zabiyako A.A. Genre Quests in the Prose of Russian Harbin: Propaganda, "Unsubdued Biography" or Revival of the Epos? 248

AUTHORS GUIDELINES 249

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представлен очередной тематический номер нашего журнала, посвященный проблемам адаптации личности, что обусловлено растущим интересом исследователей к изучению механизмов, личностных ресурсов, критериев приспособления человека как активного субъекта к радикальным технологическим, социальным и экономическим переменам, происходящим в современном мире.

В настоящем выпуске представлены методологические, теоретические и эмпирические аспекты проблемы адаптации личности в изменяющемся мире. Особое внимание уделяется вопросам профессиональной адаптации субъекта труда в связи с появлением новых видов и технологий профессиональной деятельности, усложнением трудовых задач и функций профессионала, изменением требований к профессиональной подготовке специалиста. Выявляются личностные и средовые детерминанты профессиональной успешности, социально-психологические факторы профессиональной дезадаптации и ресурсы преодоления профессионального стресса в усложняющихся условиях труда.

Представленные статьи различаются по уровню теоретического осмысления, широте эмпирического материала, имеют разные методологические основания. При этом в большинстве представленных исследований отражается современная тенденция изучения адаптации как процесса взаимодействия личности и социальной среды, где личность выступает субъектом и творцом собственной жизни. Как в теоретическом анализе проблем адаптации, так и в интерпретации эмпирических материалов, особое внимание авторов представленных статей обращено на выявление субъектных характеристик адаптирующейся личности, на ее активный характер взаимодействия с изменяющимся миром. Кроме того, представленные материалы отличаются своей направленностью на решение практических проблем адаптации/дезадаптации личности в современных условиях жизнедеятельности, на выявление возможностей человека в самореализации к творческому и личностному росту в процессе преодоления препятствий в резко изменяющейся социальной среде.

Надеемся, что публикуемые в данном номере статьи вызовут интерес, найдут свое продолжение в дальнейших теоретических исследованиях, а также окажутся полезными в деятельности практических психологов.

Проф. К.И.Воробьева

СТАТЬИ

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

ЛИЧНОСТЬ И ЗАКОНЫ АДАПТАЦИИ

А.А. Алдашева

Алдашева Айгуль Абдулхаевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда Института психологии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: aigulmama@mail.ru

Исследования личностной адаптации субъекта деятельности показывают, что данный процесс развивается в русле общей теории адаптации и как процесс, направленный на расширение возможностей человека во взаимодействии с внешней средой. С этих позиций адаптация рассматривается как ее активная форма. При направленности поведения на достижение равновесия адаптация обрекает человека на приспособление как пассивную форму ее проявления. Адаптация, как и все другие события жизни, характеризуется наличием некоторых правил, законов, определяющих особенности ее развития, положительные и отрицательные для организма и его деятельности стороны. Обобщая существующие правила и законы, В.И. Медведев показывает, что нет адаптации функций, а есть адаптация человека. В настоящей статье делается попытка эмпирически показать, что в основе формирования адаптационного ответа на личностном уровне лежат особенности ее саморегуляции, отражающие общие Законы адаптации, сформулированные В.И. Медведевым. Данный подход позволяет соотнести особенности выбора той или иной стратегии поведения с условиями, предъявляемыми профессиональной деятельностью. Показано, что гармонизация отношений с требованиями среды могут иметь как приспособленную стратегию, преимущественно имеющую кратковременный характер, так и активную – направленную на создание собственных способов овладения ситуацией. Эмпирические исследования профессиональной адаптации специалистов экстремальных профессий раскрывают суть следующих законов: «приоритета», «обоюдности изменений» «снятия лимитирующих факторов», «ожидания худшего», «обратимости адаптации» и «концептуальной модели».

Ключевые слова: адаптация, адаптационный ответ, законы адаптации, высокогорье, личность, концептуальная модель, стратегии, мобилизация, социальная изоляция, цикличность деятельности.

Ключевым понятием адаптации является принцип самоорганизации человека в сложных системах. Показано, что обращение к уравновешиванию как универсальному условию непрерывного движения системы, развития ее компонент и гарантии самого их существования создает реальные предпосылки для решения проблем профессиональной адаптации. В разных аспектах этот принцип отражен в работах Г.М. Зараковского с соавт. М.А. Дмитриевой, А.А. Крылова, А.И. Нафтульева, Л.М. Веккера, Л.Г. Дикой, В.А. Бодрова и др. [5; 7; 10–12].

Одним из условий формирования адаптационного ответа является отношение личностных свойств и качеств как системного образования, к требованиям, предъявляемым деятельностью, поскольку личностные феномены внутренне присущи адаптации, они вплетены в структуру адаптационного ответа и представляют устойчивый ее признак [9]. Задача личности – преобразовать диапазон и вектор проявления адаптационного ответа в зависимости от мироощущения и видения происходящего, от понимания себя в ней: среда лишь провоцирует на реакцию, а направление и «угол наклона» выбирает сама личность [20]. Показано, что положение личности на шкале «*интроверсия – экстраверсия*» определяет характер использования поступающей информации и образует личностное представление о ситуации, оценку ее значимости, ее личностный смысл, которые можно трактовать как место ситуации, объекта в психологическом поле или на шкале ценностей. Личностный смысл определяется вкладом познанного в гармонию внутреннего мира человека, что естественно предполагает наличие различий адаптационных процессов у интровертов и экстравертов. Однако достоверных различий ни в физиологических, ни психологических особенностей адаптации у них установлено не было. В то же время были выявлены существенные различия инт-

ровертов и экстравертов в субъективной оценке адаптационной ситуации и связанной с ней поведенческой активностью. Показано, что экстраверты более эмоционально оценивают ситуацию и чаще используют поведенческие формы адаптации [21].

S.C. Kobaza нашла доказательства того, что некоторые особенности личности играют значительную роль в развитии адаптационных изменений и сопротивлений неблагоприятным факторам среды [29]. Она отмечает, что жизнерадостные люди – психологически более выносливы и устойчивы. Согласно взглядам автора, выносливость определяется тремя основными характеристиками: контроль, самооценка, критичность. Контроль проявляется и измеряется как локус-контроля. Критичность отражает степень важности для человека безопасности, стабильности и предсказуемости событий. Самооценка – это чувство собственного предназначения и своих возможностей: она определяет не только выбор человеком действий, уменьшающих отрицательные последствия воздействия адаптогенного фактора среды, но и уровень предпринимаемых при этом усилий.

Такое свойство, как личностная тревожность применительно к пониманию процесса адаптации и созвучно такой личностной черте, как «самоэффективность». Личностная тревожность может способствовать развитию таких тенденций, как переоценка опасности той или иной ситуации или недооценка своих возможностей противостоять реальной или мнимой угрозе. В то время как самоэффективность свидетельствует о том, насколько сам субъект адаптации уверен в своих способностях проявить адаптивное поведение. Опыт адаптации человека к природным и социальным факторам показывает, что у лиц с высоким уровнем тревожности способность к активной адаптации вообще снижена как со стороны психических, так и физиологических ее составляющих. Так, T. Millon, C. Aldwin и другие высказывают мнение, что личность определяет стиль защиты от состояния тревоги, в том числе и такой, которое вызвано воздействием на организм фактора внешней среды [28; 30]. Это подтверждает представление о том, что особенности личности определяют характер течения адаптационного процесса. Практически все теории адаптации придают особое значение в ее развитии эмоциональным состояниям, которые реализуют ряд функций в поведении человека, а именно оценочную, организующую, контролирующую, защитную, мобилизующую. С позиций процесса и состояния адаптации эмоции запускают ее процессы, определяют субъективную оценку ее предела и плату за адаптацию [13].

Особое место в развитии адаптации имеет мотивационная сфера личности, направленность мотивов, их сочетание и степень активности. Для обеспечения адаптации к конкретным природным и социальным факторам важным является, с одной стороны, совокупность мотивов достижения алиментарных, материальных и социальных ценностей, самосовершенствования, обеспечения безопасности и т. д., а, с другой стороны, мы выделяем их «опредмеченность» за счет дополнения перечня целей и ведущих мотивов характеристиками конкретных условий и способов их реализации.

В структуре и механизмах регуляции процесса адаптации значительную роль играют ее *поведенческие формы*. Путем изменения поведения осуществляется, пожалуй, важнейшая для человека сторона адаптации – активное воздействие на среду, позволяющее преобразовать ее в нужном для человека направлении или создать новую взамен той, которая дана природой. Однако самым сильным доводом в пользу отдельного рассмотрения некоторых проблем поведенческой адаптации является то, что она является обязательным и часто самым главным компонентом адаптации к деятельности, особенно деятельности профессиональной.

Одна из трудностей формирования адаптации к сочетанию адаптогенных факторов среды и деятельности является то, что трудовая деятельность зачастую ставит требования перед регулирующими механизмами внутренней среды, структурами диаметрально противоположенные тем, которые связаны с воздействующим внешним адаптогенным фактором. Формируемая при таком сочетании адаптация является всегда компромиссной и основная функция поиска и поддержания компромисса, как правило, осуществляется путем нахождения соответствующих стратегий поведения.

В.И. Медведевым была разработана классификация видов поведенческой адаптации [13]. Она включает такие формы, как: а) превентивная поведенческая адаптация – глобальное изменение активности, реакция избегания или активного поиска предпочтительного поведения; б) стабилизационная поведенческая адаптация – сохранность общей структуры поведения, корригирующие реакции, оптимизация двигательного акта, реорганизация поведения; в) социально-обусловленные формы поведения – формирование или преобразование среды; г) личностно-обусловленные формы поведения – перестройка мотивов, изменение эмоциональной сферы, изменение ролевых ожиданий, преобразование психологического климата и т. д.

Теоретическое осмысление различных форм и содержания адаптации позволили В.И. Медведеву высказать ряд общих выводов и соображений, совокупность которых учтена им при формировании основных законов адаптации [14].

В основе предложенных законов приняты следующие постулаты:

1. Жизнь как отдельного человека, так и популяции, и общества есть динамический процесс,

проявляющийся в непрерывном взаимодействии человека с окружающей его средой.

2. В понятие среды входит не только материальная, вещная среда, но и духовная в сознании отдельного человека или коллективном сознании.

3. Процесс двухсторонний: он может быть *пассивным* – человек приспосабливается к требованиям, и *активным* – через деятельность человек воздействует на среду. В активной адаптации действует закон развития, говорящий о том, «…чтобы что-то изменить, надо измениться самому»: воздействие изменяет не только объект воздействия, но и воздействующего человека.

4. Важная роль в адаптации принадлежит сознанию. Данный постулат рассматривает деятельность как процесс достижения цели путем преобразования как себя, так и среды. Здесь сознание выступает регулятором поведения, отношений и поступков, которые могут вступать в конфликтные отношения, и личность должна разрешать не только противоречия между собой и своей жизнью, но и противоречия в своем сознании.

5. Конфликт, как запускающий механизм адаптации [14].

Целью данной работы является раскрыть универсальные законы адаптации, выдвигаемые В.И. Медведевым, на примере личностной адаптации к экстремальным условиям профессиональной деятельности.

1. Закон «*приоритета*» основывается на положении о том, что создаваемая в процессе адаптации программа реагирования приобретает некоторые признаки доминанты и может не только тормозить реализацию других программ, но и захватывать из них те или иные механизмы, структуры и функции. Особенностью адаптации человека является то, что, помимо природных адаптогенных факторов, всегда присутствуют факторы деятельности в основном трудовой, адаптация к которым, как правило, требует мобилизации тех же механизмов и функций, что и адаптация к природным факторам. Эта картина выражается в начальном периоде адаптации, когда главной задачей адаптационного ответа является сохранение организма в иерархии структуры потребностей, приоритет отдается витальным, биологическим потребностям. В этой ситуации психологическая адаптация формирует направленные на сохранение организма поведенческие реакции, в первую очередь, мобилизуются волевые характеристики, которые обеспечивают коллективные формы адаптации. При этом между физиологическими и психологическими потребностями достижения цели (адаптации к среде и сохранение деятельности) очень часто возникают противоречия [14].

2. Закон «*обоюдности изменений*» говорит о том, что нет адаптации функции, а есть адаптация как целостная реакция человека, при которой формируется новая система взаимоотношений, захватывающая вегетативные, сенсорные, двигательные и поведенческие механизмы. Одним из важнейших проявлений этого закона является положение о том, что в картине любого адаптационного процесса, каким бы фактором он не вызывался, мы обязательно обнаруживаем изменения в виде улучшения протекания одних функций и ухудшение протекания других. Данные Н.А. Нейжмановой, Л.М. Шафран, С.Д. Положенцева, Д.А. Руднева и собственные результаты исследования позволяют показать связь между личностными особенностями и показателями симпатоадреналовой системы (САС) как объективного индикатора эмоциональное напряжение в экстремальной ситуации деятельности [17; 19]. Исследования смены адаптационных программ цикличной деятельности «берег – море – берег» проводилось у офицеров-подводников на базе медицинского госпиталя ВМФ. Респондентами были офицеры двух экипажей: первый – исследовался в период подготовки к учебно-боевому походу, второй экипаж – в первые 3 дня по возвращению из похода, продолжительностью 270 суток. В основу данного исследования были положены результаты личностных методик (методика Кеттела, методика УСК) и интервью. Биохимические показатели симпатоадреналовой системы (САС) нами интерпретировались как индикаторы эмоционального напряжения офицеров в различные периоды профессиональной деятельности. Группы были уравнены по численности (29 человек в каждой), по возрасту и стажу службы. Было показано, что в период подготовки экипажа к походу показатели эмоциональной устойчивости С и контроль над деятельностью и производственными отношениями (Ид, Ип) отрицательно коррелируют с уровнем адреналина, соответственно r = -,61; r= -,51; r = -,46. Для второго экипажа были характерны отрицательные корреляции между социальной активностью Н, волевой регуляцией Q4 и уровнем адреналина r = -,45; r = -,78. Показатели общего контроля, контроль деятельности, за неудачами, межличностными отношениями и состоянием здоровья (методика УСК) также отрицательно связаны с уровнем адреналина соответственно r = -0,78; r = -0,45; r = -0,48; r = -0,57; r = -0,45.

Полученные результаты показали, что в условиях напряженной смены деятельности снижаются показатели личностной регуляции. Отказ контролировать в такие периоды деятельности значимые сферы жизни обусловливает рост эмоционального напряжения, о чем свидетельствуют нейрогуморальные индикаторы. Закон «*обоюдности изменений* в условиях формирования адаптационного ответа показывает, что адаптация является целостной реакцией человека. Так, эти изменения могут иметь одинаковый вектор либо рост одних показателей

происходит за счет ослабления реактивности других, что позволяет организму продолжать деятельность в условиях даже, когда защитные механизмы направлены на преодоление такого функционально состояния, как состояния утомления, усталости [6].

3. Закон «*снятия лимитирующих факторов*» говорит о том, что адаптация проявляется не только в появлении каких-то новых связей, но и в расширении допустимых пределов изменений ряда функций. Для вегетативных компонентов адаптации данный закон проявляется, в частности в том, что повышается тот порог, выход, за пределы которого вызывает обязательное включение систем внешнего регулирования.

В подтверждение данного закона можно привести результаты наших исследований [2; 25], посвященных изучению индивидуальных стратегий адаптации, в основу которых легли факторы, определяющие индивидуальные различия в скорости и легкости перестройки динамического стереотипа в работе ЦНС, ее пластичности и способности формирования нового функционального состояния.

Проведенные исследования позволили выделить три типа психологических адаптационных ответов у людей с высокой, средней и низкой пластичностью нейродинамических процессов. Так, для людей с высокой пластичностью нервной системы исходно характерна выраженная эмоциональная стабильность, высокая работоспособность, которые и определяют основное направление адаптационных изменений – сохранение не только общего состояния организма, но и деятельности. Анализ особенностей личности у представителей этой группы позволил выявить ряд характерных признаков межличностного взаимодействия, обусловленных наличием тенденций, определяющих поведенческую адаптацию. Наиболее существенным из них является высокая самооценка, которая реализуется в стремлении к лидерству. Реализации этого стремления способствуют такие черты личности, как общительность, смелость в установлении межличностных отношений, стремлении защищать общегрупповые ценности. Высокая самооценка, сочетающаяся с прямолинейностью, в ситуации угрозы групповым ценностям могут провоцировать у людей с высоким уровнем пластичности конфликтное поведение, в котором проявляется стремление использовать весь арсенал конфликтологии – споры, соперничество, формирование личного примера, навязывание другим участникам группы выбранное адаптивное поведение.

Следует отметить, что в столкновении двух тенденций адаптивного поведения, которые всегда присутствуют у человека, адаптирующегося к экстремальным условиям внешней среды, – направленности на сохранение общего функционального состояния организма на максимально возможном оптимальном уровне и осуществление деятельности. Наиболее отчетливо выражается тенденция охраны деятельности, которая описывается выражением «через не могу», часто встречается у людей с высокой пластичностью. Такая стратегия поведения проявляется в гиперсоциальных установках, стремлении брать на себя ответственность, реализации лидерских качеств, которые выражаются в коллизии «я и коллектив», предпочтение отдается коллективу, что обусловливает реализацию конформных установок. В наших исследованиях было показано, что стремление к лидерству у людей этого типа часто проявлялось в заботе о коллективе, работа в коллективе и вместе с коллективом достижение общей цели и задач деятельности, «быть в коллективе» обеспечивало им состояние психологического комфорта. Результаты исследований как в высокогорье, так и в условиях пребывания в антарктической экспедиции позволяют говорить, что у людей этой группы доминирует социальная стратегия адаптации, которая реализуется через заботу о сохранении и работоспособности коллектива, в который включен данный человек. Индивидуальная стратегия адаптации людей с высоким уровнем пластичности преимущественно направлена на поддержание должного уровня работоспособности.

Лица со средним уровнем пластичности характеризуются большим спектром компенсаторных возможностей. Для них чаще свойственно не только формирование компромиссов на основе когнитивных решений, но и различные способы эмоционального взаимодействия. Основной опорой в выборе форм адаптивного поведения является относительная независимость суждений. С одной стороны, как и для первой группы, представители второй – характеризуются стремлением к лидерству. Наблюдаемое в ряде случаев конформное поведение, в отличие от лиц с высоким уровнем пластичности, у представителей группы основывается на рационализме, мониторинге расхождения целей деятельности и возможности ее реализации.

У лиц с низкой пластичностью нервной системы ведущей характеристикой адаптивного поведения является опора на эмоционально-волевые свойства личности. Отсутствие лидерских качеств, пассивность в межличностном взаимодействии компенсируются у представителей данной группы выраженностью практического интеллекта, недоверия в сочетании с высокой чувствительностью, которые в процессе адаптации сменяется пассивно-покорным, согласно требуемой ситуации поведением, иногда в ущерб своему имиджу и здоровью. Результаты исследований адаптации к длительному пребыванию в условиях проживания в Антарктиде, где экстремальные природные факторы сочетаются с социальными факторами такими, как изоляция,

монотония, депривация, которые показали, что у людей с низким уровнем пластичности чаще формируется неврозоподобные состояния и отмечается низкое качество, а иногда и срыв деятельности.

Соответственно возникает вопрос, какие из групп являются наиболее оптимальными для работы в экстремальных условиях? Если попытаться ответить на этот вопрос с позиции пластичности, то поведенческие стратегии каждого типа являются оптимальными для своей группы, так как отражают психофизиологические ресурсы, определяющие скорость и легкость перестройки динамического стереотипа в работе центральной нервной системы. Если исходить с позиции успешности деятельности в условиях высокогорья и Антарктиды, наилучшим, вероятно, является второй тип, поскольку он обладает большим разнообразием адаптивных стратегий поведения, *лимитирующих поведение.*

4. Смысл закона «*ожидания худшего*» заключается в том, что новая программа адаптационного регулирования всегда рассчитана на несколько худшие условия, чем те, которые вызвали адаптацию. Наиболее ярко этот закон проявляется в стадии гипермобилизации. Предполагается, что на основе этого закона происходит обращение к новым ресурсам, которые могли бы использоваться в экстремальных ситуациях, так как для формирования адекватного ответа, достигнутый ранее уровень адаптационного регулирования недостаточен. Закон «*ожидания худшего»* наиболее ярко проявляется в цикличных видах деятельности.

Цикличность деятельности характеризуется постоянной сменой среды обитания, характера и объема социальных связей, сменой социальной ориентации, в том числе и ориентации – «экипаж – семья», сменой мотивов, форм и содержания деятельности [8; 22; 23; 26]. Работа в режиме деятельности – вахтенный труд, работа космических экипажей, виды деятельности в цикле «берег–море–берег» и др. предполагают смену адаптационных режимов, то что называется переадаптацией, или проявление такого адаптационного феномена, как перенос адаптации. Так как при адаптации к деятельности, несомненно, участвует опыт человека, что способствует уменьшению элементов случайного в поиске адаптационных программ. Специфика формирования психологической адаптации при смене характеристик «берег – море» определяется тем, что в период подготовки к смене деятельности отмечаются не только перегрузки физиологического плана (подготовка лодки и боевого оружия к учебно-боевому походу), но возникают и психологические трудности. Основными источниками эмоционального напряжения являются, с одной стороны, поиск форм взаимодействия между членами экипажа, так как происходит частичная смена экипажа, примерно на 1/3, а с другой – офицеры весь день находятся на лодке, разрываясь между решением производственных задач и семейно-бытовых проблем. Этот период любой цикличной деятельности характеризуется высокой интенсивностью напряжения, к сожалению, практически не исследован. Перед офицерами в данной ситуации возникает необходимость решения одновременно двух адаптационных задач: одна связана с предстоящим походом, которая предъявляет высокие требования к исполнению профессиональной деятельности, другая – с проблемами отрыва от привычных социальных связей и расставания с семьей

Нами показано, что в условиях подготовки к учебно-боевому походу офицерам-подводникам характерна высокая работоспособность, состояние высокой мобилизации, повышенной ответственности за подготовку экипажа и лодки. Профессиональная деятельность разворачивается на фоне пассивно-фаталистического отношения или неизбежности подчинения происходящим событиям. Так, пассивно-фаталистическое отношение к ситуации у офицеров сопровождается снижением общего субъективного контроля, необходимостью выполнения работы, согласно регламенту, что, в свою очередь, способствует снижению общего уровня тревоги.

Возникновение пассивно-фаталистического отношения к различным производственным и житейским проблемам также было установлено в группе старших офицеров. Формирование в общем паттерне поведения пассивно-фаталистического отношения проявляется в представлениях о возможности развития разнообразных событий «для себя и других» по «худшему» сценарию. Подобное отношение может рассматриваться как психологическая защита от «непредвиденных ситуаций», которое определяется не только пониманием целей и задач деятельности, но и прогнозированием возможных сценариев развития проблемных ситуаций. Пассивно-фаталистическое отношение базируется не только на опыте службы, но и определяется высокой профессиональной ответственностью за результаты принимаемых решений, что служит постоянным источником фрустрации у данной категории офицеров [3].

Можно предполагать, что закон «*ожидания худшего*» частично облегчает адаптацию к многофакторной профессиональной деятельности, при которой адаптация к одним факторам (возникновение непредвиденных ситуаций) позволяет легче и быстрее адаптироваться к другим требованиям, в частности, необходимость сохранять способность принимать решения на фоне общего высокого напряжения, сохранить способность к мобилизации.

5. Закон «*экономизации*» (минимизации) проявляется в том, что вызывает поведенческие реакции, которые направлены на минимизацию возможностей встречи человека с адаптогенным фак-

тором, т.е. обусловливает те формы превентивной адаптации, которые классифицируются как преферендум. Этот закон проявляется и как потеря, т.е. исключение ставших ненужными компонентов той или иной функции или функции в целом. Известно, что в процессе адаптации к условиям антарктической экспедиции происходят личностные перестройки, причины которых проявляются в особенностях динамики межличностных отношений, росте астенизации, усталости, в сознательном ограничении социальных контактов во второй половине зимовки [4; 27]. Нами была поставлена задача исследовать динамику межличностного взаимодействия «как инструмента» социальной адаптации к условиям депривации частичной групповой изоляции. В связи с поставленной задачей была проведена экспертная оценка особенностей включенности в межличностные отношения и социальное взаимодействие каждого участника экспедиции (25 человек). Экспертами выступили начальник станции «Восток», 2 врача экспедиции и руководители групп. Оценка проводилась в конце зимовки, эксперты оценивали по 100-балльной шкале: 1) показатель активности во взаимодействии каждого полярника с другими членами экспедиции и 2) показатель участия полярника в общественной жизни станции. По результатам опроса было получено три группы полярников. В первую – вошли полярники активно участвующие во всех общественных мероприятиях – «активные» (8 человек), во-вторую – которые выполняли какую-либо работу по просьбе начальника, руководителя или товарищей – «рациональные» (8 человек), третью – представили безынициативные полярники, которые вступали во взаимодействие по необходимости. Подобный тип поведения назван нами, как «экономный тип адаптации» (10 человек). Группу с «экономным типом поведения» составили лица с низким уровнем пластичности нейродинамических процессов. Известно, что в процессе адаптации к условиям Антарктиды полярники с низким уровнем пластичности обычно испытывают определенные трудности в адаптации к условиям однообразия социальной среды [24]. Ранее показано, что представители данной группы в конце зимовки предпочитали строить свое поведение по формальным признакам, стремились контролировать собственное поведение, избегали доверительных отношений, характеризовались низкой эмоциональной вовлеченностью и инертностью поведения [2]. Результаты дискриминантного анализа показали корректность разделения на группы, так для группы «активных» она составляла – 75 %, для второй и третьей по 60 %. Дискриминаторами выступили два показателя теста Кеттела – общительность А и эмоциональная чувствительность I, которые могут являться, с большой долей вероятности, критериями описания стратегий адаптивного поведения лиц с разным уровнем пластичности нейродинамических процессов в условиях однообразия социальной среды.

6. Закон «*следа*» или закон «*обратимости адаптации*» заключается в том, что однажды сформированная адаптационная система не исчезает полностью после прекращения действия адаптогенного фактора, а сохраняется в виде своеобразного неактивированного следа, благодаря которому новая встреча человеком с этим фактором позволяет быстро восстановить прежнее, адекватное функциональное состояние.

Исследованиями М.М. Миррахимова, А.А. Айдаралиева установлено, что поведение человека в условиях высокогорья во многом определяется устойчивостью к гипоксии. Анализ индивидуальных стратегий адаптации лиц, разделенных по степени устойчивости физиологических показателей (высокая и низкая устойчивость) [16] к условиям кратковременного пребывания в условиях высокогорной гипоксии (3200 м). Установлено, что в первые дни адаптации к условиям высокогорья, наибольшие перестройки отмечаются в индивидуальных стратегиях адаптации у лиц с низким уровнем устойчивости к гипоксии. Личностная адаптация у этой группы людей преимущественно разворачивалась в сфере межличностных отношений – за счет усиления конформного поведения, личностной направленности на коллективные формы адаптации. Подобные типы адаптивного поведение формируются, согласно В.И. Медведеву, как средство минимизации психофизиологической цены адаптации [14], в первые дни пребывания человека в экстремальных условиях внешней среды.

Анализ роли «факторов влияния» на выбор стратегий адаптации к экстремальным условиям природной среды позволило нам выделить три ее источника: 1) время исследования (до подъема в горы; в 1–3 дни и 30-й день пребывании в высокогорье); 2) индивидуальный индекс гипоксической устойчивости (высокая, низкая устойчивость); 3) субъективная оценка состояния на каждом этапе исследования. Результаты трехфакторного дисперсионного анализа показали, что выделенные источники оказывают значимое влияние на динамику такого личностного фактора, как «зависимое социальное поведение» (ф. “L”, методика Кеттела), при $F = 4{,}1$; $P = -{,}01$; $n = 18$ человек, сумма влияния факторов 39 %. Полученные результаты позволяют заключить, что лица с низкой гипоксической устойчивостью в начальный период адаптации, когда основные перестройки адаптационных механизмов направлены на поддержание физиологических ресурсов организма, предпочитают пассивные формы личностной адаптации, преимущественно в форме

принятия групповых правил. К 30-му дню пребывания в высокогорье не обнаружены значимые различия между группами с разными уровнями гипоксической устойчивости и при сравнении личностных профилей «фон и 30-й день адаптации» в каждой из исследуемых групп. Полученные факты объясняются тем, что к этому моменту у лиц с низкой устойчивостью к гипоксии достигается состояние физиологической адаптации [16]. Прекращение действия или снятие адаптогенного фактора к 30-му дню пребывания в условиях высокогорья свидетельствует о возвращении данной группы к исходным стратегиям поведения, что подтверждает Закон «*обратимости адаптации*».

7. Закон «*концептуальной модели*» заключается в том, что адаптация формируется не по принципу адекватности реальному адаптагенному фактору, а исходит из концептуальной модели этого фактора, сформированной в сознании человека.

Под концептуальной моделью понимается представление личности об окружающем ее мире, отношение ее к этому миру и составляющим его элементам, процессам и связям, в том числе и к самому себе как элементу этого мира. Концептуальная модель как проект бытия личности определяет вид и форму деятельности и используемые человеком стратегии. При построении концептуальной модели человек привлекает множество разнообразных факторов, которые могут быть структурированы следующим образом: на первое место большинство исследователей ставят фактор опыта человека, далее цели и задачи, решаемые в процессе деятельности. Следующим шагом в построении концептуальной модели является выбор плана действия и способность вырабатывать разноуровневые стратегии поведения. Поскольку личность может формировать не одну, а несколько концептуальных моделей, при этом вершиной иерархии любой концептуальной модели являются образ «Я», как отражение самосознания – самореализации, самоактуализации, и модели смысла жизни, формирующие согласованную модель жизненного пути человека.

Образ «Я» в психологии и философии рассматривается как устойчивая функциональная система сознания, процессуальность которой тесно связана с проектированием жизненной перспективы [1]. Достижение целей проекта предусматривает поиск и выработку адекватной стратегии адаптации, которая, с одной стороны, является пространственно-временным образованием, имеющим идеальное целеполагание, а с другой – она включает внутренние ресурсы человека. Оптимальность выбранной стратегии тестируется субъектом по промежуточным результатам на основе механизма обратной связи [15; 18]. На выбор оптимальной стратегии существенное влияние оказывает склонность человека к «рефлексивности», позволяющей прогнозировать развитие адаптивного события и строить различные алгоритмы решения. Соответственно в процессе выбора стратегии поведения субъект адаптации может интериоризировать уже существующие в человеческом опыте стратегии, использовать, в частности социально-нормативные стратегии, как наиболее «экономичные» и «безопасные», модифицировать известные ему стратегии, создавать уникальную стратегию с учетом собственных психофизиологических и личностных особенностей, проявляющуюся как индивидуальный стиль поведения.

В зависимости от формы взаимодействия внешних и внутренних средств деятельности индивидуальные стратегии адаптации могут быть оптимальными, субоптимальными и неоптимальными. Критерием оптимальности индивидуальной стратегии адаптивного поведения является та, которая приводит к минимизации цены за адаптацию [13].

Таким образом, представленный материал наглядно показывает, что законы адаптации не являются противоречивыми, они действуют на разные, иногда противоположные по направленности адаптационные процессы, присущие разным уровням организации человека. Это согласуется с пониманием адаптации как сложной, динамической системы, каждый элемент которой может стать «системообразующим основанием» развития новой системы, самоорганизация которой осуществляется установлением новых отношений [2]. Рассматриваемые законы адаптации убеждают нас, что в основе формирования адаптационного ответа всегда лежат процессы саморегуляции.

Основополагающая роль любой деятельности, в том числе и трудовой, в формировании сплава генетически обусловленных внутренних условий и внешних требований в развитии новых форм поведения, которые отсутствуют в человеческом коде. Именно эти особенности обусловливают и то, что при адаптации человека в этот процесс вовлекаются социальные механизмы, имеющие индивидуальный или общественный характер. С этих позиций личность рассматривается нами как открытая система с обратной связью, причем эта связь может быть как положительной, так и отрицательной, обеспечивающая примат развития функционально-структурной организации психического образа [7].

Сформулированные законы адаптации убедительно показывают, что в профессиональной деятельности, в организации адаптивного ответа системообразующим фактором выступает личность, объединяющая как внутренние, так и организационные ресурсы разного уровня для преодоления сложных, проблемных ситуаций с целью формирования целесообразного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова, К.А.* Сознание как жизненная способность личности / К.А. Абульханова // Психологический журнал. –2009. –Т. 30. – № 1. – С. 32–41.

2. *Алдашева, А.А.* Стратегия психической адаптации в условиях Антарктиды / А.А. Алдашева // Физиология человека. – 1984. – Т. 10. – № 1. – С. 16–23.

3. *Алдашева, А.А.* Особенности личностной адаптации специалистов ВМФ к условиям деятельности: дис. … д-ра психол. наук / А.А. Алдашева. – М., 1995.

4. *Бизюк, А.П.* Социально-психологические исследования на станции Восток в 19-й САЭ / А.П. Бизюк // Адаптация человека в особых условиях обитания: Труды ААНИИ. – Л.: Гидрометеоиздат, 1978. – Т. 356. – С. 98–109.

5. *Бодров, В.А.* Психологический стресс: развитие и современное состояние проблемы / В.А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.

6. *Бодров В.А.* Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы / В.А. Бодров. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – 560 с.

7. *Веккер, Л.М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов / Л.М. Веккер. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.

8. *Войтенко, А.М.* Экологические аспекты психофизиолошической адаптации в условиях океанического плавания / А.М. Войтенко // Психологические аспекты адаптации человека в условиях океана: тезисы республиканской конференции (18–19 июня 1981 г.). – Владивосток, 1981. – С. 12–14.

9. *Воробьева, К.И.* Ассертивность в структуре личности субъекта адаптации / К.И. Воробьева, В.А. Шамиева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4 (24). – С. 142–149.

10. Введение в эргономику / Г.М. Зараковский [и др.]. – М.: Советское радио, 1974. – 228 с.

11. *Дикая, Л.Г.* Психологическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностных подход) / Л.Г. Дикая. – М.: Ин-т психологии РАН, 2003. – 318 с.

12. *Дмитриева, М.А.* Психология труда и инженерная психология / М.А. Дмитриева, А.А. Крылов, А.И. Нафтульев. – Л.: ЛГУ, 1979. – 220 с.

13. *Медведев, В.И.* Психологические реакции человека в экстремальных условиях / В.И. Медведев // Экологическая физиология. Адаптация человека к экстремальным условиям среда. – М.: Наука, 1979. – С. 625–672.

14. *Медведев, В.И.* Адаптация человека / В.И. Медведев. – СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003. – 594 с.

15. *Миллер, Д.* Планы и структура поведения / Д. Миллер, Ю. Галлантер, К. Прибрам. – М.: Прогресс, 1965. – 238 с.

16. *Миррахимов, М.М.* Прогнозирование работоспособности человека в условиях высокогорья / М.М. Миррахимов, А.А. Айдаралиев. – М.: Медицина, 1979. – 14 с.

17. *Нейжманова, Н.А.* Индивидуально-типологические особенности функционирования симпатотико-адреналовой системы, как прогностический признак функционального состояния организма в сложных условиях среды / Н.А. Нейжманова, Л.М. Шафран // Физиология человека. – 1985. – Т. 11. – № 6. – С. 903–910.

18. *Пиаже, Ж.* Избранные психологические труда / Ж. Пиаже. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.

19. *Положенцев, С.Д.* Динамика липидного обмена в процессе адаптации к длительным психоэмоциональным физическим нагрузкам / С.Д. Положенцев, Д.А. Руднев // Физиология человека. – 1987. – Т. 13. – № 4. – С. 615–620.

20. *Посохова, С.Т.* Психология адаптирующейся личности / С.Т. Посохова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 240 с.

21. *Реан, А.Л.* Психология адаптации личности: Анализ. Теория. Практика / А.Л. Реан, Л.Р. Кудашев, А.Л. Баранов. – СПб.: Медицинская пресса, 2002. – 479 с.

22. *Селезнев, В.Н.* Мотивы деятельности военных моряков в автономном плавании и пути влияния на них в целях обеспечения высокой боевой готовности корабля: дис. … канд. психол. наук / В.Н. Селезнев. – М., 1989. – 264 с.

23. *Симонова, Н.Н.* Психологический анализ профессиональной деятельности специалистов нефтеперерабатывающего комплекса (на примере вахтенного труда в условиях Крайнего Севера): автореф. дис. … д-ра психол. наук / Н.Н. Симонова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – 43 с.

24. *Сороко, С.И.* Нейрофизиологические механизмы индивидуальной адаптации человека в Антарктиде / С.И. Сороко. – Л.: Наука, 1984. – 217 с.

25. *Сороко, С.И.* Выбор индивидуальной стратегии адаптации к экстремальным условиям среды / С.И. Сороко, А.А. Алдашева // Физиология человека. – 2012. – Т. 38. – № 6. – С. 78–86.

26. *Широкова, И.К.* Межличностное взаимодействие в изолированной группе (на примере экипажей транспортных судов морского флота): дис. … канд. психол. наук / И.К. Широкова. – Л.: ЛГУ, 1982. – 205 с.

27. *Хрящева, Н.Ю.* Малые группы в условиях относительной социальной изоляции (на примере антарктических станций): дис. … канд. психол. наук / Н.Ю. Хрящева. – Л.: ЛГУ, 1974 – 201с.

28. *Aldwin, C.M.* Stress, coping and development / C.M. Aldwin. – New York; London: The Guilford Press, 1994.

29. *Kobaza, S.C.* Personality and Resistance to illness / S.C. Kobaza // American Journal of Community and Social Psychology. – 1979. – Vol. 7. – P. 413–423.

30. *Million, T.* On the nature of clinical health psychology / T. Million // Handbook of clinical health psychology / Ed. by Semillon, C. Green, R. Meagher. – New York: Plenum, 1982. – P. 1–28.

АДАПТАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

М.С. Яницкий

А.Г. Портнова

А.М. Богомолов

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета, заведующий кафедрой социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета.

Контактный адрес: dekanspf@kemsu.ru

Портнова Алла Георгиевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета.

Контактный адрес: portall@kemtel.ru

Богомолов Александр Михайлович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета.

Контактный адрес: meabam@inbox.ru

В статье представлено направление научного поиска психологов-исследователей Кемеровского государственного университета в контексте современного состояния методологии психологических исследований развития личности.

Авторами осуществлена попытка реализовать адаптационный подход к описанию детерминант личностного развития на постнеклассическом этапе развития психологической науки. Использование адаптационной парадигмы в прогнозировании развития личности предоставляет исследователю широкий спектр многообразных прогностических критериев, комплексных показателей развития, таких как потенциалы и ресурсы личности, системное строение субъекта адаптации, структурообразование, адаптационная и личностная зрелость, ценностно-смысловая регуляция поведения, множественность адаптационных эффектов, многомерность индивидуальных факторов адаптации.

Ключевые слова: методология психологии, постнеклассическая психология, адаптационная парадигма, ресурсы, адаптационный потенциал, развитие, личность, ценностно-смысловая сфера, личностная зрелость, прогноз развития личности.

Современное состояние методологии научной психологии рассматривается рядом исследователей как новый, качественно своеобразный этап развития, получивший название постнеклассического периода и характеризующийся значительной трансформацией принципов и подходов к изучению психических феноменов (М.С. Гусельцева, Д.А. Леонтьев, М.С. Яницкий и др.) [5; 8; 22].

Эволюция отечественной психологии имеет как внутренние предпосылки, связанные с совершенствованием методологии, накоплением фактических данных, развитием методического аппарата, так и с внешними, объективными факторами, включающими радикальные изменения российского общества, появление новых, уникальных практических задач, взрывное развитие информационных технологий, ориентацию на освоение и интеграцию достижений зарубежной психологии и т.д.

На наш взгляд, описание качественного своеобразия сегодняшнего состояния психологической науки еще далеко от своего завершения, некоторые из дифференциальных критериев современного этапа развития отечественной психологии продолжают сохранять свой дискуссионный характер, однако, значительные шаги в описании современного ее состояния уже сделаны.

В отличие от классической и неклассической психологии, методологически ориентированных на естествознание, постнеклассическая психология, по словам М.С. Гусельцевой, ищет себя в методологическом контексте гуманитарных наук и представляет собой такое состояние знания, в котором различные научные теории (понимаемые как модели, описывающие отдельные аспекты психической реальности) составляют взаимосогласованную сеть. Постнеклассическая рациональность допускает выбор философии и соответственно методологии, в

зависимости от задач исследования, предполагает открытость знания новому опыту, толерантность, развивает идеи о социальном конструировании реальности и особой креативности субъективного опыта. Данной стадии развития психологической науки свойственны критическое самоосмысление, междисциплинарный дискурс, сетевой принцип организации знания и герменевтическая ориентация исследований, причем объектом исследования являются уникальные саморазвивающиеся системы.

Представление о развитии в неклассической рациональности связано с эволюционными идеями и поиском универсальных законов, тогда как, по утверждению М.С. Гусельцевой, в постнеклассической рациональности развитие мыслится в категориях «взрыва», «бифуркации» и «сензитивных периодов», когда особое внимание уделяется расшифровке внутренней логики развития, отражением которой выступают сюжеты самостроительства в культуре, феноменологические зарисовки судьбы и призвания человека [5].

Уникальность постнеклассической психологии состоит в том, что предметом ее исследования становятся такие психологические феномены, как «*нарратив*», «*жизненный путь*», «*жизнеосуществление*», наконец, просто «*жизнь*» и др. [19]. Рассмотрение этих феноменов определяет потребность в интегративном и одновременно операционализируемом понятии, которое способно выступить в качестве конкретного предмета практической психологии. Многими современными авторами в качестве такого понятия предлагаются «ценностно-смысловые образования», «личностный смысл», «смысл жизни». По мнению Д.А. Леонтьева, «…понятие смысла оказывается "своим" и для житейской и для научной психологии; и для академической и для прикладной; и для глубинной и для вершинной; и для механистической и для гуманистической. Более того, оно соотносимо и с объективной, и с субъективной, и с интерсубъективной (групповой, коммуникативной) реальностью, а также находится на пересечении деятельности, сознания и личности, связывая между собой все три фундаментальные психологические категории. Тем самым понятие смысла может претендовать на новый, более высокий методологический статус, на роль центрального понятия в новой, неклассической или постмодернистской психологии, психологии "изменяющейся личности в изменяющемся мире"» [8: с. 4]. В этой связи фокусировку внимания на ценностях и смыслах можно рассматривать как «*магистральное направление*» постнеклассической психологии [22].

В то же время ключевым понятием, позволяющим обеспечить преемственность развития психологической науки, ее отдельных этапов и частных парадигм может выступить и категория ресурсов личности, которые находят свое выражение в различных комплексных показателях (жизнестойкость, стрессоустойчивость, психологическое здоровье, зрелость, адаптационный потенциал) и проявляются в различных видах деятельности и классах жизненных ситуаций.

Понятие ресурсов не может рассматриваться вне конкретной деятельности, в реализацию которой они включаются, иными словами именно требования, структура и механизмы осуществления деятельности превращают то или иное психическое свойство в ресурс. Формы интеграции ресурсов и системообразования психологических функциональных систем отличаются высокой степенью разнородности. Многообразие ресурсов объединяют такие черты, как индивидуальность, системность, пластичность и динамичность, субъектность, включенность как в повседневную жизнь субъекта, так и в образ его потребного будущего.

В качестве основы для классификации ресурсов могут быть использованы:

– модальность ресурсов (данный подход получил наибольшее распространение в отечественных исследованиях, что отражает тесные связи психологии с естественнонаучной традицией);

– особенности архитектоники, внутренней структуры ресурсных свойств;

– энергетические возможности, скорость восстановления ресурсов, их мощность и др.

Важнейшим контекстом проявления и формирования ресурсов личности и регуляционно-приспособительных свойств психики в целом является адаптация к изменяющимся факторам окружающей среды, выступающая одним из источников формирования психологических эффектов и следов, условием для проявления и реализации новых качеств и их последующего закрепления.

Под адаптационным процессом принято понимать последовательное и закономерное разворачивание психологических реакций и механизмов, ориентированных на поддержание жизнедеятельности и развития личности в изменяющихся условиях среды [10; 16]. Взгляды на содержание, механизмы и задачи адаптационного процесса различаются у представителей различных психологических подходов. В качестве адаптационных эффектов могут выступать уровневые или структурные отклики функциональной системы адаптации и личности в целом обусловленные решением адаптационной задачи и реализацией адаптационных механизмов. Специфичные механизмы адаптации, изменчивость которых выражает динамику адаптационного процесса, представляют собой форму интеграции и реализации имеющегося адаптационного потенциала и его отдельных составляющих в определенных внутренних и внешних условиях. Под адапта-

ционным механизмом мы понимаем конкретную совокупность психических актов, приемов и средств, реализуемых для обеспечения решения отдельных составляющих адаптационной задачи, поддержания необходимых условий жизнедеятельности, достижения значимых целей, внутренних условий целесообразной активности и др.

В регуляцию адаптационного процесса, имеющего системный характер, в качестве активных звеньев включен широкий диапазон разноуровневых переменных, которые связаны сложными отношениями между собой и регулируемыми функциями. В перечень внутренних регуляторов протекания психологической адаптации принято включать характеристики самосознания личности, образования ценностно-смысловой сферы [20], личностные свойства, интеллектуальные особенности, волевые качества [1; 16] и др. В качестве индивидуально-психологических факторов, формирующих уникальные внутренние условия протекания адаптации, выступает чрезвычайно широкий круг психологических переменных, связанных с содержанием решаемой адаптационной задачи и актуальными адаптационными возможностями личности [14].

В социально-психологические адаптационные процессы включена личность как высшее регуляторное и приспособительное звено. В адаптационных процессах мы наблюдаем интеграционные, координационные, регуляционные функции личности и степень ее зрелости. При всем многообразии типов адаптационных реакций, множестве личностных механизмов и эффектов адаптации, векторов личностных преобразований неизменной остается центральная роль личности, ее субъектных характеристик и самосознания в обусловливании, разворачивании, поддержании адаптационного ответа и формировании социально-психологических адаптационных следов различного рода и уровня выраженности.

Однако сегодня адаптация нередко противопоставляется процессу личностного развития, ей приписывают пассивный характер, невыраженную субъектность, вынужденность, зависимость от средовых условий и т.д. Понимание адаптации как феномена обратного личностному росту и развитию, восходящее к противопоставлению «глубинной» и «вершинной психологи», ярко представлено, в частности в работе К. Домбровски, утверждающего, что «…способность всегда приспосабливаться к новым условиям и на любом уровне свидетельствует о моральной и эмоциональной неразвитости. За этой способностью скрывается отсутствие иерархии ценностей и такая жизненная позиция, которая не содержит в себе элементов, необходимых для положительного развития личности и творчества» [1: с. 8].

Соответственно в постнеклассической психологии, акцентирующей внимание на смысложизненной, экзистенциальной проблематике, на самореализации и самоосуществлении, понятие адаптации нередко отходит на второй план, по сути – выводится из методологического обоснования исследований развития личности. Более того, в качестве достоинства своего исследования некоторыми авторами указывается, что оно выполнено «в рамках психологического гетеростаза, т.е. системе представлений о человеке как существе неадаптивном (сверхадаптивном, нормотворческом, трансцендентальном)» [4: с. 13].

Мы полагаем, что подобная позиция отличается излишней радикальностью, поскольку психологическая адаптация, реализующаяся в процессе жизнедеятельности каждого человека, является базовым фоновым процессом, определяющим условия социального взаимодействия личности и ее развития. Очевидно, что понятие адаптации включает и активную, развивающую сторону, поскольку она традиционно подразумевает и приспособление и приспосабливание, и ассимиляцию и аккомодацию. Такое более широкое и одновременно более точное понимание адаптации, дифференцирующее ее активные и пассивные формы/стратегии, приближает активную адаптацию к процессу развития субъекта в процессе жизненного пути.

Кроме того, адаптацию принято рассматривать в качестве необходимого условия ценностного развития [21]. С другой стороны, в последующем система ценностных ориентаций личности выступает психологическим механизмом регуляции жизнедеятельности человека [19]. Таким образом, адаптационные характеристики имеют тесную и двустороннюю взаимосвязь с особенностями ценностно-смысловой сферы, рассматривавшейся, как мы это отметили ранее, в качестве одного из основных предметов постнеклассической психологии.

Поэтому в данном контексте мы склонны разделять устоявшийся интеграционный подход к развитию личности. Очевидно, что личностное развитие может быть представлено в виде нескольких взаимосвязанных и параллельных процессов, в частности, процессов адаптации и самоактуализации [17]. По мнению авторов, феномен адаптации тесно связан с развитием личности, демонстрируя общность ряда динамических, структурных и содержательных характеристик, одновременно обладая некоторым диапазоном уникальных свойств, рассмотрение которых представлено в работах Э. Эриксона, В.И. Медведева, А.А. Реана, Н.Л. Коноваловой [6; 10; 16] и других авторов. Родство данных феноменов отражается также в близости систем их эмпирических показателей.

Оценка адаптационного статуса и адаптационного потенциала личности может выступать, с одной стороны, как составляющая сложного, комплексного прогноза развития, а с другой – как основа формулирования данного прогноза. В целом можно выделить несколько подходов к прогнозированию развития личности, используя адаптационную парадигму как методологическую основу: анализ функциональных, структурных и динамических свойств психической адаптации, нормативный подход и ряд других. Данные подходы предполагают рассмотрение отдельных аспектов психической адаптации и вероятностную оценку процесса развития исходя из полученных данных. В реальной психологической практике целесообразно использовать названные подходы в комплексе, оценивая различные характеристики адаптационного процесса и используя их для предвосхищения возможных нарушений развития.

Требование комплексного использования различных прогностических критериев обусловлено сложным системным характером процессов адаптации и развития личности. Структура функциональной системы психической адаптации представляет собой сложное разноуровневое образование, на разных уровнях которой регулирование осуществляется посредством специфичных механизмов. Динамика адаптационного процесса имеет нелинейный характер и включает изменчивость индивидуально-психологических показателей различных уровней организации личности (индивидного, субъектно-деятельностного, личностного). Адаптационная активность личности может ориентироваться на преобразование адаптогенных факторов, изменение собственных свойств и качеств или принимать различные формы ухода из неравновесной ситуации. Различные типы и стратегии социально-психологической адаптации имеют специфические отставленные последствия для развития субъекта адаптации как в микро-, так и в макрохронологической перспективе. Квалификация адаптационного процесса как более или менее эффективного предполагает оценку ряда дополнительных критериев, включающих как элементарные (уровень тревожности, фрустрационная напряженность и т.д.), так и интегральные личностные характеристики (особенности ценностно-смысловой сферы).

Степень активности личности и направление (вектор) этой активности, осознанность адаптационных реакций рассматриваются в качестве оснований для выделения качественно своеобразных типов адаптации. Показатели и критерии эффективности психологической адаптации разделяются на объективные и субъективные, включают возможность выполнения основных задач деятельности субъекта адаптации, эмоциональное самочувствие, психофизиологическую «стоимость» адаптационных реакций и др. [2].

Прогностическим критерием выступает содержание субъективно-значимых адаптационных задач, отражающих ценностный профиль личности, с одной стороны, и, с другой – созвучны основным задачам развития. Вектор адаптационных усилий, направленность их на достижение внешних адаптационных задач или гармонизацию внутреннего адаптационного статуса, характеризует систему ценностно-смысловых ориентаций личности. Диагностическая оценка и анализ динамики параметров адаптации (темп, продолжительность, интенсивность, наличные механизмы и др.) позволяет делать заключения о гибкости или жесткости структуры личности, направлении личностного развития, характере саморазвития субъекта адаптации и т.д. [2].

Реальный адаптационный процесс включает одновременное и разнонаправленное воздействие целого ряда влияний, включающего в себя комплекс как субъективных, так и объективных факторов. Характеристики и закономерности любого адаптационного процесса определяются как самими особенностями деятельности и социальной среды, к которым происходит приспособление, так и действием различных внутренних и внешних факторов [20]. К внутренним факторам относятся половозрастные характеристики субъекта адаптации, эмоциональная устойчивость, настойчивость, напряженность мотивации и др., к внешним – содержание и условия осуществления деятельности, характер образовательно-воспитательной среды, интенсивность и динамика воздействующих факторов и т.д. Индивидные и личностные характеристики субъекта адаптации образуют разнородные и разноуровневые связи, оказывающие влияние на протекание адаптации. Действующие факторы, которые могут быть общими или различными для каждого отдельного человека, составляют в совокупности фон, на котором реализуется процесс адаптации [14].

Типы психологической адаптации (например, алло- или интрапсихическая) и особенности организации адаптационного ответа обусловлены индивидуальными характеристиками субъекта адаптации. Развитие адаптационного процесса по этапам обеспечивается последовательной сменой индивидуально обусловленных механизмов адаптации. Чувствительным маркером эффективности психологической адаптации личности выступает напряженность и широта индивидуального репертуара механизмов неосознаваемой адаптации, или психологической защиты.

Психологическая защита является неотъемлемой частью адаптационных реакций, включающих осознаваемые и неосознаваемые компоненты, различающиеся особенностями динамики и закономерностями протекания. Прогностическое значение имеет соотношение механизмов психологической

защиты и стратегий совладающего поведения в структуре адаптационных реакций личности. Мера их интеграции, склонность к совместному проявлению или автономности может рассматриваться как характеристика зрелости адаптационных реакций личности. Изменение структуры психологического адаптационного ответа, соотношения его сознательных и бессознательных составляющих обусловливают различные отсроченные последствия для личности. Включение в адаптационные реакции интенсивной психологической защиты или доминирование стратегий совладающего поведения формируют качественно различные внутренние условия развития адаптационного процесса. Кроме того, в отличие от совладающего поведения, характеристики психологической защиты являются непосредственными маркерами состояния адаптационных ресурсов, свойств и функций личности [14].

Механизмы психологической адаптации претерпевают в период адаптационного цикла качественные и количественные преобразования. Динамика напряженности, привлечение более «мощных» механизмов или, наоборот, откат к различным формам ухода, предпочтение осознаваемых или неосознаваемых механизмов адаптации характеризуют адаптационный статус личности и ресурсы ее развития. Оценка скоростных и темповых характеристик основных этапов адаптационного цикла (ориентировка и мобилизация, первоначальный ответ, период активной адаптации, восстановление и др.) позволяет получить представление о реактивности личности, ее адаптационном потенциале и прогнозировать возможное поведение личности в условиях воздействия факторов, потенциально способных вызвать нарушение процесса развития. В этом смысле мы можем говорить о большей или меньшей устойчивости личности, а также о широте диапазона воздействующих факторов, которые способен выдержать субъект без проявления признаков нарушения процессов созревания и развития [2; 14].

Адаптационный потенциал структурных и иерархических изменений системы психологической защиты личности, ее внутренних и внешних связей можно рассматривать в качестве механизма ее самоорганизации, в результате действия которого формируется некоторое новое функциональное свойство, повышающее адаптивность личности и позволяющее ей адекватно и целесообразно регулировать собственную активность.

Адаптация, протекающая на различных уровнях психической организации, выступает важнейшим контекстом формирования и развития личности. Эффекты развития, обусловленные включением субъекта в адаптогенные ситуации, могут иметь как благоприятные последствия для дальнейшего жизненного пути, превращаясь в ресурсы личности, так и ограничивать, искажать процесс развития и самореализации, выступая в форме разнообразных негативных психологических образований устойчивых в большей или меньшей степени.

Как отмечает Л.И. Божович, психические особенности и качества возникают путем приспособления личности к требованиям окружающей среды, но, возникнув, таким образом, они затем приобретают самостоятельное значение, и в порядке обратного влияния начинают определять последующее развитие субъекта [3: с. 438–439]. По мере формирования сознательной регуляции поведения осознанные цели все в большей мере начинают контролировать и направлять аккомодационную и ассимиляционную активность субъекта [12]. Уровневая и структурная динамика индивидуально-психологических свойств личности, перестройка структурно-уровневой организации личности в процессе адаптации экспериментально доказаны в целом ряде исследований (Н.Г. Колызаева, А.Г. Портнова, Т.И. Ронгинская, Т.В. Середа, А.В. Сиомичев и др.). В данных работах показано, что смена специфики основных адаптационных задач на различных этапах адаптационного процесса опосредуется уровневыми и структурными изменениями эмоциональных и коммуникативных личностных характеристик. Личностные особенности влияют на адаптацию субъекта и сами изменяются в зависимости от закономерностей развития адаптационного процесса. В процессе адаптации перестраиваются и интегрируются как внутри, так и межуровневые взаимосвязи психических свойств и адаптация личности выступает как преобразование ее структуры, целостное и взаимосвязанное изменение ее характеристик [14].

В рамках адаптационного ответа личности наиболее ярко проявляется «зона ближайшего развития» ее волевых качеств, способности к самоорганизации, коммуникативные свойства и другие важнейшие характеристики личности. Психическая адаптация выступает диагностической основой для оценки отдельных параметров развития, осуществляемой, например, путем лабораторных проб, включающих моделирование адаптационных задач. В то же время многообразные процессы адаптации являются факторами и контекстом развития личности. Именно в этих процессах формируются, отрабатываются и закрепляются многочисленные психические новообразования индивида, субъекта деятельности и личности и получают свое выражение в индивидуальности человека.

В ряде работ утверждается влияние на процесс адаптации личности не столько отдельных характеристик, сколько структуры личности в целом. Мы согласны с С.Т. Посоховой, отмечающей, что своевременность и вектор реализации латентных адап-

тационных способностей, заложенных в потенциале, зависят от активности личности [15]. По данным отечественных исследователей, целеустремленность, осознанная адаптационная цель, напряженность мотивации достижения, высокая поисковая активность являются основными личностными предикторами успешной адаптации (В.В. Аршавский, Ф.Б. Березин, А.А. Налчаджян, А.А. Реан, В.С. Ротенберг и др.). Данные качества превращают адаптацию в фактор личностного роста и развития, формирования прогрессивных адаптационных эффектов и новообразований.

Продуктивность, обусловливание структурных «следов», эффектов и новообразований является одним из ключевых свойств психологической адаптации личности. Характер формирующихся «следов» связан с эффективностью адаптационного процесса. В случае пролонгированных дезадаптивных состояний приобретенные новообразования могут принимать форму личностных черт, неблагоприятно влияющих на процесс развития, сдерживающих его динамику (тревожность, социальная пассивность и др.). При наличии положительного опыта, успешного разрешения адаптационных задач, формирующиеся качества (уверенность в себе, исследовательская активность и т.д.) благоприятно сказываются на дальнейшем развитии личности. Оценка формирующихся адаптационных «следов», их интра- и интериндивидуальный сравнительный анализ позволяют предвосхищать формирование негативных эффектов, сдерживающих процесс развития, прогнозировать вектор развития личности.

В качестве основы для осуществления прогноза развития также могут приниматься наличие основных признаков дезадаптивных состояний и степень их выраженности. Стоит отметить, что развитие последних не всегда может однозначно приниматься за фактор нарушения развития личности. В ряде случаев отмечалось, что в некоторых современных работах нарушения адаптации могут выступать и в качестве стимула для развития личности, формирования новых свойств и качеств, преобразования системы отношений, адекватных изменившемуся соотношению в системе личность–среда. Задачи адаптации к трудной жизненной ситуации в некоторых случаях возможно рассматривать как актуальные задачи развития для более или менее долговременной перспективы онтогенеза. Строго говоря, остается открытым вопрос об успешном прогнозировании реакции на то или иное жизненное событие с точки зрения его перспективности для развития личности. Более того, целостный характер психического развития человека обусловливает гетерогенность, гетерохронность, возможно, противоречивость изменений и, как следствие, неоднозначность прогноза формирующихся психологических новообразований, их пролонгированность и неоднозначные причинно-следственные отношения с характером исходных стимулов [14].

В ряде работ разделяются понятия неадаптированности как временного несоответствия между целями и результатами адаптационного процесса, рассогласования намерений с целями деятельности и ее итогами и дезадаптированности, как более устойчивого состояния, сопровождающегося длительными внутренними и внешними конфликтами без нахождения психических механизмов и форм поведения, необходимых для их разрешения [9; 14; 16]. Соответственно оценку нарушений адаптационного процесса целесообразно производить как в контексте данного адаптационного процесса, так и в более широком контексте формирования личности и развития ее адаптационных способностей.

Патогенез дезадаптивных нарушений сопровождается негативной динамикой свойств психологической защиты, выражаемой в приобретении ею устойчивости, ригидности, снижении структурно-функциональной сложности, снижении числа и ужесточении внутренних и внешних связей, возрастании напряженности функционирования, которые рассматриваются в современных исследованиях как дифференциальные критерии и диагностические маркеры адекватности бессознательной адаптационной активности [1; 14; 18].

Нарушение структурных, функциональных или динамических свойств системы психологической защиты личности и их соотношение определяют характер включения психологической защиты в патогенез дезадаптивных состояний и в значительной степени психологические проявления формирующихся расстройств адаптации. Разграничение неосознаваемых адаптивных психических процессов, предотвращающих срыв нормальной адаптации, и патологических форм бессознательной психической регуляции предполагает комплексную оценку наблюдаемых симптомов [14].

Прогностические критерии могут включать как объективные, так и субъективные адаптационные характеристики. Субъективная оценка удовлетворенности своими успехами, достижениями с большей долей чувствительности должна отразить не реализованный и не всегда доступный объективным измерениям внутриличностный потенциал или его отсутствие, независимо от способа адаптации [11; 14].

По мнению авторов, оценка адаптационных факторов и механизмов, динамики адаптационного ответа предоставляют основания для осуществления прогноза в кратко- и среднесрочной перспективе развития личности. При этом отметим, что прогностические возможности параметров адаптации имеют ограниченное значение в период нормативных возрастных кризисов. Возрастные кризисы развития

сопровождаются преимущественным использованием онтогенетически более ранних адаптационных механизмов, возрастание интенсивности эксплуатации которых может сопровождаться высокими адаптационными затратами. Обнаруживается зависимость: чем более эффективными оказывались адаптационные механизмы на предыдущих этапах онтогенеза, тем более сложным оказывается процесс включения новых механизмов, адекватных изменившимся социальным отношениям и психологическим особенностям (Л.В. Лебединский, О.С. Никольская и др.) [7]. Сформированные формы и механизмы адаптации, адекватные задачам предшествующих этапов онтогенеза, нередко неспособны обеспечить эффективное снижение рассогласования в системе личность-среда в условиях интенсивного преобразования социальной ситуации развития.

Широкое использование индивидуальных параметров психической адаптации в качестве основы прогнозирования развития обусловлено следующим фактом. Индивидуально-психологические особенности формирующейся и развивающейся личности, являющиеся результатами предшествующего развития и факторами дальнейшего его хода, выступают как внутренние факторы любого адаптационного процесса. При этом оценить совокупность внутренних факторов (их гармоничность, зрелость и т.д.) позволяет анализ эффективности адаптационных процессов, т.е. реальных наблюдаемых видов деятельности и отношений личности.

В завершение отметим, что уникальность современного этапа развития психологической науки, в общих чертах, заключается в стремлении перенести фокус исследовательской активности в сферу индивидуальности, анализа закономерностей системогенеза личности, постижения противоречивых движущих сил развития и сложнейших процессов построения жизненного пути. Соответственно в контексте эволюции отечественных подходов к исследованию личности и ее развития, ценность адаптационного подхода заключается в том, что он позволяет представить личностные феномены как результаты констелляции объективного и субъективного, приблизить теоретические концепции к реальной жизни, будням реального человека, осуществляющего свой неповторимый жизненный путь.

Наблюдение процессов адаптации позволяет оценить степень активности процессов системообразования, формирования внутри- и межфункциональных корреляционных связей между разноуровневыми характеристиками, обусловленных адаптационной активностью личности, которые имеют также ключевое значение и в процессе развития личности. Экстраполяция наблюдаемых в процессе адаптации особенностей формирования новых функциональных систем (их пластичность, стабильность, скорость, включение различных уровней психической организации и др.) на процесс развития, позволяет прогнозировать особенности образования эффектов развития у отдельной личности. В спектре комплексных показателей ресурсов развития и адаптации выделяются такие категории, имеющие высокую диагностическую и прогностическую ценность, как психологическое здоровье, личностная зрелость и адаптационный потенциал личности [2; 9; 13; 15].

Ядро адаптационной концепции на современном этапе психологии, по нашему убеждению, составляют такие категории и феномены, как потенциалы и ресурсы личности, системное строение субъекта адаптации, структурообразование, адаптационная и личностная зрелость, ценностно-смысловая регуляция поведения, множественность адаптационных эффектов, многомерность других индивидуальных факторов адаптации.

Проведенный обзор актуальных положений адаптационной парадигмы, краткий анализ ее ключевых категорий и возможных способов использования количественных и качественных параметров отдельных адаптационных феноменов в прогнозе эффектов развития личности, на наш взгляд, демонстрирует перспективы и высокий потенциал адаптационного подхода в решении современных теоретических проблем психологической науки и плодотворность в повышении надежности и эффективности методов психологической практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березин, Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.

2. *Богомолов, А.М.* Адаптационная парадигма как методологическая основа прогнозирования развития личности / А.М. Богомолов, А.Г. Портнова // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: монография; под ред. И.С. Морозовой; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. – С. 46–71.

3. *Божович, Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.

4. *Бохан, Т.Г.* Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Т.Г. Бохан – Томск, 2008. – 50 с.

5. *Гусельцева, М.С.* Понятие прогресса и модели развития психологической науки / М.С. Гусельцева // Методология и история психология. – 2007. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 107–109.

6. *Коновалова, Н.Л.* Предупреждение нарушений в развитии личности при психологическом сопровождении школьников / Н.Л. Коновалова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 232 с.

7. *Лебединский, Л.В.* Эмоциональные нарушения в детском возрасте / Л.В. Лебединский. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 197 с.

8. *Леонтьев, Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 488 с.

9. *Маклаков, А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24.

10. *Медведев, В.И.* О проблеме адаптации / В.И. Медведев // Компоненты адаптационного процесса. – Л.: Наука, 1984. – С. 3–16.

11. *Намазов, В.Н.* Психолого-педагогические исследования индивидуально-личностных особенностей / В.Н. Намазов, А.И. Жмыриков. – М., 1988. – 80 с.

12. *Пиаже, Ж.* Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М., 1969. – 680 с.

13. *Портнова, А.Г.* Онтопсихология зрелости: монография / А.Г. Портнова. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2009. – 206 с.

14. *Портнова, А.Г.* Психологическая защита в контексте социально-психологической адаптации и развития личности: монография / А.Г. Портнова, А.М. Богомолов. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. – 188 с.

15. *Посохова, С.Т.* Психология адаптирующейся личности: субъектный подход: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / С.Т. Посохова. – М.: РГБ, 2003. (Из фондов Российской Государственной библиотеки).

16. *Реан, А.А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.

17. *Серый А.В.* Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности / А.В. Серый, М.С. Яницкий // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: монография. – Томск: ТГПУ, 2008. – С. 71–93.

18. *Ташлыков, В.А.* Психология лечебного процесса / В.А. Ташлыков. – Л.: Медицина, 1984. – 192 с.

19. *Шаров, А.С.* Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека: дис. … д-ра психол. наук / А.С. Шаров. – Новосибирск, 2000. – 383 с.

20. *Яницкий, М.С.* Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики / М.С. Яницкий. – Кемерово: КемГУ, 1999. – 84 с.

21. *Яницкий, М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

22. *Яницкий, М.С.* Психологические проблемы постмодернистского общества и постнеклассическая практическая психология / М.С. Яницкий, М.С. Иванов // Постнеклассическая практическая психология: региональный опыт: монография; под ред. М. С. Яницкого, Ю.В. Пелеха. – Тернополь: Навчальна книга – Богдан, 2011. – С. 9–22.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Н. Костин

Ю.Я. Голиков

Костин Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда Института психологии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: anatolykostin@gmail.com

Голиков Юрий Яковлевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда Института психологии РАН (г. Москва).

Статья посвящена анализу состояния отечественных и зарубежных исследований психической регуляции поведения и деятельности. Выделены пять основных направлений этих исследований, основанных на отличающихся теоретических позициях: описании регуляции как механизма обратной связи, структурно-функциональных представлениях регуляции, изучении мышления, образов и концептуальных моделей как определяющих регуляцию деятельности, саморегуляции и метакогнитивизма. Для каждого из перечисленных направлений показаны их достоинства и ограничения.

В статье показано, что основными проблемами исследования регуляции являются следующие: отсутствие общепринятого определения психической регуляции и необходимость разработки единой методологической позиции к исследованию регуляции, основанной на таком определении. На основе анализа нескольких групп определений регуляции, используемых в различных концепциях, предлагается ее общее определение: психическая регуляция – это непрерывный процесс организации психической активности по содержанию и во времени в зависимости от меняющихся объективных и субъективных условий.

Исходя из введенного определения регуляции сформулирован новый организационно-процессуальный подход к ее анализу: психическую регуляцию необходимо рассматривать как разнокачественный по психологическому содержанию, разный по сложности и неоднородный процесс организации активности. Основные положения предлагаемого подхода раскрывают требования к разработке концептуальных представлений регуляции. Первым положением подхода является требование ее описания как организации психической активности. Второе – определяет необходимость рассмотрения регуляции как процесса. Третье – состоит в требовании раскрытия разнокачественности содержания организации активности. Четвертое – заключается в требовании описания разной сложности организации активности, отражающей ее разнокачественность. Пятое положение подхода постулирует необходимость раскрытия неоднородности процесса организации активности, обусловленной изменением качества ее содержания во времени.

Ключевые слова: поведение, деятельность, психическая регуляция, обратная связь, саморегуляция, метакогнитивизм, организация активности, организационно-процессуальный подход.

Регуляция играет ключевую роль в осуществлении психической активности человека, его деятельности и поведения, адаптации к внешнему миру. Значимость исследований психической регуляции обусловлена тем, что при ее изучении раскрываются взаимосвязи разнообразных психических процессов с динамическими характеристиками поведения и деятельности индивидуально-личностными свойствами человека.

Исследованию проблем психической регуляции поведения и деятельности человека в последние десятилетия посвящено значительное количество работ как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Теоретико-методологические концепции к ее изучению можно условно разбить на несколько направлений.

Концепции, относящиеся к *первому направлению*, реализуют кибернетический подход к психической регуляции и представляют ее как механизм обратной связи. Их общим положением является рассмотрение регуляции как процесса преодоления возникающих рассогласований между целью и результатом деятельности. Наиболее известные модели регуляции движений принадлежат П.К. Анохину [2] и Н.А. Бернштейну [3]. Аналогичные модели регуляции предлагались в работах Ч.С. Карвера (C.S. Carver) и М.Ф. Шиера (M.F. Scheier) [38–40]. Однако А.В. Брушлинский в своих работах показывает, что механизм обратных связей не является универсальным для психических процессов, а реализуется только для строго определенных взаимоотношений между процессами и их результатами: непосредственных, однозначных, заранее заданных, наглядно-чувственных, сигнальных и т.д. [5: с. 122].

Второе направление связано со структурно-функциональными представлениями регуляции, выделяющими различные психологические составляющие, компоненты или подсистемы деятельности. Общими для этих концептуальных представлений являются такие элементы, как мотив, цель, анализ, переработка информации или информационная основа деятельности, принятие решений, планирова-

ние или программирование деятельности.

Так, Б.Ф. Ломовым выделись следующие составляющие деятельности: мотив, цель, планирование, переработка информации, оперативный образ и концептуальная модель, принятие решений, действия, проверка результатов и коррекция действий [21]. Выделенные составляющие «…раскрывают различные аспекты (и уровни) регулирующей функции психического в подготовке, организации и выполнении деятельности, в ходе которой осуществляется преобразование ее предмета в продукт» [21: с. 217].

Во многом аналогично рассматриваются процессы регуляции деятельности в рамках концепции ее системогенеза В.Д. Шадриковым, выделявшим в психологической системе деятельности такие основные функциональные блоки, как мотивы, цели, программы, информационную основу деятельности, принятие решений, подсистему профессионально-важных качеств [34]. Разработка концепции была направлена на раскрытие психологического содержания психологических процессов, побуждающих, программирующих, регулирующих и реализующих деятельность.

В работах Н.И. Чуприковой также предложена модель функциональной системы психической регуляции поведения и деятельности, которая основана, во-первых, на понимании психики как отражения действительности, и, во-вторых, на выявлении психических механизмов, обеспечивающих адекватность поведения и деятельности внешним и внутренним условиям [32; 33]. В рамках этой функциональной системы выделены следующие взаимодействующие подсистемы: когнитивная, потребностно-мотивационная, эмоциональная, памяти, коммуникативная, интеграционно-волевая и активационно-энергетическая.

В анализе процессуальной регуляции деятельности А.В. Карпов выделяет два класса организации процессов психики: основные, традиционно изучающиеся (когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные) и синтетические, регулятивные (целеобразование, антиципация, принятие решений, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль и др.). Второй класс обозначен как класс интегративных процессов регуляции деятельности и поведения, которые «…выступают необходимым промежуточным звеном, этапом и уровнем интеграции между основными психическими процессами и целостной регуляции деятельности и поведения» [16: с. 56]. Указанные процессы организации и регуляции деятельности – синтетические и интегративные по строению и регулятивные по функциональной направленности – «обеспечивают ее психологический синтез, являются процессуальным, динамическим аспектом психологической системы деятельности» [15: с. 61].

Подсистема интегральной регуляции является основным компонентом структуры функциональной системы трудовой деятельности, предложенной Г.М. Зараковским, так как обеспечивает согласованную работу всех других ее подсистем – операциональной, энергопластического обеспечения деятельности, адаптационно-гомеостатической регуляции организма, спонтанной психической активности. В состав данной подсистемы входят следующие блоки: выбор доминирующей мотивации, выбор программы нейрогуморальной регуляции, выбор программы волевой регуляции и их реализация [10, 11].

Безусловно, содержательное раскрытие структурно-функциональных компонентов деятельности является позитивной стороной концепций данного направления. Следует отметить, что в некоторых из этих концепций, в частности у Б.Ф. Ломова, подчеркивается важность и необходимость описания динамического аспекта деятельности [21]. Однако в них отсутствуют непосредственные концептуальные построения, позволяющие содержательно представить динамику деятельности во времени, отразить ее процессуальность, этапность, нестационарность, которые и отражают специфику психической регуляции деятельности.

В качестве еще одного существенного ограничения концепций данного направления необходимо отметить то, что большинство из них не учитывают зависимость изменения психологического содержания деятельности от ее сложности, взаимосвязь объективных и субъективных факторов сложности, специфику и качественные особенности психических процессов при изменении сложности деятельности во времени.

Концепции *третьего направления* предназначены для изучения особенностей образов и концептуальных моделей, а также мышления в психической регуляции профессиональной деятельности. Так, механизмы образной регуляции Н.Д. Заваловой, Б.Ф. Ломовым и В.А. Пономаренко представляются в виде сличения образов, возникающих в процессе ее выполнения, с образом-целью как некоторой идеальной мерой [9]. Формирование образа рассматривается как активный процесс, в ходе которого происходит интеграция информации разных сенсорных модальностей из окружающей человека действительности.

Наиболее важной характеристикой образа в качестве регулятора действия Д.А. Ошанин считал его оперативность, которая понималась им как адекватность содержания образа объекта конкретному назначению образа, т.е. отражению нормативного состояния объекта в текущий момент времени. Поэтому им было введено понятие оперативного образа, которое интерпретируется им как «идеальное, специализированное отражение преобразуемого в

действии объекта (процесса, явления и т.д.), складывающееся по ходу выполнению конкретного предметного действия и подчиненное задаче действия» [25: с. 135–136].

Особую роль регуляции в практическом, оперативном мышлении отводит Д.Н. Завалишина [8]. По ее мнению, регуляция обеспечивает включенность мышления «…в непосредственное реальное преобразование профессионалом объекта труда: это мышление в действии, для действия и действиями» [8: с. 125]. При этом мыслительные процессы, реализующие регуляцию действия, зависят от взаимоотношений между целями, условиями и средствами деятельности.

Динамический, оперативный аспект деятельности через психологический анализ временного потока событий, воспринимаемых и переживаемых субъектом, исследуется Ю.К. Стрелковым [28]. При описании управления поведением и деятельностью человека им вводятся такие способы организации активности, как временные операции упорядочения и синхронизации.

Раскрытие роли образов и концептуальных моделей, а также мышления в регуляционных процессах следует считать существенным достоинством концепций третьего направления. Анализ соотношений между разными образами или образами и концептуальными моделями позволяет выявить особенности различных видов деятельности, в регуляции которых доминирует оперирование образами.

Образы и концептуальные модели, безусловно, являются динамичными образованиями, что неоднократно подчеркивается в этих концепциях. Тем не менее их теоретическое описание осуществляется только по некоторым качественным характеристикам, дающим общее представление об их особенностях. Понятийные средства, позволяющие раскрывать динамику формирования и изменения образов в процессе выполнения деятельности, в данных концепциях отсутствуют. Кроме того, образные представления достаточно ограничены и не охватывают всей полноты сложности психологического содержания деятельности, в частности, ценностно-нормативной сферы, системы убеждений, идеалов, мировоззренческих установок человека. Аналогичные замечания могут быть высказаны и по отношению к концепциям, раскрывающим регуляцию на основе оперативного мышления и способов организации активности во времени.

В концепциях *четвертого направления* представлены достаточно разнородные позиции рассмотрения процессов *саморегуляции* деятельности и функциональных состояний.

С позиции выделения центрального звена в регуляции К.А. Абульханова отмечала, что таковым должен быть субъект деятельности, который осуществляет централизацию регуляции или, иначе говоря, саморегуляцию деятельности [1]. Сам субъект выступает «как регулятор деятельности, как некоторая решающая и централизующая инстанция в регуляции активности на разных уровнях» [8: с. 269]. Тем самым осуществляется саморегуляция, т.е. индивидуализированный способ системной организации процессов и состояний при решении постоянно возникающих в деятельности задач.

Саморегуляция в данной интерпретации в определенной степени подобна побудительной регуляции, которую С.Л. Рубинштейн выделял, наряду с исполнительской регуляцией [26]. Побудительная регуляция связывалась им с формированием стремления, выбором направленности активности; исполнительская регуляция – с обеспечением соответствия активности объективным условиям. «…При этом в исполнительской деятельности преимущественную роль играют познавательные процессы – учет условий, в которых протекает деятельность, в побудительной регуляции – процессы "аффективные": эмоции, желания» [8: с. 238].

Важнейшей характеристикой регуляции на уровне сознания Б.Ф. Ломов считал ее произвольность [21]. Он отмечал, что произвольная регуляция относится не только к исполнительской деятельности, к ее моторным компонентам – движениям, но и к самим психическим процессам (перцептивным, мнемическим, мыслительным и др.), что приводит к возникновению саморегуляции. При этом средствами саморегуляции являются различные знаковые системы, в том числе и язык.

Саморегуляция деятельности в работах О.А. Конопкина интерпретируется «...как системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, осуществлению, поддержанию и управлению всеми видами и формами активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей» [18: с. 12–13]. При этом система саморегуляции интегрирует динамические и содержательные аспекты личности, осознанные и бессознательные ее структуры. Понятия «регуляция» и «саморегуляция» отличаются тем, что регуляция связывается с исполнительской активностью, а саморегуляция направлена на ее формирование и обеспечение. Возможности регуляции, как показали экспериментальные исследования О.А. Конопкина, позволяют человеку организовывать процессы приема и переработки информации, изменять скорость ответных реакций, подстраивать темп работы и определять режимы расходования своих резервов [19]. Как отмечает В.И. Моросанова, функциональная структура осознанной, произвольной саморегуляции в качестве основных звеньев включает «…цели деятельности, модели значимых условий, программы исполнительских действий, критериев успеш-

ности, оценки результатов и коррекции действий. Каждое из звеньев реализуется соответствующим регуляторным процессом: планированием целей, моделированием значимых условий, программированием действий, оцениванием результатов и коррекцией действий» [22: с. 37].

В рамках ситуационно-динамической модели регуляции операторской деятельности А.А. Обознов рассматривает психическую регуляцию как циклический процесс упреждающего сличения человеком заданного и фактического хода событий, осуществляющийся на основе ее инвариантной структуры [23]. В данной модели выделяются три уровня психической регуляции: базовый, саморегуляции и самоотношений.

Решающую роль в саморегуляции, как отмечают многие исследователи, играет личность. По мнению К.А. Абульхановой, «…принцип саморегуляции раскрывает личностные способы организации управления психикой соотносительно с объективными и субъективными условиями деятельности» [1: с. 270]. Такие способы организации управления активностью ею рассматриваются как личностная регуляция, которая осуществляет взаимосвязь между разными уровнями деятельности.

А.К. Осницкий считает принципиально важным различение двух видов саморегуляции – деятельностную и личностную [24]. Деятельностная саморегуляция связана с преобладанием в регуляции задач предметных преобразований и состоит в организации усилий для повышения эффективности действий, успешного достижения целей, оптимизации отдельных компонентов регуляции. В свою очередь, личностная саморегуляция направлена на выполнение задач преобразования отношений к предметам, себе и людям и проявляется в поступках человека.

Существенная роль в личностной регуляции, принадлежит социальным нормам поведения и деятельности. Как отмечала М.И. Бобнева, на их основе человек фактически и реализуется как личность, причем «…отображение нормативных требований, социальных норм в сознании позволяет человеку полнее и адекватнее отразить социальную действительность, ориентироваться в ней, вырабатывать стратегию и тактику, планы и цели деятельности, сознательно регулировать свое поведение и т.п.» [4: с. 116].

Доминантой в личностной регуляции являются смысловые структуры. Так, Д.А. Леонтьев выделяет две формы регуляции деятельности – предметную регуляцию, связанную «с обеспечением адекватности операциональных характеристик деятельности особенностям ее предмета (объекта) и особенностям предметной действительности вообще» [20: с. 147], и смысловую регуляцию, направленную на «…согласование целей и средств деятельности с мотивами, потребностями, ценностями и установками субъекта» [там же].

Результаты исследований смысловой регуляции творческой мыслительной деятельности, которые проводились О.К. Тихомировым и его сотрудниками, выявили формирование таких видов смысловых образований, как операциональные смыслы разных видов: элементов, ситуаций и целей [29]. При этом В.Е. Клочко интерпретирует операциональные смыслы как нижележащий уровень целостной динамической смысловой системы регуляции жизнедеятельности субъекта, который является точкой «состыковки» осмысленности и предметности человеческой деятельности [17].

В качестве отдельного вида саморегуляции во многих исследованиях выделяется *волевая регуляция*. Л.С. Выготский основным содержанием воли считал произвольную регуляцию поведения и психических процессов, направленную на «овладение собой» [7]. Различные представления о волевой регуляции как о высшей форме произвольной регуляции поведения на личностном уровне для обеспечения овладением поведением и психическими функциями, как о способности человека сознательно регулировать свое поведение в направлении к заданной цели, как механизма обеспечения процесса самоорганизации психики для достижения цели наиболее эффективным способом, в частности, отражены в работах В.А. Иванникова [12], Е.П. Ильина [13], В.И. Селиванова [27]. В других концептуальных построениях, раскрывающих содержание волевых механизмов, считается, что они реализуют побуждение (поддержание или подавление) к действию и преодолению внешних и внутренних трудностей [30; 46].

В зарубежных исследованиях саморегуляция в наиболее общем виде определяется как психический процесс, с помощью которого человек управляет своими мыслями, чувствами и поведением [45; 49]. Допускается, что процессы саморегуляции обеспечивают успешность восприятия себя и окружающего мира, соответствие своего поведения некоторым целям и стандартам, адаптацию активности человека к условиям в разных сферах жизни.

В то же время в работах по саморегуляции используются и другие интерпретации этого понятия. Так, К.Д. Вогс (K.D. Vohs) и Р.Ф. Баумейстером (R.F. Baumeister) саморегуляцию рассматривают как управление *себя самим собой* (regulation *of* the self *by* the self) [52]. Также ими рассматривается и понятие самоконтроль как взаимозаменяемое понятию *саморегуляция*. При этом саморегуляция рассматривается более широко и связывается с целеориентированным поведением или обратными связями, а самоконтроль – с осознанным импульсивным контролем.

Одним из основоположников исследований по саморегуляции за рубежом считается известный американский психолог А. Бандура (A. Bandura). В рамках своей социально-когнитивной теории он полага-

ет, что саморегуляция представляет собой способность человека управлять своим поведением [35, 36].

Достаточно большое количество исследований посвящено анализу роли различных личностных свойств в процессах саморегуляции. Так, Г. Мэттью (G. Matthews) с соавторами выявляют взаимосвязи личностных свойств с этими процессами в трех проблемных областях: стрессе в жизненных ситуациях, деятельности по выполнению требуемых задач и агрессивном поведении [47].

В работе К. Морф (C. Morf) и С. Горвас (S. Horvath) исследуется проявление индивидуальных различий в динамике саморегуляции [48]. Ими показано, что личностные или индивидуальные различия отражаются в устойчивых паттернах динамики процессов саморегуляции.

В своей теории контроля за действием Ю. Куль (J. Kuhl) определяет самоконтроль и саморегуляцию как два вида волевого контроля психических механизмов или стратегий, обеспечивающих реализацию намерений [46]. Самоконтроль он соотносит с сознательной формой контроля за действием, который базируется на подавлении когнитивных и эмоциональных процессов, не относящихся к первоначальному намерению. В свою очередь, саморегуляция в большей степени относится к имплицитным, неосознаваемым процессам, которые интегрирует разные субсистемы (психические функции), направленные на поддержку выбранного намерения.

Рассматривая темперамент как одно из индивидуально-личностных качеств, М.К. Ротбарт, Л.К. Эллис и М.И. Познер (M.K. Rothbart, L.K. Ellis, M.I. Posner) определяют данное понятие как индивидуальные свойства, связанные с реактивностью и саморегуляцией, проявляющиеся в эмоциональной и моторной сферах, а также в сфере внимания [51]. В свою очередь, Р. Хойл (R.H. Hoyle), рассматривая различные модели темперамента, отмечает, что в большинстве из них присутствуют два основных фактора, которые отражают стремление к доминантной ответной реакции или ее избегание [45].

В качестве особого вида саморегуляции можно выделить эмоциональную регуляцию, рассматриваемую как процесс, с помощью которого человек управляет своими эмоциональными реакциями и чувствами. Так, Р. Баумейстер и Б. Бушман (R. Baumeister, B. Bushman) полагают, что как на сознательном, так и бессознательном уровне человек способен контролировать свои эмоции и реагировать на ситуацию тем способом, который в наибольшей степени соответствует принятым социальным установкам [37].

В качестве позитивных положений концепций четвертого направления можно отметить выделение понятием саморегуляции осознанного, произвольного, побудительного аспектов регуляции, содержательное включение в ее состав субъектных и личностных механизмов, в том числе смысловых, эмоциональных, волевых. Анализ процессов саморегуляции позволяет раскрывать особенности поведения и деятельности, связанные с влиянием различных социальных и личностных норм, ценностей, убеждений, которые проявляются в разных сферах активности человека: профессиональной деятельности, быту, общении, обучении и т.д.

Однако рассмотрение саморегуляции как процесса самостоятельного, отдельного от регуляции, характерное для большинства концептуальных представлений данного направления, приводит к искусственной разделенности и даже определенному противопоставлению этих двух процессов. Тем самым отношения между ними становятся не отношениями, возникающими между двумя качественно своеобразными уровнями в единой системе организации поведения и деятельности, а отношениями между автономными, независимыми процессами. Но тогда разрушается теоретическое представление об организации поведения и деятельности как едином процессе, что приводит к размытости, неоднозначности разделения саморегуляции и регуляции в реальной активности, а также выявления переходов между ними.

Пятым, относительно новым и интенсивно развивающимся *направлением* исследования регуляции является *метакогнитивизм*. Метакогниции в большинстве работ интерпретируют как процессы второго порядка по отношению к собственно когнитивным процессам, фактически осуществляющих их регуляцию (метакогнитивное знание, метакогнитивный контроль, метакогнитивное управление и др.).

Впервые понятие «метакогниция» было введено Дж. Флейвеллом (J.H. Flavell), который определил его как знание человека о собственных когнитивных процессах [43]. Он считал, что механизмы метакогниций предназначены для активного контроля и последующей регуляции, а также организации их взаимодействия по отношению к когнитивным объектам или данным, с которыми они связаны, при достижении определенных целей.

В отличие от концептуальной позиции Дж. Флейвелла, построенной на понятии «метакогниция», А.Л. Браун (A.L. Brown) в своих работах использует понятие «метакогнитивная активность», основанном на информационном подходе к мышлению [50]. Его исходным положение является рассмотрение когнитивных процессов с позиции, в которой человек представляется как активный компонент системы, главные функции которого заключаются в решении проблем и переработке информации, а не в пассивном реагировании на внешние стимулы.

Дж. Данлоски (J. Dunlosky) и Ж. Меткалфи (J. Metcalfe) выделяют три вида метакогнитивных процессов: метакогнитивное знание, метакогнитивный контроль и метакогнитивное управление [42]. В свою очередь, Г.Дж. Хартман (H.J. Hartman) выделяет в составе метакогниций два компонента – управление исполнительными процессами и стратегическое знание [44]. А. Деметрю (A. Demetriou) рассматривает саморегуляцию с позиции даже не метакогнитивных, а гиперкогнитивных (hypercognitive) процессов [41]. Гиперкогнитивная система, по его мнению, включает знания и стратегии самоосознания и саморегуляции, которые возникают в процессе взаимодействия разных функций психического, а также психики и реальности.

Исследования метакогнитивных процессов являются актуальными и для отечественной психологии. Так, Б.М. Величковским выделяются процессы метакогнитивных координаций, реализуемые за счет психических механизмов целеполагания, принятия решений, запоминания, восприятия, мышления, порождения и понимания речи, которые лежат в основе функциональной организации познания и произвольного управления собственной познавательной активностью [6].

Свое представление о метакогнитивных процессах М.А. Холодная выражает в интерпретации когнитивных стилей как индикаторов сформированности психических механизмов, отвечающих за управление процессом переработки информации и регуляцию интеллектуальной активности [31]. Она полагает, что «когнитивные стили при такой интерпретации их психологического статуса могут рассматриваться как *метакогнитивные способности*, проявление которых – в виде особенностей стилевого поведения – обусловливается особенностями организации ментального опыта субъекта» [31: с. 226].

Метакогнитивным процессам А.В. Карпов противопоставляет интегративные процессы, которые, как отмечалось выше, имеют регулятивную направленность и обеспечивают психологический синтез деятельности. Он полагает, что метакогнитивные процессы двойственны по психологической природе и статусу, так как являются и когнитивными по своим механизмам и содержанию, и регулятивными по выполняемым функциям. Таким образом, «…метакогнитивные процессы – не только и не столько "сверх"-когнитивные процессы, сколько "пост"-когнитивные, т.е. регулятивные» [16: с. 52]. Поэтому в перспективе, по его мнению, произойдет дополнение и конвергенция метакогнитивизма с регулятивной психологией [14; 16].

Данное направление по изучению метакогнитивных процессов, по нашему мнению, является противоречивым по своим теоретическим положениям. С одной стороны, само понятие «метакогнитивный процесс» означает его принадлежность к когнитивной функции психики. С другой стороны, метакогнитивные процессы – как процессы «второго порядка» – осуществляют регуляцию «первичных» когнитивных процессов (с помощью их организации и координации, оценки и контроля их успешности). Таким образом, метакогнитивные процессы фактически реализуют регулятивную функцию психики. Но концептуальное представление о возможности осуществления двух психических функций одновременно в рамках одного процесса нарушает строгость теоретического выделения самих функций психики!

Проведенный анализ современного состояния исследований психической регуляции поведения и деятельности показывает, что существует целый ряд актуальных проблем в ее изучении. Среди этих проблем следует выделить две основные проблемы: отсутствие общепринятого определения психической регуляции и необходимость разработки единой методологической позиции к исследованию регуляции, основанной на таком определении. Используемые в различных концепциях определения регуляции построены на отличающихся друг от друга понятиях и свойствах, по-разному раскрывающих ее содержание. Множество этих определений можно разделить на несколько групп.

Первая группа определений основывается на понятии «сличение», разделяемое на следующие виды:

– сличение выполняемого действия с акцептором результата действия с заданной целью (П.К. Анохин; Н.А. Бернштейн; Ч.С. Карвер и М.Ф. Шиер);

– сличение оперативных образов, возникающих в процессе выполнения деятельности, с образом-целью (Д.А. Ошанин; Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов и В.А. Пономаренко);

– упреждающее сличение человеком заданного и фактического хода событий (А.А. Обознов).

Вторая группа определений интерпретирует регуляцию как организацию психических процессов, в состав которой входят:

– личностные способы организации управления психикой (К.А. Абульханова);

– инициация, построение, осуществление и поддержание всех видов и формам активности (О.А. Конопкин);

– способы организации активности и временные операции упорядочения и синхронизации (Ю.К. Стрелков);

– самоорганизация психики для достижения цели наиболее эффективным способом (В.А. Иванников; Е.П. Ильин; В.И. Селиванов).

Третья группа определений регуляции строится на основе понятия «управление», которое используется в разных интерпретациях как:

– управление и самоконтроль своих мыслей, чувств и поведения (К.А. Абульханова; О.А. Конопк-

кин; А. Бандура; К.Д. Вогс и Р.Ф. Баумейстер; Р.Г. Хойл);

– волевое управление и управление эмоциональными состояниями (Б. Циммерман);

– метакогнитивное управление познавательной активностью и исполнительными процессами (Дж. Флейвелл; Дж. Данлоски и Ж. Меткалфи; Г.Дж. Хартман).

Четвертая группа определений связывает регуляцию с обеспечением соответствия или адекватности деятельности ее различным аспектам:

– соответствия активности объективным условиям (С.Л. Рубинштейн);

– адекватности деятельности ее предмету, целям, средствам и условиям (Б.Ф. Ломов; Д.Н. Завалишина, Н.И. Чуприкова);

– адекватности активности и действий субъекта динамическому характеру событий (К.А. Абульханова);

– соотнесения действий на шкале времени (Ю.К. Стрелков);

– адекватности операциональных характеристик деятельности ее предмету и согласования целей и средств деятельности с мотивами, потребностями, ценностями и установками субъекта (Д.А. Леонтьев);

– соответствия поведения идеалам, целям, потребностям, стандартам и принятым социальным установкам (Р. Баумейстер и Б. Бушман; К.Д. Вогс и Р.Ф. Баумейстер; Р.Г. Хойл).

И, наконец, пятая группа определений соотносит регуляцию с решением задач, а также преодолением трудностей и неопределенностей, рассматривая ее как:

– индивидуализированный способ системной организации процессов и состояний при решении постоянно возникающих в деятельности задач (К.А. Абульханова);

– преодоление разных видов неопределенности, препятствующей управлению деятельностью (О.А. Конопкин);

– преодоление внешних и внутренних трудностей (Г.М. Зараковский; Х. Хекхаузен; Ю. Куль).

Безусловно, анализ определения регуляции может быть продолжен, но уже выделенные группы определений дают достаточно полное представление о многообразии и наиболее характерных подходах к их разработке.

Оценивая основные понятия, на которых строятся разные группы определений, можно высказать следующие суждения. Прежде всего, понятие «сличение», используемое в определениях первой группы и характеризующее механизм обратной связи, нельзя рассматривать в качестве универсального понятия регуляции. Это обусловлено тем, что, как показано А.В. Брушлинским, обратные связи отражают только простейшие психические механизмы и не достаточны для описания процессов на высших уровнях.

Понятие «организация» исчерпывающе отражает сущность регуляционных процессов, которая заключается в *инициализации, выстраивании, упорядочении и синхронизации всех форм активности человека*. Учитывая его многомерность и многоплановость, данное понятие вполне может использоваться в качестве одного из основных элементов определения регуляции. Отметим, что понятие «управление» близко по смыслу к понятию «организация», но уступает ему по широте содержания.

Достаточно точно определяют направленность регуляции ее определения, связанные с обеспечением соответствия или адекватности условиям поведения и деятельности. Сами эти условия могут быть самыми многообразными, включать как объективные, так и субъективные факторы и непрерывно меняться во времени. При этом с точки зрения построения самого определения понятие «зависимость» существенно шире отражает связь регуляции с условиями осуществления активности по сравнению с понятиями «соответствие» и «адекватность», так как они являются более узкими по смыслу и предполагают некоторую внешнюю оценку.

Представления о преодолении трудностей, неопределенностей и решении задач, несомненно, отражают сущность любых процессов организации, но они относятся уже не к самому определению, а к содержанию механизмов регуляции. Опять же понятие «преодоление трудностей» является более широким, чем понятие «решение задач».

Из этих рассуждений можно сделать вывод, что основными элементами определения психической регуляции должны быть понятия «организация активности» и «зависимость от меняющихся условий». Поэтому для решения первой проблемы в качестве общего определения регуляции предлагается следующая формулировка: *психическая регуляция – это непрерывный процесс организации психической активности по содержанию и во времени в зависимости от меняющихся объективных и субъективных условий.*

Решение второй проблемы по разработке методологической позиции к исследованию регуляции, основанной на ее общем определении, должно сформировать требования к концептуальным представлениям регуляции. Для этого рассмотрим, какие следствия вытекают из введенного определения регуляции.

Первым основным понятием в предлагаемом определении является понятие «организация активности». При этом многообразие объективных и субъективных условий осуществления активности детерминирует *разнокачественность содержания* и, значит, *разную сложность* организации активности. Второе основное понятие в определении регуляции – «процесс». Поэтому в связи с разнока-

чественностью содержания организации активности процесс регуляции в общем случае является неоднородным во времени.

Следовательно, *психическую регуляцию необходимо рассматривать как разнокачественный по психологическому содержанию, разный по сложности и неоднородный процесс организации активности*. Такую методологическую позицию можно определить как *организационно-процессуальный подход* к исследованию психической регуляции. Название подхода отражает два основных понятия в определении психической регуляции – «организация активности» и «процесс».

Рассмотрим основные положения организационно-процессуального подхода к исследованию регуляции – как логические следствия, обусловленные этой методологической позицией.

Первым положением подхода является требование для концептуальных представлений регуляции описания ее как организации психической активности. В частности, необходимо отражение таких аспектов организации как инициализация, формирование, выстраивание, упорядочение, синхронизация разных форм активности человека.

Второе положение подхода заключается в необходимости рассмотрения регуляции как процесса, т.е. отражения динамики организации активности, последовательной смены ее элементов, составляющих или этапов во времени.

Третье положение подхода состоит в требовании раскрытия разнокачественности содержания организации активности, возникающей в зависимости от различных объективных и субъективных условий ее осуществления.

Четвертым положением подхода является требование описания разной сложности организации активности, отражающей ее разнокачественность. Возможным вариантом такого описания является многоуровневое представление регуляционных процессов, в котором каждый уровень соответствует определенному диапазону сложности организации активности.

Пятое положение подхода постулирует необходимость раскрытия неоднородности процесса организации активности, обусловленной изменением качества ее содержания во времени.

Следовательно, в концептуальных представлениях, разработанных на основе организационно-процессуального подхода, регуляция поведения и деятельности может быть описана как процесс актуализации, включенности и последовательной смены разнокачественных элементов, составляющих, этапов организации активности разной сложности: от простейших, стереотипных, исполнительных, нормативных до наиболее сложных, личностно и социально опосредованных. И чем сложнее поведение и деятельность, тем больше должны быть их неоднородность и нестационарность, отражающиеся в чередовании процессов организации активности разных уровней.

Предлагаемый методологический подход может стать теоретическим основанием разработки новых, взаимосвязанных и непротиворечивых концепций исследований проблем регуляции поведения и деятельности. Как следствие, на основе таких концепций станет возможным решение и проблемы разработки точных и адекватных психологических методов анализа регуляционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская, К.А.* Деятельность и психология личности / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1980.

2. *Анохин, П.К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / П.К. Анохин // Принципы системной организации функций. – М.: Наука, 1973. – С. 5–61.

3. *Бернштейн, Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н.А. Бернштейн. – М.: Медицина, 1966.

4. *Бобнева, М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения / М.И. Бобнева. – М.: Наука, 1978.

5. *Брушлинский, А.В.* Психология субъекта / А.В. Брушлинский. – М.: Ин-т психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.

6. *Величковский, Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. / Б.М. Величковский. – М.: Смысл; Академия, 2006.

7. *Выготский, Л.С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1 / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983.

8. *Завалишина, Д.Н.* Практическое мышление: Специфика и проблемы развития / Д.Н. Завалишина. – М.: Ин-т психологии РАН, 2005.

9. *Завалова, Н.Д.* Образ в системе психической регуляции деятельности / Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко. – М.: Наука, 1986.

10. *Зараковский, Г.М.* Применение теории функциональной системы трудовой деятельности в эксплуатационной эргономике / Г.М. Зараковский // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии эргономики; под ред. В.А. Бодрова и А.Л. Журавлева. Вып. 1 – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 80–103.

11. *Зараковский, Г.М.* Эргономическое проектирование операционального компонента деятельности: теоретические основы и методология / Г.М. Зараковский // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности; под ред. В.А. Бодрова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2008. – С. 162–180.

12. *Иванников, В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции / В.А. Иванников. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

13. *Ильин, Е.П.* Психология воли / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002.

14. *Карпов, А.В.* Метасистемная организация уровневых структур психики / А.В. Карпов. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004.

15. *Карпов, А.В.* Методологические основы психологии принятия решения / А.В. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 1999.

16. *Карпов, А.В.* Понятия метакогнитивных и интегральных процессов как концепты психологии саморегуляции / А.В. Карпов // Субъект и личность в психологии саморегуляции; под. ред. В.И. Моросановой. – М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. – С. 46–67.

17. *Клочко, В.Е.* Инициация мыслительной деятельности: дис. … д-ра психол. наук / В.Е. Клочко. – М., 1991.

18. *Конопкин, О.А.* Методологические проблемы психологии саморегуляции / О.А. Конопкин // Субъект и личность в психологии саморегуляции; под ред. В.И. Моросановой. – М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. – С. 12–30.

19. *Конопкин, О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин. – М.: Наука, 1980.

20. *Леонтьев, Д.А.* Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003.

21. *Ломов, Б.Ф.* Теоретические и методологические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984.

22. *Моросанова, В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 2001.

23. *Обознов, А.А.* Психическая регуляция операторской деятельности / А.А. Обознов. – М.: Ин-т психологии РАН, 2003.

24. *Осницкий, А.К.* Структура и функции регуляторного опыта в развитии субъектности человека / А.К. Осницкий // Субъект и личность в психологии саморегуляции; под. ред. В.И. Моросановой. – М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. – С. 233–255.

25. *Ошанин, Д.А.* Концепция оперативности отражения в общей и инженерной психологии / Д.А. Ошанин // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. – М.: Наука, 1977. – С. 134–149.

26. *Рубинштейн, С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003.

27. *Селиванов, В.И.* Волевая регуляция активности личности / В.И. Селиванов // Психологический журнал. – 1982. – Т. 3. – № 4. – С. 14–25.

28. *Стрелков, Ю.К.* Психологическое содержание операторского труда / Ю.К. Стрелков. – М.: Российское психологическое общество, 1999.

29. *Тихомиров, О.К.* Значение и смысл в процессе принятия решения мыслительной задачи / О.К. Тихомиров, В.А. Терехов // Вопросы психологии. – 1969. – № 4. – С. 66–84.

30. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1–2 / Х. Хекхаузен. – М.: Педагогика, 1986.

31. *Холодная, М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004.

32. *Чуприкова, Н.И.* Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности / Н.И. Чуприкова // Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 3–15.

33. *Чуприкова, Н.И.* Функциональная система психики. Филогенетические истоки и сознание человека [Электронный ресурс] / Н.И. Чуприкова // Психологические исследования. – Электрон. научный журн. – 2009. – № 2 (4). – Режим доступа: http://psystudy.ru/index.php/num/2009n2-4/16-chuprikova4.html#e3.

34. *Шадриков, В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М.: Наука, 1982.

35. *Bandura, A.* Social foundations of thought and action: A Social cognitive theory / A. Bandura. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.

36. *Bandura, A.* Social cognitive theory of self-regulation / A. Bandura // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 1991. – Vol. 50. – P. 248–287.

37. *Baumeister, R.* Social Psychology and Human Nature / R. Baumeister, B. Bushman. – Belmont California: Thomson Wadsworth, 2008.

38. *Carver, C.S.* Self-regulation of action and affect / C.S. Carver // Handbook of self-regulation: research, theory, and applications / Eds. R.F. Baumeister, K.D. Vohs. – New York: Guilford Press, 2004. – P. 13–39.

39. *Carver, C.S.* On the structure of behavioral self-regulation / C.S. Carver, M.F. Scheier // Handbook of self-regulation. / Eds. M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. – San Diego, CA: Elsevier, 2000. – P. 42–84.

40. *Carver C.S., Scheier M.F.* On the self-regulation of behavior / C.S. Carver, M.F. Scheier. – New York: Cambridge University Press, 1998.

41. *Demetriou, A.* Organization and development of self-understanding and self-regulation toward a general theory / A. Demetriou // Handbook of self-regulation / eds. M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. – San Diego, CA: Elsevier, 2000. – P. 209–251.

42. *Dunlosky, J.* Metacognition / J. Dunlosky, J. Metcalfe. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc. 2009.

43. *Flavell, J.H.* Metacognitive aspects of problem solving / J.H. Flavell. In L.B. Resnick (Ed.) // The nature of intelligence. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1976. – P. 231–236.

44. *Hartman, H.J.* Metacognition in Learning and Instruction: Theory, Research and Practice / H.J. Hartman. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001.

45. *Hoyle, R.H.* Personality and self-regulation: trait and information-processing perspectives / R.H. Hoyle // Journal of personality. – 2006. – Vol. 74. – № 6. – P. 1507–1526.

46. *Kuhl, J.A.* Functional-design approach to motivation and self-regulation: the dynamics of personality systems and interactions / J.A. Kuhl // Handbook of self-regulation / eds. M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. – San Diego, CA: Elsevier, 2000. – P. 111–170.

47. *Matthews, G.* Personality, self-regulation, and adaptation: a cognitive-social framework / G. Matthews, V.L. Schwean, S.E. Campbell, D.H. Saklofske, A.A.R. Mohamed // Handbook of self-regulation / eds. M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. – San Diego, CA: Elsevier, 2000. – P. 171–210.

48. *Morf, C.C.* Self-regulation processes and their signatures: dynamics of the self-system / C.C. Morf, S. Horvath // Handbook of personality and self-regulation / ed. R.H. Hoyle. – Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd., 2010. – P. 117–144.

49. Psychology of self-regulation: cognitive, affective, and motivational processes / Eds. J.P. Forgas, R.F. Baumeister, D.M. Tice. – London: Psychology Press, 2009.

50. *Reeve, R.A.* Metacognition Reconsidered: Implications for Intervention Research / R.A. Reeve, A.L. Brown // Journal of Abnormal Child Psychology. – 1985. – Vol. 13. – № 3. – P. 343–356.

51. *Rothbart, M.K.* Temperament and self-regulation / M.K. Rothbart, L.K. Ellis, M.I. Posner // Handbook of self-regulation: research, theory, and applications / eds. R.F. Baumeister, K.D. Vohs. – New York: Guilford Press, 2004. – P. 357–370.

52. *Vohs, K.D.* Understanding self-regulation: an introduction / K.D. Vohs, R.F. Baumeister // Handbook of self-regulation: research, theory, and applications / eds. R.F. Baumeister, K.D. Vohs. – New York: Guilford Press, 2004. – P. 1–12.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Е.М. Иванова

Иванова Елена Михайловна – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: e.m.ivanova@mail.ru

В статье рассматриваются результаты исследования динамики развития познавательной деятельности студентов-психологов в до профессиональный период жизни как основы формирования профессионального самоопределения. Самоопределение исследовалось как динамический процесс, как форма активного взаимодействия человека с объективной реальностью, раскрывающая индивидуальные способы восприятия окружающего мира; понимания, осознания, отношения и переживания; динамику формирования стратегий поведения, коммуникативного взаимодействия и преодоления сложностей.

Цель работы заключалась в изучении предположения о том, что динамика преобразования взаимосвязей разных сфер познавательной деятельности (ценностно-смысловой, когнитивно-образной, операционально-ориентировочной, потребностно-мотивационной, чувственно-эмоциональной, коммуникативно-социальной, мотивационно-эмоциональной и регуляторно-волевой), в процессе ее развития, выявит общие и индивидуальные закономерности, а также условия жизнедеятельности, способствующие или препятствующие профессиональному самоопределению и становлению.

Проведенное исследование выявило три вида взаимосвязей развития познавательной деятельности студентов и объективных условий их жизни, раскрывающих дифференциацию преобразования индивидуального формирования личности и субъекта труда в до вузовский период и обусловливающие успешность обучения и выбора профессии; четыре типа тенденций направленности личностного развития, во взаимосвязи с развитием сфер познавательной деятельности, и специфические особенности профессионального становления; иерархические взаимосвязи основных сфер познавательной деятельности, которые можно рассматривать как критерии прогноза профессиональной успешности.

Ключевые слова: человек, личность, субъект труда, самооценка, профессиональное самоопределение, познавательная деятельность, динамика, становление, направленность развития, объективная реальность.

Процесс самоопределения человека в изменяющемся мире можно рассматривать как вечный относительно всей его жизни. С психологической точки зрения представление об изменяющемся мире являет собой многогранную картину постоянных преобразований внешней объективной реальности и преобразований человека как личности и субъекта жизнедеятельности. Особенностью современного мира является острота, внезапность, динамичность, противоречивость происходящих изменений, затрагивающих все основные сферы жизни человека. «Человек как субъект объективирует в мире свою человеческую творческую сущность и вместе с тем на каждом шагу вступает в противоречие с этой – уже обособившейся от него – действительностью – так становится субъектом жизни как процесса непрерывного изменения и сохранения, отрицания и развития, добра и зла…» [16: с. 32, 33]. Мир открывается человеку через его познание: «…познание – это отражение мира как объективной реальности» [16: с. 65], «…отражение есть деятельность, процесс» [16: с. 71]. Деятельность – это процесс самореализации, самоопределения, становления, развития и преобразования личности, а так же, восприятия, осознания и представления мира субъектом как объективной реальности.

Самореализация, становление личности и профессиональное самоопределение субъекта труда многими исследователями (Л.И. Анцифировой, В.А. Бодровым, Д.Н. Завалишиной, Э.Ф Зеером, Е.А. Климовым, А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко, Л.М. Митиной, А.К. Осницким, Ю.П. Поваренковым и др.) рассматриваются как взаимосвязанные, взаимодополняющие процессы « попеременно являющиеся друг для друга то средством, то результатом развития на различных этапах онтогенеза» [13: с. 11]. Наиболее важным аспектом профессионального становления и самоопределения, в современных непредсказуемых динамичных условиях преобразования общественных процессов, большинство исследователей считает изучение личности и развитие личностного потенциала субъекта труда в деятельности. Так одной из наиболее показательных характеристик развития личности считается ее творческая активность, проявляющаяся в результатах «специфической познавательной деятельности субъекта» [4: с. 11] и уровне развития познавательных качеств личности, необходимых для эффективной творческой деятельности [18]. Направленность творческой активности, проявляющаяся в деятельности, обусловлена ценностями субъекта, его отношением к объективному миру, которое «выступает в единстве познавательного

процесса как отношение субъективного к объективному» [16: с. 71]. И как отмечает С.Л. Рубинштейн: «…Это отношение выступает в своем истинном виде как процесс познавательной деятельности субъекта, в которой одно определение, один образ предмета снимается другим, более адекватным, более глубоким» [16: с. 72]. Само отношение он рассматривает и как процесс, и как деятельность, и как взаимодействие, «…посредством которых реализуется то, или иное отношение человека к окружающему миру – другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь» [16: с. 231]. Отношение формируется и изменяется на протяжении всей жизнедеятельности человека. Оно предопределяет его поведение в различных жизненных ситуациях, его ориентации (позитивные, негативные), переживания, самоопределение, самореализацию, саморазвитие: «… отношения человека в развитом виде представляют целостную систему, индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» [14: с. 16]. Отношения формируют и жизненную позицию человека, которая, в свою очередь, обусловлена его познавательной направленностью, ценностями, смыслами, восприятием естественного, предметного, социального и профессионального мира, раскрывающимися в процессе его жизнедеятельности. В то же время проникновение человека в реальность («мир вещей» и «мир людей»), взаимодействие с ней обусловлено психологической готовностью к ее активному познанию (восприятие, понимание и осознание) и преодолению специфичных каждому периоду жизни человека. С момента рождения человека развивается его психологическая готовность сначала как биологическая защита от опасностей окружающего микромира, которая впоследствии преобразуется в готовность восприятия, понимания, осознания окружающей реальности в макромире и, в случае необходимости, ее осмысленного целенаправленного преодоления или преобразования. Итак, познание с самого начала жизни человека «…есть основная форма деятельности индивида, представляющая собой процесс целенаправленного и обобщенного отражения людьми объективных законов природы, общества и самого сознания» [1: с. 163].

С позиций субъектно-деятельностного подхода (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Е.А. Климов, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.) «…деятельность рассматривается как исходная ситуация, развития человека», так как в онтогенезе она представляет «систему сменяющих друг друга деятельностей или чередующихся и сменяющихся фаз практической и познавательной деятельности фазами развития взаимоотношений с людьми и обществом» [12: с. 207, 208]. Поэтому ***познавательную деятельность*** можно рассматривать как динамическую полисистему как сложный динамический процесс развития личности и становления субъекта труда, обусловливающую самоопределение человека на протяжении всего жизненного пути. Как показал теоретический анализ отечественных и зарубежных работ (Л.И. Анцифировой, Б.Г. Ананьева, Дж. Брунера, А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, Е.А. Климова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Мясищева, Э. Фромма, Д.Б. Эльконина, Э. Эриксона и др.), посвященных онтогенетическому развитию человека в до профессиональный период жизни (дошкольный, школьный и учебно-профессиональный), изучение развития познавательной деятельности раскрывает общие закономерности формирования взаимосвязей «человек–мир» «человек–человек», «человек–труд» в процессе жизнедеятельности [8]. Эти взаимосвязи можно рассматривать как основные ориентиры изучения человека как личности и субъекта труда: чувственно-эмоциональное восприятие мира; стремление к познанию; направленность ценностей; межличностные отношения; жизненные стратегии поведения; смысложизненные ориентации. «Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит» [5: с. 119].

Изучение динамики развития познавательной деятельности в до профессиональный период жизни позволило выделить последовательно развивающиеся фазы жизнедеятельности человека: ознакомительно-познавательную, познавательно-ориентировочную, познавательно-преобразующую, учебно-познавательную и учебно-профессиональную. Анализ процесса развития познавательной деятельности, в каждой из этих фаз и в их взаимосвязи, выявил механизмы формирования человека как субъекта труда на разных этапах его жизни и его потенциальную готовность к профессиональному самоопределению и становлению [6]. Также были аналитически выделены три базовых иерархически взаимосвязанных уровня формирования человека как личности и субъекта труда (в до профессиональном периоде) и иерархическая структура познавательной деятельности, включающая следующие взаимосвязи: ценностно-смысловую, чувственно-эмоциональную, потребностно-мотивационную, операционально-ориентировочную, когнитивно-образную, коммуникативно-социальную, мотивационно-эмоциональную и ругуляторно-волевую [9]. Было сделано предположение о том, что изучение динамики преобразования взаимосвязей структуры познавательной деятельности в процессе ее развития, как интегрального показателя развития личности и субъекта труда, выявит потенциальные ресурсы формирования психологической готовности человека к профессиональному самоопределению и становлению. Для подтверждения это-

го предположения с 2009–2012 гг. проводилось исследование динамики развития индивидуальной познавательной деятельности у 24 студентов психологов 4-го курса дневного отделения, специализирующихся на кафедре психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. ***Исследование*** проводилось в три этапа. ***На первом этапе студенты выполняли ретроспективный анализ*** особенностей развития познавательной деятельности в до профессиональный период жизни. ***На втором этапе ими осуществлялся интроспективный анализ*** учебно-профессиональной познавательно-исследовательской деятельности, как условия формирования готовности к деятельности психолога практика. ***На третьем этапе проводилась самооценка*** сформированности познавательной деятельности как основы профессионального самоопределения и перспектив профессионального становления. Таким образом, данное ***исследование было направлено на*** изучения трех значимых для будущего специалиста и жизненно важных для человека момента: ***выявление индивидуальной специфики развития познавательной деятельности*** как условия профессионального самоопределения и становления; ***оценку уровня психологической готовности*** к профессиональному становлению; ***осознания студентами своих потенциальных психологических и профессиональных возможностей*** как будущих профессионалов. Предполагалось, что мотивами исполнения данной работы будет познавательный интерес будущих специалистов психологов к самопознанию, самоанализу своей психологической и профессиональной готовности как исследователей-практиков и оценка их знаний преподавателем, так как исследование проводилось в условиях практикума.

Теоретической основой исследования явились следующие научные позиции.

1. Современные концепции и модели посвященные проблемам профессионального развития (В.А. Бодров, Д.Н. Завалишина, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Ю.П. Поваренков, И. Пуфаль-Струзик), в которых профессиональное самоопределение и становление рассматривается в контексте возрастной периодизации жизни человека и жизнедеятельности субъекта в целом, как сложный динамичный многоэтапный процесс, формирующий взаимосвязи «человек–мир», «человек–человек» и «человек–профессия». Эти взаимосвязи обусловливают успешность профессионального самоопределения, так как они раскрывают стремление человека к познанию мира, к приобретению ориентированности в окружающем пространстве и межличностных взаимоотношениях; к формированию позитивной преобразующей продуктивной направленности; стремление к усвоению и совершенствованию знаний, орудий и средств деятельности; совершенствованию личностных качеств; стремление к познанию себя и своих возможностей; осознание личностного смысла, целей своей жизни и деятельности, и осознание перспектив профессионального роста.

2. Исследование формирования взаимосвязей компонентов структуры познавательной деятельности в до профессиональный период развития познавательной деятельности, как интегрального показателя психического развития человека, позволит выявить психологическую готовность к профессиональному самоопределению и становлению [9].

3. Наиболее продуктивным условием изучения формирования профессионального самоопределения и становления человека является субъектно-деятельностная концепция профессионального труда Е.А. Климова [7] и теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина [2].

Для проведения исследования был разработан следующий методический инструментарий: две анкеты для изучения условий развития познавательной деятельности в до профессиональный (дошкольный и школьный) период жизни; анкета для сопоставления прошлого представления о профессии психолога (перед поступлением в вуз) и настоящего представления студентами профессии психолога, сложившегося за четыре года обучения на факультете психологии. Наряду с этим, была разработана программа анализа формирования индивидуальной учебно-профессиональной познавательно-исследовательской деятельности студентов как показателя психологической готовности к профессиональному становлению. В дополнение к методическому инструментарию со студентами обсуждались основная цель настоящей практической работы (оценка индивидуальной психологической готовности к профессиональному становлению) и задачи, которые студентам предстояло выполнить для достижения поставленной цели.

Итак, ***на первом этапе*** студенты проводили ретроспективное (автобиографическое) изучение развития личной индивидуальной познавательной деятельности в до профессиональный период жизнедеятельности, посредством ответов на вопросы анкет. Вопросы первой анкеты затрагивали воспоминания о дошкольном прошлом с того возраста, который сохранился в настоящей памяти. Содержание вопросов включало: условия формирования взаимоотношений в семье, в детском саду, круг интересов в окружающем мире; отношение к родителям, к себе, к знакомым, к сверстникам и животным; направленность на познание, взаимодействие и преобразование; творческое развитие и области интересов, самостоятельность, инициативность, познавательная активность/пассивность, тревожность, эмоциональность, особенности взаимоотношений и переживаний неудач и конфликтов, а также способы их разрешений.

Вопросы первой анкеты были направлены на выявление формирования качеств личности, влияющих на ее становление в социуме: общительность, открытость, уверенность в себе, тревожность, замкнутость, направленность на взаимодействие и активное познание окружающего мира, увлечения, интересы.

Вторая анкета затрагивала воспоминания о школьном обучении, проблемах, которые возникали в этот период жизнедеятельности, взаимоотношениях и подготовке к выбору своего дальнейшего жизненного пути: профессии и учебного заведения. Анкета включала вопросы, направленные на выявление интересов, личных профессиональных планов, склонностей; общей и целенаправленной информированности, источниках информации; самостоятельности и инициативности при выборе профессии и учебного заведения; ориентированности в мире профессий; познавательной активности и осознании своей готовности к обучению данной профессии; социальной и личностной направленности на саморазвитие; представлений о требованиях, предъявляемых профессией к личностным профессиональным качествам; представлений о своей готовности стать психологом до поступления в вуз, а так же и мечты о своих перспективах в роли психолога.

Анализ ответов на вопросы первой анкеты, проводившийся каждым студентом самостоятельно, выявил индивидуальное развитие основных сфер познавательной деятельности: эмоционально-регуляторной; чувственно-эмоциональной; потребностно-мотивационной; операционально-ориентировочной; когнитивно-образной и коммуникативно-социальной. Анализ ответов на вопросы второй анкеты раскрыл особенности изменения соотношения взаимосвязей компонентов структуры познавательной деятельности на этапе личностного становления студентов в процессе школьного обучения как предпосылок осознанного/неосознанного выбора профессии психолога.

Для перехода ко второму этапу исследования формирования психологической готовности к профессиональному самоопределению на факультете психологии студенты отвечали на вопросы анкеты, связанные с их настоящим отношением к избранной профессии как социально востребованной и значимой для себя; с осознанием своей профессиональной готовности и возможностей дальнейшего развития; с осознанием необходимости расширения областей интересов и знаний; с осознанием сложностей будущей работы, взаимодействия с людьми и готовности к преодолению трудностей, с осознанием и представлением личностных и профессиональных перспектив становления профессионалом. Но был и еще один вопрос, который требовал сопоставления их прошлого представления профессии психолога с тем, которое сложилось в настоящее время, что тоже позволяло им самостоятельно оценить собственное реальное движение к профессиональному становлению как личности и субъекту труда.

Второй этап исследования был посвящен определению психологических условий формирования готовности студентов к профессиональному становлению в вузе в связи с тем, что в современных условиях развития нашего общества возникли противоречия между объективными требованиями к молодым специалистам и их личностной и профессиональной готовностью к их усвоению и исполнению. Противоречия возникли в связи с тем, что объективным условиям современной жизни свойственна динамичность инновационных процессов, непредсказуемость вопросов и проблем, которые могут возникать неожиданно в процессе деятельности, жесткая регламентация времени на их исполнение, повышение требований к ответственности и эффективности практических рекомендаций. В то же время развитие и расширение научной области психологического знания, необходимость ориентироваться не только в научно-психологической, но и в социальной, экономической, юридической, технической и другой профессионально специфической информации, осложняют освоение и интеграцию научных знаний, приобретенных в процессе обучения в вузе и их применение в практике. В связи с вышеизложенным вопрос о создании психологических условий обеспечения студентов общей ориентировочной основой профессиональной деятельности, способствующей более успешному освоению этих разноплановых объективных реальностей стал социально и личностно значимым.

Основываясь на теоретических положениях, сформулированных в работах известных ученых (Б.Г. Ананьева, П.Я. Гальперина, Е.А. Климова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна), психологическим условием формирования осознанной, целенаправленной активной ориентировки в сложном, не всегда предсказуемом пространстве, является осмысленная предметная познавательная и преобразующая деятельность субъекта, так как именно в процессе ее исполнения формируется и ориентировочный образ конкретной профессиональной ситуации [2: с. 65], и сама ориентировочная деятельность как важнейший аппарат управления действиями субъекта на этапах планирования, исполнения и контроля [2: с. 143]. Образами П.Я. Гальперин называл «…все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения объективного мира. Образы открывают субъекту окружающий мир и возможность ориентироваться в нем» [2: с. 32–33]. С позиций теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, формирование новых образов на основе уже имеющихся знаний и умений обеспечи-

вается полной системой необходимых условий и поэтапной отработкой формируемых явлений. «…Система средств и способов действия с объектами (в целях их познания, исследования, преобразования) может быть представлена в записи или изображении на карточке "если такая ориентировочная карточка используется для решения специально подобранных задач и согласно процедуре поэтапного формирования, то открывается путь усвоения ее содержания без предварительного заучивания"» [2: с. 33]. При такой процедуре «происходит четкое разделение обеих функций образа: предъявления объекта действия и предъявления средств ориентации в этом объекте», и «ориентировочная деятельность выделяется как самостоятельный процесс, открывающий возможность целенаправленного управления разными предметными действиями» [2: с. 34]. ***Положения теории П.Я. Гальперина послужили основой построения программы второго этапа исследования***. В связи с этим была разработана ориентировочная схема психологического анализа профессионального становления субъекта труда и обсужден со студентами смысл ее применения.

Ориентировочная схема включала: а) основные субъектно-объектные взаимосвязи, обусловливающие потенциальные ресурсы психологической готовности человека к профессиональной деятельности, формирующиеся в процессе развития познавательной деятельности в до профессиональный период жизнедеятельности; б) взаимосвязи, обусловливающие готовность к профессиональному самоопределению; в) связи, обусловливающие взаимосоответствие человека и профессии и раскрывающие уровень его психологической готовности к профессиональной деятельности через исследование сформированности базовых компонентов структуры познавательной деятельности.

Интроспективный психологический анализ учебно-профессиональной познавательной-исследовательской деятельности, осуществленной студентами в рамках темы курсовой работы на предыдущем 3-м курсе, проводился с позиций субъектно-деятельностной концепции профессионального труда Е.А. Климова [7] как теоретической основы научно-практического исследования. Основанием для выбора интроспективного анализа деятельности как объекта изучения психологической готовности студентов к будущей профессиональной деятельности явились следующие положения: 1) курсовые работы на 3-м курсе были направлены на решение социально значимых научно-практических задач, что требовало актуализации у студентов таких присущих субъекту труда качеств, как осознание обязательности выполнения задания, умение предвидеть и планировать работу, саморегуляция в социально-контактной среде, самоконтроль и самооценка [11]; 2) самостоятельный выбор темы курсовой, отношение к ее исполнению отражали научные и профессиональные интересы каждого студента, его личностную направленность и ценность для него сделанной работы; 3) к 4-му курсу у студентов на основе полученных общетеоретических и психологических знаний должно было сложиться индивидуальное представление о психологической науке; 4) положение, сформулированное П.Я. Гальпериным о том, «… что конкретное содержание психики и психической деятельности есть производное индивидуального опыта, который предполагает определенную организацию самой деятельности и определенное использование орудий этой деятельности» [3: с. 13]; 5) возможность научно-консультационного управления процессом формирования ориентировочной основы деятельности психолога в условиях практикума [17].

Программа интроспективного анализа учебно-профессиональной, познавательно-исследовательской деятельности ***включала три задачи***, исполнение которых требовало предварительной проработки теоретико-методических знаний, необходимых для научно-обоснованного исполнения поставленных задач. Начиналось исполнение первой задачи с изучения объективной структуры «трудового поста», как одной из форм существования профессии [11], и его описания. Оно было направлено на усвоение научных принципов нормативной объективной реальности профессии, осознание смысла и значимости ее изучения для выявления отношения человека к избранной им деятельности и формирования такого психического регулятора труда как образ объекта. В результате исполнения данной задачи студенты описывали цели работы с научно-практической и личностной позиции; объект своего исследования; средства его изучения, действия, обеспечивающие исполнение деятельности, и правила их исполнения; межличностные взаимосвязи и их значимость для успешного исполнения исследования, а также специфические теме курсовой работы особенности профессиональной среды (социально-контактной, информационной и витальной). Выполнение этой задачи требовало взаимосвязанной актуализации когнитивно-образной, операционально-ориентировочной, ценностно-смысловой и коммуникативно-социальной сфер во взаимосвязи с регуляторно-волевой сферой познавательной деятельности. Студентам не сразу удалось осознать необходимость целенаправленного изучения объективных характеристик «трудового поста» как основы понимания сущности профессионального труда с психологической точки зрения. Поэтому допускались серьезные ошибки при анализе, которые после проверки и обсуждения они должны были исправлять.

Решение второй задачи тоже вызвало затруднения при интерпретации субъективного смысла целей, правил и норм исследовательской деятельности при сопоставлении их с объективными характеристиками трудового поста. Именно в этих условиях начинали формироваться такие психологические признаки субъекта труда, как «осознание обязательности достижения заданного результата труда», «ориентировка в межлюдских производственных отношениях», осознание значимости навыков научного анализа при решении практических задач [11]. Психологическая интерпретация студентами объективных характеристик профессии требовала взаимосвязанной актуализации когнитивно-образной сферы с операционально-ориентировочной, ценностно-смысловой и регуляторно-волевой сферами познавательной деятельности.

Третья задача была направлена на самооценку студентами сформированности своих личностных качеств и профессиональных возможностей в целях осмысления и самооценки своей профессиональной готовности как будущего специалиста. Как отмечают известные специалисты в области управления человеческими ресурсами в организациях Хьюберт Рамперсад и Кари Туоминен, самооценка может быть использована для отслеживания развития, она «позволяет быстро понять, какие области требуют развития …» [19: с. 9], что человек думает о необходимости изменений, какие вопросы являются для него личностно значимыми, как он оценивает себя, и к каким достижениям он стремится. Эти же авторы считают, что проведение самооценки стимулируют человека думать по-другому и учиться; поощряет людей ставить более сложные цели; поддерживает решимость и укрепляет ощущение собственной ценности [19: с. 10].

Самооценка осуществлялась студентами на основе научно-методических принципов изучения уровня сформированности субъекта труда, сформулированных Е.А. Климовым [10; 11]. Каждый студент самостоятельно разработал опросник, используя материалы ранее выполненных заданий и ориентируясь на научно-сформулированные признаки психических регуляторов субъекта труда и психологические признаки труда, а также и на психические регуляторы активности человека, для самооценки личностных и профессиональных качеств. В ответах на вопросы студенты оценивали свои профессионально значимые качества и возможности, а также осознавали необходимость развития тех качеств, которые еще были недостаточно сформированы. В результате проявился осознанный интерес студента к себе как к субъекту труда: были охарактеризованы специфические требования к базовым сферам деятельности исследователя и, в частности психолога: к ценностно-смысловой; когнитивно-образной, операциональной, эмоционально-волевой и коммуникативной. Особенно явно это раскрылось при описании субъективных сложностей, затруднявших исполнение курсовой работы и способах их преодоления. Здесь уже начал раскрываться профессиональный ценностно-мотивационный и рефлексивный опыт, совершенствование профессионально направленного когнитивного, операционального и коммуникативного опыта, а также опыт привычной активизации [15]. Студенты вспоминали целый ряд приемов, самостоятельно придуманных для более успешного выполнения исследования и способов преодоления сложностей. Процесс обсуждения работы стал более профессиональным. Самооценка студентами собственной психологической готовности к профессиональной деятельности, как показали результаты исследования, обеспечивалась посредством взимосвязанной реализации профессионально осмысленной когнитивно-образной и операционально-ориентировочной сфер с ценностно-смысловой, мотивационно-эмоциональной, регуляторно-волевой и коммуникативно-социальной сферами познавательной деятельности.

В результате исследования динамики развития познавательной деятельности студентов в до профессиональный период жизнедеятельности было выявлено следующее: 1) общие закономерности и условия развития познавательной деятельности в до вузовский период жизнедеятельности и их влияние на выбор профессии психолога и вуз; 2) индивидуальные особенности динамики развития познавательной деятельности в до профессиональный период жизнедеятельности; 3) тенденции изменения взаимосвязей компонентов структуры познавательной деятельности в процессе обучения на факультете психологии, обуславливающие успешность профессионального становления; 4) показатели, прогнозирующие потенциальную готовность и успешность профессионального самоопределения.

Так, результаты анализа ответов на вопросы, раскрывающие ***условия и особенности формирования первого базового уровня психологической готовности к школьному обучению*** (в дошкольном периоде развития познавательной деятельности) выявили у 23 человек благоприятные условия их жизнедеятельности. Эти условия способствовали познанию разнообразного окружающего мира, ориентировку в окружающей среде; обеспечивали развитие разных интересов и их реализацию в художественной, творческой, мыслительной и спортивной деятельности индивидуально и в разных коллективах; формировали самостоятельность и способность к участию в ролевых играх и преобразующей деятельности, доброту и отзывчивость, чувство взаимного уважения. В развитии познавательной деятельности проявилось преобладание чувственно-эмоциональной, потребностно-мотива-

ционной и мотивационно-эмоциональных сфер во взаимосвязи с развитием коммуникативно-социальной, операционально-ориентировочной, когнитивно-образной и регуляторно-волевой сферами. Только у одного студента, как показал анализ его ответов на первую анкету, объективные условия развития познавательной деятельности в дошкольном периоде жизни были ограниченными, не было того познавательного пространства, которое способствовало бы раскрытию его потенциальных способностей и возможностей. С детства его жизнь протекала в противоборстве с братьями и сверстниками, основным и единственным увлечением был футбол, он с детства претендовал на самостоятельность, независимость и лидерские позиции, в сказках он находил недостающее ему в человеческом общении, эмоциональное равновесие. Уже на первом этапе развития познавательной деятельности у него проявились серьезные противоречия: между потребностно-мотивационной сферой и когнитивно-образной; между мотивационно-эмоциональной и коммуникативно-социальной.

Анализ данных, раскрывающих ***общие закономерности формирования второго базового уровня психологической готовности к выбору профессии и вуза*** в процессе учебно-познавательной деятельности в школе, выявил у всех 24 участников исследования начало развития ценностно-смысловой сферы на фоне дальнейшего развития потребностно-мотивационной, мотивационно-эмоциональной, коммуникативно-социальной, операционально-ориентировочной, когнитивно-образной и регуляторно-волевой сфер познавательной деятельности, регулирующих отношение, осознание и поведение школьников в учебном процессе. Воспоминания студентов о своей прошлой жизни в период обучения в школе и подготовке к выбору профессии раскрыли такие качества личности субъекта как тревожность и воля, уровень осознания своих возможностей; познавательную активность; инициативность; самостоятельность; ответственность и дисциплинированность; критичность по отношению к другим людям, к себе и к различным обстоятельствам; целеустремленность и целенаправленность, самоидентичность.

Анализ ***индивидуальной динамики развития познавательной деятельности в до вузовский период*** выявил у 24 студентов особенности самоопределения личности и формирования нового осознанного отношения к объективной реальности. В дошкольном периоде развития преобладали все сферы эмоциональной направленности (чувственно-эмоциональная, мотивационно-эмоциональная, потребностно-мотивационная) во взаимосвязи с коммуникативно-социальной, которые обусловливали отношения с взрослыми и сверстниками и влияли на поведение ребенка. Здесь уже подсознательно формировался определенный тип отношения к себе как к личностно значимому и к взрослому, так и другому значимому; самостоятельность, инициативность, продуктивная познавательная активность; дисциплинированность. Что соответствовало вышеобозначенным теоретическим и эмпирическим исследованиям известных ученых.

В процессе школьного обучения постепенно начало проявляться переосмысление своих возможностей и способностей, интересов, потребностей и желаний, отношений в социуме и отношения к себе как значимому и перспективному. Происходило формирование самосознания, которое, по мнению С.Л. Рубинштейна, раскрывало индивидуальные особенности определения субъектом своего способа жизни [16]. Так, например, у того студента, условия развития познавательной деятельности которого в дошкольный период жизнедеятельности значительно отличались от благоприятных, в процессе школьного обучения ценностно-смысловая сфера жизни и коммуникативно-социальные отношения приобрели позитивную направленность, благодаря раскрытию математических способностей, интересу к их развитию и изменению его статуса в коллективе сверстников и оценке преподавателей. Это позитивно отразилось и на развитии всех остальных сфер познавательной деятельности и в будущем профессиональном становлении в вузе. У остальных 23 студентов была ***выявлена дифференциация преобразования развития познавательной деятельности в процессе школьного обучения и выбора профессии.*** Как показал сравнительный анализ ответов студентов на первые две анкеты, направленность преобразований в познавательной деятельности в период школьного обучения, взаимосвязана с условиями их жизнедеятельности в дошкольном периоде. Так ***были выявлены три вида взаимосвязей объективных условий развития познавательной деятельности*** в процессе становления личности и формирования субъекта труда в до вузовский период. Один вид – это условия жизнедеятельности управляемые и предоставляемые родителями (по своему усмотрению) как в дошкольный период, так и при выборе профессии при активном и творческом их принятии со стороны ребенка. Как показал анализ ответов студентов, именно такая взаимосвязь способствует позитивному развитию личности и формированию субъекта труда. Направленность развития взаимосвязей структуры познавательной деятельности в этом случае характеризуется следующими особенностями: на фоне развития чувственно-эмоциональной и мотивационно-эмоциональной сфер расширяется область потребностно-мотивационной сферы, развиваются операционально-ориентировочная, когни-

тивно-образная и коммуникативно-социальная сферы, способствующие развитию ценностно-смысловой. Развитие регуляторно-волевой сферы в «благопрятных» условиях жизни оказывается заторможенным, но в условиях стремления к достижению успеха (поступление в вуз, успешная сдача сессии и защита курсовой работы) ценностно-смысловая сфера оказывается механизмом, активизирующим и регуляторно-волевую сферу.

Другой вид характеризуется тем, что условия развития строятся и поддерживаются родителями на основе активного целенаправленного, инициативного освоения окружающего пространства ребенком, проявляющемся в его самостоятельном желании что-то делать, познавать, строить по-своему, самоутверждаться, стремиться к расширению области познания и освоению новых средств и самоопределению в профессиональном будущем. В этом случае в динамике развития познавательной деятельности наблюдается направленное относительно равномерное формирование всех сфер познавательной деятельности и взаимосвязей между ними на основе мотивационно-эмоциональной и ценностно-смысловой сфер. Это позволяет рассматривать данные показатели как предпосылки к профессиональному самоопределению и становлению.

Полностью противоположный вид развития познавательной деятельности двум предшествующим характеризовался тем, что благоприятные условия воспринимались детьми на чувственно-эмоциональном и потребностно-мотивационном уровнях как в дошкольном, так и в школьном периоде формирования личности и субъекта труда, при постоянной поддержке родителей. В результате в период до вузовского образования преобладало формирование потребностно-мотивационной, чувственно-эмоциональной, коммуникативно-социальной и операционально-ориентировочной сфер, а развитие когнитивно-образной, мотивационно-эмоциональной, ценностно-смысловой и регуляторно-волевой сфер ограничивалось конкретными учебными задачами, эмоционально окрашенным интересом к ним, требованиями к обязательности их исполнения.

Сопоставление результатов динамики развития познавательной деятельности в до профессиональный период жизнедеятельности (дошкольный, школьный и вузовский) выявил тенденции изменения компонентов структуры познавательной деятельности и их взаимосвязей, обусловливающие формирование осознанного отношения не только к будущей профессиональной деятельности, но и к самореализации себя как личности и профессионала в будущем. ***Анализ тенденций изменений, познавательно-исследовательской деятельности,*** более выраженных на учебно-профессиональном этапе, ***выявил у студентов четыре типа направленности личностного развития,*** во взаимосвязи с развитием сфер познавательной деятельности, а также и специфические особенности формирования профессионального становлении. Условно выделенные типы были обозначены как: целеустремленный, целенаправленный, ориентировочно-поисковый тип и пассивно-неопределенный.

Целеустремленный тип, проявившийся у 8 студентов, характеризуется определенным перспективным представлением дальнейшего пути своего развития, как постоянно совершенствующегося за счет освоения различных областей научного и эмпирического знания, стремлением к участию в развитии психологической науки и ее применения в практике, и завоевания профессионального статуса в обществе. В динамике преобразования познавательной деятельности сформированы взаимосвязи между ценностно-смысловой, когнитивно-образной, коммуникативно-социальной и регуляторно-волевой сферами, и определенная направленность развития всех сфер с преобладанием ценностно-смысловой, потребностно-мотивационной, когнитивно-образной и регуляторно-волевой на фоне развития коммуникативно-социальной, операционально-ориентировочной и мотивационно-эмоциональной сфер.

Целенаправленный тип, который проявился у 7 студентов, свойственна направленность на реализацию себя как личности и профессионала в избранной ими в вузе конкретной, но узко специализированной научно-практической области профессиональной деятельности; стремление к самосовершенствованию и профессиональному совершенствованию и успешности в будущей деятельности. В динамике преобразований познавательной деятельности у данной группы студентов одновременно проявилась и неравномерность, и позитивная направленность развития всех сфер познавательной деятельности с преобладанием формирования взаимосвязей ценностно-смысловой и потребностно-мотивационной, коммуникативно-социальной и мотивационно-эмоциональной, способствующих развитию операционально-ориентировочной и когнитивно-образной сфер, обеспечиваемое разными уровнями сформированности регуляторно-волевой сферы.

Ориентировочно-поисковый тип, проявился у 6 студентов. Этому типу специфична хаотичность поиска личностного смысла в будущей профессии, неопределенность осознания сферы своих интересов и возможностей в будущей профессиональной деятельности, частая смена направлений учебно-исследовательской деятельности, эмоциональная неуровновешенность, завышенная самооценка и повышенная критичность к другому. Здесь скорее следует обратить внимание на противоречия, осложняющие формирование основных взаимосвязей структуры познавательной деятельности как инте-

грального динамического процесса. Это неравномерность развития основных сфер и познавательной деятельности: ценностно-смысловой и когнитивно-образной, потребностно-мотивационной и регуляторно-волевой, предопределяющих психологическую готовность и успешность профессионального становления будущего специалиста. Преобладающими взаимосвязями сфер познавательной деятельности данного типа являются потребностно-мотивационная и чувственно-эмоциональная, коммуникативно-социальная и мотивационно-эмоциональная, обусловливающие формирование ценностно-смысловой, операционально-ориентировочной и когнитивно-образной сфер при недостаточной сформированности регуляторно-волевой сферы.

Пассивно-неопределенный тип был выявлен у 4 студентов, которые поступили в вуз без осмысленного выбора профессии. Он характеризуется тем, что за время обучения в университете у них не сформировался интерес и осознанное отношение к будущей профессиональной деятельности, не проявилась потребность в освоении профессиональных знаний и умений и стремление к достойной самореализации своего потенциала в будущей профессии. В связи с этим они, по своему усмотрению, выбирают то, что им кажется интересным, выборочно эпизодически «проходят» учебный процесс, не особенно переживая свои неудачи и низкие оценки, постоянно сдают сессию с опозданием и надеждой на добрых сочувствующих преподавателей. Их представления о будущей профессиональной деятельности в основном связаны с материальным благополучием, желанием помогать людям, без осознания своей профессиональной готовности, сложностей, требований и ответственности. В данном случае не проявились тенденции развития основных сфер познавательной деятельности, характеризующие потенциальную готовность к профессиональному становлению: не выявлены взаимосвязи основных сфер познавательно-исследовательской; слабо выражены ценностно-смысловая сфера и направленность потребностно-мотивационной; не сформировались специфичные будущей профессии когнитивно-образная, операционально-ориентировочная и регуляторно-волевая сферы, способствующие профессиональному становлению.

Выявленные тенденции развития познавательной деятельности в до профессиональный период жизни раскрыли направленность личностного развития студентов во взаимосвязи с формированием основных сфер психической деятельности и позволили определить показатели, обусловливающие потенциальную готовность человека к успешному профессиональному становлению. Этими показателями являются динамические иерархически взаимосвязанные сферы познавательной деятельности как интегральной характеристики потенциальных ресурсов психического развития личности и субъекта труда: взаимосвязь ценностно-смысловой сферы с когнитивно-образной; потребностно-мотивационной с операционально-ориентировочной; мотивационно-эмоциональной с регуляторно-волевой; социально-коммуникативной с чувственно-эмоциональной.

Результаты данного исследования позволяют сделать предположение, что их можно использовать как ориентировочную основу консультирования и диагностики на всех этапах профессионального развития человека, и как основу подбора, адаптации и разработки методик прогностической диагностики развития человека и коррекционного формирующего консультирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев, Б.Г.* О проблемах современного человекознания / Б.Г.Ананьев. – М.: Наука, 1977. – 380 с.

2. *Гальперин, П.Я.* Введение в психологию / П.Я. Гальперин. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 149 с.

3. *Гальперин, П.Я.* Проблема онтогенеза психики (Доклад на методологическом семинаре, руководимом А.Н. Леонтьевым, 24 марта 1976 г.) / П.Я. Гальперин // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 2 (8). – С. 9–13.

4. *Завалишина, Д.Н.* Формы целепологания в творческой активности профессионала / Д.Н. Завалишина // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности; под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – М.: ИП РАН, 2008. – С. 113–125.

5. *Знаков, В.В.* Психология понимания. Проблемы и перспективы / В.В. Знаков. – М.: ИП РАН, 2005. – 448 с.

6. *Иванова, Е.М.* Динамика развития познавательной деятельности как потенциальный ресурс формирования и оценки субъекта труда / Е.М. Иванова // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития России в условиях преодоления глобального кризиса: материалы II Международной науч.-практ. конф. – Кн. 3. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 18–21.

7. *Иванова, Е.М.* Субъектно-деятельностная концепция профессионального труда Е.А. Климова и ее научно-практическая ценность / Е.М. Иванова // Вестник Московского университета. – 2010. – № 2. – С. 15–22. – (Сер. 14 «Психология»).

8. *Иванова, Е.М.* Психология профессиональной деятельности / Е.М. Иванова. – М.: Пэрсе, 2011. – 335 с.

9. *Иванова, Е.М.* К проблеме психологической готовности человека к жизни и профессиональной деятельности / Е.М. Иванова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2 (34). – С. 53–61.

10. *Климов, Е.А.* Психология профессионала / Е.А. Климов. – М.: Флинта, 2003. – 318 с.

11. *Климов, Е.А* Введение в психологию труда / Е.А. Климов. – М.: Академия, 2004. – 334 с.

12. *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политичекая литература, 1975. – 303 с.

13. *Митина, Л.М.* Психологические основы профессионального развития личности в системе «человек-профессия-общество» / Л.М. Митина // Человек-Образование-Профессия: V Международная научн.-прак. конф. – М.: ПИ РАО, 2009. – С.10–15.

14. *Мясищев, В.Н.* Психология отношений / В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева. – М.: Ин-т практич. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.

15. *Осницкий, А.К.* Психологические механизмы самостоятельности / А.К. Осницкий. – Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. – 232 с.

16. *Рубинштейн, С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 508 с.

17. *Талызина, Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний / Н.Ф. Талызина. – М.: МГУ, 1975. – 342 с.

18. *Пуфаль-Струзик, И.* Творческая активность личности – путь к профессиональной самореализации / И. Пуфаль-Струзик // Человек-Образование-Профессия: V Международная научн.-прак. конф. – М.: ПИ РАО, 2009. – 22–26 с.

19. *Хьюберт К. Рамперсад* Универсальная система показателей для оценки личной корпоративной эффективности / Хьюберт К. Рамперсад, К. Туоминен. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 147 с.

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КАК ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

А.В. Махнач

Махнач Александр Валентинович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: amak@inbox.ru

В статье сопоставляются медицинская и социальная модели, обосновывается закономерность смены парадигмы исследований и появление социальной модели в большинстве исследований в социальных науках и медицине. Модель здоровья (социальная модель) базируется на принципе равенства всех: людей с особыми нуждами и обычных людей. Сосуществование двух подходов: с позиции дефицита (медицинская модель) и здоровья (социальная модель) рассматривается на примере феноменологии и дискурса сиротства. Сиротство в рамках медицинской модели описывает окружающую среду ребенка-сироты и его самого «синдромами» и «симптомами» неблагополучия, что приводит к воспроизводству круга неблагополучия. Отход от медицинской модели в пользу социальной в малой степени коснулся феноменологии сиротства. Появление психологии здоровья рассматривается как отход от медицинской модели и обращение к исследованиям жизнеспособности человека. Социальная модель анализируется как предтеча исследований жизнеспособности человека. Обсуждается операционализация понятия «жизнеспособность человека». Приводятся данные исследований группы подростков-сирот в русле четырехаспектной экологической модели. Факторная структура жизнеспособности исследуемой группы описана в пространстве четырех факторов: «Взаимоотношения», «Субкультура», «Общество», «Личностные характеристики». Взаимоотношения являются наиболее значимым ресурсом жизнеспособности для подростков-сирот.

Ключевые слова: медицинская модель vs социальная модель, оперционализация термина «жизнеспособность человека», жизнеспособность подростков-сирот, факторная структура жизнеспособности.

Все 140 лет истории развития научная психология преимущественно была сосредоточена на том, что происходит с человеком не так и не в том направлении. В значительной степени эта ситуация отражалась в особом внимании к клинической психологии, ориентированной на лечении психических заболеваний. Научные изыскания и практика пионеров клинической психологии были направлены на лечение больных с психопатологией. Желание лечения психических заболеваний привело к тому, что стали дискретно развиваться методы и формы фармакологического и психотерапевтического лечения, многие из которых, несомненно, продемонстрировали эффективность в лечении психических заболеваний. Однако понимание психического заболевания как болезни и соответственно развитие медицинской модели лечения преобладало, что привело в основном к финансированию и развитию научных исследований и лечения психических расстройств, при этом психология нормального, здорового функционирования человеческого поведения и условий, способствующих благополучию человека, чаще всего игнорировалась [39].

Смена парадигмы исследований: от медицинской модели к социальной.

В последнее время в психологии, как и во всех социальных науках, существуют два подхода, которые в общем виде сопоставимы с двумя моделями: медицинской и социальной (модель здоровья). Медицинская модель – это термин, предложенный Р. Лэнгом как зонтичное понятие, включающее в себя набор процедур, которым в большинстве программ обучаются врачи, медицинские психологи, психотерапевты [31]. Этот набор процедур предполагает знание истории болезни, анализы и лечение, которые надо назначить, прогноз успешности лечения с позиции дефицитарности, дефекта. Известный социолог Э. Гофман сравнивал эту модель, появившуюся в эпоху постиндустриальной революции, с проведением ремонтных работ плохим мастером, что-то починяющего (часы, радио или позже – телевизор) [29], рассматривая ее как весьма механистичную. Медицинская модель описывает все процессы в человеке или обществе и представляет собой подход к индивиду и его болезни (физическое страдание, психическая болезнь, социальное неблагополучие), доминирующей в медицине, психотерапии, целью которого является выявление симптомов и синдромов в лечении тела (индивид, общество) как очень сложного механизма. Теоретические модели некоторых научных направлений базируются на постулатах медицинской модели: психодинамические теории, психогенетические теории, биохимические теории, теории стресса, культурно-историческая концепция психического развития и теория когнитивного развития Ж. Пиаже и многие другие.

Влиятельная вследствие фундаментальности большого количества исследований, научных традиций и больших имен медицинская модель часто искажает реальность, так как представляет под определенным углом все, что в рамках этой модели имеется: данные, наблюдения, феномены, теории.

Эта модель (изначально как набор процедур) является на сегодняшний день моделью не только медицинских процедур в адрес больного, но и моделью мира, оказывающей значительное влияние на теоретиков в медицине, психологии, философии, специалистов многих отраслей человекознания. В итоге, посредством литературы, СМИ, фильмов, искусства, доминирующей в обществе идеологии, эта модель нездоровья усиливает и интернализирует негативное самовосприятие индивида, не способствует его развитию.

В противовес этой модели в медицине, социальных и поведенческих науках появились *холистическая модель здоровья* (1970-е гг.), *социальная модель* (обозначившаяся в 1960-е гг. как реакция на сегрегацию инвалидов), *биопсихосоциальная модель* [26], *модель выздоровления*. В последней – модели выздоровления – используются такие важные для индивида понятия, как надежда, индивидуальный потенциал, выздоровление. Выздоровление рассматривается как процесс, как путь, который усиливается надеждой, пониманием себя, поддерживающими отношениями, включением в социум, развитием совладающих механизмов, появлением смысла жизни, жизнеспособностью человека. В связи с этим деинституционализация является очень важным для взрослого человека или ребенка явлением и событием, смысл которого заключается в возврате в общество, к правилам жизни малой группы, нормального социального окружения. Хотя эта модель и разрабатывалась в основном на группах пациентов психиатрических клиник, алкоголиков (программа «Анонимные алкоголики»). Фундаментальным понятием социальной модели (модель здоровья), появившейся как ответ на сегрегацию людей с особыми нуждами, является равенство всех: людей с особыми нуждами и обычных людей. Борьба за равенство часто сравнивают с борьбой за равенство маргинализированных групп, потому как равенство не дается по рождению – его надо получить. Равные права усиливают возможность принятия решений и возможность жить в полноте жизни, что сопоставимо с определением жизнеспособности: «жить хорошо, любить хорошо, работать хорошо» [28]. Социальная активность, отраженная в старом лозунге «Ничего о нас без нас» требует изменений в обществе. И это проявляется: в социальных установках в адрес разных социальных групп людей, доступности информации в тех видах и формах, которые могут без барьеров восприниматься людьми с разными социальными потребностями, формировании социальных установок, свободных от тех или иных предрассудков.

М. Оливер, один из авторов социальной модели, считает, что наличие «социальной модели» напрямую связано с доминирующей идеологией в обществе. По его мнению, если определенные структуры в обществе являются проблемными, то именно они требуют внимания со стороны общества и изменений этих структур уже в рамках модели здоровья [37]. К дефицитарным признакам, оценивающим взаимодействие индивида с любой из действующих структур общества, он относит: отсутствие необходимого образования, бедность, дискриминация при приеме на работу, обесценивание сделанного человеком, предрассудки, вера в силу медицинского лечения, недостаток информации и др. При этом М. Оливер считает, что люди с особыми нуждами (социальными, физическими, интеллектуальными) должны быть равноправными с другими членами общества в доступе к ресурсам семьи, общества, государства.

В других исследованиях, проводимых в рамках социальной модели, говорится о существующих в обществе социальных установках, которые, прежде всего, отражаются в адрес детства и сказываются на детях [34]. Ниже в таблице отражены существующие в двух моделях установки в адрес детей.

Таблица

Сравнение представлений, принятых в медицинской и социальной моделях (на примере детства)

Медицинская модель	Социальная модель
Ребенок наделен недостатками	Ребенок представляет собой ценность
Диагнозы	Сильные стороны ребенка определяются им самим и другими
Приклеивание ярлыков	Определение барьеров и развитие взглядов
Нездоровье становится фокусом внимания	Разрабатываются программы развития
Оценка, мониторинг, программы терапии навязываются	Предлагаемые ресурсы становятся доступными для обычных служб
Сегрегация и альтернативные службы	Обучения родителей и профессионалов
Люди из числа помощников задействованы постоянно	Взаимоотношения поддерживаются
Возвращение если лечение проходит нормально или перманентное исключение	Различия принимаются, ребенок включается
Общество остается неизменным	Общество развивается

Сосуществование этих двух подходов особенно заметно в феноменологии и дискурсе сиротства. Так, по мнению М.С. Астоянц, в дискурсе сиротства можно выделить три типа: дискурс *социальной опасности, социального самооправдания и социальной интеграции*. В дискурсе *социальной опасности* сирота выступает как объект, которого общество исключает, он чаще всего воспринимается как угроза криминализации общества. Дискурс *социального самооправдания* предполагает поиск виноватых, с обвинением неблагополучных семей. Дискурс *социального партнерства* (интеграция общества в решении проблем детей-сирот) представляет ребенка как активную развивающуюся личность, а решение проблемы сиротства видится в интеграции всего общества, в сотрудничестве государства, общественных организаций, профессиональных объединений, СМИ [4]. Таким образом, в дискурсе сиротства одновременно существуют и очевидно вступают в контрадикцию два дискурса: социальной опасности и социального партнерства. Первый – из медицинской модели, второй – из социальной. Сиротство в рамках медицинской модели описывает окружающую среду ребенка-сироты «синдромами» и «симптомами» неблагополучия, что приводит к воспроизводству круга неблагополучия: неблагополучные дети, вырастая, становятся неблагополучными родителями, воспитывают неблагополучных детей, которые в свое время повторят своих родителей. Этот круг неблагополучия проявляется в формировании чрезмерной зависимости как черты личности, включающей в себя постоянную нужду в принятии другими, любви со стороны других; а также неблагополучное восприятие себя, своей роли в семье, социуме, неустойчивую самооценку. Интересно, что использование таких слов, как «помощь» и «социальная услуга» так же соотносимо с медицинской моделью. Это означает, что люди с особыми потребностями (физическими, социальными) нуждаются в помощи, сообщая об индивиде как о проблеме, вместо того, чтобы центр проблемы переносить на барьеры, создаваемые окружением индивида, социумом или семьей. Именно термины «поддержка», «услуга», «сопровождение» часто используются специалистами социальной сферы, психологами, которые работают с людьми с особыми потребностями. Поэтому совсем не случайно, что говоря о социальной поддержке замещающих семей, обращается внимание на то, как воспринимается реципиентами эта поддержка. D. Ghate, N. Hazel ввели понятие «негативной поддержки». Оно подчеркивает тонкую границу между помощью и вмешательством, потерей контроля над собственной жизнью и детьми, что кажется родителям вероятными последствиями принятия помощи [3]. Оказание поддержки в таком понимании означает отношение к семье как заведомо имеющей дефицит своих ресурсов, социально нездоровой и соответственно слабой, что вполне вписывается в медицинскую модель взаимодействия «пациент – больной».

В последнее время в социальных науках, психологии обозначился отход от существующей столетиями медицинской модели в пользу социальной, однако, это в малой степени коснулось феноменологии сиротства.

Отчасти это изменение можно наблюдать в медицинской литературе в связи с распространением термина «связанное со здоровьем качество жизни». Он подразумевает интегральную характеристику физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека, основанную на его субъективном восприятии, ставшей одной из ключевых понятий современной медицины [13]. Этот новый для медицинской модели подход перенял из социального подхода факт многомерности окружения человека, его включенности в социум, культуру, с влиянием на него многих факторов. Качество жизни рассматривается как многомерная структура, включающая в себя: восприятие индивидом своего физического и психологического состояния, уровень независимости, взаимоотношения с другими людьми, убеждения, отношение к окружающей его среде. К сожалению, эта оценка качества жизни пока нацелена на взрослых, на этой выборке проводятся социально-медицинские исследования с выделением факторов риска, динамическое наблюдение за группами риска, экспертиза новых методов лечения и т.п. Отношение к детям и тем более к детям-сиротам попрежнему базируется на медицинской модели: диагностика дефицитарности какой-то из сфер (физической, эмоциональной, личностной или социальной) и поиск тех внешних факторов, которые могут эту дефицитарность заместить, исправить. До настоящего времени в этом подходе нет исследований, посвященных детям в целом и детям-сиротам в частности, качество жизни которых также нуждается в многомерном взгляде на ребенка, его окружение, индивидуальные особенности, включенность в социум, использование им ресурсов общества.

Психология здоровья – отход от медицинской модели и обращение к исследованиям жизнеспособности человека.

В последние десятилетия как в нашей стране, так и за рубежом формируется новое научное направление – психология здоровья [1; 16; 24; 33], уходящее корнями в биопсихосоциальную модель Дж. Энджела, согласно которой совокупность биологических, психосоциальных (включая в себя мышление, эмоции, поведение) факторов играет основную роль в функционировании индивида в его болезни. Созданная им модель отражает динамический, интерактивный и в то же время дуалистический взгляд на человеческий опыт, в котором

есть место взаимовлиянию сознания и тела [26]. Введение биопсихосоциальной модели – это не столько смена парадигмы, обусловленной кризисом некоего научного метода или открытием нового закона, сколько осторожное расширение набора средств, более полное использование накопленных наукой знаний в интересах каждого индивида [21]. Эта модель, несмотря на ее происхождение из модели медицинской, делает акцент на здоровье, а все исследования в русле этой модели направлены на предупреждение болезни, на продвижение здорового образа жизни. Как научно-практическое направление, психология здоровья призвана расширять возможности восприятия адаптивного поведения человека в его жизненной среде. Психология здоровья, ориентируясь на гуманистическую направленность психологии, выбирает путь «от жизни к идеалу», изучая идеальное в реальном [18]. В последние годы ряд ученых придерживаются биопсихосоциальной модели, которая вносит существенные изменения как в оценку роли социального фактора в профилактике, генезе и развитии нарушений психического здоровья, так и в методологию врачебной психиатрической помощи [7; 14]. Применительно к детско-подростковой популяции это обусловливает необходимость исследования взаимосвязи между нарушениями психического развития и особенностями социализации детей. Не случайно несоответствие социального, психологического и психофизиологического статуса ребенка условиям и требованиям школьного обучения сопровождается школьной дезадаптацией [5].

Поскольку психология здоровья предусматривает практику поддержания здоровья человека, то, по мнению автора, исследования в области психологии здоровья человека не могут быть вне его экологии. Поэтому это направление пересекается по предмету исследования (здоровое функционирование индивида) и по объекту (индивид с его социальным окружением) с экологическим подходом в психологии развития У. Бронфенбреннера. Известно, что социокультурный (экологический) подход в исследовании детского развития Бронфенбреннера состоит в междисциплинарном объяснении процессов социализации человека. Экологическая модель, описывающая структуру окружения ребенка, предложенная им, выделяет в качестве основных сфер человеческого развития на всем его протяжении четыре следующих контекста: семейный, социальный, культурный и исторический. Он предполагал, что бытие человека во многом определяется системами, в которые он включен, и характером влияния этих систем друг на друга. Система по Бронфебреннеру – это сообщество общающихся и влияющих друг на друга людей [23].

Во многих исследованиях с опорой на основные положения экологического подхода проводится изучение жизнеспособности («resilience») детей, подростков и семей. Психологами впервые это интегративное качество личности было выделено в исследовании Э. Вернер и ее сотрудников. В результате она определила жизнеспособность как баланс между факторами риска и защитными факторами [41]. Практически об этом же свидетельствуют исследования М. Блейера, наблюдавшего более чем 40 лет 184 детей с родителями-шизофрениками и описавшего их функционирование в разных условиях: семьи, общения со сверстниками, родными, в минуты радости и горя. Многие из этих детей имели почти все, что следует отнести к неблагоприятному типу влияния семьи и, прежде всего, неблагоприятный генетический фон из-за родителей-шизофреников, частично «нормальные» условия жизни в семье. Несмотря на все это большое число из этих детей оказались способными жить «нормальной» или «почти нормальной» жизнью и только чуть менее 10 % из этой выборки получили диагноз «шизофрения» в их взрослом состоянии [20]. Продемонстрированная жизнеспособность большинства из этих детей имеет значительный теоретический интерес, и должна служить обнадеживающим стимулом для исследователей. Наблюдения М. Блейера являются, пожалуй, одними из первых лонгитюдных исследований, показывающих взаимосвязь социальных и семейных рисков – с одной стороны, и жизнеспособности отдельных членов семьи – с другой. В своих исследованиях М. Блейер, будучи врачом-психиатром, отходит от медицинской модели дефицитарности и впервые обращает внимание на ресурсы семьи и индивидуальные ресурсы, способствующие адаптации человека в неблагоприятных условиях жизни. Он обращает внимание на семью, родных, общение со сверстниками как условие, помогающее ребенку устоять, развиваться и «отскочить», не разрушив себя. Это качество назовут сначала неуязвимостью ребенка, а позже – жизнеспособностью.

Операционализация понятия «жизнеспособность человека».

Современное состояние исследований жизнеспособности человека определяет также и ближайшие перспективы этого направления: необходимо направить усилия на операционализацию термина, что, как известно, представляет собой особую процедуру установления связей обсуждаемого концепта с методическим инструментарием, позволяющим уточнять содержание этого понятия. Операционализация понятия «жизнеспособность человека» для отечественной психологии – это не только уточнение содержания понятия и приведение эмпирических доказательств его существования, но также и последовательное наполнение его теорети-

ческим смыслом, особенно с учетом того, какое значение имеет этот феномен не только для психологии, но и для многих отраслей человекознания: социологии, философии, истории, экономики, экологии [11]. Поэтому не случайно операционализация этого понятия происходит также и в поле междисциплинарных исследований, в рамках которых находит свое место и психология.

Операционализация феномена жизнеспособности также зависит от условно выделяемых и исторически сложившихся этапов исследования жизнеспособности. Условно выделяют пять этапов.

1. Исследования Н. Гармези в 40–50-х гг. XX столетия по проекту «Компетентность» (Project Competence), в котором изучались взаимовлияние родительской компетентности, неблагоприятных условий жизни и жизнеспособность детей, родительских компетенций для прогноза функционирования родителей и развития у детей неуязвимости как свойства, даже в случаях с серьезными психическими заболеваниями родителей [28, 38]. Концептуализация понятия жизнеспособности происходила через понимание того, какие факторы являются защитными и формируют компетентность родителей, и в связи с этим – развитие детей.

2. На этом этапе исследовалась жизнеспособность индивидов в лонгитюдных экспериментах Э. Вернер и ее сотрудников на о. Кауи, Гавайские острова в 1950–1980 гг. [41]; в г. Крайстчерч, Новая Зеландия (Christchurch Health and Development Study, 1977–1990 гг.) «неуязвимых» детей [19; 27]. Концептуализация термина жизнеспособности определялась поиском признаков жизнеспособности в социальной среде, семье, индивидуальных особенностях человека, общественных институтах: морали, религии, государства.

3. Третья волна исследователей из Search Institute [32], Resiliency Canada [25] изучала ресурсы, связанные с жизнеспособностью и оказывающих влияние на детей. Фокус этих исследований сместился от поиска механизмов, которые предотвращают риск и изучения траектории развития ребенка, к тому, как наилучшим способом сформировать ценные качества личности, развивая детей и их окружение. Концептуализация понятия жизнеспособности происходила в русле поиска психологических ресурсов личности, социальных ресурсов общества, сопоставлении роли индивидуальных и социальных ресурсов.

4. Четвертая волна исследований демонстрирует необходимость понимания жизнеспособности как артефакта, как индивидуальной способности человека идти по своему пути к ресурсам своего психологического здоровья и здоровья социума в контексте культуры [22]. Жизнеспособность рассматривалась как признак здорового и социально приемлемого функционирования человека [36]. В концептуализации жизнеспособности в этих исследованиях внимание обращается на такие важные для индивида понятия, как надежда, понимание себя, индивидуальный потенциал, ресурсы, поддерживающие отношения, включение в социум, смысл жизни.

5. В последнее время исследователи делают акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности, разрабатывая, например, ее четырехаспектную экологическую модель [40]. Концептуализация термина «жизнеспособность» в исследованиях последних лет происходит преимущественно в русле социальной модели и теории экологических систем У. Бронфенбреннера, в которой акцент на философию экологического бытия позволяет расширить понимание этого феномена от узкого детерминированного факторами защиты и риска до системной характеристики человека.

И к этому подходу близко, по мнению автора, понимание системы по П.К. Анохину, согласно которому комплекс избирательно вовлеченных компонентов, взаимодействие и взаимоотношения принимают характер *взаимосодействия* компонентов на получение фокусированного полезного результата [2]. При этом в большинстве современных исследований отчетливо наблюдается отход от медицинской модели к социальной с фокусом на поиск факторов защиты, способствующих формированию жизнеспособности, в том числе и у незащищенных групп населения.

Исследование жизнеспособности подростков-сирот.

В русле четырехаспектной экологической модели проводятся и наши исследования групп социально незащищенных детей-сирот, школьников, обучающихся в школах для девиантных детей [9; 10]. В ряде наших работ обсуждены предпосылки возникновения исследований «жизнеспособности» человека, содержание и значение термина «жизнеспособность», а также проведено соотнесение понятий, связанных с жизнеспособностью, представлены перспективы исследований жизнеспособности человека [8; 9; 11].

По нашему мнению, социальная адаптация сирот в обществе – постоянная борьба за баланс между факторами риска и защитными факторами. Защитные факторы и факторы риска рассматриваются как процессы, а не как абсолютные величины, поскольку одно и то же событие или условие может выступать как в качестве защитного, так и в качестве фактора риска, в зависимости от общего контекста, в котором оно возникает [35]. Факторами риска для подростка-сироты является социальный опыт молодого человека, его личностные свойства (нестабильная самооценка, низкая самоэффективность, внешний локус-контроля и др.), часто – сниженное физическое здоровье, нарушенные от-

ношения с кровной семьей. Защитными факторами, т.е. факторами жизнеспособности будут являться для него наличие «значимых других», позитивно влияющих на формирование социального опыта молодого человека, определенные личностные качества (стабильная самооценка, жизнестойкость, высокая самоэффективность, навыки совладания со стрессом и др.). И поэтому профессиональная работа по формированию жизнеспособности в этой группе должна быть направлена на усиление важнейших для них средовых факторов, обеспечивающих чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне. И что особенно важно – более точная оценка внутренних и внешних защитных факторов для подростка и формирование в нем тех, которые способствуют адекватному его поведению в тех или иных стрессовых ситуациях.

Жизнеспособность подростков-сирот была изучена в рамках международного проекта по исследованию жизнеспособности подростков и молодежи [30]. Участниками эксперимента стали подростки (n = 56), воспитанники интернатных учреждений[1]. Средний возраст участников – 15,4 лет. Для исследования их жизнеспособности был использован тест CYRM (Child and Youth Resilience Measure – Тест оценки жизнеспособности детей и подростков). Полученные данные были обработаны методом факторного анализа (метод главных компонент, варимакс-вращение). Использовался исследовательский (эксплораторный) факторный анализ, позволяющий определить, сколько и какие именно психологические конструкты (факторы) измеряются данным тестом. Для сокращения числа факторов применялся критерий Кайзера. Была создана факторная матрица, общий вес первых 4-х факторов составлял 55,2 % объясняемой дисперсии данных; для анализа были взяты четыре первых фактора, названные нами: «Взаимоотношение» – 17,85 % объясняемой дисперсии данных, «Субкультура» – 13,91 %, «Общество» – 12,72 %, «Личностные характеристики» – 10,64 % и наиболее содержательно отражающие структуру жизнеспособности исследуемой группы.

Фактор «Взаимоотношения» – наиболее важный фактор в факторной структуре жизнеспособности подростков. В него вошли вопросы теста, оценивающие взаимоотношения со «значимыми другими». Мы ранее пришли к выводу, что жизнеспособность детей-сирот во многом определяется приспособлением к влияниям взаимоотношений в их среде [10]. Согласно А.Н. Прихожан и Н.Н. Толстых дети-сироты делят мир на «своих» и «чужих», на «мы» и «они». От чужих дети-сироты обособляются, но и внутри своей группы подростки-сироты тоже обособленны [15]. Такое положение вещей говорит о преобладании дискурсов социальной опасности и социального самооправдания, как для самих сирот, так и для общества в целом. По мнению автора, взаимоотношения как средовый фактор выходит у сирот на первое место, являясь средством отделения от других, но при этом – самым значимым фактором жизнеспособности. И поэтому, не имея тех навыков социального поведения, которые необходимы для успешной адаптации в обществе, сироты вынуждены ориентироваться на ближайшее свое окружение, т.е. сверстников, показывая образец поведения принятый в их среде. Социальное окружение за пределами группы сверстников не предлагает им иного способа взаимодействия с ним, и, будучи одной из самых стигматизированных групп российского общества, сироты не умеют выстраивать отношения социального партнерства позже вне интернатных учреждений. Это заметно на примере выпускников этих учреждений. По понятным причинам роль «значимых других» (соседи, случайные знакомые, одноклассники, учителя, воспитанники детского дома, покровители) в жизни выпускников детских домов заметно возрастает. Выпускники детских домов как бы «добирают» недостающие социальные и эмоциональные ресурсы через опору на покровителей, случайных людей, тех, кто их «пожалел», «продвинул» или оказал помощь [17]. То или иное окружение для выпускника может являться как фактором риска, так и защитным фактором в зависимости от того, кто и в какой мере из их окружения является для него «значимым другим». В подобных случаях он должен проявить заботу, опеку, отражающие его отношение к сироте с преобладанием в его словах и действиях дискурса социальной интеграции, что и будет проявлением жизнеспособности взаимоотношений «молодой человек – значимый другой». В группе значимых других важна роль сверстников, потому что чаще всего только с их помощью происходит социализация подростка-сироты и формирование правил независимой жизни в будущем, дает ему вектор социального развития через тот небольшой, и часто единственный, опыт социального взаимодействия, который окажет устойчивое влияние на развитие всей его личности в целом.

Фактор «Субкультура». Среди наиболее значимых средовых влияний личности выделяют опыт человека, связанный с его принадлежностью к определенной культуре, или, как в нашем случае, субкультуры подростков-сирот. В качестве одной из причин возникновения девиантного поведения называют «закрытость, недоступность культурно-исторического опыта человечества или обеднения, оскудения окружающей культурной среды обитания и социальной ситуации развития [6]. Формирование

[1] Экспериментальные данные собраны А.И. Лактионовой.

субкультуры сирот имеет характер обособления и вместе с тем – соотнесения со средой вне учреждения. Для сирот это означает постоянную «сверку» собственных социальных и культурных ориентиров (при этом достаточно слабых и неустойчивых) с существующей в обществе системой ценностей и норм. Часто это проявляется в противопоставлении своей субкультуры чужой, но принятой в обществе.

Фактор «Общество». В организации жизни в интернатных учреждениях есть факторы, препятствующие их нормальному развитию и способствующие возникновению социальной депривации, «депривации учрежденческого типа». Социальная депривация формирует особые механизмы поведения подростков-сирот, которые выступают в противоречия с нормами, принятыми в обществе. По мнению В.Н. Мясищева, богатство отношений с окружающим миром – главное условие нормального развития личности [12]. Государство, подменяя собой семью, не может обеспечить условия для нормального развития детей-сирот. Наше исследование подтвердило, что подростки-сироты, чувствующие себя ненужными своей семье и друзьям, и понимающие, что их социальное происхождение влияет на отношение к ним сверстников, рассчитывают в первую очередь на государство, несущее за них ответственность. Результат – сироты не могут приспособиться к самостоятельной жизни.

Фактор «Личностные характеристики». Анализируя содержание фактора «Личностные характеристики» отмечаем, что чем больше подросток-сирота уверен в своем будущем, в возможности реализовать себя, тем меньше его страх алкогольной (наркотической) зависимости. Его уверенность в будущем положительно связана с уверенностью в своих силах. Закономерным также является место этого фактора в факторной структуре данных воспитанников интернатного учреждения. В отечественных исследованиях описывается особый тип личности, характерный для воспитанника детского дома. А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых указывают на недоразвитие внутренних механизмов активного, инициативного и свободного поведения, преобладание зависимого, реактивного поведения [15]. По нашему мнению, в интернатных учреждениях у ребенка формируются иные механизмы адаптации, помогающие ему приспособиться к жизни в учреждении и впоследствии – к самостоятельной жизни, но в этих механизмах менее всего задействовано его собственное Я, вследствие его слабости. По мнению А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, это является следствием не только нарушенных ранних эмоциональных связей с матерью или другими близкими взрослыми, но и того, что жизнь в детском учреждении не требует личности в той ее функции, которую она выполняет в нормальной человеческой жизни [15]. В результате подростки-сироты не имеют тех навыков проявления личностной позиции, которая необходима для успешной адаптации в обществе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Взаимоотношения являются наиболее значимым ресурсом для подростков-сирот. Субъективно они выделяют этот фактор как основной ресурс даже в том случае, когда это не соответствует объективной реальности. Отсутствие этого данного фактора приводит к снижению социальной адаптивности.

2. Включенность подростков в собственную субкультуру есть условие формирования традиций и культуры в общем их понимании, но при влиянии на это «значимых других». В их возрасте субкультура является для подростков-сирот фактором, повышающим их жизнеспособность.

3. Личностные качества как ресурс жизнеспособности у подростков-сирот практически отсутствуют, но при наличии позитивного влияния «значимых других» могут приобретать большее значение.

4. Подростки-сироты рассчитывают в первую очередь на государство, несущее за них ответственность, что определяет низкую адаптацию сирот – выпускников детских домов, начинающих самостоятельную жизнь.

Заключение. В исследованиях последних лет отчетливо оформилась социальная модель как основа исследований жизнеспособности человека. Постепенный отход от дефицитарной медицинской модели к социальной определил приоритеты и фокусы исследований: стали изучаться благополучие, надежда, потенциал, ресурсы, смысл жизни человека, составляющие внутренние и внешние факторы жизнеспособности человека. Это изменение также отразилось в дискурсе социально незащищенной группы – подростки-сироты. Вместе с тем появление дискурса социального партнерства, восходящего корнями к социальной модели, не является доминирующим как в среде специалистов, так и в обществе. В понимании проблематики сиротства специалистами по-прежнему доминирует медицинская модель, не всегда для формирования жизнеспособности сироты понимается значимость внутренних и внешних факторов: роль среды в широком смысле, культуры, семьи и отношений со «значимыми другими». В этом случае на примере детей-сирот как социально незащищенной группы еще пока рано говорить об изменении дискурсов: от социальной опасности и социального самооправдания по направлению к социальному партнерству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев В.А.* Введение в психологию здоровья: учеб. пособие / В.А. Ананьев. – СПб.: Изд-во БПА, 1998.

2. *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональных систем: Избранные труды / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.

3. *Арчакова, Т.О.* Экологический подход к работе с замещающими семьями в США и Европе / Т.О. Арчакова // Современная зарубежная психология. – 2012. – № 3. – С. 86–97.

4. *Астоянц, М.С.* Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии (социокультурная интерпретация): автореф. дис. …д-ра социол. наук / М.С. Астоянц. – Ростов-н/Д., 2007. – 44 с.

5. *Востроknутов, Н.В.* Типология делинквентного поведения детей и подростков: социально-средовые, эмоционально-личностные и психопатологические факторы риска / Н.В. Востроknутов // Социальная дезадаптация: нарушения поведения у детей и подростков: материалы Рос. научн. практ. конф. – М., 1996. – С. 21–29.

6. *Гиппенрейтер, Ю.Б.* Введение в общую психологию / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

7. *Дмитриева, Т.Б.* Охрана психического здоровья здоровых как стратегическая задача отечественной психиатрии / Т.Б. Дмитриева // Проблемы медицины и психиатрии. – 2003. – Т. 3. – С 3–7.

8. *Лактионова, А.И.* Жизнеспособность и ее место в системе психологических понятий / А.И. Лактионова // Вестник МГОУ. – 2010. – № 3. – С. 11–15. – (Сер. «Психологические науки»).

9. *Лактионова, А.И.* Факторы жизнеспособности девиантных подростков / А.И. Лактионова, А.В. Махнач // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 6. – С. 39–47.

10. *Лактионова, А.И.* Жизнеспособность подростков-сирот / А.И. Лактионова, А.В. Махнач // Проектная деятельность детей как ресурс развития жизнестойкости. – М.: БФ «Женщины и дети прежде всего». – 2009. – С. 6–32.

11. *Махнач, А.В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие / А.В. Махнач // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 6. – С. 84–98.

12. *Мясищев, В.Н.* Личность и неврозы / В.Н. Мясищев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.

13. *Новик, А.А.* Руководство по исследованию качества жизни в медицине / А.А. Новик, Т.И. Ионова. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002.

14. *Положий, Б.С.* Социокультуральные и клинические характеристики больных с пограничными расстройствами / Б.С. Положий, А.Д. Посвянская // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2001. – Т. 3. – С 61–65.

15. *Прихожан, А.М.* Психология сиротства / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. – СПб.: Питер, 2007.

16. Психология здоровья: учеб. для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2006.

17. *Радина, Н.К.* «Значимые другие» в историях жизни выпускников интернатных сиротских учреждений / Н.К. Радина, Т.Н. Павлычева // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 124–135.

18. *Романцов, М.Г.* Креативность образования через психологию здоровья / М.Г. Романцов, С.Н. Коваленко // Успехи современного естествознания. – 2003. – № 9. – С. 75–77.

19. *Anthony, E.J.* Risk, vulnerability, and resilience: an overview / E.J. Anthony, B.J. Cohler (eds.) // The invulnerable child. – N.Y.: Guilford Press, 1987. – P. 3–48.

20. *Bleuer, M.* The schizophrenic disorders: Long term patient and family studies / M. Bleuer. – New Haven: Yale University Press, 1978.

21. *Borrell-Garrió, F.* The Biopsychosocial model 25 years later: principles, practice, and scientific inquiry / F. Borrell-Garrió, A.L. Suchman, R.M. Epstein // Annals of Family Medicine. – 2004. – Vol. 2. – № 6. – P. 576–582.

22. *Boyden, J.* Children's risk, resilience, and coping in extreme situations / J. Boyden, G. Mann // Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts / M. Ungar (ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. – P. 3–26.

23. *Bronfenbrenner, U.* The ecology of human development / U. Bronfenbrenner. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.

24. *Cassileth, B.R.* Psychosocial status in chronic illness. A comparative analysis of six diagnostic groups / B.R. Cassileth, E.J. Lusk, T.B. Strouse, D.S. Miller, L.L. Brown, P.A. Cross, A.N. Tenaglia // New England J. of Medicine. – 1984. – Vol. 311. – P. 506–511.

25. *Donnon, T.* A psychometric assessment of the self-reported youth resiliency: assessing developmental strengths questionnaire / T. Donnon, W. Hammond // Psychol. Rep. – 2007. – Vol. 100. – P. 963–978.

26. *Engel, G.* The need for a new medical model: a challenge for biomedicine / G. Engel // Science. – 1977. – № 196. – P. 129–136.

27. *Fergusson, D.M.* The Christchurch Child Development Study: A review of epidemiological findings / D.M. Fergusson, L.J. Horwood, F.T. Shannon, J.M. Lawton // Paediatric & Perinatal Epidem. – 1989. – Vol. 3. – P. 278–301.

28. *Garmezy, N.* Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention / N. Garmezy // Catalog of Selected Doc. in Psychol. – 1976. – Vol. 6. – № 4. – P. 1–23.

29. *Goffman, E.* Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates / E. Goffman. – New York, Doubleday, 1961.

30. International Project on Resilience [Electronic resource] // URL: http://www.resilienceproject.org.

31. *Laing, R.D.* The politics of the family and other essays / R.D. Laing. – London: Tavistock Publications, 1971.

32. *Lerner, R.M.* Developmental assets and asset-building communities: implications for research, policy, and practice / R.M. Lerner, P.L. Benson. – NY: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2003.

33. *Marks, D.F.* Health psychology. Theory, research and practice / D.F. Marks, M. Murray, B. Evans, C. Willig, C. Woodall, C. Sykes. – L.: SAGE Publ, 2005.

34. *Mason, M.* From father's property to children's rights / M. Mason. – N.Y.: Columbia University Press, 1994.

35. *Millstein, S.G.* Adolescent health promotion: rationale, goals, and objectives / S.G. Millstein, A.C. Petersen, E.O. Nightingale (eds.) // Promoting the health of adolescents: new directions for the twenty-first century. – N.Y: Oxford University Press, 1993. – P. 3–10.

36. *Minkler, M.* Community-based participatory research for health / M. Minkler, N. Wallerstein (eds.). – San Francisco, CA: Jossey-Bass Publ, 2003.

37. *Oliver, M.* Understanding disability, from theory to practice / M. Oliver. – London: Macmillan, 1996.

38. *Rutter, M.* Resilience in the face of adversity / M. Rutter // Br. J. of Psychiatry. – 1985. – Vol. 147. – P. 598–611.

39. *Seligman, M.E.P.* Foreword: The Past and Future of Positive Psychology / *M.E.P. Seligman* // Flourishing: Positive Psychology and the Life Well-Lived / C.L.M. Keyes, J. Haidt (eds.). – Washington, DC: Am. Psychol. Association, 2003. – P. XI–XX.

40. *Ungar, M.* Assessing resilience across cultures using mixed methods: construction of the Child and Youth Resilience Measure / M. Ungar, L. Liebenberg // J. of Mixed Methods Res. – 2011. – Vol. 5 (2). – P. 126–149.

41. *Werner, E.E.* Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study / E.E. Werner // Development and Psychopathology. – 1993. – Vol. 5. – P. 503–515.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИУМЕ

Е.А. Левкова

Н.Э. Посвалюк

С.З. Савин

Л.С. Турков

Левкова Елена Анатольевна – доктор медицинских наук, профессор РАН, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения, ведущий научный сотрудник лаборатории медицинской информатики ВЦ ДВО РАН (г. Хабаровск).

Контактный адрес: e.levkova@rambler.ru

Посвалюк Наталья Эдуардовна – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник лаборатории медицинской информатики ВЦ ДВО РАН (г. Хабаровск).

Контактный адрес: nposvaluy@mail.ru

Савин Сергей Зиновьевич – кандидат технических наук, заведующий лабораторией медицинской информатики ВЦ ДВО РАН (г. Хабаровск).

Контактный адрес: savin.sergei@mail.ru

Турков Сергей Леонидович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории медицинской информатики ВЦ ДВО РАН (г. Хабаровск).

Контактный адрес: savin.sergei@mail.ru

В статье представлены системный анализ и методы математического моделирования в психологии. Данное направление составляет значительную часть системного анализа, применяемого к задачам психолого-социологических исследований, является их рабочим инструментом, моделями и методами социальной динамики, дискретной математики и биоинформатики. Авторы в своей работе представили математические модели психолого-социальных систем на основе теоретико-игровых методов и разработали основные концепции для их формирования. В работе на основе сочетания теоретико-игрового подхода и методов многомерного статистического (кластерного, регрессионного и пр.) анализа достаточно корректно проинтерпретирован вклад каждого из нейрофизиологических, психоэмоциональных, экологических и социально-экономических факторов в динамику адаптивного поведения личности в социуме.

Ключевые слова: методы системного анализа, математическое моделирование, модели психосоциальных систем, теоретико-игровые методы, личность, поведение личности, социум.

Системный анализ и методы исследования операций вызвали широкий интерес к проблемам математического моделирования в психологии, экологии, биологии и медицине, теории и методам решения многокритериальных задач в условиях неполноты информации, разработке систем управления социально-психологическими и эколого-экономическими объектами и созданию оптимальных процедур при принятии решений [7; 11]. Эти научные направления составляют значительную часть системного анализа применительно к задачам психолого-социологических исследований. Их рабочим инструментом являются модели и методы социальной динамики, дискретной математики и биоинформатики [8; 13; 17].

Тем не менее существующий до сих пор в медико-психологических дисциплинах преимущественно интуитивный подход к постановке и решению задач математического и информационного моделирования, когда инициатива принадлежит практикующим психологам, социологам, представителям узких медицинских специальностей, несмотря на применение мощных современных ЭВМ для построения и анализа сложных математических моделей социально-психологических систем приводит подчас к низкой прикладной эффективности и ограниченному использованию получаемых результатов.

В теории систем адаптация – это метод проектирования систем управления, основанный на оценивании в реальном времени существенных пара-

метров для коррекции неизвестных постоянных (или медленно меняющихся) характеристик объекта управления [1; 2]. Адаптационная идентификация предусматривает построение модели объекта, используемой для определенных целей [3; 13]. Таким образом, понятие адаптации в теории управления связывается с созданием искусственных систем для функционирования в определенных внешних условиях, и скорее может использоваться непосредственно при модернизации и модификации живых структур (инженерной психологии, протезировании, тренировке специальных качеств и т.п.), формировании выборок особей с определенными качествами для решения конкретных задач, чем для исследования приспособительных механизмов, сложившихся в ходе длительной эволюции организмов. При составлении подобных количественных моделей прежде всего определяется цель моделирования, а затем приступают к построению гипотезы, представляющей качественное описание социосистемы, выбору типа модели поведения личности, математических методов и вычислительных средств для ее выражения в зависимости от цели, количества и качества информации. Наконец, на последнем этапе созданная модель исследуется на предмет сходства (идентификации) с объектом. Математическая модель психосоциальной системы, дающая достаточно полное совпадение с результатами ее экспериментальных испытаний при расширении набора внешних факторов, может быть названа теорией работы конкретного социума [10; 13].

Следует напомнить, что современная математика развивалась главным образом в соответствии с нуждами физики и техники, потому задачи математического описания поведения личности, являясь наиболее сложными из всех, относящихся к природе человека, требуют, помимо использования традиционных средств, создания специальных математических методов для создания адекватных математических моделей функционирования целостного социума в динамике. Существующие модели социопсихологических объектов, их эволюции, поведения и изменений функционального состояния отдельных организмов и социума в целом носят главным образом описательный характер, причем детерминированные методы не отражают стохастичностей, в том числе внешних случайных возмущений, а вероятностные методы ограничены в силу существования объективной непознанной неопределенности [6; 17].

Этих недостатков лишены теоретико-игровые модели (ТИМ), использующие сильные стороны обоих методов и имеющие практически неограниченную сферу приложения в связи с известной общностью моделей [2]. Необходимо отметить, что ТИМ отражают естественные конфликты между подсистемами социума как живого организма, во взаимоотношениях с окружающей средой, между отдельными личностями, группами, кланами и пр. [10; 11; 16]. «…Необходимым условием всякого движения является неравновесие противоположных начал, заложенных в движущемся явлении» [17: с. 113]. Качественную устойчивость объектов природы в их непрерывном движении обеспечивает движущееся равновесие в борьбе взаимоисключающих начал. Теория игр и служит описанию подобных конфликтов сложных социальных систем [4; 6; 14; 16].

Структурность организации присуща любой сложной адаптивной системе, которая при этом может быть охарактеризована во многих аспектах [1; 3; 4; 6; 11]. Все ее элементы располагаются строго упорядоченно в пространстве, что позволяет говорить о ее строении. Все элементы обладают собственной функциональной активностью, направленной на обеспечение деятельности системы в целом. Благодаря внутрисистемным регулирующим обратным поведенческим связям последовательность включения, интенсификации и снижения функциональной активности элементов адаптации сложной живой системы строго согласована, причем наступает у разных элементов не одновременно, но в четкой последовательности, т.е. структурно организована и во времени [1; 7]. Среди основных методов, составляющих фундамент при реализации указанных целей, можно назвать теорию информации, теории конечных и бесконечных автоматов, логические сети, средства программирования для универсальных ЭВМ и теорию игр [4; 13]. Все эти подходы необходимо разрабатывать и использовать совместно, так как процесс принятия решений (ППР) связан с множеством частных моделей, которые нужно привести к единой общей форме.

Математическая модель психолого-социальных систем на основе теоретико-игровых методов должна основываться на следующих концепциях:

1) социум находится в одной из некоторого набора функциональных состояний, характеризующихся равновесием;

2) переход социума из одного состояния в другое происходит в результате переходного процесса от одного состояния равновесия к другому;

3) психолого-социальная модель адаптации должна состоять из двух частей: модели равновесного состояния; модели переходного процесса [8];

4) модель равновесного состояния описывается посредством теоретико-игрового метода в виде игры с реализациями [15];

5) модель равновесного состояния описывается или посредством марковских, полумарковских цепей, потоковых моделей или также с помощью коалиционной игры с реализациями [6].

Наиболее предпочтительным с позиций многогранности исследуемых адаптационных процессов яв-

ляется моделирование поведения личности с помощью класса так называемых «Игр с Природой» [20].

Предположим, что в социуме как экосистеме на протяжении длительного онтогенеза вследствие противоречий между экзогенными и эндогенными процессами выработались некие активные силы и пассивные начала, имеющие разнонаправленные интересы, цели, действия. Возникает своеобразный динамический конфликт между основными системами жизни популяции и дополнительной нагрузкой (внешней или внутренней) на экосистему (социум). Скорость приспособительных психофизиологических реакций разных подсистем и личностей к тому или иному фактору различна. Тогда подобную дополнительную нагрузку можно моделировать посредством ТИМ. Напомним основные концептуальные соотношения между социально-психологическими понятиями адаптации [19] и терминами коалиционной теории игр [6; 11]:

активные начала популяции человека (социума)	– коалиции;
естественные цели, к которым они стремятся	– цели коалиции;
действия начал	– коалиционные стратегии;
гомеостазис	– ситуация равновесия в игре;
произвольное состояние	– ситуация в коалиционной игре.

Системный анализ состоит из этапов информационного или математического моделирования процесса или явления и дальнейшей разработки методов и технологий принятия управляющих решений. Первый этап определяет процедуры идентификации объекта исследования, наблюдения, накопления фактов и описания реального процесса или явления, которые выполняются на основе дескриптивных и эвристических методов наблюдения, экспериментов, статистики, абстракции и формализации. Затем осуществляется этап моделирования проблемной области: общая формулировка проблемы, выделение, определение и общая постановка классов задач; для сферы управления природопользованием это задачи интерпретации, диагностики и мониторинга, планирования и реконструкции, прогноза, управления. Собственно математическое моделирование предусматривает постановку задач и их схематизацию, разработку математической модели, изучение и проверку непротиворечивости сформулированных в рамках модели результатов и выводов. Далее следует разработка формальных методов решения каждой конкретной задачи: ее решение, численный анализ, математический прогноз, сравнение модели с реальностью моделируемого процесса или явления, ее уточнение и общая проверка ее адекватности. Процесс моделирования предусматривает перевод теоретических размышлений и идей исследователя, установленных им структурных, качественных и количественных зависимостей процесса или явления, в некоторую формализованную и количественно строго определенную (по целевой функции) форму его представления (модель). Практические результаты системного анализа осуществляются посредством разработки специализированных методов и технологий принятия решений (баз данных и знаний, биоинформационных, геоинформационных и экспертных системы, систем поддержки принятия решений, искусственного интеллекта и др.). Методы изучения адаптивных и гомеостатических систем, заимствованные главным образом из технической кибернетики и теории автоматического регулирования и служащие целям определения оптимального в некотором смысле состояния или поведения психосоциального объекта при начальной неопределенности в изменяющихся условиях среды, не всегда применимы в психологии, социологии и медицинской кибернетике также вследствие существенной нелинейности характеристик функционирования живых организмов и возможной летальности пороговых состояний [12]. С позиций социопсихологии правильнее говорить не о гомеостатическом постоянстве, а о гомеостатической динамике, которая создает в социуме стабильность и устойчивость [15].

Целостность живых систем и принцип противоречивости их структурных единиц, элементарных функций – одно из важнейших свойств проявления жизни человека. «…Я предлагаю считать основным признаком живых существ их способность образовывать коалиции…», т.е. такие организации элементов, которые при объединении способны совершить то, чего каждый из них в отдельности никогда не смог бы достичь. В более точных терминах это означает, по Г. Ферстеру, что «…коалиция подчиняется правилу сверхаддиктивного нелинейного сложения, при котором некоторая функция у целого больше, чем сумма функций его частей» [4: с. 12].

Аспекты теории игр применительно к проблемам принятия решений в медико-психологических исследованиях до недавнего времени практически не развивались. Некоторые попытки «лобового» рассмотрения личности в качестве ЛПР как участника классической игры *n* лиц носили скорее экзотический характер [1; 3; 11; 14] и стали предметом пристального внимания специалистов по системному анализу лишь с появлением метода информационного моделирования [4; 6; 7; 18]. Тем не менее именно принцип противоречивости лежит в основе любого даже элементарного акта выбора решения. Игровые концепции исследований ППР в эколого-экономических системах заключаются и в том, что

при изучении столь сложной предметной области приходится учитывать многочисленные внутренние и внешние конфликты, возникающие по целому ряду причин. Допустим, система принятия решений состоит из многих частей, имеющих относительно самостоятельные цели и задачи. Возможность или степень успешности выбранного решения определяется ресурсами, имеющимися в распоряжении соответствующей части системы. Между тем суммарный ресурс системы обычно ограничен. Суть конфликта в таком случае будет состоять в необходимости распределять общий ресурс по частям системы. Если даже части системы имеют самостоятельные ресурсы, задачи и цели, и на первый взгляд конфликт не имеет места, эти отдельные части вынужденно взаимодействуют в ограниченном пространстве и интервале времени принятия решений таким образом, что результат решения задачи каждой части зависит не только от своих собственных действий, но и от действий прочих частей. Такая взаимосвязь при определенном несовпадении интересов и есть причина возможного конфликта. Наконец, если даже система внутренне монолитна по своей цели и подчиняется единым внутренним правилам распределения ресурсов, то она всегда действует в окружении разнообразных внешних факторов, не находящихся в ее распоряжении, но, тем не менее, влияющих на эффективность ППР, что приводит к конфликту системы с внешней средой (природой). В некоторой мере содержательную сторону конфликта «природа – общество» рассматривает такое направление, как исследование операций – наука, занимающаяся разработкой и практическим применением методов оптимального управления организационными системами [3; 10; 13].

Формальная стратегическая постановка задачи распознавания и классификации была изложена в [6]. Необходимо построить метод, который по наблюдениям за объектом относит его состояние к одному из классов [4]. Используемый метод теоретико-игрового информационного моделирования биосистемы формулирует задачу принятия и непринятия гипотез в виде задачи вычисления свойств. Для решения в такой постановке задач распознавания и классификации используются в качестве стратегических моделей теоретико-игровые модели (ТИМ) с реализациями, а также распознающие и информационно-распознающие алгоритмы [6–8; 12; 15]. Сбор, подготовка и переработка теоретико-игровой информации об актуальном состоянии социальной системы или группы рассматривается в рамках информационно-распознающей системы (ИРС). Теоретико-игровой подход применим, начиная с этапа сбора и первичной обработки информации о состоянии и поведении экосоциосистем. Метод теоретико-игрового информационного моделирования социосистемы состоит из концептуального аппарата, в который входит семантическая модель семантического определения метода концептуальной модели, предметной области и задачной области [4, 7]. Семантическая основа вводится как совокупность определений сложной экосистемы и ее компонент, в данном случае как постулированная последовательность выполнения определенных этапов моделирования, представляющая собой преобразование информационной модели объекта в информационную модель сложной конфликтной системы организма или социума. Концептуальная модель объекта определяется как совокупность рекурсивнозаданных соответствий исследуемого объекта и сложной социосистемы с применением семантической основы метода теоретико-игрового информационного моделирования [4; 6]. Информационная модель сложной социосистемы имеет две формы представления: дескриптивную в виде совокупности множеств и заданных на них отношений и конструктивную в виде информационной базы данных, в которой основным компонентам информационной модели социосистемы соответствует совокупность файлов, статьи, отношения и т.п. [4; 6; 7]. Предметная область метода определяет сферу исследования и превращается в задачную, если она сформулирована в терминах концептуальной модели исследуемой системы, и дескриптивной информационной модели сложной социальной системы с использованием технического аппарата, состоящего из алгоритмической схемы, принципов ее построения, правил формулирования решаемых задач в терминах алгоритмической схемы, и содержащего принципы проектирования БД, реализующие конструктивный уровень представления модели социопсихологической системы в виде автоматизированного банка данных (АБД). Информационные модели принятия решений, СУБД и их алгоритмическая реализация являются компонентами теоретико-игрового подхода к распознаванию образов. Теоретико-игровой подход (ТИП) к распознаванию образов впервые предложен в 1979 г. А.А. Стогнием и А.И. Кондратьевым [4; 12; 16] и не имеет аналогов в отечественной и мировой практике. Примеры использования ТИП к проблемам моделирования в психологии, наркологии и медицине представлены в [5; 9; 12; 15].

Таким образом, на основе сочетания теоретико-игрового подхода и методов многомерного статистического (кластерный, регрессионный и пр.) анализа можно достаточно корректно проинтерпретировать вклад каждого из нейрофизиологических, психоэмоциональных, экологических и социально-экономических факторов в динамику адаптивного поведения личности в социуме [10; 12; 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амосов, Н.М.* Справочник по медицинской и биологической кибернетике / Н.М. Амосов, А.И. Кондратьев, О.П. Минцер. – Киев: Наукова думка, 1986. – 375 с.

2. *Арбиб, М.А.* Основания теории систем / М.А. Арбиб, Э.Дж. Мейнс // Математические методы в теории систем. – М.: Мир, 1979. – 328 с.

3. *Винер, Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине: пер. с англ. / Н. Винер; под ред. Г.Н. Поварова. – М.: Сов. радио, 1968. – 328 с.

4. Информационное моделирование живых систем / Е.В. Золотов [и др.]. – Владивосток: Дальнаука, 1991. – 280 с.

5. Информационные модели асоциального поведения / В.И. Киселев [и др.]. – Хабаровск: ВЦ ДВО РАН, 2009. – 39 с.

6. *Кондратьев, А.И.* Теоретико-игровые модели в задачах распознавания / А.И. Кондратьев. – М.: Наука, 1986. – 285 с.

7. Теоретико-игровой распознающий метод: информационная, алгоритмическая и программная реализация / А.И. Кондратьев [и др.]. – Хабаровск: ВЦ ДВНЦ АН СССР, 1986. – 76 с.

8. *Кондратьев, А.И.* Теоретико-игровой подход к разработке систем управления социальной сферой / А.И. Кондратьев, С.З. Савин // Математические аспекты эргономического обеспечения создания новой техники. – Хабаровск: Хабаровский межотраслевой территор. центр НТИиП, 1986. – С. 250–253.

9. *Косых, Н.Э.* Модели и методы популяционных эпидемиологических исследований социально значимых заболеваний / Н.Э. Косых, С.З. Савин, А.Ю. Десятов. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 148 с.

10. Математические методы в социальных науках. – М.: Прогресс,1973. – 288 с.

11. *Нейман, Дж.* Теория игр и экономическое поведение / Дж. Нейман, О. Моргенштерн. – М.: Наука, 1970. – 707 с.

12. *Полумиенко, С.К.* Информационные модели и методы принятия решений в региональных эколого-экономических системах / С.К. Полумиенко, С.З. Савин, С.Л. Турков. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 356 с.

13. *Робертс, Ф.С.* Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам / Ф.С. Робертс. – М.: Наука, 1986. – 496 с.

14. *Саати, А.* Математические модели конфликтных ситуаций / А. Саати. – М.: Сов. радио, 1977. – 302 с.

15. *Савин, С.З.* Теоретико-игровое информационное моделирование гетеростазиса / *С.З. Савин* // Модели и методы медицинской информатики. – Владивосток: ВЦ ДВО РАН, 1990. – С. 44–59.

16. Некоторые эвристические методы моделирования сложных эколого-экономических систем / А.А. Стогний [и др.] // Проблемы создания виртуальных информационных моделей. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – С. 43–57.

17. *Эшби, У.Р.* Применение кибернетики в биологии и социологии / У.Р. Эшби // Вопросы философии. – 1958. – № 12. – С. 110–117.

18. *Ячин, С.Е.* Социальная система: подход к информационному моделированию / С.Е. Ячин // Вестник ДВО РАН. – 1992. – № 3–4. – С. 3–14.

19. *Lorenz, K.* Evolution and Modification of Behaviour / K. Lorenz. – Univers. Of Chicago, 1965. – 143 p.

20. *Milnor, J.* Games Against Nature / J. Milnor // Thrall R.M., Coombs C.H., Davis R.G. (ed.). – New York Decision Processes, 1955. – 238 p.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ЖАНА ПИАЖЕ

Н.Ю. Якушева

Якушева Наталья Юрьевна – аспирант кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения, преподаватель кафедры философии (г. Хабаровск).

Контактный адрес: kotuh@inbox.ru

В статье рассматривается проблема адаптации в генетической эпистемологии Ж. Пиаже. Автор проводит исследование, главным образом на материале работ французского ученого. Внимание уделяется общим представлениям о модели когнитивного развития субъекта, разработанного Пиаже, феноменам развития и реальности. Последний выступает в качестве точки приложения адаптационных механизмов.

Ключевые слова: генетическая эпистемология, модель когнитивного развития адаптации интеллекта, развитие интеллекта, ассимиляция, аккомодация.

Обращение к феномену адаптации сегодня нам представляется актуальным в связи с нарастающим темпом изменений среды, что проявляется как на природном уровне в протекании биологических процессов, так и на социокультурном. Социокультурные аспекты развития отдельного человека и общества в целом претерпевают внутренние перемены, которые характеризуются повышением интенсивности темпа и ритма жизни. Ускорение этого темпа обусловливает необходимость перестройки процессов адаптационного приспособления организма к динамике внешних условий – психика человека подстраивается под меняющуюся среду, вследствие чего в ней (психике) не только появляются новые структуры и конструкты и модифицируются старые, но и сами процессы новообразования и модификации протекают быстрее.

В этом контексте адаптация, которая всегда направлена на сохранение гомеостаза, представляет собой интересный в том числе с философско-психологической точки зрения феномен, поскольку многие мыслители обращали внимание и указывали на зависимость психической деятельности человека от окружающей его среды [1; 10].

В том, что эта зависимость существует сомнений нет, но каким образом происходит сцепление среды и психики при меняющихся внешних условиях, – как при этом перестраивается адаптационный механизм – эти вопросы остаются не проясненными и, по мнению автора, для того, чтобы приступить к их исследованию, необходимо выяснить, существуют ли некие базовые ступени адаптации, т.е. те ее уровни, на которых влияние изменений среды отражается минимально. В данной статье поставлена именно такая задача.

Проблема адаптации рассматривается современной наукой в биологическом, физиологическом, медицинском, психологическом, социологическом, техническом, философском и других аспектах. Так, с биолого-физиологической точки зрения адаптация представляет собой механизм приспособления живого организма в процессе эволюции к условиям внешней среды. На этом уровне она включает в себя поведенческую и морфофизиологическую составляющие, что описывал Ч. Дарвин на основании естественного отбора [7]. В контексте психологической науки, а именно в теории интеллектуального развития Ж. Пиаже, адаптация рассматривается как взаимоотношение индивида и окружающей его среды, направленное на достижение гомеостатического уравновешивания. С социологической точки зрения адаптация есть процесс активного (как правило) приспособления личности или социальной группы к новым для нее социальным условиям или социальной среде. При этом социальная адаптация охватывает биологическую, психическую и социальную сферы человеческого бытия. В медицине понятие адаптации используется для характеристики оптимального протекания процессов жизнедеятельности и социобиологического развития человека [16; 25]. В технических науках адаптация легла в основу разработки понятия «адаптивные системы», которые представляют собой самонастраивающиеся системы с обратной связью [3]. Что касается философии, то здесь адаптацию можно рассматривать с разных позиций. Например, в социальной философии Г. Спенсера адаптация выполняет определенную функцию механического приспособления («функциональная социология») [24]. В синергетической теории в рамках работы системы «организм-среда» под адаптацией подразумевается изменение параметров системы при сохранении неизменного порядка ее организации [21]. В контексте эпистемологии адаптация представляет собой механизм приспособления психики к условиям среды в ходе развития индивида (Ж. Пиаже). Изу-

чение обозначенных аспектов феномена адаптации в рамках междисциплинарного подхода с привлечением различных наук позволяет представить его (феномен) в максимально общем виде и одновременно рассматривать в отдельном, специфическом для каждой области знания ключе.

Актуальный на сегодняшний день междисциплинарный подход дает наиболее точное представление о проблеме, выявляет ее многочисленные особенности и создает необходимую базу для поиска вариантов решения. В данной работе мы попытаемся ограничить изучение вопроса с точки зрения теории когнитивного развития и генетической эпистемологии швейцарского философа и психолога Жана Пиаже. Философский аспект его теории заключается в исследовании вопросов, связанных с интеллектом и знанием – природой знания и условиями его развития, особенностями когнитивных структур психики и их адаптации к внешней среде.

Такой ракурс позволит, во-первых, синтезировать философский и психологический подходы в анализе одного и того же круга вопросов как наиболее широкие (философский) и узконаправленные (психологический). Во-вторых, когнитология Ж. Пиаже дает прекрасную базу для исследований развития интеллекта на последующих стадиях, т.е. после подросткового периода. В данной работе у нас нет возможности рассмотреть ход развития интеллекта человека на всех возрастных стадиях, поэтому мы попытаемся детально представить картину психофизической адаптации ребенка до 15 лет на материале исследований Пиаже с той целью, чтобы показать работу механизма адаптации в его наиболее яркой форме, поскольку именно в этом возрасте процессы психического и физиологического приспособления протекают с наибольшей интенсивностью.

* * *

Понятие адаптации в генетической эпистемологии Пиаже. Термин «генетическая эпистемология» был введен в научный оборот Ж. Пиаже, он явился основателем этого направления эпистемологической науки. Вместе с тем надо отметить, что генетическая эпистемология представляет собой междисциплинарную сферу знания – она опирается на достижения философии, психологии, логики, биологии, кибернетики и структурализма. В этой области, главным образом, рассматриваются проблемы, связанные со знанием – что оно собой представляет, откуда берется и при каких условиях в принципе возможно. Генетическая эпистемология фокусирует свое внимание, во-первых, на проблемах развития знания индивида в ходе его жизни, во-вторых, на историческом аспекте темы – рассматривается историческое развитие знания в рамках определенной культуры. Основной задачей генетической эпистемологии является объяснение развития знания и интеллекта в пределах отдельного человека и в рамках культуры в целом одними и теми же механизмами и принципами. При этом данные механизмы и принципы Пиаже связывает с возрастным развитием человека. В этом контексте нужно отметить, что предложение внимательно наблюдать за тем, как младенцы, дети, подростки и взрослые конструируют знание явилось главным – в большей степени методологическим – вкладом Ж. Пиаже в развитие генетической эпистемологии. В его исследованиях детского мышления прочитывается стремление автора решить эпистемологическую проблему посредством анализа того, как именно человек приходит к тому, чтобы начать мыслить.

Проблематика таких трудов Пиаже по данной теме, как «Генетическая эпистемология» [17], «Психогенез знаний и его эпистемологическое знание» [18], а также других его работ тесно связана с идеями эволюционной эпистемологии. Именно в его работах мы находим исследования когнитивного аспекта адаптационных механизмов. По мнению Ж. Пиаже, биологические процессы изменчивости, отбора и закрепления приводят к тому, что структура окружающей среды и ее особенности кодируются в самой структуре, качественных характеристиках и динамике развития живого организма. Иными словами, Пиаже занимался изучением психогенеза как когнитивного онтогенеза индивида, восполняя недостающие теоретические звенья оснований эволюционной эпистемологии.

Понятие адаптации занимает одно из центральных мест в модели когнитивного развития субъекта, разработанной Ж.Пиаже и описывающей онтогенез интеллекта. Концепция Пиаже основана на взаимодействии между организмом и окружающей средой, поэтому феномен адаптации здесь и занимает одно из центральных мест. Говоря об адаптации, французский мыслитель, главным образом, подразумевает адаптацию самого интеллекта. В работе «Психология интеллекта» автор определяет адаптацию как то, что обеспечивает равновесие между воздействием организма на среду и обратным воздействием среды [19: с. 25]. Другими словам, адаптация есть процесс приспособления человека как системы к окружающей среде. Это неотъемлемый элемент развития, которое Пиаже трактует как естественное направление эволюционного процесса. Целью развития является достижение все большей степени динамического равновесия. Далее будет показано, каким путем достигается это равновесие и как именно механизм адаптации работает на этой почве.

Стадии развития интеллекта по Пиаже. Развитие неизменно предполагает прохождение определенных стадий. Как известно, в рамках генетической эпистемологии Пиаже занимался изучением

психологии детей, здесь ему принадлежит заслуга разработки теории когнитивного развития человека. Главной задачей генетической эпистемологии явилось построение теории развития интеллекта с раннего детского возраста (так называемого сенсомоторного периода, 7–9 месяцев) до подросткового периода (период формальных операций, дети 11–15 лет). Между двумя этими стадиями находятся интуитивная или дооперациональная стадия (2–7 лет) и стадия конкретных операций (7–11 лет). В течение всего этого времени интеллект человека проходит основные этапы своего развития.

Период сенсомоторного интеллекта длится от рождения до двух лет. На этом этапе развивается организация перцептивного и двигательного взаимодействия человека с внешней средой, при этом здесь возможны только непосредственные манипуляции с предметами, тогда как действия с представлениями и символами на внутреннем уровне пока не доступны. Данный период включает в себя шесть стадий: 1) врожденных рефлексов (возраст 0–1 месяц); 2) преобразование и координирование рефлексов между собой, появление первых простейших навыков (1–4 месяца); 3) более выраженная направленность действий к предметам и событиям, существующим независимо от ребенка. Здесь же происходят первые изменения внешнего мира, произведенные самим ребенком (появление вторичных циркулярных реакций) (4–8 месяцев); 4) появление способности координировать вторичные циркулярные реакции, объединения их в новые, более сложные образования, появление преднамеренных, нацеленных действий (8–12 месяцев); 5) на этой стадии ребенок способен не только использовать уже известные ему реакции, но и на их базе формировать новые путем эксперимента (появление новых действий-средств) (12–18 месяцев); 6) открытие новых средств-действий путем ментальных координаций (внутренний эксперимент) (после 18-го месяца).

Следующий период развития, согласно теории Пиаже, – подготовка и организация конкретных операций. Этот этап автор поделил на два подпериода – дооперациональные представления (2–7 лет) и конкретные операции (7–11 лет). На стадии дооперациональных представлений происходит окончательный переход от сенсомоторных функций к символическим, т.е. от действий с внешними объектами к действиям с представлениями. Однако на этой стадии действия с представлениями образны и конкретны, ребенок еще не может соотнести их с индивидуальными объектами или классами вещей. В этом возрасте интеллект фокусируется на одном, наиболее заметном свойстве предмета или его особенности, не придается значения остальным признакам и преобразованию, которое может претерпевать предмет.

На следующей стадии – в подпериоде конкретных операций – действия с представлениями начинают координироваться, объединяться друг с другом, здесь возникают системы интегрированных действий, которые Пиаже и называет операциями. Операция – одно из важнейших понятий в теории Пиаже. Оно описывает мысленное действие ребенка, которое характеризуется весьма существенным свойством – обратимостью. Обратимость в данном контексте означает возможность для индивида вернуться в начало своего ментального процесса. Она обеспечивает свободу мысли и позволяет действовать «в уме» относительно независимо от конкретной ситуации. В овладении ребенком операциями и становлении свойства обратимости заключается умственное развитие ребенка.

На этом этапе развития формируются такие познавательные структуры, как группировки, которые представляют собой формы подвижных операций. Яркий пример такой структуры – способность классифицировать предметы, выделять в них иерархические признаки. Однако если на этой стадии такие операции могут производиться только с конкретными объектами, то в период формальных операций (11–15 лет) интеллект уже способен таким же образом обрабатывать высказывания и вообще работать с возможным, гипотетическим, воспринимая текущую ситуацию как один из вариантов развития событий. Формальными операциями или операциями второй ступени являются установление логических отношений между результатами конкретных операций.

Именно в обозначенный промежуток времени, т.е. от 0 до 15 лет, происходит психофизиологическая адаптация человека – в ходе развития его интеллекта. Однако это не означает, что после 14–15 лет адаптационные механизмы перестают работать – они переходят на новый уровень, где большую роль начинают играть конкретные условия среды, в которой существует и развивается человек. Здесь при сохранении бессознательного процесса адаптации с большей активностью начинают действовать сознательные механизмы приспособления.

Все стадии развития интеллекта следуют строго в определенном порядке друг за другом, т.е. переход на следующую стадию возможен только в том случае, если освоена предшествующая ей стадия. Возникновение нового типа действий–операций, по Пиаже, знаменует собой начало заключительного этапа развития интеллекта. В отличие от действий, операции характеризуются важнейшим элементом генетической эпистемологии – идеей обратимости. Согласно этой идее природа операции заключается в ее осуществлении, подобном движению в структуре алгебраического уравнения: знак равенства между правой и левой частями

уравнения позволяет совершать определенные преобразования с заранее известным, понятным, прогнозируемым и поэтому контролируемым результатом. Так, до появления механизма операций ребенок уверен, что объекты находятся в той или иной зависимости от его действий.

Это значит, что в той ситуации или тех обстоятельствах и в отношении с тем предметом, в которых действие один раз было успешным, оно будет успешным снова. Например, ребенок, однажды подставивший стул для того, чтобы достать игрушку со стола и успешно ее доставший, второй раз при тех же обстоятельствах попытается подставить стул к шкафу, на котором лежит игрушка в этот раз. Не дотянувшись, он снова подставит стул к столу, где его действия уже один раз оказались успешными. Чтобы установилось «понимание» постоянного объекта, который не зависит от действия субъекта, по мнению Пиаже, должна выстроиться новая структура – операция тождества. И так далее – каждая операция влечет за собой построение следующей [20].

Мы в данной работе не можем подробно рассмотреть теорию Пиаже, однако, отметим, что развитым интеллектом в контексте представлений ученого является тот, который способен осуществлять контролируемые переходы от одного элемента структуры к другому. Набор элементов в данном случае задан, все маршруты и механизмы движения прозрачны и предсказуемы.

Механизм адаптации в контексте теории развития Пиаже. Обозначенное выше понимание интеллекта и стоящее за ним понимание механизма адаптации определило в целом понятие развития у Пиаже. По его мнению, развитие представляет собой естественный процесс, который протекает сам по себе, но при этом ведет за собой обучение. Главное ограничение такой трактовки развития состоит в том, что она подразумевает развитие индивидуального интеллекта, мало уделяя внимания культурно-историческим опосредованиям развития интеллекта.

Сам адаптационный механизм в этом ключе Пиаже рассматривает как уравновешивание процессов ассимиляции и аккомодации. Аккомодация, будучи модификацией ассимиляторной структуры, оперирует теми же элементами, которые были ассимилированы. Соотношение ассимиляции и аккомодации может меняться, однако, именно стабильно уравновешенное состояние этих механизмов является признаком зрелого, т.е. адаптированного интеллекта. В том случае, когда ассимиляция перевешивает аккомодацию, развитие мышления проходит в эгоцентрическом направлении. Если же аккомодация преобладает над ассимиляцией вплоть до точного воспроизведения формы и движения объектов или людей, репрезентация развивается в сторону имитации.

В развитии интеллекта, согласно теории Пиаже, есть много вариантов равновесия ассимиляции и аккомодации. Они меняются вместе с уровнем развития ребенка и возникающими проблемами, подлежащими решению. Прогрессирующее уравновешивание ассимиляции и аккомодации у Пиаже представлено в терминах центрации и децентрации, которые характеризуют направление работы адаптационного механизма. Постепенно устанавливающееся равновесие есть результат последовательных децентраций, которые позволяют субъекту занять позицию другого человека или даже объекта, и тем самым адаптироваться в тех или иных условиях [17].

Как мы уже отметили, адаптация представляет собой процесс приспособления организма к окружающей среде. Через нее открывается уникальная способность взаимодействия человеческого разума с его окружением, в ходе чего совершенствуются сами когнитивные структуры. Именно развитие этих ментальных структур обеспечивает и поддерживает динамический процесс равновесия, который, в свою очередь, приводит к повышению степени взаимодействия человека с окружающей его средой.

Проблемный аспект процесса адаптации в генетической эпистемологии Пиаже проявляет себя на этапе исследования его составляющих – ассимиляции и аккомодации. Эти два «подпроцесса» являются дополнительными по отношению друг к другу и только при их уравновешенном протекании имеет место адаптация интеллекта. Ассимиляция, будучи интеграцией новых данных, получаемых индивидом из внешней среды, в существующие у него образцы поведения, выражает собой набор тех средств, которые, собственно, обеспечивают его способность к адаптации. Таким образом, в ходе ассимиляции новых данных меняется позиция человека по отношению к получаемой информации – здесь ассимиляция переходит в аккомодацию.

Аккомодация представляет собой изменение структуры организации, в процессе которого происходит либо перестройка старой, либо создание новой когнитивной структуры для того, чтобы она могла вместить в себя полученные новые данные. Это так называемый процесс уравновешивания, который происходит благодаря приобретению ребенком практического опыта. Механизм аккомодации «запускается» тогда, когда данный опыт в готовом виде не может быть ассимилирован, а требует создания новых ментальных конструктов. Внешние воздействия среды заставляют организм видоизменять существующие структуры активности, если они уже не удовлетворяют требованиям адаптации, или при необходимости вырабатывать новые структуры. Согласно представлениям Пиаже, эти структуры (схемы) организуются путем усовершенствования или преобразования. Именно та-

кая организация позволяет все более и более уверенно ориентироваться в реальной жизни и все правильнее представлять себе лежащие в ее основе процессы и закономерности. Так, например, среди схем, существующих у новорожденного, важную роль играют рефлексы, которые позволяют ему действовать целесообразно определенным ситуациям. Со временем этих схем становится недостаточно, и тогда организм вынужден изменять их и формировать более сложные структуры.

Таким путем достигается равновесие с внешней средой и происходит адаптация индивида к ее условиям. Независимо от того, создается ли новая структура или перестраивается старая, сама когнитивная структура индивида расширяется и развивается, а интеллектуальные схемы модифицируются.

Представленное описание данных процессов подтверждает обозначенное выше свойство взаимодополняемости ассимиляции и адаптации. В реальности они не могут быть отделены друг от друга. Однако здесь возникает вопрос, как понимает Пиаже саму реальность, поскольку с биологической точки зрения строгой взаимообусловленности и взаимозависимости процессов мы не наблюдаем. По мнению французского мыслителя, существует только интеллектуальная реальность – те образы и модели, которые созданы индивидом. Следовательно, каждая стадия развития интеллекта характеризуется определенным, специфическим представлением этой реальности. В этом контексте степень адаптации увеличивается в ходе постоянного взаимодействия индивида с окружающей средой и нарастанием полноты и эффективности интеллектуальных актов. Таким образом, у адаптации как у равновесного состояния есть определенные стадии протекания, эти стадии, в свою очередь, сменяют друг друга в прогрессивном направлении. Прогресс в данном случае является следствием наличия ряда различных возможностей развития когнитивной системы человека, другими словами – следствием наличия выбора.

Учитывая, что процессы ассимиляции и аккомодации неразрывны между собой, можно предположить, что сбой адаптационного механизма может возникать лишь в случае нарушения связи организма с окружающей его средой, либо в изначальной статичности когнитивных схем. Конечно, здесь нельзя говорить об абсолютной их статичности, но даже нарушение гибкости уже является проблемой.

Этот патологический момент в адаптации и есть проблемный узел развития интеллекта, наличие которого влечет за собой нарушения на ментальном уровне. В задачи данного краткого исследования не входит рассмотрение биологической стороны вопроса, однако, можно предположить, что сбои когнитивных структур с высокой долей вероятности ведут и к другим нарушениям в работе организма как целостной организации.

Подтверждением нашего предположения может служить мысль самого Пиаже в интерпретации В.А. Яковлева: «…О существовании объекта нельзя сказать до познавательного акта» [27: с. 70]. При этом мир в целом устроен так, что «эпистемический субъект» для того, чтобы действовать, должен существовать в мире, быть его частью и быть организмом. Объект открывается субъекту в акте познания путем приближения к нему посредством эпистемических структур, в качестве которых выступают категории, понятия, когнитивные схемы. Эти структуры создаются самим субъектом в процессе его взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, биологический аспект жизни индивида неразрывно связан с функционированием интеллекта, а именно (что особенно важно в контексте наших рассуждений) – с его развитием. Нарушения адаптационного механизма происходит на всех уровнях организма как системы и, говоря о проблеме адаптации интеллекта, нельзя забывать о биологической стороне вопроса, т.е. собственно биологической адаптации. На наш взгляд, этот пункт процесса онтогенеза может и должен исследоваться в рамках генетической эпистемологии Пиаже на более глубоком уровне.

Теория Пиаже с разных сторон подвергалась критике. В полемике с ней формировались другие теории когнитивного развития. Основное положение, из которого исходили эти теории, была критика утверждения Пиаже о развитии, ведущем за собой обучение. Так, американский психолог Дж. Брунер в ходе разработки собственной концепции когнитивного развития пришел к выводу, что познавательное развитие не просто проходит ряд стадий, но включает овладение определенными сферами представлений действий, являющихся способами познания мира [4].

По мнению Брунера, высказанному в работе «Процесс познания», в стадиях развития нет иерархии и все сферы представлений одинаково важны на всех этапах развития ребенка, а уровень развития интеллекта в целом определяется степенью развития всех сфер представлений [4: с. 23]. При этом появление новой стадии (например, появление речи у ребенка) ведет к существенной перестройке всех других стадий и всего когнитивного развития в целом. Брунер, несмотря на несколько иную трактовку процесса развития интеллекта, вместе с тем, не проясняет проблему его адаптации. Другие оппоненты Пиаже настаивали на том, что исследование интеллекта ребенка ментальными средствами взрослого человека является подменой понятий и не может всерьез приниматься как описание онтогенеза интеллекта. Однако, по мнению автора, несмотря на уместную критику теории Пиаже о когнитивном развитии, более полной и развернутой

системы, которая описывала бы исследуемое явление столь подробно, многопланово и глубоко, на данный момент научный мир предложить не может. Поэтому построения Пиаже, как представляется, требуют глубокой проработки и внимания со стороны эпистемологов – как сторонников французского ученого, так и его оппонентов.

Выводы. Говоря о когнитивном аспекте адаптации в контексте генетической эпистемологии в целом, нужно отметить, что адаптационные механизмы необходимо рассматривать не только с ментальной и психологической точек зрения, но также с биологической и социокультурной. Познавательное развитие является частным элементом процесса развития живых организмов, с одной стороны, и развития личности в социуме – с другой.

Интенсивность протекания процесса психофизической адаптации в детском и подростковом возрасте наиболее высока, но затем она падает, направленность адаптационных механизмов меняется в сторону социокультурных факторов и развитие интеллекта здесь протекает уже в ином ключе. Этот этап развития и особенности механизма адаптации, как уже отмечалось, связан с переходом на новый интеллектуальный уровень – от бессознательных психических процессов к формам и структурам, которые рождает сознание.

Кроме того, немаловажную роль играет на этом этапе и сама окружающая индивида среда – ее особенности, по всей видимости, накладывают свои отпечатки на ход развития интеллекта взрослого человека. Данный вопрос тоже нужно исследовать на базе теории когнитивного развития Пиаже. В истории науки такие попытки предпринимались. В частности, есть предположение о том, что на протекание адаптационных механизмов взрослого индивида оказывают влияние такие факторы, как утомление, чрезмерное эмоциональное возбуждение, фрустрация, оценка ситуации как далекой от реальности и так далее [15: с. 494–499].

Человек, как и другие живые существа, является продуктом эволюционных процессов. Его мыслительные способности, знание и познание проходят и регулируются в конечном счете механизмами биологической, генетической и социокультурной эволюции. В этом смысле представляется интересным взгляд на проблему Ю.М. Сердюкова: «…Эволюция является таким процессом, в котором информация, касающаяся среды, в результате адаптации организмов буквально внедряется в их когнитивные структуры, в том числе и когнитивные структуры человека» [23: с. 38]. Различные аспекты проблемы адаптации необходимо исследовать как в их совокупности, так и каждый в отдельности. Если отдельные стороны проблемы сегодня в той или иной степени проясняются в ходе биологических, психологических и социальных исследований, то комплексное рассмотрение когнитивного аспекта адаптационного механизма, на наш взгляд, сегодня остается не завершенным и требует к себе особого внимания со стороны специалистов в разных областях науки. В целом феномен адаптации в контексте развития интеллекта должен быть подвержен глубокому междисциплинарному анализу при взаимодействии естественных и гуманитарных наук, изучающих природу человека и окружающую его среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александровский, Ю.А.* Пограничные психические расстройства: руководство для врачей / Ю.А. Александровский. – М.: Медицина, 1993.
2. *Бескова, И.А.* Самость и самоосознавание в когнитивном развитии человека / *И.А. Бескова* // Эволюция. Мышление. Сознание. – М., 2004. – С. 65–168.
3. *Браун, Л.* Приспосабливающиеся автоматические системы: пер. с англ. / И.А. Бескова. – М.: ИИЛ, 1963. – 672 с.
4. *Брунер, Дж.* Процесс познания / Дж. Брунер. – М., 1977.
5. *Герасимова, И.А.* Диалог культур и когнитивная эволюция / И.А. Герасимова // Эволюция. Мышление. Сознание. – М., 2004. – С. 169–227.
6. Горохов, С.А. Философский анализ этологии Конрада Лоренца: автореф. дис. … на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / С.А. Горохов. – М., 2003. – 16 с.
7. *Дарвин, Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Дарвин. – М.: Просвещение, 1987. – 384 с.
8. Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссия / под ред. Л.Ф. Обуховой и Г.В. Бурменской. – М.: Академия, 2001.
9. *Лекторский, В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М., 2001.
10. *Лоренц, К.* Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / К. Лоренц // Человек. – 1997. – №5.
11. *Лоренц, К.* Эволюция и априори / К. Лоренц // Вестник МГУ. – 1994. – № 5.
12. *Маклаков, А.Г.* Общая психология / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2006.
13. *Меркулов, И.П.* Когнитивная эволюция / И.П. Меркулов. – М., 1999.
14. *Меркулов, И.П.* Эпистемология. Когнитивно-эволюционный подход. Т. 1 / И.П. Меркулов. – СПБ., 2003.
15. *Ньюкомб, Н.* Развитие личности ребенка / Н. Ньюкомб. – СПб.: Питер, 2002. – 640 с.
16. *Павлов, С.Е.* Адаптация / С.Е. Павлов. – М.: Паруса, 2000. – 282 с.
17. *Пиаже, Ж.* Генетическая эпистемология / Ж. Пиаже. – СПб., 2004.
18. *Пиаже, Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое знание / Ж. Пиаже. – М., 1983.
19. *Пиаже, Ж.* Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – М., 1969.
20. *Пиаже, Ж.* Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – М., 1994.
21. *Пригожин, И.* Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / И. Пригожин, Г. Николис. – М.: Мир, 1979. – 512 с.
22. *Ребещенкова, И.Г.* Эволюция познания. Австрогерманская традиция исследования в научно-философском контексте / И.Г. Ребещенкова. – СПб., 2004. – 226 с.

23. *Сердюков, Ю.М.* Информационно-натуралистический подход к решению психофизиологической проблемы / Ю.М. Сердюков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – № 3 (19). – С. 34–42.

24. *Спенсер, Г.* Основания психологии / Г. Спенсер. – М.: Издание товарищества И.Д. Сытина, 1897. – 832 с.

25. *Сперанский, А.Д.* Избранные труды / А.Д. Сперанский. – М.: Медгиз, 1955. – 583 с.

26. *Флейвелл, Джон Х.* Генетическая психология Жана Пиаже / Джон Х., Флейвелл. – М.: Просвещение, 1967.

27. *Яковлев, В.А.* Генетическая эпистемология Ж. Пиаже (обзор) / В.А. Яковлев // Философия в XX в. В 2 ч. Сб. Обзор рефератов: РАН ИНИОН. – 2001. – С. 67–82.

28. La psychologie de l'enfant, Jean Piaget et Bärbel Inhelder. – Quadrige: PUF, 2004.

29. Psychologie et épistémologie, Gonthiers Denoël, coll. Médiations. – Paris, 1970.

30. Traill, R.R. Short papers and letters on the «linear micro-element» theory of mental mechanism; and related questions of scientific method / R.R. Traill. – Ondwelle Publications, 2007.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

РОЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ В АДАПТАЦИИ СУБЪЕКТА К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

К.И. Воробьева

Воробьева Клариса Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: psy@festu.khv.ru

В данной статье дается представление о социально-психологической адаптации с позиции субъектного подхода, где личность выступает как субъект и творец собственной жизни. Такой подход позволяет определить качественные характеристики идентичности как важный фактор, во многом определяющий выбор человеком той или иной стратегии адаптации. Важнейшей характеристикой идентичности выступает ее *устойчивость-динамизм*. Личностная идентичность выступает источником внутренней стабильности и позволяет человеку оставаться самим собой при самых интенсивных внешних изменениях, обеспечивая эффективность процесса социальной адаптации. Личность как субъект адаптации, обладая высоким уровнем внутренней идентичности, имеет мощный *адаптационный ресурс*, заключающийся в преемственности целей и способов жизнедеятельности, устойчивости связей с окружающими, стабильности самооценки и системы оценок внешнего мира, сохранении навыков социального взаимодействия.

В условиях радикальных социальных преобразований возникает *кризис идентичности*, деструктивный характер которого может проявляться: в утрате позитивной личностной идентичности; в негативной оценке ингруппы; в ложной идентичности (например, социальная мимикрия, имитация деятельности приобрели в современной России гигантский масштаб). Однако степень проявления кризиса идентичности, его глубина и особенности выхода из него зависят от уровня субъектности человека. Снижение уровня социальной идентичности, расширение выбора разнообразных социальных категорий и рост личностных, индивидуальных характеристик для идентификации увеличивают возможности зрелой личности в эгоидентичности, в выборе наиболее точных, истинных социальных категорий для идентификации, что повышает эффективность адаптации личности и усиливает чувство контроля над собственной жизнью.

Ключевые слова: субъект адаптации, личностная и социальная идентичность, устойчивость-динамизм идентичности, деструктивный и конструктивный характер кризиса идентичности, социальная мимикрия, имитация деятельности.

Вечные вопросы как сохранить свою «самость», самотождественность, подлинность, найти свои границы и место в мире, как определить оптимальное соотношение личностной и социальной идентичности, эти и многие другие вопросы, связанные с проблемами идентичности личности, приобретают особую актуальность в условиях радикальных социальных изменений. Для того чтобы определить роль личностной и социальной идентичности в социально-психологической адаптации субъекта жизнедеятельности необходимо уточнить понятия «адаптация» и «идентичность», которые имеют множество толкований и долгую историю их изучения как в русле общей, так и социальной психологии.

Прежде всего, следует отметить, что речь в настоящей статье пойдет о социально-психологической *адаптации*, понимаемой рядом авторов (К.А. Абульханова, Л.И. Анциферова, Н.Н. Корж, Н.М. Лебедева, В.Н. Павленко, Г.У. Солдатова и др.) как включенность личности во взаимодействие со средой, представляющую собой процесс разрешения противоречия двух тенденций: слияния личности с социумом, с одной стороны, и ее самоопределения, выделения собственной индивидуальности, с другой. Такое представление о социально-психологической адаптации подчеркивает субъектный характер процесса взаимодействия личности и социальной среды, где личность выступает как субъект и творец собственной жизни. Резко изменившиеся условия жизни общества поставили перед человеком проблему выбора стратегии жизнедеятельности. По этому поводу уместно обратиться к размышлениям Л.М. Митиной: «…Или, упиваясь своей свободой и независимостью от любых кумиров, от любой веры, от любых идей, он будет искать высший смысл бытия во вседозволенности и иллюзорных утехах и не найдет ничего более возвышенного, чем духовное прозябание при материальном достатке, сытости и растущем банковском счете. Или... будет стремиться не только к потреблению радостей земного бытия, но и поиску уникальной личной траектории движения, к наиболее полному раскрытию способностей, к максимально возможной самоотдаче с учетом своих возможностей и реальных целей, к всесторонней самореализации и общественному признанию» [11: с. 142].

Радикальные изменения в обществе ставят человека перед выбором жизненной стратегии, а со-

ответственно и стратегии адаптации в новых условиях: жить полноценной жизнью, сохраняя свою подлинность или выживать, подстраиваясь под изменяющиеся групповые установки и ценности. По сути дела качественные характеристики личностной и социальной идентичности, особенности их соотношения будут во многом определять выбор человеком той или иной стратегии адаптации в быстро изменяющихся условиях жизнедеятельности.

Традиционно идентичность понимается, с одной стороны, как состояние переживания индивидом самого себя как устойчивой совокупности определенных индивидуально-личностных черт (личностная, персональная, внутренняя или эгоидентичность, самотождественность). С другой стороны, идентичность – это состояние переживания своего сходства с членами ингруппы и принадлежности к ней (социальная, групповая идентичность или внешняя идентичность). Еще У. Джемс, развивая концепцию самотождественности, показал, что человек думает о себе в двух плоскостях: в личном аспекте (личностная самотождественность) и в социальном, где формируется многообразие социальных Я индивида [5].

По мнению Г.М. Андреевой, «…если личностная идентичность – это самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт индивида, то социальная идентичность – самоопределение в терминах отнесения себя к определенной социальной группе (по Эриксону – «ощущение внутренней согласованности», «поиск своего места в жизни»)» [1: с. 178]. Если для выявления личностной идентичности необходимо описание «Я-концепции», то для выявления социальной идентичности необходимо исследование связей личности со своей группой. При этом следует подчеркнуть, что идентичность не статичное, а динамическое состояние как следствие постоянно осуществляющего процесса идентификации, постоянного сличения себя с другими, отслеживания и переживания успешного или неуспешного процесса взаимодействия с окружающими. Социальная идентичность, по Тэшфелу, – это та часть «Я-концепции» индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству. Исследователь подчеркивает, что для индивида принадлежность к определенной группе расценивается как ценность и имеет эмоциональную значимость.

«…Для человека всегда характерно стремление сохранить социальную идентичность, причем позитивную, и тем самым обеспечить соответствие, гармонию образа социального Я … Если же возникает дисгармония собственного образа и окружающего мира, то это препятствует адекватному поведению в этом мире, а сам образ социального мира начинает разрушаться» [1: с. 18]. Как отмечает Г.М. Андреева, «…стремление к позитивной идентичности предполагает наличие определенного образа мира: утрата ее означает для человека видение "другого" мира. Всякий раз, когда идентичность становится негативной, возникает стремление уйти в этот "другой" мир: следовательно, дисгармония между "Я" и "моей" группой принадлежности становится механизмом расшатывания сложившегося образа мира» [1: с. 18].

В условиях социальных перемен важнейшей характеристикой идентичности выступает ее *устойчивость-динамизм*. Личностная идентичность, обладая качественной характеристикой – устойчивостью, выступает источником внутренней стабильности и позволяет человеку оставаться самим собой при самых разнообразных условиях, при самых интенсивных внешних изменениях, обеспечивая эффективность процесса социальной адаптации. Накапливая знания о себе, индивид формирует устойчивое представление о себе, обретающее ценностный характер. «… Жизнь непрерывно "течет", многое вокруг индивида изменяется, многое он интериоризирует, но при этом идентичность как постоянство результатов самовосприятия остается его важнейшей ценностью. И признаком высокого развития в индивиде личностного начала является способность его относиться к собственной идентичности как к ценности» [3: с. 116]. Будучи стабильным в своем самовосприятии и четко осознавая свои собственные устойчивые взгляды, цели, намерения, индивид способен их отстаивать в самых различных условиях, проявляя свою «самость». Высокий уровень личностной идентичности, как правило, связан с процессами самореализации, самоактуализации, самодвижения и характеризует личность как субъекта собственной жизни. Оставаясь самим собой, индивид при этом способен достигать идентичности в составе различных групп, входить в различные сообщества одновременно, выступая в различных социальных ролях, всегда с позиции своей устойчивой определенности. Высокий уровень личностной идентичности не только не препятствует, но обеспечивает эффективность социально-психологической адаптации в группе, благодаря осмысленному отношению к ее целям, ценностям, смыслам групповой деятельности.

В условиях быстро изменяющегося мира личность как субъект адаптации, обладая высоким уровнем внутренней идентичности, имеет мощный адаптационный ресурс, заключающейся в преемственности целей и способов жизнедеятельности, устойчивости связей с окружающими, стабильности самооценки и системы оценок внешнего мира, сохранении навыков социального взаимодействия.

Однако высокая степень личностной идентичности может носить и деструктивный характер. Излишне акцентированная идентичность приводит

к ригидности поведения, что препятствует социально-психологической адаптации, затрудняет процесс взаимодействия личности с социумом. Такая ригидность поведения является следствием ригидного социального интеллекта и проявляется в дезориентации в системе социальных изменений, неэффективности адаптации к происходящим изменениям. Например, люди старшего поколения, становясь менее гибкими к изменениям, испытывают трудности в адаптации к новым социальным, экономическим, политическим условиям, теряют способность к самореализации, становятся все более неудовлетворенными современной жизнью.

Человек с высоким уровнем личностной идентичности в условиях радикальных социальных изменений может сознательно отказаться от принятия новых групповых целей, задач, норм и ценностей. Так, по мнению А.Л. Журавлева, определенные социально-демографические группы, «…значимая функция которых заключается в настороженном и критичном отношении к любым изменениям в системе ценностей окружающих их людей», своим отказом от адаптации к новым социальным, экономическим и политическим условиям демонстрируют "их гражданскую, социальную и нравственную позицию", что является "показателем их высокой ответственности за судьбы общества и страны"» [6: с. 65]. Однако с позиции социума такая форма поведения расценивается как дезадаптивная.

В условиях социальных преобразований и часто сопутствующей им нестабильности общества возникает *кризис идентичности*, когда «…большинство социальных категорий, посредством которых человек определял себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность. Одновременно происходит и переоценка своей групповой принадлежности, и своего места в ней, а как результат – переоценка и самой ситуации в обществе в целом» [1: с. 184].

Деструктивный характер кризиса идентичности может проявляться: в утрате позитивной личностной идентичности; в негативной оценке ингруппы, в ложной идентичности. *Утрата позитивной личностной идентичности* «дезорганизует внутренний мир человека, что, как правило, приводит к дезорганизации своих впечатлений относительно окружающего мира» [1: с. 184]. При *негативной оценке своей группы* возникает намерение индивида покинуть ее и примкнуть к другой группе. Усложнение социальных процессов, неопределенность и нестабильность социальных, экономических, политических условий являются причиной проявления *ложной идентичности* индивида. Существенная социальная дезориентация человека делает его легко восприимчивым к различным социальным воздействиям, толкает на поиск путей приспособления к изменившимся условиям жизни. Одним из таких способов приспособления является мимикрическая идентичность: показная, неподлинная, не отвечающая душевному настрою человека, но позволяющая ему выжить. Для социально дезориентированной личности социальная мимикрия чаще всего носит стихийный, подражательный характер и выступает как вынужденное средство самозащиты в кризисных ситуациях.

С другой стороны, мимикрическая идентичность может проявляться как осознанное беспринципное приспособление к изменяющейся социальной среде, к сложившимся условиям жизни ради достижения каких-либо выгод. Одной из форм такой мимикрии выступает *имитация деятельности* как проявление человеческой активности, лишь внешне похожей на целенаправленную, целесообразную и результативную деятельность. На самом деле такого рода активность характеризуется подражательностью, бессмысленностью, случайностью, низкой эффективностью. Как правило, имитация деятельности встречается у людей с низким уровнем профессионализма и нравственной ответственности. Имитация бурной деятельности направлена на сохранение своего «доходного места», привилегий; уклонение от ответственности за неквалифицированную работу; достижение карьеры, власти, материальной выгоды.

Следует отметить, что в современных условиях социального кризиса имитационная деятельность на уровне отдельного индивида и группового субъекта приобретает все более глобальный характер. Гигантский масштаб социальной мимикрии и имитация деятельности наблюдается в настоящее время в политической жизни России. «Имитационная составляющая в политической жизни современного российского общества проявляется в том, что демократические институты приобретают декоративный и имитационный характер … Сформировалась система имитации демократии (псевдопарламент, псевдовыборы, псевдосуд, псевдосвободные СМИ, псевдопубличность, политтехнологии)… В обществе набирает силу тенденция имитации партийно-политической системы и политической конкуренции… вместо реального развития обществу властвующими субъектами предъявляется и вменяется лишь имитация развития, реформ и модернизации. Развитие без изменения – суть стратегий современной власти как субъекта имитации. Вялотекущая модернизация выливается в вялотекущую имитацию модернизации …» [14].

Степень проявления кризиса личностной и социальной идентичности, его глубина и особенности выхода из него зависят от личностных переменных – зрелости, активности, ответственности. По Эриксону, кризис личной идентичности – это поворотный пункт в личностном развитии, выбор между прогрессом и регрессом, состояние, соединяющее в себе рост уязвимости и потенциал развития [14].

Современные исследования (К.А. Абульханова, Л.И. Анциферова, Г.Г. Горелова, Н.М. Лебедева, А.П. Назаретян и др.) доказывают, что для зрелой и ответственной личности переживание кризиса идентичности приводит к личностному росту, нахождению личностных смыслов в новой социальной реальности. «Вероятно, – пишет Н. М. Лебедева, – в процессах самоидентификации в период нестабильности поиски личностью смысла своего бытия в новой изменившейся социальной реальности являются ведущими и определяющими в процессах социальной категоризации, внося личностный смысл и определенность в социальный хаос, гармонизируя его и наделяя личностным значением пульсирующие (возникающие и исчезающие) социальные категории» [10: с. 52].

В современных отечественных исследованиях проблем идентичности выявляется *тенденцией снижения уровня социальной идентичности* в обществе: изменение ценностей от коллективизма к индивидуализму; снижение влияния группового членства на жизнь индивида и усиление влияния его индивидуальных целей и потребностей; переход от потребностей в самоуважении к потребности в смысле (С.К. Бондырева, Д.В. Колесов, Н.Н. Корж, Н.М. Лебедева, В.Н. Павленко, Г.У. Солдатова).

В условиях социального кризиса наблюдается тенденция *изменения качественных характеристик* идентичности. В исследовании Г.У. Солдатовой [13] отмечается:

– движение от унифицированности идентичности к категориальному разнообразию и разноплановости, когда на смену ограниченному выбору социальных категорий для идентификации приходит широкий выбор разнообразных категорий;

– переход от глобальности к детализации самоидентичности, что означает уменьшение значимости более глобальных социальных категорий (идеологических, гражданских), в пользу менее общих, более конкретных и реальных (половых, возрастных, этнических, профессиональных);

– рост специфически объективных (беженец, безработный, бомж) и субъективных личностно-ролевых характеристик (работяга, труженик, творец и т.д.);

– рост личностных, индивидуальных характеристик;

– рост «негативных» самоидентификаций – изгой, инородец, беженец, человек второго сорта, человек без родины.

Названные изменения расширяют возможности зрелой личности в эгоидентичности, в выборе наиболее точных, истинных социальных категорий для идентификации, увеличивают возможности социальной адаптации личности и усиливают чувство контроля над собственной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева, Г.М.* Психология социального познания / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.

2. *Бернс, Р.* Развитие «Я-концепции» и воспитание / Р. Бернс; общ. ред. В.Я. Пилиповского. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.

3. *Бондырева, С.К.* Выживание (факторы и механизмы): учеб. пособие для вузов / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2005. – 368 с.

4. *Горелова, Г.Г.* Кризисы личности *и* педагогическая профессия / Г.Г. Горелова. – М.: МПСИ, 2004. – 320 с.

5. *Джемс, У.* Психология / У. Джемс; под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.

6. *Журавлев А.Л.* Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. – М.: Изд-во ИП РАН, 2007. – С. 62–95.

7. *Кряжева, И.К.* Социально-психологические факторы адаптированности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.К. Кряжева. – М., 1980. – 24 с.

8. *Лебедева, Н.М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии, 1997. – 324 с.

9. *Лебедева, Н.М.* «Синдром навязанной идентичности» и способы его преодоления / Н.М. Лебедева // Этническая психология и общество. – М.: Старый сад, 1997. – С. 3–28.

10. *Лебедева, Н.М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. –1999. – Т. 20. – № 3. – С. 48–58.

11. *Митина, Л.М.* Смысл жизни, судьба, личная ответственность / Л.М. Митина // Вопросы психологии. – 1998. – № 1. – С. 142–143.

12. *Павленко, В.Н.* Трансформации социальной идентичности в посттоталитарном обществе / В.Н. Павленко, Н.Н. Корж // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 1. – С. 75–88.

13. *Солдатова, Г.У.* Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

14. *Эриксон, Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

15. *Ядранский, Д.Н.* Теоретические аспекты адаптации к социальным изменениям / Д.Н. Ядранский // Социальные технологии: Актуальные вопросы теории и практики: международный межвузовский сб. науч. работ. – Запорожье: Изд-во КПУ, 2012. – Вып. 54. – С. 63–67.

АДАПТИРОВАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА К ИЗМЕНЯЮЩЕМУСЯ МИРУ КАК КРИТЕРИЙ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Л.В. Яссман

Яссман Людмила Викторовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: Yassman@yandex.ru

В статье развивается мысль о том, что адаптированная психическая деятельность является важнейшим фактором, обеспечивающим человеку состояние психологического здоровья, которое понимается как «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека. В современной психологии проблема адаптации личности буквально «пропитывает» содержание учений о личности, ее внутреннем мире, находящемся в непосредственной связи с внешним социальным миром.

Основная цель настоящей работы – раскрыть связь адаптивности со зрелостью смысловой сферы личности и показать, что адаптированная психическая деятельность является важнейшим фактором, обеспечивающим человеку состояние здоровья, т.е. определенную совокупность физических и духовных способностей. Наше исследование показало, что среди показателей психологического здоровья активность отдачи, просоциальные устремления есть несомненный признак личностной зрелости, которая и способствует успешной адаптации в условиях меняющегося мира. Норма психологического здоровья предполагает не только успешную адаптацию, но и продуктивное развитие человека на благо самому себе и обществу, в котором он живет. Психологическое здоровье и зрелость личности – это параллельные задачи психологического консультирования при решении вопросов, связанных с проблемами адаптации человека в меняющемся мире.

Ключевые слова: адаптация, психологическое здоровье, смысловая сфера, норма, уровни психического здоровья, эгоцентрическая направленность, группоцентрическая направленность, зрелость, структура смысловой сферы личности.

Проблема ***приспособления человека*** к изменяющемуся миру – одна из актуальных современной действительности – разрабатывается в трудах Р.М. Баевского, Ф.Б. Березина, К.И Воробьевой, И.Б. Дерманова, В.И. Медведева, К.К. Платонова и др. Такие известные психологи, как Н.А. Бернштейн, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, Т.Х. Невструева, С.Л. Рубинштейн и др. развивают понимание развития личности в социуме на протяжении всей жизни человека – с момента рождения (т. е. выделения из утробы матери как автономного, самостоятельного организма) и до самой смерти – его непрерывно сопровождает процесс адаптации. Адаптацию называют одной из важнейших системоформирующих связей человека с миром.

Понимание адаптации с философских позиций лежит в плоскости выяснения особенностей взаимосвязи форм и механизмов интеграции природного и духовного, биологического и социального, духа и плоти, души и сердца. Осознание двойственности своей природы – фундаментальное событие в жизни человека. С одной стороны, как и любое животное, он подчиняется физическим и биологическим условиям выживания, и в этом аспекте его бытия наиболее существенные формы его жизнедеятельности выступают как адаптивные стратегии поведения человека. Адаптационная концепция оценивается как один из перспективных подходов к комплексному изучению человека. Этот процесс неразделим с самим понятием «жизнь»: немыслима жизнь без адаптации, равно как и адаптация не существует вне жизненного цикла живого организма. А.А. Налчаджян [6] рассматривает адаптацию как процесс ***приспособления*** к условиям среды с целью установления определенного состояния, и как само состояние, при котором потребности организма удовлетворены с учетом требований со стороны среды. С понятием адаптация тесно связано такое явление как социализация.

Адаптация во всей многоемкости структуры своего понятия (биологическое и психологическое приспособление к меняющимся условиям природной и социальной среды), полноценна лишь при условии сохранности духовной значимости избранных человеком способов адаптации. То есть должен быть свой «краеугольный камень» в ценностных установках человека. Достойно выживает лишь духовно растущий человек. Явление адаптации, предопределяемое зрелостью личности, находится в прямой зависимости от качества процесса развития человека.

Результатом процесса личностного развития выступает зрелость, одновременно она является критерием социокультурного развития. Его можно определить как процесс усвоения индивидом социального опыта определенной системы знаний, норм, ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Именно в процессе социализации перед личностью возникают те проблемные ситуации, для преодоления которых формируются адаптивные механизмы. Важнейшим условием и показателем здоровья человека является его адаптивность – способность менять свое физиологическое и психическое функционирование в пределах гибкого адаптационного потенциала, без пе-

рехода к грубым компенсационным изменениям. Если эта способность, адаптивный потенциал достаточно развит, то человек сравнительно легко приспосабливается к новым условиям и, как следствие, сохраняет и укрепляет свое здоровье

Реальный человек вынужден изо дня в день адаптироваться к окружающей действительности, приспосабливаться к ней. Что же собой представляет по своим психологическим показателям реальный, средний человек – адаптированная личность в современном обществе. Реальный способ существования человека состоит в том, что он включен в разные системы отношений. Изучение человека как личности, учитывающее реальные способы жизни человека в их многосторонности и целостности, является объектом целостного психологического исследования.

Выбор системного подхода к анализу проблемы адаптации заключается в присущей ему способности определять связи между отдельными частями. Задачи целостного психологического исследования все больше связываются с личностным подходом в психологии. С.Л. Рубинштейн писал, что психология личности в ее реальной конкретности является исходным предметом психологического изучения [8]. До последнего времени большинство психологических методов связывается с изучением отдельных процессов. Основой такой частичности, нецелостности исследования психики является то, что эти отдельные психические явления берутся в отрыве от их носителя, вне учета принадлежности их целостному субъекту. Изучать объект как систему – значит изучать его взаимодействие с окружающей средой, иметь предмет исследования его изменения как целостного образования в ответ на те или иные воздействия среды.

Адаптированная психическая деятельность является важнейшим фактором, обеспечивающим человеку состояние здоровья, т.е. определенную совокупность физических и духовных способностей [11;15; 16]. В том случае, когда эти «способности» соответствуют уровню, необходимому для активной жизнедеятельности в конкретной ситуации, или превышают его, то, вероятно, можно говорить об адаптированной психической деятельности. В настоящее время нет единого понимания психической «нормы» и «ненормы». Традиционно нормальным признается такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности. Условиями и одновременно критериями этого развития являются отношения к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенциалы рода (центральное и системообразующее отношение); способность к децентрализации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения; творческий, целетворящий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной свободе; способность к свободному волепроявлению, возможность самопроектирования будущего; вера в осуществленность намеченного, внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; стремление к обретению общего сквозного смысла своей жизни [10: с. 40].

Явление адаптации, предопределяемое зрелостью личности, находится в прямой зависимости от качества процесса развития человека. Под качеством подразумевается полноценная развитость умственной, нравственной, чувственной и волевой сфер личности. Зрелость выступает результатом процесса личностного развития, и одновременно зрелость является критерием социокультурного развития. Психология измеряет качественность процесса развития человека мерой нормальности развития.

Согласно Б.С. Братусю, зрелым можно назвать вовсе не того, кто всегда уверенно приспосабливается по законам житейского разума, не ставя перед собой высоких нравственных целей, равно как не того, кто громко заявляет о своих высоких целях, не будучи, однако, в состоянии приложить себя к реальной жизни. Зрелость, как правило, подразумевает достаточно возвышенные идеальные устремления, но в то же время и осознанную готовность выполнять, если надо, самые скромные, земные задачи ради этих устремлений. Истинная зрелость – как напряженная вольтова дуга, светящаяся между полюсами реального и идеального [2; 3: с. 80]. В своей концепции Б.С. Братусь рассматривает не отдельные смысловые образования, а смысловую сферу личности как целое, подчеркивая значение смысловых связей и говоря о психологических смысловых системах, которые «рождаются в сложных, многогранных соотнесениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким (собственно смыслообразующим) контекстам жизни» [3: с. 86]. Смысловая сфера личности, как особая психическая структура, подчиняется общей динамике развития личности, описанной в работах Дж. Ваттерборта, Л.С. Выготского, Е.Б. Весны, У. Крейна, И.Ю. Кулагиной, А.Н. Леонтьева, Т.Д. Марцинковской, В.И. Слободчикова, В.С. Ухиной, М. Харриса и др.

В структуре смысловой сферы личности Б.С. Братусь выделяет ряд уровней [3: с. 100–101]. *Низший, нулевой уровень* – это прагматические, ситуационные смыслы, определяемые предметной логикой достижения цели в данных конкретных условиях.

Эгоцентрический уровень, когда человек воспринимает себя как единицу, центр, а другие, все окружение, выполняют служебную роль в зависимости от того, помогают они его желаниям или нет. Если помогают – они хорошие, если не помогают, то они враги. Соответственно смысл жизни рассматривается как увеличение суммы личных достижений вне зависимости от блага других людей.

Уровень группоцентрический – это уровень, где центральной является группа, общность, с которой человек себя идентифицирует. Отношение к другим

тесно зависит от того, принадлежит он к этой группе или не принадлежит. Если принадлежит, то другой человек достоин жалости, сожаления, любви, снисхождения. Если не принадлежит, то эти чувства на него могут не распространяться. В этом случае смысл жизни уже выходит за грани смерти человека, и он видится в жизни, благополучии той группы, с которой он себя идентифицирует. Здесь главный смысл заключается в том, чтобы жил определенный «кусок» общности. Он может быть разным – от семьи до страны. Он может быть совершенно разным по объему, но психологически – это одно и то же: жили бы «мои», жили бы «мы», «наши», а что касается остальных, то это безразлично.

Просоциальный уровень. На этом уровне любой другой человек, принадлежит он к моей группе или нет, обладает в смысловом восприятии такой же ценностью, как я сам. На этой ступени впервые появляется нравственность, потому что до этого о нравственности мы говорить не можем. Можно говорить о морали: группоцентрической или корпоративной. Но мораль, как известно, есть во всех слоях общества, начиная от преступников и кончая работниками торговли и т.д. Только на уровне нравственного сознания начинает действовать императив Канта или если говорить проще, старое золотое правило этики: поступай с другим так же, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. На уровне нравственного сознания смысл жизни более широкий и светлый, чем тот, который присутствует в групповой морали.

Эсхатологический уровень. На этом уровне человек начинает рассматривать себя как существо, связанное, соотнесенное с духовным миром. Тогда он сам и любой другой человек приобретает не только гуманистическую, общечеловеческую, но и определенную сакральную ценность. Здесь, на этом уровне, устанавливается его личная «формула», связь с духовным миром, личная форма связи с Богом. Эта личная религия может быть даже атеистической, исключающей Бога, но она всегда продукт некой веры, поскольку основания смыслов здесь уже не подлежат проверке, это область метафизических умопостроений, а не опытного знания [2: с. 293].

Вышепредставленные уровни смысловой сферы характеризуют смысловую вертикаль личности, которая, оставаясь невидимой, образует ее стержень [2]. Смысловая вертикаль – это иерархия смыслов, от эгоцентричных до духовных, задающих жизненные ориентиры духовной зрелости на разных уровнях личностного развития. Смысловые системы, высшего, нравственного уровня несут в себе функцию *преображения* действительности, связывания разнородных и частных интересов, нижележащих смыслов («преградных» и «конфликтных» в том числе) в единый, определяющих суть и назначение человека, взгляд на самого себя и на окружающую жизнь [2: с. 107].

Предложенная Б.С.Братусем уровневая организация смысловой системы личности отражает социальную сущность человека. Б.С. Братусь называет отношение к другому человеку тем самым общим критерием, водоразделом, отделяющим собственно личностное в смыслообразовании от неличностного, могущего быть отнесенным к иным слоям психического отражения. Реальный способ отношения к другому человеку, другим людям, человечеству в целом выделяется Б.С. Братусем в качестве психологического критерия смыслового развития личности и используется в разработанной им классификации смысловых уровней.

Б.С. Братусь в рамках предложенной концепции выдвигает гипотезу об уровнях психического здоровья, называя один из них собственно личностным, ответственным за производство смысловых ориентаций, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношений к другим людям и себе. Именно данный уровень, согласно Б.С. Братусю, при наличии качества смысловых отношений человека, является *высшим уровнем психического здоровья*. Другие два уровня – это *уровень индивидуально-психологического здоровья,* оценка которого зависит от способностей человека построить адекватные способы реализации смысловых устремлений. И *уровень психофизиологического здоровья,* который определяется особенностями внутренней, мозговой, нейрофизиологической организации актов психической деятельности. Следовательно, представление о психическом здоровье, согласно Б.С. Братусю, следует рассматривать не как однородное образование, а как образование, имеющее сложное, поуровневое строение, где психическое здоровье, будучи многоуровневым, может страдать на одних уровнях при относительной сохранности других [2: с. 71–72].

Представления Б.С. Братуся о личностном здоровье перекликаются с представлениями М.В. Сокольской, которая развивает идею о том, что в качестве основного интегративного критерия личностного здоровья выступает *субъективное благополучие личности,* условием, при наличии которого возможно говорить о личностном здоровье, является *субъектная активность личности,* которая проявляется через потребность и умение критически оценивать и контролировать свои действия, произвольно направлять, перестраивать собственные действия и поступки с учётом возможных их последствий, стремление к соблюдению социально-ценных и личностно-значимых норм, правил межчеловеческих отношений [11: с.73]. Рассматривая субъективное благополучие в качестве критерия личностного здоровья, М.В. Сокольская считает важным остановиться на проблеме, связанной с направленностью личностной активности. Мы согласны с мнением М.В. Сокольской, что «…речь идет о благополучии, понимаемом по-разному,

в зависимости от общественной или индивидуальной ориентированности личности, от эгоистической или альтруистической направленности» .

В понимании Б.С. Братуся, всякий случай нормального, полноценного, ведущего к приобщению к родовой сущности развития создает мощное силовое поле благотворного влияния на других людей, благотворных «вкладов» и возвышающих смысловых преобразований, тогда как всякий случай извращенного, аномального развития создает свое силовое поле, на этот раз отрицательного по отношению к задачам достижения человеческой сущности свойства, направленного на низведение помыслов, задач и смысловых устремлений других до уровня эгоцентризма, а следовательно, в конце концов, межлюдской разобщенности [2: с. 130]. Напротив, нормальное развитие личности создает противоположная эгоцентрической – альтруистическая ориентация, именно она, по мнению Б.С. Братуся, характеризуется подвижностью системы смысловых образований, отражает качество смысловых отношений человека, обеспечивает высший уровень психического здоровья – уровень личностного здоровья. При оценке личности, полагании ее нормальной или аномальной, отклоняющейся, … следует иметь в виду … как общие смысловые устремления, общие мотивы и способы их достижения соотносятся с социальными и нравственными плоскостями общечеловеческого бытия [2: с. 94].

Согласно Б.С. Братусю, аномальная смысловая направленность связана с активностью присвоения (эгоцентрическая направленность, а нормальная направленность – с активностью отдачи (группоцентрическая направленность, первый тип активности соотносится с эгоцентрическими мотивационными устремлениями, с превращением окружающего в средство достижения своих целей0. Второй тип активности (отдача) – с алоцентрическими, просоциальными устремлениями, переключающими активность на процессы отдачи себя, преобразования мира в пользу других. Так, аномальное, отклоняющееся развитие нередко является прямым следствием первого типа активности – эгоцентрической ориентации человека [2: с. 92]. Наоборот, нормальное развитие, в основе которого лежит активность отдачи, есть несомненный признак личностного здоровья [2: с. 130].

С целью изучения связи адаптивности со зрелостью смысловой сферы личности нами было проведено исследование, в котором приняли участие 200 респондентов с разным социальным и образовательным статусом, мужчины и женщины от 25 до 40 лет. С помощью опросника Социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда (СПА мы получили возможность выделить две эмпирические группы с крайними показателями адаптивности).

Группа 1 – ***респонденты с эффективной психической адаптацией (***уровень адаптации равен 74,6 %); группа 2 – ***респонденты с неэффективной психической адаптацией*** (уровень адаптации составляет 50,3 %).

Необходимо отметить, что в картине динамики адаптационного процесса все большее значение получают собственно личностные психологические силы развития, такие как самоактуализация, локус-контроля, особенности самооценивания, самопринятие себя и других, стремление к доминированию, эмоциональный комфорт и др. Рассмотрим особенности респондентов с разным уровнем адаптивности с этих позиций.

Группа 1: уровень эмоциональной комфортности равен 77,7 % , что на 40 % выше чем в группе 2, преобладают положительные эмоции, ощущение благополучия своей жизни, уровень интернальности также выше (59,3). Они ощущают себя активными субъектами собственной деятельности и полагают, что происходящие с ними события являются результатом их деятельности. Уровень доминирования в ***группе 1*** ниже (36,2), чем в ***группе 2***. Респонденты ***группы 1*** не склонны подавлять другого человека, чувствовать превосходство над другим. Уровень самопринятия в ***группе 2*** ниже, чем в **группе 1** но различия между показателями по шкале «самопринятие» не значимы. В целом **группа 2** имеет позитивную самооценку.

Оценка личностных качеств окружающих как фактора привлекающего в подавляющем большинстве случаев сочетается с эффективной психической адаптацией, а оценка таких же качеств, как фактора отталкивающего – с её нарушениями. Не принимая, а следовательно, не понимая других, неадаптивные респонденты испытывают эмоциональный дискомфорт. В ***группе 2*** уровень принятия других низкий – 30,6 %. Они не принимают другого человека, критически к нему относятся.

Для неадаптивных свойственен низкий уровень эмоциональной комфортности (37 %), респонденты данной группы склонны к негативным переживаниям чаще, чем адаптивные. Уровень интернальности в группе 2 ниже, чем в группе 1 (33,8 %). Респонденты группы 2 считают, что происходящие с ними события являются результатом действий внешних сил. Уровень стремления к доминированию в группе 2 выше, чем в группе 1 на 10,2 % и составляет 46,4 %. Респонденты данной группы склонны подавлять другого человека, чувствовать превосходство над другими.

Для неадаптивных другой человек – источник опасности. Адаптивные открыты для принятия другого человека, открыты ко всему новому, интересному, источнику полезной информации необходимой для успешной адаптации. Они принимают себя как безусловную ценность, но также они принимают и другого человека, воспринимая его как равного с собой партнера в совместном познании действительности.

Неадаптивные не принимают других людей, избегают продуктивных контактов с окружающими и тем самым лишают себя определенных адаптационных возможностей, поскольку, не имея возможности научиться адекватно эмоционально реагировать на окружающих людей, они не могут относиться с пониманием к эмоциям других людей. Уровень эмоциональной комфортности в группе 2 на много ниже, чем в группе 1. При низком уровне принятия другого и эмоциональной комфортности у представителей группы 2 уровень экстернальности высок. Они зависимы от окружения, так как не могут прогнозировать поведение окружающих людей, не владеют информацией о их планах, не умеют договариваться. Действия окружающих для неадаптивных респондентов неизвестны, непредсказуемы. Представители группы неадаптивных зависимы от других в результате дефицита информации. Для того чтобы преодолеть зависимость неадаптивные респонденты стремятся к доминированию над окружающими. Уровень стремления к доминированию в данной группе выше, чем в группе адаптитвных. Для них характерно стремление к власти как способ освобождения от зависимости – иллюзия свободы.

С помощью методики Плутчика – Келлермана – Конте (Life Style Index) мы выявили напряженность психологических защит (отрицание, вытеснение, регрессия, проекция, рационализация, компенсация, гиперкомпенсация, замещение) в сравниваемых группах. Последующий математический анализ данных показал значимые отличия по степени напряженности защит между группами на уровне ≤ 0,01 (однофакторный дисперсионный анализ, Тамхейн).

В результате анализа математических показателей определено, что показатели психического здоровья в группах повышаются от неадаптивных к адаптитвным по следующим основаниям. С нарастанием способности к адаптации понижается напряженность психологических защит, снижается чувство тревожности; усиливается гибкость защит, когда «репертуар» защитного поведения не задан слишком жестко, что свидетельствует о повышении степени зрелости регуляторных механизмов.

Факт статистически значимых различий в уровне психического, а в целом личностного здоровья свидетельствует о разном опыте смысловой регуляции, зрелости регуляторных механизмов у респондентов групп. Данный вывод подтверждают выявленные качественные отличия в способах преодоления трудностей у участников групп.

Сопоставление характерных особенностей способов преодоления трудностей с качествами смысловой направленности показало, что группы с более высоким уровнем развитости смысловой сферы личности (адаптианые) используют более результативные способы регуляции, а их участники более адаптивны в трудных социальных обстоятельствах в отличие от респондентов с более низким уровнем развитости смысловой сферы (неадаптивные).

Применение **метода незаконченных предложений**, разработанного К.И. Локтевым, В.П. Яссман на понятие «ответственность» [14: с. 165], позволило определить значимое смысловое жизненное пространство респондентов сравниваемых групп, с которым они себя идентифицируют. В итоге выявлены 4 типа суждений, характеризующих разные уровни смыслового пространства ответственности: 1) ответственность за себя; 2) ответственность за близкое окружение; 3) ответственность за общество; 4) ответственность за мир. Качественный анализ содержания типов ответов показал их смысловое соответствие с описанием уровней смысловой сферы личности. Установлено, что в группе неадаптивных сформированы только три смысловых уровня (эгоцентрический, группоцентрический и просоциальный), из которых определяющим в их отношениях с миром выступает эгоцентрический. В группе адаптивных смысловая вертикаль представлена всеми уровнями, но определяющим в их отношениях с миром выступает группоцентрический. Нравственный уровень (просоциальный) сформирован в каждой группе и незначительно отличается по степени доминантности, а вот духовный уровень (эсхатологический) представлен только у отдельных респондентов 1-й группы, что свидетельствует о зрелости их духовной сферы (рисунок).

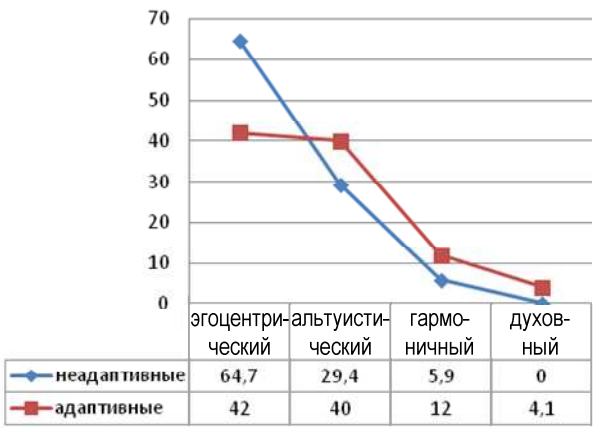

Рисунок. Значимое смысловое жизненное пространство респондентов сравниваемых групп

По итогам анализа индивидуальных результатов прослежены ряд тенденций (эгоцентричная, альтруистичная, гармоничная, нравственная, духовная), динамика показателей характеризует отличия между респондентами. *Эгоцентричная тенденция* (ответственность за себя) показала изменение смысловых позиций в группах по мере роста адаптивности. *Альтруистичная тенденция* (ответственность за близкое окружение) показала пропорциональный рост группоцентрических смыслов. *Гармоничная тенденция* раскрыла характер сбалансированности эгоцентрической и группоцентрической тенденций. Наиболее явно обе тенденции

уравновешиваются в 1-й группе, а максимальный дисбаланс – во 2-й группе. *Духовная тенденция* (ответственность за мир) отразила позиции групп, выразивших эсхатологические смыслы. Во 2-й группе таких смыслов не выявлено, что является свидетельством низкой сформированности духовного уровня смысловой сферы личности неадаптивных респондентов.

Установлено, что существенные различия между группами лежат в пространстве двух векторов, задающих их основную смысловую направленность [2: с. 104]. С одной стороны – это эгоизм (2-я группа), т.е. ориентация к частному, ситуационному, прагматическому, с другой – альтруизм (1-я группа) – к коллективистскому, общему, всеобщему. Мы видим, что генеральным признаком при определении уровня адаптивности личности выступает пространство смыслового вектора «эгоизм-альтруизм».

Аномальная смысловая направленность связана с активностью присвоения (эгоцентрическая направленность у 2-й группы), а нормальная направленность – с активностью отдачи (группоцентрическая направленность у 1-й группы). Согласно Б.С. Братусю, первый тип активности соотносится с эгоцентрическими мотивационными устремлениями, с превращением окружающего в средство достижения своих целей. Второй тип активности (отдача) – с алоцентрическими, просоциальными устремлениями, переключающими активность на процессы отдачи себя, преобразования мира в пользу других. Дезадаптивное развитие нередко является прямым следствием первого типа активности – эгоцентрической ориентации человека; адаптивное развитие, в основе которого лежит активность отдачи, есть несомненный признак личностного здоровья, которое и способствует успешной адаптации в условиях меняющегося мира [2: с. 130].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агаджанян, Н.А.* Экологическая физиология человека / Н.А. Агаджанян. – М.: КРУК, 1998. – 416 с.

2. *Братусь, Б.С.* Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.

3. *Братусь, Б.С.* Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии / Б.С. Братусь // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии; под ред. Д.А. Леонтьева и В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 67–91.

4. *Воробьева, К.И.* Ассертивность как системообразующее свойство субъекта адаптации // Вестник БГУ. – Улан-Удэ, 2012. – С. 118–124. – (Серия С (4) «Психология»).

5. *Медведев, В.И.* О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса / В.И Медведев. – Л.: Наука, 1984. – С. 3–16.

6. *Налчаджан, А.А.* Социально-психологическая адаптация личности / А.А. Налчаджан. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. – 263 с.

7. *Невструева, Т.Х.* Проблема идентичности в интегративной модели личностного функционирования // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. –№ 2 – С. 18–23.

8. *Рубинштейн, С.Л.* Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – М.: Мысль, 1956. – 150 с.

9. *Серый, А.В.* Ценностно-смысловая сфера личности: учеб. пособие / А.В. Серый, М.С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1999 – 92 с.

10. *Слободчиков, В.И.* Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

11. *Сокольская, М.В.* Личностное здоровье человека: теоретический анализ / М.В. Сокольская // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 29. –С. 69–73.

12. *Шиян, В.Н.* Духовная реальность: методологические основы исследования / В.Н. Шиян, Н.Н. Дядя, А.М. Шкуркин. – Хабаровск: Изд-во ДВИ-Ф РАНХ, 2012. – 313 с.

13. *Яссман, Л.В.* Духовность как метосистемное свойство самоорганизации внутреннего мира субъекта труда / Л.В. Яссман, В.П. Яссман // Современная научная психология и православная духовная традиция: содержательный диалог: материалы конф.; Рождественские чтения. – М., 2011. – С. 22–43.

14. *Яссман, В.П.* Духовность как динамическое метасистемное свойство внутреннего мира человека: монография / В.П. Яссман, К.И. Локтев. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010. – 144 с.

15. *Яссман, Л.В.* Нарушения адаптационной функции образа мира как следствие недостатка развития ее системности / Л.В. Яссман, В.П. Яссман. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005.

16. *Яссман, Л.В.* Психологическое здоровье как критерий духовной эволюции человека / Л.В Яссман, О.Ю. Яссман // Психология человека в современном мире: материалы Всероссийской юбилейной науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна; 15–16 октября 2009 г. В 6 т. Т. 6. – М., 2009. – С. 337–346.

АДАПТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ДУШЕВНОГО ЗДОРОВЬЯ

Л.П. Лазарева

Лазарева Лариса Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: Larisa-mich@list.ru

В статье исследуется проблема соотнесённости понятий «адаптивность личности» как способность к адаптации, приспособлению человека к существующим в обществе требованиям и критериям оценки за счет присвоения норм и ценностей данного общества и «душевное здоровье», отражающее способность трудиться, воспринимать позитивно мир во всём его противоречивом многообразии, любить и с относительной лёгкостью выходить из стрессов. Адаптивность рассматривается как генератор здоровья социализированной личности, имеющий свою сложную структурную природу, каждый элемент которой выполняет заданную ей природой здоровье сберегающую функцию. Душевное здоровье, в свою очередь, – это равновесное, адекватное взаимоотношение человека с окружающим миром, проявляющееся в его жизненном стиле, оптимистической мыследеятельности, вписываемости в свои возрастные «рамки», реальном обретении ценности проживаемого времени. Жизнеустойчивость личности осмысляется как системный фактор, отражающий качественный уровень душевного здоровья. Автор интерпретирует смысловые конструкты жизнеустойчивости личности реальными показателями её душевного здоровья.

Ключевые слова: адаптивность, душевное здоровье, усвоение стандартов общества, вписываемость в условия времени, субъективное время личности, жизненный стиль, жизнеустойчивость – системный фактор душевного здоровья.

Примеров исследования понятий «здоровье», со всеми его видовыми модификациям, в том числе и душевным / *психическим* – в современном научном пространстве вполне достаточно, так же как и понятия «адаптивность». Суть предпринимаемого поиска в том, чтобы, поставив эти два понятия на одну параллель экзистенции, определить вероятность их общей структурной наполняемости, представить практическую реальность возможностей личности к сохранению и приращению душевного здоровья.

Первоначально предстоит определиться в базисных смысловых позициях, которые послужат векторами поиска общих смыслов.

Утвердившееся в массовом сознании представление *здоровья* выражено В. Далем: «Здоровье, или церк. здравіе ср. состоянье животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни. *Здоровье всего дороже (дороже денег). Он чужим здоровьем болен (завистлив)*» [4: с. 1683].

Современная психология сохранила это понимание *здоровья*, обогатив лишь его деталями, условно говоря, частных смыслов. По уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «здоровье – это не отсутствие болезни как таковой или физических недостатков, а состояние полного физического, душевного и социального благополучия» (ВОЗ. Основные документы, изд. XXIX, Женева, 1968). Однако это определение, как полагают авторы Википедии, не может быть использовано для оценки здоровья на популяционном и индивидуальном уровне. По мнению ВОЗ, к которому они апеллируют, в медико-санитарной статистике под здоровьем на индивидуальном уровне понимается отсутствие временных расстройств и заболеваний, а на популяционном – процесс снижения уровня смертности, заболеваемости и инвалидности.

При всем множестве смыслов понятия ***«здоровье»*** *(П.И. Калью в работе «Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация» рассмотрел 79 определений здоровья, данных в разных странах)* душевное здоровье как его дефиниция есть – в коллективном понимании исследователей – способность человека справляться со сложными обстоятельствами жизни, сохраняя оптимальный фон и адекватность поведения.

Сергей Бойцов, главный специалист Минздравсоцразвития по профилактической медицине, директор Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины говорит: «Душевное здоровье – это равновесие, адекватное взаимоотношение человека с окружающим миром. Каждый человек проходит период вхождения в мир через период дисбаланса с окружающим миром. У некоторых в этот момент в силу специфики личности развиваются невротические реакции или невроз. Но большинство людей благополучно проходят через этот период и попадают в среду новых опасностей. Каждая фаза неуверенности сменяется фазой избыточной амбициозности, вместо невротической реакции появляется нетерпимость и повышенная требовательность к окружающим. И, в отличие от проблем молодости, когда требуется помощь психотерапевта или психолога, проблемы старшего возраста – это проблемы внутренней культуры человека. Промежуточная фаза типична для людей старшего возраста, когда душевное рав-

новесие нарушается вследствие психоэмоционального перенапряжения. Эти проблемы иногда достигают крайней степени выраженности и требуют помощи специалистов, но чаще всего могут быть решены путём разумного соотношения труда и отдыха. В связи с тем, что ни один человек не может постоянно находиться в равновесии с окружением, для сохранения душевного здоровья главное, чтобы дисбаланс с окружающей средой не выходил за рамки норм и не был частым» [6].

Практический психолог Николай Козлов насыщает понятие «душевное здоровье» яркими доходчивыми детальными характеристиками, говоря о том, что «…душевное здоровье – внутреннее состояние, когда душа открыта людям и миру, бодра и радостна, не страдает болью и не болеет враждой. Это хорошее настроение, бодрость и энергия, интерес к жизни и внутреннее ощущение "хорошо". Душевно здоровый человек адекватен, позитивен и доброжелателен. Он живет в высоком эмоциональном тоне, ему нравится разумный уровень жизненного напряжения, жизненный мир для него прекрасный и любимый» [6].

Не чуждость жизненного мира для человека, не отторжение миром личности, а личностью – мира, по сути, и есть тот социальный компромисс, который наполняет понятие «адаптивность». Под адаптивностью отечественные психологи понимают наличие некоторых индивидуальных характеристик, позволяющих личности быстро и адекватно разрешать проблемные ситуации, нормализуя своё взаимодействие со средой [10].

При соотнесении этих двух понятий – *«здоровье / душевное здоровье»* и *«адаптивность»* – возникает смысловой симбиоз: душевное здоровье и есть условие адаптивности личности, а адаптивность, в свою очередь, не что иное, как отражатель силы / уровня душевного здоровья.

Этимологический контекст лексемы «душевное здоровье» даёт более глубокое представление о его доминанте и совокупных элементах, и, следовательно, о способах его сбережения и укрепления. Святитель – хирург Лука Войно-Ясенецкий на основе своего духовного и врачебного опыта даёт такое определение души: «Что такое душа? В простейшем её виде, у животных – это объединяемый самосознанием (умом у высших животных) комплекс органических и чувственных восприятий, мыслей и чувств, следов воспоминаний или только (у низших животных) комплекс органических ощущений. По мере повышения по лестнице существ растёт их духовность, и к дыханию жизни присоединяются зачатки ума, воли и чувства…Душу можно понимать как совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств и волевых актов…» [9: с. 62].

Триединая сила мыслей, чувств и воли человека и составляет мощь его душевного здоровья, или, по-другому, двигатель его социализации / его *адаптивности*. Но эта сила срабатывает при условии её позитивности, наполненностью любовью к жизни. Известный психолог Э. Фромм также говорит о любви как основе здоровья личности: «…Любовь есть связь, предполагающая сохранение целостности личности, её индивидуальности. Любовь – действенная сила в человеке, сила, разрушающая преграду между человеком и его собратьями, сила, которая объединяет его с другими; любовь помогает человеку преодолеть чувство одиночества и отчуждения и вместе с тем позволяет ему оставаться самим собой, сохранить свою целостность… Любовь – это деятельность, активность, а не пассивный эффект, это пребывание в некотором состоянии, а не "впадение" в него» [13: с. 97].

Любовь к себе (не эгоистический слепок нарциссизма, а уважение к тайне великой человеческой данности, заключенной в индивидуальности), любовь к людям, к миру, в котором мы все живём и есть генератор здоровья души. А само здоровье – это дарованная Природой данность, бесценную стоимость которой Человеку нужно отработать в своей жизни разумно-нравственным, неустанно деятельным сберегающим отношением к ней.

При рассмотрении природы симбиоза «адаптивность – душевное здоровье» возможен и такой аспект. Адаптивность – следствие позитивного состояния душевных сил, происходит из многих объективно-субъективных начал личностного бытия человека, которые он не в состоянии игнорировать в силу их имманентной данности. Факторы этой данности представляются ниже.

Первый фактор. «Личность – индивидуальная реальность эпохи» (В.М. Бехтерев). Адаптивность личности тем состоятельнее, чем большие возможности для её активности представляют общественные условия. Последние «…должны быть благоприятными для развития личности и не должны содержать тех бесчисленных пут, которыми обычно оцепляют правительства свои народы, признавая преступным даже само слово "свобода". Нужно вообще иметь ввиду, что свободное развитие общественной деятельности представляет лучшую гарантию правильного и здорового развития личности» [2: с. 129].

Второй фактор. «Усвоение стандартов общества помогает человеку ориентироваться в мире и адекватно действовать в нём, но тем не менее важно для него и усвоение стандартов времени» (Г.М. Андреева).

Общество предъявляет личности традиционные возрастно-ролевые ожидания, согласно которым личность должна оценивать свои достижения. То есть личности надлежит включаться в круг определения социальных ролей. «И если такое включение оказывается в силу каких-то причин невозможным, возникает ощущение дискомфорта» [1: с. 344]. Это ощущение уже есть симптом душевного недомогания, который может вылиться в нездоровье. «Более конкретно проблема соотнесения времени своей

жизни с эпохой выглядит так: для каждого человека необходимо достичь адекватности собственных возможностей, имеющих место сегодня, с возможностями их реализации, даваемой историческим временем. Проблема "потерянных поколений" – это как раз проблема тех поколений, которые почувствовали себя невостребованными обществом, находящимся на данном этапе его развития. Каждая эпоха требует определенных социальных ролей, и одна из задач личности – соотнести особенности эпохи и личный период своего развития для успешного исполнения набора требуемых ролей» [1].

Третий фактор. «Психический облик личности во всём многообразии психических свойств определяется реальным бытиём, действительной жизнью человека и формируется в конкретной деятельности» (С.Л. Рубинштейн).

Душевное здоровье личности можно представлять как устойчивое комплексное сочетание её позитивных психических свойств, сформированных в течение жизни. «Образ жизни человека, включающий в неразрывном единстве определённые исторические условия, материальные основы его существования и деятельность, направленную на их изменение, обусловливает психический облик личности, которая, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на образ жизни» [11]. Образ жизни, гармонично сочетающийся с историческими условиями, и есть важнейшая предпосылка душевного здоровья человека.

Четвёртый фактор. Душевное здоровье – объективный результат разумного использования человеком своего жизненного ресурса.

Каждый физически и психически нормальный человек наделён от природы определёнными жизненными силами, которые и составляют его жизненный ресурс. Это значит, что мы все неравнозначны по своей витальности, которая во многом задаёт наш психический масштаб, стили поведения, особенности рефлексии, поведенческий репертуар, коммуникативные взаимодействия, уровни притязаний и достижений, общую удовлетворённость жизнью, ближайшим и далёким социальным окружением [7].

Рациональное (разумное) использование человеком своего жизненного ресурса, во-первых, возможно при условии социальной зрелости (адаптивности) его личности. Во-вторых, разумность (в контексте исследуемого предмета) подразумевает умение осуществления сложных последовательных действий (вернее, развёрнутых операций). Материал статьи И. Котовой и И.В. Гроза «…Жизненный ресурс личности как психологическое условие позитивного мироощущения» [7] позволяет увидеть ряд условий сохранения и укрепления здоровья (в первую очередь, душевного – *Л.Л.*).

Во-первых, это перманентное (постоянное) развитие личности. В статье автор ссылается на мнение К. Обуховского [8], сообразно которому реализация личностного потенциала – это способ овладения будущим, когда каждая новая потенция является ступенью для ещё более полного раскрытия потенциала. Представляя собой конкретные возможности решения задач и достижения цели определённого типа, потенции в своём единстве «собирают» личностный ресурс.

Вторым условием сохранения душевного здоровья можно считать умение человека концентрировать и распределять свои силы во времени. Выше уже говорилось о том, что успешность деятельности, здоровье объективно зависимы от исторического и субъективного времени личности.

К.В. Карпинский подошёл к рассмотрению времени в качестве ресурса для реализации максимального количества целей, сулящих лучшую жизнь. Разъясняя свою позицию, он указывает, что человеку кажется, что настоящая жизнь ожидает его впереди, а для того, чтобы приблизиться к ней, надо усердно и самозабвенно работать. Н.Н. Абросимова обратила внимание на функциональные возможности времени, связанные с созданием им определённых ограничений, к которым приходится приспосабливаться субъекту. Это природные явления, общественные условия, требования организации и внешнего мира [7].

Пятый фактор. Способность личности к моделированию собственного жизненного пути, которая отражает такие важнейшие характеристики субъекта времени жизни как ценностное отношение к жизненному времени и способность освоения времени [3]. Человек тем успешнее сохраняет своё душевное здоровье, чем реальнее смотрит на вещи не в их отдалённости, а в реальности переживаемого сейчас времени, но в их возможной перспективе развития, преобразуемой в будущее.

Психологическая реконструкция жизни – выделение личностью главных смыслов своей жизни, отделение «зёрн от плевел» – возможно считать следующим, или *третьим условием* сохранения и личного ресурса и душевного здоровья. Об этом писал В.Н. Дружинин. По его гипотезе, «…существуют независимые от индивида, изобретённые человечеством и воспроизводящиеся во времени жизни варианты жизни. Человек в зависимости от конкретных обстоятельств может выбрать тот или иной вариант, но вариант жизни может быть ему навязан. Степень свободы индивида и мера давления на него внешнего мира – социальной среды – зависят от конкретных исторических условий. Понятие «вариант жизни» является целостной психологической характеристикой индивидуального бытия и определяется типом отношения человека к жизни. Вариант жизни формирует человеческую личность, «типизирует» её. Индивид превращается в представителя «жизненного личностного типа» [5].

Каждый вариант жизни, по мысли психолога, есть качественно определённый способ осуществле-

ния личностью своего жизненного пути. В освоенном способе интегрируются необходимые ценности и смыслы жизни с инструментальными стратегиями их достижения. Душевное здоровье и есть та ценность, которая является одновременно и аккумулятором жизненных сил, которые человек тратит сообразно стилю (синонимично – сценарию) жизни, и индикатором разумности их траты.

Варианты жизни, охарактеризованные В.Н. Дружининым, можно рассматривать и как эпикриз душевного здоровья личности на фоне состояния её адаптивности.

«Жизнь начинается завтра» – вариант жизни, в котором личности отводится пассивная роль мечтателя и прожектёра. Человек, реализующий этот вариант, обычно имеет массу планов на будущее и хорошее чувство временной перспективы, но до практического воплощения задуманных мероприятий дело не доходит. Человек постоянно откладывает на завтра осуществление важных дел, берёт нескончаемые отсрочки на выполнение жизненных обязательств. В конечном итоге подготовительная фаза жизненного пути неадекватно растягивается во времени, а времени на настоящую жизнь фактически не остаётся. Это вечное детское состояние. Финал человека, живущего такой жизнью, печален: им владеют отчаяние и досада за напрасно растраченные годы. Соответственно душевное здоровье личности идёт на спад.

«Жизнь как творчество» – вариант жизни, в котором личности отведена роль экспериментатора, ставящего опыты над своей судьбой. Жизненный путь творческой личности игнорирует привычные нормативы, бросает вызов против устоявшегося образа жизни. На самом деле за творчеством и бунтарством личности скрывается внутреннее неприятие жизненной действительности, стремление избежать горьких разочарований жизни. Личность может удачно провести свою жизнь на «богемной орбите», но может и горько разочароваться, оказавшись в тупике одиночества.

«Жизнь как достижение» – вариант жизни, в котором личность выступает как «человек, сделавший самого себя». Человек вкладывает много сил в будущее, жертвует ради него настоящим. Время жизни рассматривается как ресурс для реализации максимального количества целей, сулящих лучшую жизнь. Наиболее типичны в этом отношении карьеристы, прагматики и трудоголики. Возможно предположить, что стабильность душевного здоровья при таком варианте жизни находится под угрозой, так как человек претерпевает множество стрессовых ситуаций, преодолевает «зоны эмоциональной турбулентности».

«Жизнь по правилам» – тот вариант жизни, при котором жизнедеятельность человека должна соответствовать высокой нормативной регламентации. Те, кто выбивается из нормативного графика жизни, подлежит наказанию, а в некоторых случаях – поощрению. По мнению В.Н. Дружинина, жизнь по правилам удобна тем, что она избавляет человека от нелёгкого бремени выбора: всё расписано уже за него и до него. Данный вариант жизни распространён в обществах с тоталитарным или авторитарным режимом, с репрессивной системой норм и правил социального взаимодействия. Остаётся при этом заметить, что полноценной чувственной жизнью человек при таком общественном раскладе не живёт, следовательно, и душевное развитие однобоко, не гармонично.

«Жизнь – трата времени» – вариант жизни, в структуре которого основным занятием личности является пустое и бесцельное времяпрепровождение. Психологический уровень здоровья не может быть стабильным и надёжным.

«Жизнь против жизни» – это вариант жизни, в котором основной движущей силой является борьба за выживание. Человек, избравший для себя данный вариант жизни, фактически занимает воинственную позицию против всех, не доверяя никому и не получая удовлетворения от соприкосновения с «чужими другими». Прогноз состояния душевного здоровья абсолютно идентичен образу жизни. Здесь же можно вспомнить мнение специалистов в области психологии здоровья Андриана Фернхема (Лондон) и Петрика Хейвена (Австралия), которые говорят о специфичности болезни для людей с определёнными личностными характеристиками, т.е. подразумевая, что личность является каузальным фактором возникновения болезней [12: с. 68].

Позволим высказать своё мнение о том варианте жизни, который определяет высокий уровень душевного здоровья, назвав его так: «Жизнь – ценностное достояние», обладая которым, человек познаёт богатство дарованного ему жизненного времени, во всей сложности его радостей и горестей.

Отдельно нужно выделить особый системный фактор, отражающий общий уровень душевного здоровья человека – жизнеустойчивость.

Понятие «жизнеустойчивая личность» исходит из представления человека, обладающего такими качествами, как способность реализовывать свой природный интеллектуально-нравственный потенциал в «…трудном» социуме, проявлять самостоятельность, творческую инициативу и принимать на себя ответственность за происходящие события.

В последние десять лет в современных отечественных исследованиях личности, принимающей вызовы судьбы и достойно справляющейся с ними, используется понятие «жизнестойкость», идентично соотносимое с понятием «жизнеустойчивость», введенное автором статьи в 2000-м году, что дает право параллельно рассматривать смыслы обоих понятий, выделяя в них глубинную общность.

И отечественные, и зарубежные психологи авторство концепции жизнестойкости отдают С. Мадди, который определил особое личностное качество «hardiness» как особый паттерн структуры установок и навыков, который позволяет превратить изменения, происходящие с человеком, в его возможности. «Hardiness», или жизнестойкость, содержит аттитюды включенности, контроля и вызовов (принятие вызова жизни), позволяет человеку одновременно развиваться, обогащать свой потенциал и совладать со стрессами, встречающимися на его жизненном пути (Л.А. Александрова, 1996).

Жизнестойкость, по Мадди, содержит два компонента – психологический и деятельностный, имеющий мотивационную природу. Психологическая сторона позволяет (в меру ее сущностного содержания) менять характер отношений между людьми – они становятся более терпеливыми, уравновешенными, способными устанавливать здоровые отношения с людьми, ценить радость жизни.

Деятельностная сторона предполагает действия, направленные на осуществление цели. Эти действия направлены на совладание со стрессовой ситуацией, включает в себя постоянную заботу о своем здоровье, совершенствует представления о мире, позволяющие воспринимать жизнь как ценностную деятельность. Такое отношение к миру требует терпеливого самосозидания, целеустремленности, настойчивости, и именно жизнестойкость обеспечивает силу мотивации. Модель индивидуального развития, которую предлагает Мадди, состоит в развитии собственной жизнестойкости, это путь к осуществлению субъективности, к развитию сознания.

При принятии идеи Мадди в современной отечественной психологии и педагогике определены понятия жизнестойкости и ее структуры, в которой содержатся и физиологический, и психологический, и ценностный элементы (А.Г. Абрумова, Л.А. Александрова, Л.И. Анцыферова, Е.А. Байер, Д.А. Леонтьев, Т.В. Наливайко, С.Л. Соловьева, А.А. Трусь и др.). С точки зрения автора статьи, интегративное качество «жизнеустойчивость» (аналог жизнестойкости) – совокупность элементов:

- зрелость личности как жизненное приобретение человека;
- зрелость личности как общий итог позитивного развития человека;
- способность к деятельностному опосредованию развернутых способностей (умственных, чувственных, волевых) как выражение зрелости личности человека;
- выраженность в личности индивидуальности, находящей пути сотрудничества с другими людьми, находящимися в пространстве своей жизнедеятельности и тем самым подтверждающей свою зрелость;
- понимание человеком личностных смыслов людской среды – в персональной выраженности ее представителей и в совокупности сообщества;
- оптимистическая заданность мыслетворчества и чувственного принятия мира человеком;
- личностная стойкость человека в контакте с тревожным миром, способность чувствовать себя в нем комфортно, благодаря нравственно – ценностной обоснованности своих жизнесмыслов.

Соединённость всех этих элементов представляется идеальным образцом той мощной силы личности, которая обеспечивает ей здоровье души, основы активного долголетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева, Г.М.* Социальная идентичность: временные и средовые компоненты / Г.М. Андреева // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб: Питер, 2000. – С. 344–357.

2. *Бехтерев, В.М.* Проблемы развития и воспитания человека / В.М. Бехтерев. – Москва–Воронеж, 1997.

3. *Воробьёва, К.И.* Временная перспектива как моделирование жизненного пути // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2 (34). – С. 23–25.

4. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 / В.И. Даль; под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: ТЕРР – Книжный клуб, 1998.

5. *Дружинин, В.Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии / В.Н. Дружинин. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Иматон-М, 2000.

6. *Котова, И.Б.* Жизненный ресурс личности как психологическое условие позитивного мироощущения [Электронный ресурс] / И.Б. Котова, И.В. Гроза // Прикладная психология и психоанализ – Электронный научный журнал. –2012. – № 2. – URL: http://ppip.idnk.ru.

7. *Обуховский, К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека / К. Обуховский. – СПб.: Речь, 2003.

8. *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух. Душа. Тело / Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). – Клин: Христианская жизнь, 2005.

9. Социальная психология сегодня: наука и практика: материалы межвузовской науч.-практ. конф., 15 июня 2006 г. / под науч. ред. Б.Д. Парыгина. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006.

10. *Теплов, Б.М.* К вопросу о психологических проявлениях основных свойств нервной системы / Б.М. Теплов // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб: Питер, 2000. – С. 33–35.

11. *Фернхем, А.* Личность и социальное поведение / А. Фернхем, П. Хейвен. – СПб.: Питер, 2001.

12. *Фромм, Э.* Искусство любить: пер. с англ. / Э. Фромм; под ред. Д.А. Леонтьева. – 2-е изд. – СПб.: Азбука, 2002.

РЕСЕНТИМЕНТ КАК ФАКТОР ПОВЕДЕНИЯ ДЕЗАДАПТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Н.Г. Григорьева

С.М. Дрюцкая

Ю.А. Тюрина

Григорьева Надежда Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по воспитательной работе и работе со студентами Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: pvr@festu.khv.ru

Дрюцкая Светлана Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры химии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: pvr@festu.khv.ru

Тюрина Юлия Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социологии, директор Института экономики Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: jultur2005@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности проявления ресентимента в поведении дезадаптивной личности. Для многих молодых людей современные процессы социальной адаптации протекают довольно сложно и психологически болезненно. Это связано не только с девальвацией ценностей в современном обществе, но и со сложностью возникающих социальных ситуаций, их многообразием и мобильностью.

Молодые люди, находясь еще в процессе формирования собственных адаптационных ресурсов, не способны в полной мере использовать личностный потенциал для получения эффективного результата в процессе социальной адаптации. Кроме этого, социальная адаптация является сложным, многоуровневым, многофункциональным процессом, подстерегающая юношей и девушек в любой момент их жизнедеятельности, несущая страх неизвестности, опасность риска и ответственности. Эмоциональная и нравственная слабость молодых людей позволяют главенствовать дезадаптационным процессам, подвергаться атакам «душевного динамита» – ресентимента.

Мысли и идеи философа М. Шелера о формах, видах, закономерностях проявления симптома ресентимента являются актуальными для современного общества, которое часто подвергается атакам нелогичного зла, агрессии, мести, злобы и других деструктивных явлений. Поэтому важно различать формы проявления ресентимента в поведении дезадаптивных личностей молодых людей, чтобы прогнозировать направленность их асоциальных актов и осуществлять подбор эффективных технологий для организации процесса их реадаптации.

Ключевые слова: ресентимент, дезадаптация личности, социальная адаптация, реадаптация, мораль, аффект, ценность, эгоизм, экзистенция, функциональный орган.

Процесс интеграции человека в общество осуществляется с помощью социальной адаптации. Социальная адаптация является одной из сторон социализации личности и в самом общем виде представляет процесс взаимодействия субъекта с социальной средой. Считается, что процесс социальной адаптации имеет более сжатые временные границы, чем процесс социализации, который длится в течение всей жизни человека. Поэтому при социальной адаптации индивидууму необходимо в относительно короткие промежутки времени приспособиться, усвоить или устранить создавшиеся социальные проблемы или социальные изменения. Ведь слово «адаптация» в переводе с латинского «adapto» означает – приспособляю. Приспосабливаются к изменяющимся условиям все живые существа, только человек это делает осознанно.

Отличительной чертой современной действительности является ярко выраженная мобильность социальных процессов и постоянно убыстряющееся течение социального времени по сравнению с астрономическим временем. Это позволяет характеризовать в XXI в. бытие человека не во времени, а как время. Поэтому по большому счету современный человек постоянно находится в процессе социальной адаптации. И как она протекает, успешно или деза-

даптивно с явными признаками ресентимента – от этого зависит не только социальное самочувствие человека, формирование его самосознания, но и социальная комфортность существующей реальности для каждого субъекта социума. Особенно активно социальная адаптация протекает при смене видов деятельности, в том числе профессиональной, и смене социального окружения. Показателями успешной социальной адаптации для человека могут служить: эффективная реализация социальных ролей, высокий социальный статус, общая психологическая удовлетворенность социальной средой, комфортное душевное состояние, степень нравственного самоосуществления, высокие смысловые ценности и, конечно, отсутствие признаков ресентимента в поведении человека.

Социальная адаптация представляет собой единство следующих трех стадий: адаптационный шок, мобилизация адаптивных ресурсов, реализация конкретного поведения и деятельности. *Адаптационный шок* представляет общее расстройство функций человека, вызванного резким нарушением привычного взаимодействия с социальной средой. Именно на этой стадии личность испытывает парализующий страх перед неизведанным, эмоционально болезненно воспринимает необходимость освоения новых составляющих социальной среды. Адаптационный шок легко может перерасти в дезадаптационный синдром, стать основой для разрушения личности, если субъект не сможет мобилизовать адаптационные ресурсы (уровень образования и квалификации, демографический и социальный статус, социально-психологические характеристики и пр.), осмыслить ситуацию и начать сознательный поиск выхода из нее. *Вторая стадия* связана с активным выбором модели поведения и деятельности в новой социальной среде, и она плавно перетекает в завершающую стадию социальной адаптации. Содержание *третьей стадии* представляет реализацию конкретной модели поведения и деятельности, которые выбираются человеком с учётом собственных адаптивных ресурсов и основных характеристик социальной среды.

Причем адаптационное поведение и деятельность могут иметь самые различные формы. Активная или инновационная форма характеризуются инициативным воздействием человека на социальную среду. Личность не только осваивает сложившиеся формы поведения людей, существующие нравственные нормы, моральные ценности, формализованные взаимодействия, но и стремится изменить те, которые представляются ей несовершенными, неэффективными, устаревшими. Активная форма адаптационного поведения может перерасти в мятеж или бунт, когда личность стремится полностью преобразовать социальную среду в соответствии со своими представлениями о ней.

Следующая форма *адаптационного поведения* – это пассивное восприятие норм, целей и ценностей социального окружения. Основной чертой поведения человека при пассивной адаптации является послушность, безропотное выполнение всех предписаний, хотя при этом внутренне человек может быть не согласен с нормами и ценностями социального окружения.

Уход личности от социальной среды, ее самоизоляция или ретритизм – такая форма адаптационного поведения избирается при недостаточности собственных адаптационных ресурсов для преодоления стадии адаптационного шока или когда собственные цели и интересы человека кардинально противоположны и не могут совпасть с целями и интересами социальной среды.

Следовательно, деятельность человека может быть адаптивной, когда он сам пытается приспособиться к среде, при которой индивидуум стремится к самостоятельному изменению социальной среды в соответствии со своими ценностями и потребностями. Наиболее эффективной моделью адаптационного поведения и деятельности является модель, сочетающая единство адаптивного и адаптирующего составляющих.

На появление *дезадаптационного синдрома* влияют формы принятия адаптации человеком: добровольная или вынужденная. При добровольной адаптации человек принимает социальную ситуацию без сопротивлений, так как она не противоречит его ценностям и открывает перед ним новые перспективы социального роста. Даже если индивидууму придется усиливать и развивать свои адаптационные ресурсы в ущерб своего душевного равновесия и стабильности, он уверен, что его затратные действия окупятся – дадут возможность выйти на новые статусные достижения. Вынужденная адаптация, напротив, характеризуется тем, что социальные ценности противоречат личностным ценностям субъекта, но субъект не может не следовать внешним требованиям. Ситуация жестко вынуждает его принять новые условия жизнедеятельности, например, чтобы сохранить жизнь своим близким, чтобы продолжить учебу в учебном заведении и т.д. Внешние трудности, состояние затяжной экстремальности, угроза жизненным целям снижают адаптационные ресурсы личности и приводят к дезадаптационному синдрому, который может сопровождаться различными формами асоциальной активности – наркомания, алкоголизм, психическая напряженность, агрессия.

Современное социально-экономическое и культурное состояние мирового сообщества провоцирует падение нравственно-ценностных ориентиров у молодых людей. Причем моральное разложение происходит иногда быстрее процесса активизации соци-

альных сил, призванных смягчить и предотвратить социальную дезадаптацию молодого поколения.

«О перевороте в ценностях» отмечал еще в 1919 г. Макс Шелер. Его мысли, идеи о нравственно-этических проблемах остаются актуальными и для современного человека. М. Шелером рассмотрена глубинная сущность причин появления «душевного динамита» – ресентимента, как действенного и определяющего фактора дел и поступков дезадаптивной личности. Обращаясь к феноменологии и социологии ресентимента, он исследует его как единство переживания и действия. А проблема изучения и выявления этического обоснования поступков молодых людей, особенно связанных с проявлением логически неоправданной агрессии, является крайне актуальной для мирового сообщества. Тем более, что ресентименту подвержены, прежде всего, социально уязвимые члены общества, какими и являются молодые люди, находящиеся в процессе активной социальной идентификации.

Остановимся на рассмотрении основных типов ресентимента, чаще всего встречающихся у современных молодых людей, а также причинах происхождения, условиях протекания и сущности проявления данного феномена.

М. Шелер рассматривает ресентимент как самоотравление души, которое имеет вполне определенные причины и следствия. *Ресентимент* – это долговременная психическая установка, «…которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой натуры – запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» [3].

Если мы обратимся к происхождению слова «ресентимент», то обнаружим его корни во французском языке. Ресентимент означает новое переживание прежнего чувства и благодаря этому его усиление. В философской культуре ресентимент понимается как чувство вражды, мести, чувство бессильной злобы, которое человек испытывает к другому человеку, стоящему выше на социальной, экономической или духовной лестнице, доходя, в конце концов, до ненависти к самому себе.

Таким образом, важнейшим фактором в формировании ресентимента является месть. Месть – это удел слабого человека, она имеет место там, где проявлено бессилие. Гнев, ярость, досада – как состояния аффектов, ничего общего не имеют с ресентиментом, так как они не на что не направлены, это проявления психического состояния человека. Месть, выражающаяся через злобу, зависть, коварство, недоброжелательность, имеет специфическую направленность. Суть этой направленности – найти в предметах, явлениях, процессах, вещах и людях те ценностные характеристики, которые могут ее удовлетворить. Злобный, недоброжелательный, коварный человек в любом объекте найдет аспект применения своей злобы, недоброжелательности или коварства. Однако, как замечает М. Шелер, если слуга, с которым плохо обошлись, позволит себе «выругаться в прихожей», то он не впадет в ту внутреннюю «ядовитость», которая свойственна ресентименту, но это произойдет, если слуга должен будет делать «хорошую мину при плохой игре», затаив в себе отрицательные, враждебные аффекты. С другой стороны, раб, по природе являющийся рабом или чувствующий и сознающий себя рабом, не испытывает никакого чувства мести, когда хозяин его оскорбляет. Следовательно, для возникновения чувства мести необходимо несоответствие между внутренними притязаниями человека и его внешним статусом, т.е. рассогласование между объективными и субъективными показателями принадлежности индивида к определенной общности, молодежной группе или социальной страте.

Максимально сильный заряд ресентимента, отмечает М. Шелер, должен быть в таком обществе, в котором равные политические права и соответственно формальное признание социального равноправия соседствуют с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении, в фактическом уровне образования. То есть общество обречено быть дезадаптивным, «…где каждый имеет право сравнивать себя с каждым и не может сравниваться реально» [3: с. 82]. А эти огромные различия в измерениях существующих страт являются характерными чертами нынешнего мирового сообщества. Следовательно, современный социум является имманентным носителем потенций ресентимента, которые проявляются в поведении дезадаптивных социальных субъектов.

Актуальным является такой феномен, – как ресентимент молодого человека, неудовлетворенного своим социальным, материальным, интеллектуальным или иным другим статусом, включая семейный. На фоне неудовлетворенности своим положением у индивида возникает чувство оскорбления. Постоянно существующее оскорбление воспринимается как судьба, как рок, за который необходимо мстить. Это мщение переходит в ресентиментную критику, отличительной чертой которой является не устранение и преобразование предмета критики, а, наоборот, ресентиментная критика лелеет и охраняет предмет критики, поддерживает, развивает и формирует инцидент критики как процесс для проявления зла, агрессии.

Основное профилактическое мероприятие в таких случаях проявления ресентимента – это предложение конструктивного сотрудничества или предоставление условий для ликвидации причин

ресентимента, позитивная очевидность которых не смогла бы быть подвергнута сомнению.

Другим фактором формирования ресентимента является зависть, ревность и стремление к конкуренции. Зависть в узком смысле понимается как феноменально установленный акт отнятия у субъекта зависти желаемой вещи.

Причем ресентиментная зависть отличается от обыкновенной тем, что у субъекта формируется сознание собственного бессилия приобрести эту вещь каким-либо нравственно допустимым способом. Особенно страшна зависть, которую М. Шелер назвал экзистенциальной. Сущность ее заключается в том, что субъект зависти не может простить то, что другой человек, отличный от него, существует и его бытие есть именно то, которое «здесь и сейчас». Вследствие этого у субъекта экзистенциальной зависти, она возникает по любому поводу, независимо от того, проявляет ли предмет зависти какую-либо активность в презентации своих достоинств или не проявляет.

Очевидно, что происхождение ресентиментной зависти связано с процессом «ценностного сравнения» самого себя с другими. От этого процесса не способен уклониться ни один человек, даже благородный. Но благородный человек имеет чувство собственного достоинства, поэтому сравнение с другими опосредованно сознанием собственной ценности, которое пополняется за счет рефлексивного «вбирания» в себя многообразия содержаний позитивно ценного, существующего в других людях, при этом желая им того же «отрефлексированного» духовного обогащения. Таким образом, истинность благородства в процессе сравнения проявляется в том, что человек «не измеряет других самим собой и самого себя другими» [3: с. 103].

Иное дело, когда присутствует установка на соотносительное оценивание, сопряженное с силой или бессилием. Если реализуется оценивание с силой – то мы имеем дело с карьеристом, честолюбцем, для которого существует единственная цель «быть и значить больше по сравнению с другими людьми» [3: с. 107]. Если же оценивание протекает на фоне проявления слабости субъектом оценивания, то формируется у человека сознание собственной неполноценности. Однако напряжение, возникающее за счет формирования и развития комплекса неполноценности, может быть снято. Эта разрядка происходит за счет фальсификации самих ценностей посредством развития «ценностной слепоты» или «ценностной иллюзии» по отношению к тем ценностям, достичь которых субъект оценивания не в состоянии из-за своей слабости. Примером проявления ресентимента может служить ситуация, когда сильное стремление к реализации некоторой ценности наталкивается на невозможность осуществления ее, возникает необходимость снять напряжение, вызванное состоянием фрустрации, за счет принижения или отрицания позитивности той ценности, которую вначале субъект воспринимал как благо. Например, молодой человек не проявил достаточного усердия в учебе и не смог поступить в институт – начинает беспричинно обвинять преподавателей в предвзятом отношении к нему или даже в коррупции.

Особенно опасен так называемый «универсальный ценностный негативизм», который формируется в процессе постоянного давления какого-либо авторитета (идеал, моральный закон, идея, родители и пр.). Наступает момент, когда душевные переживания покидают своего субъекта, и человек не может определить, чего он опасается или боится, перед чем он бессилен. Отстраненная от объекта боязнь формирует скованность, страх. Последние образования переходят в личностные качества индивида. Человек становится запуганным, забитым. Примером могут служить подростки или молодые люди, которые воспитывались в семье с авторитарным или диктаторским микроклиматом, т.е. в такой семье, где допускалось применение силы (физической, психической и пр.). При внешне спокойном состоянии, забитости у таких индивидуумов внезапно прорывается агрессия или ненависть, лишенные, на первый взгляд, каких-либо оснований. Ведь не зря в народе существует мнение, что раб может воспитать только раба. Педагогическая практика подтверждает закономерность, что если в детстве ребенка жестоко наказывали, били, став взрослым, родителем он будет со своими детьми обращаться также жестоко, как некогда обращались с ним. Хотя по логике вещей, кажется, человек, помня как ему было плохо, не должен воссоздавать аналогичные ситуации для своих родных и близких. Но на проявление этой жестокости толкает человека все тот же, сформированный у него ресентимент. Дезадаптивный молодой человек, внутренне одержимый ресентиментом, выдает себя внезапным, непредсказуемым смехом, беспричинной бранью, незначительным с виду жестом или проявлением приятельского участия.

Следовательно, если обычное поведение молодых людей прерывается каким-либо поступком, лишенным видимых оснований – необходим тщательный анализ на предмет выявления типа ресентимента и оказания психологической, педагогической помощи по реадаптации личности.

Человека, который находится во власти ресентимента, магической силой влекут к себе счастье, богатство, власть, внешний блеск и пр. Он не может пройти мимо них спокойно, не обратив внимания. Его мучает тайное желание обладать этим, но подсознательно он чувствует свое бессилие в получении желаемого. Вследствие тщетности обрести

ценности, к которым влечет его подсознательно, молодой человек сознательно фальсифицирует не только ценности, но и предметную картину мира. Зло начинает занимать почти все пространство в сфере его ценностного внимания. В человеке зарождается желание все хулить, унижать, ниспровергать, уничтожать. Однако полностью игнорировать позитивные явления в жизни человеку не удается – следовательно, порыв ненависти будет переориентирован с ценности против носителя ценности. Этим объясняется ситуация, когда предлагается помощь асоциально ориентированному молодому человеку, можно в ответ получить выражение дикой ненависти и злобы. Здесь сама человеческая сущность является молчаливым укором для молодого человека, зараженного ресентиментом.

Но и такая, на первый взгляд, лишенная оснований ненависть – это еще не самое характерное следствие ресентимента. Фальсификация картины мира и ненависть к конкретным объектам не такое глубинное воздействие ресентимента как иллюзия в ценностном чувстве, при которой месть «утончена» до такой степени, что гасятся все аффекты при взаимодействии с людьми сильными, здоровыми, богатыми, красивыми, успешными и т.д. Для человека, глубоко зараженного ресентиментом, перечисленные выше люди – носители позитивных ценностей, уже недостойны зависти, ненависти, мести, потому что боль, страдание, бедность, смерть становятся предпочтительными ценностями дезадаптивного человека.

Причем ресентимент способствует формированию такой стойкой иллюзии, что фальсификация совершается не на сознательном уровне, как бывает при обыкновенной лжи, а на подсознательном уровне, то есть на подходе формирования ценностного чувства. Это состояние схоже с органической лживостью, где человек еще не успел осознать, отвечает ли ложь его интересам, как уже в самом процессе воспроизведения памяти определенного момента действительности искажает действительность на противоположный вариант. При этом на поверхности его сознания – простодушие и чистосердечность, так как своим сознанием он не зафиксировал ложь, искажение действительности произошло в процессе воспроизведения ситуации на подсознательном уровне. Молодой человек не осознает, что лжет. Ему не надо притворяться, краснеть, изворачиваться в момент совершения акта лжи, как это делает обыкновенный индивид, свободный от ресентимента.

Причем, как уже отмечалось, структура современного сообщества и процессы социализации способствуют систематическому возникновению ситуаций, несущих потенцию ресентимента. Это, конечно, не означает, что молодые люди, находящиеся в этих ситуациях, обязательно приобретают заряд ресентимента, но то, что эти ситуации несут опасность формирования ресентимента у вовлеченных в них людей – это факт. Так, более психически слабая молодая девушка, вынужденная постоянно вести конкурентную борьбу, приобретает мстительность намного быстрее, чем ее сокурсник – юноша, обладающий сильной нервной системой.

Если молодые люди многократно испытывали бессилие, унижение в ситуациях, которые создавали окружающие, то, пропитавшись ядом ресентимента, с встречающимися на их жизненном пути людьми они будут неоправданно жестоки и бессердечны. Хотя, согласно логике поведения, человек, испытавший негативное эмоциональное состояние не должен способствовать созданию подобных переживаний для других людей. Однако сформированный ресентимент заставляет индивидуума нарушать законы логики. Так, например, молодые люди, воспитываемые в детстве в ситуациях, нравы которых при их повышенной стыдливости навязывали им большую эмоциональную сдержанность, редко бывают свободными от яда сексуального ресентимента.

Ситуацию, заряженную опасностью ресентимента, образуют даже отношения между пожилыми и молодыми поколениями в цивилизованных обществах. Если в неразвитых культурах старость ценится и почитается за опыт и знания, которые передаются молодым поколениям непосредственно, то в развитых культурах молодые поколения знания и опыт приобретают опосредованно, из информационных каналов (учеба, СМИ, Интернет и др.). Поэтому отношения между различными поколениями приобретают конкурентную основу и если рассматривать ситуации, несущие ресентимент, то они чаще возникают для руководителей, чем для подчиненных. Следовательно, даже преподаватель, уже по роду своей профессиональной деятельности подвержен воздействию ресентимента. Поэтому актуальны проблемы проявления ресентимента у людей, которые руководят, управляют, воспитывают, оказывают помощь, делают политику, т.е. которые в процессе взаимодействия выполняют более активную роль.

Например, преподавателю часто приходится проявлять эмпатию, сострадание, человеколюбие. Однако оказывается, что человеколюбие начинает принимать ресентиментированную форму, когда педагог, воспитатель начинают сострадать тому, кто страдает. М. Шелер по этому поводу отмечал: «…Человеколюбие – это не акт и движение, т.е. не акт и движение духовности, сущностно не зависимые от нашей телесно-чувственной конституции, так же как акты мышления и их закономерности; оно есть чувство, а именно чувственное состояние, возникающее главным образом из восприятия

внешнего выражения боли и радости в результате психического заражения. Страдание от чувственно воспринимаемой боли и радость от чувственно воспринимаемых приятных ощущений – вот суть … любви к человеку» [3: с. 113]. То есть сострадать тому, кто страдает, – это не есть процесс совместно переживаемого чувства страдания.

Если мы будем рассматривать такие понятия как любовь к человеку, любовь к родине и любовь к человечеству. Что заслуживает предпочтения? Естественно, заложенные ценности в любви к человеку будут более многообразны, чем ценности любви более высоко ранга, те которые объединяют общность, нацию, народ или все человечество. С переходом к любви более высокого ранга происходит обобщение ценностей и, следовательно, они становятся менее многообразными. Поэтому М. Шелер отмечает, что если сравнивать альтруистические порывы души и эгоистические в количественном отношении, и последние перевесят, то эгоизм будет заслуживать более высокой оценки, чем альтруизм [2]. Очевидно, что эта теория абсолютно противоречит бытовому представлению о любви, однако, в ней есть особая сущность, заслуживающая внимания.

Образовательные учреждения, которые чаще всего выказывают специфическое общенаправленное оказание помощи, остаются безликими. Те же образовательные учреждения, в которых существует и ценится не безликий акт любви, а идущий от конкретного человека к конкретному человеку, быстро завоевывают признательность, авторитет, известность.

«Всеобщее человеколюбие» обязано своим происхождением ресентименту вследствие следующих причин. Первая причина кроется в том, что человек, недополучив ласки, тепла от родителей, в семье, в ближайшем кругу общения, начинает выдумать антипод первичному институту социализации. Второй причиной может быть то, что человек с помощью «всеобщего человеколюбия» выражает протест против любви к своей родине или протест против всякого организованного общества.

М. Шелер описывает часто встречающийся и сегодня тип «социального политика», который озабочен всем, чем можно быть озабоченным, но только не самим собой и собственными делами. Это, как правило, пустой человек, и причисление себя к более высокой нравственности – признак профессиональной деградации и скрытого ценностного нигилизма [2].

Современная мораль прагматического общества, как правило, базируется на фундаментальной установке – недоверие «торговца», опасающегося, что его обманет конкурент. Эта установка породила моральный индивидуализм, отвергающий принцип солидарности и разжигающий принципиальное недоверие человека к другому человеку, и, прежде всего, недоверие к нравственной ценности другого человека. А недоверие, как доказывает М. Шелер, близкий родственник ресентимента [1]. Следовательно, ресентимент проникает в систему современных моральных ценностей, фальсифицируя их в целом. А так как ценности вообще, и нравственные ценности в особенности, есть объекты человеческого сознания, то ресентимент также проникает и овладевает сознанием людей.

Очевидно, современное мировое сообщество наиболее сенситивно для развития ресентимента вследствие того, что, во-первых, мировое социально-экономическое положение рождает бесчисленное множество ситуаций, несущих в потенции своей заряд ресентимента; во-вторых, ресентиментированные моральные ценности влияют на сознание людей, упрощая его и обезличивая. Находящийся под гнетом ресентимента человек рассуждает примерно так: «Почему ваши ценности лучше наших, они ни сколько не выше и не лучше. Прочь чужие ценности, да здравствуют наши ценности!».

Объективно существующая мораль – как исторически сложившаяся форма общественного сознания подменяется субъективными ценностями. Процесс, который объективный ряд ценностей сводит до субъективного ряда, – есть следствие ресентимента. Опасно, что процесс разрастания ресентиментированных субъектов обладает свойством консолидироваться.

Люди, находящиеся под гнетом ресентимента «сбиваются во все более плотные стада, полагая, что стадное сознание заменит им отвергнутое ранее объективное доброе» [3: с. 110]. Так формируются ценностные установки в преступном мире, в подростковых сообществах, в среде молодых людей, которых педагогика уже формально разделила на «благополучных» и «неблагополучных».

Однако ресентимент способствует не только разрастанию различных множеств, состоящих из субъективных ценностей, но и глобализации ценностей до общечеловеческих. Последние, как мы уже отмечали, обеднены композиционно и количественно, так как формируются на основе обобщения– объединения общих ценностей, присутствующих в разных культурах, каждая из которых автономно представлены намного богаче, глубже, шире и ярче.

Таким образом, как процесс регионализации, так и процесс глобализации ценностных установок не являются обоснованно прогрессивными, эффективными конструктами для человека и человечества, так как в них заложен определенный заряд ресентимента, несущий в человеческое сознание хаос, дисгармонию, тревогу, неуверенность, агрессию.

Рассмотрим актуальное для сегодняшнего дня следствие ресентимента, которое М. Шелер назвал как «…фундаментальный переворот в ценностях,

уходящего корнями в победу ценностей людей со слабой витальностью, париев (неприкасаемые – низшая каста в Индии – авт.) человеческого рода, низших» [3]. Так, довольно грубо философ называет процесс уравнивания ценностей «орудия» и ценностей «органов».

Под «орудиями» подразумеваются все формы объективации человека, но, прежде всего, продукты научно-технической революции, феномены технической культуры, хотя сюда же относятся и объекты природы, измененные человеком или подвергнутые влиянию процессов жизнедеятельности человека.

В разряд «органов» включаются не столько анатомические органы человека и сам человек как биологическое существо, сколько духовное единство организма человека и его функциональных органов. Дефиницию функционального органа наиболее полно дал А.А. Ухтомский. Под ним он подразумевал всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Совершенствование функциональных органов не знает отчетливых границ. «То, к чему способно человеческое тело, никто еще не определил» – писал Спиноза.

Движение, действие, психическое воспоминание, творческий разум, эстетическое восприятие, нравственная зрелость и многое другое – все это функциональные органы, которые представляют собой не феномены первичной конструкции, а новообразования, возникающие в жизни, деятельности индивида в процессе его развития и обучения.

Разумеется, функциональные органы существуют виртуально, так как представляют «энергийную» проекцию человека (сочетание сил), и наблюдаемы лишь в исполнении (в действии, в поступке и пр.). Поэтому более высокая ценность «органов» по сравнению с ценностью «орудий» очевидна.

М. Шелер показывал и доказывал, что человек, лишенный яда ресентимента должен и будет создавать цивилизацию до тех пор, пока «орудие» служит жизни, причем более полной жизни [2]. А в настоящее время созданные человеком машины превратились в «господина и хозяина жизни человека», они начинают повелевать им.

Распространение технократического мировоззрения – это ослабление жизненных ценностей человека и усиление ценностей автоматизма жизни – что приводит к уничтожению духовной жизни, а в целом к упадку человеческой цивилизации.

Дух современной технократической цивилизации привел к господству «слабых над сильными, расчетливых над благородными, количеств над качествами» [3: с. 114]. То есть технократия приводит к господству ресентиментных типов над людьми, лишенными яда ресентимента.

В связи с глобальными последствиями массового проявления ресентимента очевидна роль адаптационно эффективных социальных систем в процессе профилактики и преодоления этого зла личностного развития. Необходимо одновременно с выполнением функциональных вспомогательных обязанностей реадаптации, найти эффективные способы профилактики и ликвидации процесса дезадаптации молодых людей, накопления у них «душевного динамита», который в сумме превосходит всю мощь ядерного оружия, имеющегося на нашей планете. И будут ли далее создаваться, и складироваться «орудия» убийства человечества зависит от проведения эффективной профилактики и борьбы со случаями заражения молодых людей различными типами ресентимента, а также излечения нового поколения от страха и слабости перед процессами социальной адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Лолова. – М.: Прогресс, 1988.

2. *Шелер, М.* Избранные произведения / перевод и предисловие А.В. Денежкина; послесл. Л.А. Чухиной. – М.: Гнозис, 1994.

3. *Шелер, М.* Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер // Социологический журнал. – 1997. – № 4. – С. 79–115.

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Р. Монсонова

Монсонова Арюна Раднанимаевна – кандидат психологических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе Социально-психологического факультета Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).

Контактный адрес: monsonova@rambler.ru

В статье рассматриваются ценностные детерминанты адаптации личности как субъекта этноконфессиональных отношений. Необходимо отметить, что проблема адаптации личности в поликультурной среде к сложной системе этноконфессиональных отношений является актуальной в настоящее время, в том числе и в онтогенетическом плане в связи с введением учебного предмета по основам мировых религий на начальной ступени обучения. В статье проанализированы основания выделения вариантов этноконфессиональных отношений, проведен психологический анализ их особенностей в зависимости от социокультурной ситуации этнической общности. Для сбора эмпирических данных использовались следующие психодиагностические методики: тест ценностных ориентаций Р. Инглхарта в модификации М.С. Яницкого, тест «Духовный дифференциал» Г.А. Аминева и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Резюмируя результаты исследования, автор статьи отмечает, что важнейшими детерминантами ценностных ориентаций бурят выступают – историческое прошлое, память, представления о родной земле, его предках, народное искусство и национальный характер.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, смыслы, типы личности: индивидуализирующийся, адаптирующийся, социализирующийся, этноконфессиональные отношения, субъектность.

В сложных условиях нашей многонациональной страны начала XXI в. особую актуальность приобретает проблема формирования и функционирования этноконфессиональных отношений как фактора ценностной регуляции межнациональных отношений, эффективности межкультурного диалога. Проживание субъекта в условиях поликультурной среды актуализирует специфические психологические механизмы, направленные на переосмысление индивидом собственной этнической принадлежности. В связи с этим ценным опытом являются психологические исследования этноконфессиональных отношений личности в поликультурной среде в контексте субъектно-ценностного подхода. Это ставит задачу раскрыть структурно-содержательные составляющие этноконфессиональных отношений личности, описать вариативность их развития в разных ситуациях полиэтничной реальности в зависимости от активности личности как субъекта жизнедеятельности и смыслообразования, системы его ценностно-смысловой сферы.

В ходе исследования нами рассмотрены и описаны основания определения вариантов этноконфессиональных отношений, проведен психологический анализ их особенностей в зависимости от социокультурной ситуации этнической общности; выделены их типы в сопряженности с комплексом личностных показателей на основе использования модифицированного теста ценностных ориентаций Р. Инглхарта в соответствии с концепцией типологии ценностей личности профессора М.С. Яницкого, теста «Духовный дифференциал» Г.А. Аминева и теста ценностей М. Рокича. Методика Р. Инглхарта в модификации М.С. Яницкого использована с целью определения ориентированности на ценности адаптации, социализации, индивидуализации в исследуемой группе [3].

Н.М. Лебедева особо подчеркивает значимость влияния конкретных внешних, объективных параметров существования этнических групп на актуализацию тех или иных ценностных ориентиров (в нашем исследовании – ценностей адаптации – *А.М.*), важных для поддержания баланса со средой [2].

Р. Инглхарт на основе концепции А. Маслоу разделяет «материалистические» (физиологические) и «постматериалистические» ценности, преобладание которых в том или ином обществе отражает стадию его общего экономического и социального развития. Данные типы ценностных ориентаций имеют различное происхождение, сформулированное им в виде «гипотезы недостаточности» и «гипотезы социализации». В то же время в классификации Инглхарта постматериалистические ценности практически распадаются на две группы – социальные и ценности самоактуализации, обусловленные соответственно направленностью на «присоединение» либо саморазвитие. Развивая это положение, А.П. Вардомацкий дополняет концепцию Р. Инглхарта «гипотезой идеализации». М.С. Яницкий модифицировал и апробировал методику Р. Инглхарта в 2001 г., основываясь на собственной трехуровневой модели ценностной структуры массового сознания. Предложенная методика позволяет выявить ориентацию на ценности адаптации (выживание и

безопасность), социализации (социальное одобрение) или индивидуализации (независимость и саморазвитие). Методика основана на выборе респондентами наиболее важных ценностей из предлагаемого списка, включающего индикаторы ориентации на данные группы ценностей. Список таких ценностей-индикаторов был составлен на основе личностных характеристик, выделенных М.С. Яницким типов личности, полученных в ходе психологического исследования, а также 45 фокус-групп, проведенных на территории Западной Сибири и Урала. Высокая надежность и валидность метода получила подтверждение исследованиями многих психологов, которые представлены в фундаментальной работе М.С. Яницкого «Ценностное измерение массового сознания», изданного в Сибирском отделении АН в 2012 г. [4].

Респондентам предъявляется карточка, содержащая 9 позиций, представляющих три блока по три пункта в каждом:

1) отсутствие нужды, материальный достаток;
2) семейное благополучие;
3) возможность интеллектуальной и творческой самореализации;
4) сохранение сил и здоровья;
5) хорошая престижная работа;
6) возможность пользоваться демократическими правами и свободами;
7) сохранение порядка и стабильности в обществе;
8) уважение окружающих, общественное признание;
9) строительство более гуманного и терпимого общества.

Предлагается выбрать из 9 предложенных вариантов те, которые они считают для себя наиболее важным (можно указать от 1 до 3 вариантов). В результате испытуемые были отнесены к одному из трех ценностных типов (ЦТ): «адаптирующийся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток); «социализирующийся» (семья, карьера, общественное признание); «индивидуализирующийся» (самореализация, свобода, терпимость); «промежуточный» тип.

Выборку составила группа работающей молодежи в возрасте до 30 лет в составе 50 человек (бурят и русских), которые являются верующими и, несмотря на принадлежность к различным конфессиям (буддизму и православию), придерживаются концепты, что Бог един.

Молодость (от 21–23 до 30 лет) – это период овладения профессией, приобретения экономической ответственности личности и ее полное включение во все виды социальной жизни общества. Это время любви, создания семьи, рождения и воспитания детей.

По данным ЮНЕСКО, молодежь сегодня является реальной социальной силой, стратегическим ресурсом развития – это 33 % населения планеты, более 50 % самодеятельного состава всего населения мира; вся современная глобальная информационная сеть на 85 % (практически полностью) занята и контролируется молодежью, хотя ей может и не принадлежать.

В молодости происходят значительные изменения в развитии личности. У сильной личности, с духовно-нравственной направленностью, появляется стремление осмысленно и самостоятельно строить свое будущее, ориентируясь на социальные ценности общества и на свое место в нем. Поэтому молодой человек стремится понять смысл жизни, глубже познать ее законы, изучить их с целью поиска своего единственного, присущего только ему предназначения. Смысл жизни – одна из основных категорий, которой оперирует человек в молодости. Под смыслом жизни имеется в виду «внутренне мотивированное, индивидуальное значение для субъекта собственных действий, поступков, взятых как целое и переживаемых как истинное и ценностное». В результате у молодого человека появляется желание «быть самим собой», самореализоваться, осознавать себя как ценность.

В аспекте нашего исследования представляется интересным изучение современной молодежи, проживающей на территории Байкальского региона. Длительное проживание в пределах одной социально-территориальной общности во всем многообразии человеческой деятельности сформировало определенное единство отношения к хозяйственно-экономической и к социокультурной сфере.

Байкальская Азия является одним из полиэтничных районов России, где на протяжении многих веков мирно сосуществует русскоязычное население («сибиряки», «семейские», православные), коренные народы – буряты (буддисты, шаманисты) и эвенки, сохраняющие традиционные языческие верования [1].

Полиэтническое, межконфессиональное общение не могло не отразиться на системе нравственных и религиозных ценностей, которая, в первую очередь, определила отсутствие этнической напряженности в регионе, диалог культур, но в тоже время и выразила ассимилятивные процессы у коренных народов. Поэтому вызывает интерес исследование традиционного ядра в структуре культуры современных народов Байкальского региона, обеспечивающего стабильность и самоидентичность, и современный (актуальный) слой, обусловливающий мобильность культуры, ее способность продуцировать инновации, трансформироваться через образ мира молодежи. Полученные результаты нашего исследования показали, что все типы ценностей значимы для респондентов.

Для группы работающей молодёжи ценности индивидуализации оказались наиболее значимы (45,0 %), они отличаются высокой потребностью в самоактуализации, куда включены: творчество, учеба, профессия, жизнь, ценности, духовность, движение. Для них ценны ответственность, интернальный локус-контроля, беспокойство за мир, этнокультурные ценности, особенно, значимость языка. Особое значение для них имеют экзистенциональные ценности (духовность, буддизм, вера и др.), которые в совокупности с высоким уровнем духовной силы создают ядро их образа мира.

М.С. Яницкий справедливо подчеркивает автономный характер ценностей индивидуализации [4: с. 36]. Действительно вера является глубоко индивидуальным, интериоризированным личностным образованием.

Образ жизни респондентов детерминирован возрастными особенностями (опытом, мудростью), самореализацией в профессиональной деятельности, личностными характеристиками (терпимость, эмоциональная устойчивость и др.), необходимыми в семейной и общественной жизни. Они имеют опыт участия в социально-ценностных индивидуализированных способах деятельности, отличаются актуальным, глубинным уровнем образа жизни.

В системе этноконфессиональных отношений молодежи данной группы выделена особо ценность «семейное благополучие», которая интересно и вполне закономерно представлена многими межнациональными браками. Самые низкие показатели оказались по шкале «демократические права и свобода», что связано с реальным положением человека в нашем обществе. Любой вид деятельности основывается на осознании личностью каких-либо канонов и норм права, морали, этических норм и т.д. Проблема наличия правового сознания у российских граждан в современном обществе является актуальнейшей ввиду отсутствия правосознания и возникновения на этой основе чувства беззащитности, с одной стороны, и нарушения прав, с другой.

Наши результаты показывают, что проблема правовой грамотности и безопасности значима для молодежи, хотя они имеют больше возможностей обращаться к правовой справочной литературе через компьютерную сеть в платную юридическую контору для консультирования и т.д. Данную тенденцию можно объяснить также когортными, межпоколенными различиями, поскольку «формативные годы», т.е. годы формирования основных ценностей, к которым А.П. Вардомацкий относит период от 12 до 18 лет, у данной группы пришлись на годы перестройки, распада советского строя.

На втором месте стоят ценности адаптации молодежи (25 %), что говорит об их достаточно благополучном прохождении процесса адаптации к взрослой жизни, перехода от обучения к самостоятельности, отсутствии тревоги по поводу безопасности. Это во многом определяется их духовными ценностями, близкими нравственными заповедями двух великих конфессий – буддизма и православия. Ценности адаптации приобретают большую значимость и с тревогами по поводу трудоустройства, с переходом из одной смысложизненной ситуации в другую – профессиональную, что связано с необходимостью адаптации к другим условиям быта, социокультурной среды, с изменением экономического и социально-демографического статуса. Поэтому все это связано с позициями нужды, сохранения сил и здоровья, что, в первую очередь, детерминировано у них ценностями здорового образа жизни.

Ценности социализации личности (20 %) включают в себя социальное познание, социальное общение, овладение навыками профессиональной деятельности, участие в переустройстве окружающего мира, качественное преобразование самого себя, гармоничное развитие. В группе доминировали ценности социализации, обусловленные ориентацией на других людей, на интеграцию в обществе, на достижение определенного социального статуса, о чем свидетельствует выбор ими следующих позиций теста – семейное благополучие, хорошая престижная работа, уважение окружающих, общественное признание. Они имеют уже достаточный опыт социализации в социальных институтах, в результате чего происходит интернализация (присвоение) индивидом ценностей, норм и поведенческих стандартов, традиционных ценностей данного общества, социально адаптированная психическая саморегуляция личности.

Источником формирования психологической общности этноса является его духовная культура. Рассматривая истоки духовности, В.Д. Шадриков подчеркивал, что есть все основания в качестве ведущей действующей силы становления человечности рассматривать духовность. Главным источником духовности, по его мнению, является осознание себя и своих отношений с другими людьми, а уже через это – осознание добра и зла. В качестве метода исследования духовности был взят тест «Духовный дифференциал», разработанный Г.А. Аминевым и др., который направлен на определение жизненной философии субъекта и составление духовного портрета (облика) личности. Тест разрабатывался на основе концепций о духовной личности и ее развитии (Православный молитвослов и псалтырь; Иоанн Павел II; Серафим Саровский и др.) и теории семантического дифференциала Ч. Осгуда, В.Ф. Петренко. В тесте рассматриваются три основные категории духовных качеств личности: духовная сила (вера, надежда, знание, мудрость), духовная красота (честность, скромность, послушание, верность, доброта, благодарность) и духовная активность (долготерпение, бесстрашие, самообладание).

Как известно, становление зрелой личности возможно путями духовными и душевными. Каждый человек в определенные периоды осуществляет выбор – в юношеском возрасте это сверхактуально и ценностно, и этот процесс очень сложный, противоречивый. Как считает К.Г. Юнг, путь душевный предполагает актуализацию сил бессознательного, глубинных архетипов. Для российской души сегодня это сплав неясной мечты, надежды, веры, сострадания, экзистенциально поддерживающих ее этническую укорененность.

На основе духовности формируется мораль, она закрепляет духовность, оформляет поведение. В основе моральных обязанностей лежат общественные требования близкого для индивида сообщества – закрытого общества, мораль которого распространяется только на его членов.

Духовная сила более выражена в группе работающей молодежи, что связано с устоявшимся образом жизни (семья, работа), с жизненным опытом, с конфессиональными ценностями, выявленными выше. Духовная активность, духовная красота (честность, скромность, послушание, верность, доброта, благодарность) находятся почти на равной позиции ($t_{эмп} = -2{,}62$, $p<0{,}01$).

Зрелая молодость является периодом устоявшихся профессионального и семейного положений, социальной зрелости личности – в иерархии терминальных ценностей, по тесту М. Рокича, в группе работающей молодежи доминируют конкретные жизненные ценности: любовь, развитие, счастье других, уверенность в себе, семейное благополучие, жизненная мудрость.

Меньшей значимостью пользуются такие ценности-цели, как: материальная обеспеченность, общественное признание и развлечения. Это вполне оправдано в силу их занятости в других, более значимых сферах – семьи и рабочего коллектива (табл. 1).

В системе ценностей-средств респондентов группы доминируют такие ценности, как терпимость, честность, ответственность, широта взглядов. Наименее значимы смелость, непримиримость к недостаткам в себе и других и высокие запросы (табл. 2).

Исследование системы ценностных ориентаций и личностных смыслов молодежи позволяет сделать вывод о том, что в данном периоде онтогенеза они достаточно дифференцированы и существует ценностно-ориентационное единство, что объясняется едиными геополитическими условиями и духовными ценностями Байкальского региона. Система ценностно-смысловых ориентаций как детерминирующий фактор охватывает важнейшие сферы человеческой психики: когнитивную, аффективную, поведенческую, что отражается в их структурно-содержательных характеристиках (табл. 3).

Таблица 1

Групповая иерархия терминальных ценностей

Групповой ранг	Ценности	Сумма
1	Любовь	3,2
2	Развитие	4,4
3	Счастье других	5,8
4	Уверенность в себе	6,0
5	Семейное благополучие	7,3
6	Жизненная мудрость	7,8
7	Здоровье	8,5
8	Наличие хороших и верных друзей	8,5
9	Познание	8,9
10	Творчество	9,2
11	Красота природы и искусства	10,0
12	Свобода	11,0
13	Интересная работа	11,0
14	Активная деятельная жизнь	12,0
15	Продуктивная жизнь	12,0
16	Материальная обеспеченность	14,0
17	Общественное признание	15,0
18	Развлечения	16,0

Таблица 2

Групповая иерархия инструментальных ценностей

Групповой ранг	Ценности	Сумма
1	Терпимость	3,7
2	Честность	4,8
3	Ответственность	5,2
4	Широта взглядов	6,6
5	Чуткость	6,8
6	Самоконтроль	8,1
7	Жизнерадостность	8,2
8	Исполнительность	8,2
9	Эффективность в делах	9,0
10	Твердая воля	9,7
11	Воспитанность	10,2
12	Рационализм	10,7
13	Образованность	11,1
14	Аккуратность	11,2
15	Независимость	12,6
16	Смелость	12,8
17	Непримиримость к недостаткам в себе и других	15,0
18	Высокие запросы	16,3

Таблица 3

Результаты факторного анализа характеристик в группе

Показатели	Фактор				
	1	2	3	4	5
Профанный	0,82				
Агрессивный	0,76				
Замкнутый	0,74				
Разрозненный	0,71				
Беспокойный	0,62				
Авторитарный	0,58				
Определенность взглядов		0,81			
Цели есть		0,66			
Не интересна		0,65			
Одинаковая		0,56			
Аккуратная		0,58			
Твёрдость			0,68		
Сложность			0,52		
Необеспеченность			0,48		
Требуется воля			0,43		
Любовь			0,41		
Целостность				0,69	
Совершенство				0,67	
Честность				0,52	
Преданность				0,62	
Закон				0,56	
Счастье других					0,68
Высокие запросы					0,67
Работа					0,57
Ориентация во времени					0,49
Честность					0,47
Терпимость					0,47
Чуткость					0,41

Факторный анализ показателей в данной группе работающей молодёжи (табл. 3) выявил 5 факторов общей дисперсией 59,2 %. Прокомментируем эти факторы.

1-й фактор назван *«Профанный мир»* и включает такие оценки: агрессивный мир, замкнутый, разрозненный, беспокойный, авторитарный, что можно объяснить, кроме достаточного жизненного опыта, кризисом смысла жизни тридцатилетних, когда человек находится либо на высоте своих достижений (семья, дети, работа, смысл жизни, вера), либо он осознает, что жизнь еще не сложилась; кризис проявляется у первых, потому что подводят итоги и видят – не все из задуманного реализовано, у вторых – приходит понимание, что следует изменить свой образ жизни. Поэтому 10 % респондентов отнесены к промежуточному типу ценностного самоопределения.

2-й фактор *«Обычный мир»* показывает еще одну сторону кризиса смысла, так как включает такие характеристики жизни – одинаковая, аккуратная, но есть определенность взглядов и цели в вере.

3-й фактор *«Реальный мир»* связан с твёрдостью, сложностью, необеспеченностью, требуется воля, но есть любовь, которая помогает создавать *«Желаемый мир»*, который выражен в 4-м факторе, куда входят такие характеристики, как целостность, совершенство, честность, преданность, закон, простота, уникальность, благость, доброта.

5 фактор – *«Ценностный мир»*, включающий такие ценности, как счастье других, высокие запросы, работа, ориентация во времени, честность, терпимость, чуткость – показывает детерминирующее значение ценностно-смысловых ориентаций молодежи вместе с духовной направленностью в процессе адаптации личности, что важно для современной молодежи не только Байкальского региона.

В заключение отметим, что важнейшими детерминантами ценностных ориентаций бурят выступают историческое прошлое, память, представления о родной земле, его предках, народное искусство и национальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: коллективная монография / научный ред. Р.Д. Санжаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2012. – 302 с.

2. *Лебедева, Н.М.* Этническая и кросскультурная психология: учеб. для высших учебных заведений / Н.М. Лебедева. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 424 с.

3. *Монсонова, А.Р.* Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций личности / А.Р. Монсонова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. – 186 с.

4. *Яницкий, М.С.* Ценностное измерение массового сознания / М.С. Яницкий. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 312 с.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Н.М. Опарина

Ю.А. Тюрина

Опарина Надежда Михайловна – доктор технических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: nd59@mail.ru

Тюрина Юлия Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социологии, директор Института экономики Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: jultur2005@yandex.ru

В статье дается обзор психологических исследований проблем адаптации иностранных студентов, рассматриваются вопросы общих и индивидуальных причин адаптационного синдрома иностранных студентов, выделены наиболее важные переменные этого явления. В статье определены два важнейших фактора, влияющие на процесс адаптации к жизни и учебе в иностранном университете – контакты с местным населением и прежний опыт пребывания за рубежом. Оба этих фактора совместимы и поддерживают интерпретацию изучения культуры и социальных навыков в процессе адаптации. Выявлено, что степень социального взаимодействия между иностранцами и местным населением имеет прямое отношение к адаптации первых.

В статье рассматриваются теории моделей адаптации. Представлена описательная модель адаптации иностранных студентов, согласно которой адаптация изменяется во времени по U-образному закону, дополнена W-образной кривой адаптации, где первая половина соответствует адаптации в новой среде, а вторая её половина соответствует периоду реадаптации по возвращении в собственную страну.

Рассмотренная социально-психологическая модель временной адаптации опирается на различные специфические детерминанты и является универсальной в таких случаях, как вступление в брак, переход на другую работу, появление первого ребенка или переезд на другое место жительства.

В статье рассмотрены теории стадий адаптации иноязычного обучающегося, приведены этапы и фазы адаптации применительно к учебному процессу.

Важность изучения данного вопроса объясняется не только интересом к успеваемости иностранных студентов, но и к способам повышения эффективности обучения и качественной подготовке национальных кадров для зарубежных стран.

Ключевые слова: адаптация, адаптационный синдром, фазовая модель адаптации, интрафизическая переменная адаптации, детерминанты адаптации, кривая адаптации.

Интернационализация высшего образования и стремительное развитие процессов глобализации актуализируют проблемы международной оценки качества образования, в том числе российского высшего образования.

При оценке качества высшего образования особое значение приобретает комплексное решение проблем адаптации иностранных студентов в российских вузах. Следствием того, насколько безболезненно и быстро проходит процесс адаптации, является дальнейшее успешное обучение иностранных студентов в вузе.

Именно поэтому, несмотря на многолетний опыт изучения проблем, связанных с адаптацией иностранных студентов к российской действительности и российской высшей школе, тема данного вопроса по-прежнему остаётся актуальной.

Адаптационный синдром у иностранного студента обусловлен следующими барьерными причинами:

1) коммуникационными лингвистическими (при малом или недостаточном знании русского языка как средства общения) и паралингвистическими особенностями;

2) культурными (резкий контраст культурных ценностей вынуждает студента перемещаться между привычными и новыми культурными ценностями);

3) социальными (при полной замене привычного окружения семьи, соседей и друзей, когда к студентам в новом социальном окружении относятся как к чужакам или даже непрошеным гостям);

4) психологическими (связанны с множественной отчетностью – перед семьей, правительством или другим спонсором, преподавателями и иммиграционными службами);

5) физиологическими (генотипические особенности, социально-гигиенические условия, характер питания, перенесенные заболевания, физическое развитие).

Следует отметить, очевидную общность адаптационных проблем иностранных учащихся для всех академических учреждений страны и отсутствие выработанных мероприятий по их решению. Методологической основой для данной проблемы является нехватка отечественных и мировых разработок по этнопсихологическим особенностям иностранного учащегося, влияющих на формирование адаптационных проблем и способов их нивелирования.

Наряду с общими, можно выделить и индивидуальные субъективные причины адаптационного периода:

– степень психологической зрелости;

– наличие собственной мотивации на учебу;

– возможность предшествующего личного опыта общения с представителями иной культуры;

– индивидуальные способности к изучению русского языка как иностранного.

Сложности адаптационного периода также дополняют климатические, поведенческие, религиозные и даже гастрономические различия.

В свою очередь, зарубежные исследования дополняют этот перечень. А. Фернхэм и С. Бочнер [8] утверждали, что иностранные студенты сталкиваются с четырьмя типами проблем, два из которых присущи только им (в противоположность местным студентам). Во-первых, существуют проблемы, которые касаются всех, живущих в чужой культуре. Это такие проблемы, как языковой барьер, расовая дискриминация, сепаративные реакции, бытовые проблемы, диетические ограничения, финансовый стресс, непонимание и одиночество. Во-вторых, существуют трудности, с которыми сталкиваются все подростки и молодые люди вне зависимости от того, учатся ли они дома или за границей. Это происходит, когда они становятся эмоционально независимыми, самодостаточными, продуктивными и ответственными членами общества. В-третьих, есть учебные стрессы, когда студентам приходится усердно трудиться, часто в плохих условиях и с материальными трудностями [3]. В-четвертых, национальная и этническая роль зарубежных студентов, как правило, доминирует в их общении с местными членами сообщества.

К. Оберг [11] выделил четыре стадии шока, которые могут испытывать иностранные студенты в чужой стране:

1) стадия медового месяца. Начальная реакция – очарование, восхищение, энтузиазм, восторг и учтивое, дружеское, поверхностное отношение – с представителями принимающей культуры;

2) кризис. Начальные различия в языке, идеях, ценностях, знакомых знаках и символах приводят к чувству неадекватности, фрустрации, тревоги и злобы;

3) восстановление. Кризис заканчивается после определенных предпринятых усилий: человек усваивает язык и культуру страны пребывания;

4) адаптация. Пребывающий за рубежом человек начинает вживаться в новую культуру и получать от этого удовольствие, хотя время от времени могут проявляться тревога и напряжение.

Данные стадии представлены в виде U- или W-образной кривой, когда человек возвращается «домой», переходя от более высокой к более низкой, а затем опять к более высокой стадии личностной адаптации (рисунок).

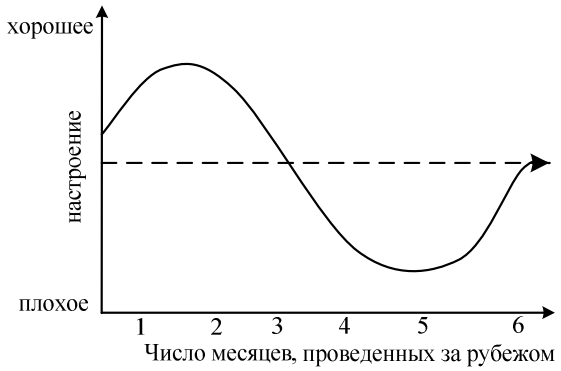

Рисунок. Цикл культурного шока

Впервые идея U-образной кривой была предложена С. Лисгаардом [10]. Он сделал вывод из своего исследования, проведенного на выборке из 200 норвежских учащихся в США, что люди проходят через три фазы приспособления: начальная адаптация, кризис и последующая адаптация.

Его идея заключалась в следующем: если все время отслеживать уровень приспособления, адаптации и благополучия пребывающего за рубежом студента, то форма U получается следующим образом – уровень удовлетворения и благополучия постоянно понижается, но потом опять возрастает.

W-образная кривая – это развитие идеи С. Лисгаарда Дж.Т. Гуллахорном и Дж.Е. Гуллахорном [9], которые обнаружили, что по возвращении на родину иностранные студенты часто проходят похожий обратный аккультурационный процесс снова в форме U-образной кривой, таким образом, они проходят дважды U-образную кривую и получается W-образная кривая.

При этом немногие исследования проверяли гипотезы по адаптационному поведению лонгитюдно. Очевидно, что требуется тщательное и глубокое лонгитюдное исследование, нацеленное на определение того, какие аспекты пребывания людей за рубежом с какими аспектами местной культуры взаимодействуют и какие схемы адаптации это взаимодействие порождает.

Подобные соображения подтолкнули С. Бочнера, А. Лина и Б. МакЛеода [7] к созданию модели, в которой зависимая переменная является, скорее, межличностной, а не интрафизической. С. Бочнер и его коллеги предложили рассматривать адаптацию не столько как процесс, происходящий внутри личности, сколько как процесс, который влечет за собой приобретение поведения, навыков и норм, соответствующих социальным ролям, ожидаемым от иностранных студентов. В частности, это предполагает вступление в новые взаимоотношения со значимыми людьми принимающей культуры и восстановление отношений со значимыми людьми своей культуры после возвращения на родину. Поэтому U-образная кривая пребывания в иной культуре может быть получена из разницы между наблюдением за новой культурой и участия в ней. Когда роль пребывающего за рубежом переходит от наблюдения в участие, тогда изначальное восхищение новой культурой, замещается необходимостью уживаться с этой новой культурой. При этом некоторые пребывающие за рубежом студенты никогда не изучают новую культуру и не и развивают обоюдные ролевые взаимоотношения с представителями принимающей культуры. Другие же, наоборот, приобретают социальные навыки нового общества и развивают подлинные контакты с его членами. Остальные находятся где-то между этими полюсами [6]. Таким образом, степень изучения культуры не одинакова среди пребывающих за рубежом студентов и зависит от всех коммуникативных переменных. Это и объясняет, почему гипотеза U-образной кривой не всегда поддерживается в исследованиях, так как определенная часть индивидов таких, которые сразу начинают полноценно участвовать в новой культуре, могут не проходить через эту кривую, поскольку уровень их удовлетворения не опускается вниз, а идет ровно. Также есть и такие студенты, которым не удается включиться в новое общество, и их кривая удовлетворения никогда не поднимается с нижней точки.

Достоинством описанной социально-психологической модели временной адаптации является то, что она может предсказать и объяснить разные пути «адаптации» как функцию различных специфических детерминант. Например, успешный иностранный студент, который, наряду с обучением, изучает и чужую культуру, должен показать типичную U-образную кривую, а после прибытия на родину – W-образную. Опытные студенты, изучившие культуру страны заранее, должны показать горизонтальную прямую, а неуспешные – нисходящую прямую во время пребывания за рубежом и восходящую по возвращении на родину. Другое преимущество этой модели состоит в том, что она не ограничена адаптационными моделями обучающихся за рубежом, а имеет общее применение. У всех людей, вступающих в новые взаимоотношения или социальные ситуации, последовательно развиваются чувства удовлетворения или неудовлетворения. Согласно описанной модели форма этих кривых будет зависеть от того, насколько хорошо индивиды усваивают релевантные типы поведения и насколько они могут уяснить свои новые роли, избежать ролевой двусмысленности и разрешить любые противоречивые ролевые требования в своих отношениях со значимыми людьми в этих новых условиях. Очевидно, что модель имеет прикладное значение в таких областях и сферах, как вступление в брак, переход на другую работу, появление первого ребенка или переезд на другое место жительства. Модель устанавливает, что успешное приспособление к переменам, которые имеют межличностные аспекты (большинство имеет), зависит от процессов, похожих на происходящие во время обучения за рубежом, и может объяснить, почему одни люди справляются с переменами лучше, чем другие.

Применительно к обучению процесс адаптации иностранных студентов протекает постоянно на протяжении всего периода их обучения в вузе, но при этом он происходит поэтапно. На каждом этапе обучения требования, предъявляемые к иностранным студентам и условиям их обучения, различны. На первом этапе происходит адаптация к вузовской системе обучения и существующим формам контроля в течение двух первых курсов. На втором этапе – начинается адаптация к социально-профессиональной сфере и активное «вживание» в свою будущую профессию в течение 3 и 4 курсов. На следующем этапе происходит осознание себя выпускником и обладателем квалификации специалиста на 5- и 6-м курсах (магистратура). На завершающем этапе начинается адаптация к сфере трудовой деятельности на своей родине как показатель эффективности предыдущих этапов и в целом системы подготовки национальных кадров для зарубежных стран в рамках российской высшей школы.

На развитие многогранного процесса адаптации иностранных студентов к российской действительности оказывают влияние объективные и субъективные факторы макро- и микросреды.

Среди объективных факторов можно выделить:

– наличие национальной установки;

– стереотип поведения;

– формы межкультурного взаимодействия;

– степень сходства или различия между культурами;

– особенности культуры, в которой воспитывался студент;

– особенности страны пребывания (насколько «хозяева» страны толерантны к представителям другой страны).

К субъективным факторам можно отнести:

– демографические и индивидуально-психологические характеристики личности студентов (пол; возраст; социальное положение; социальное происхождение; тенденции проявления национально-психологических особенностей студентов в процессе адаптации);

– мотивационно-фоновые характеристики (установка на получение высшего образования в другой стране; готовность к жизненным переменам; наличие подготовительного периода – знакомство с условиями жизни в России, её историей, культурой, системой высшего образования);

– внутригрупповые факторы взаимодействия студентов друг с другом и преподавателями посредством изучения психологической атмосферы; социально-психологического климата в учебной группе и общежитии; социометрического статуса и самочувствия личности в учебной группе;

– организационно-педагогические факторы (новая педагогическая система; организация учебного процесса и система отношений студентов ко всем компонентам этого процесса; оценивание содержательных признаков учебного процесса и его эффективности; система контроля и оценивания знаний; языковой барьер).

На адаптацию иностранных студентов в современных условиях большое влияние оказывают и такие ситуативные факторы, как уровень экономической и политической стабильности в стране пребывания, уровень преступности и безопасности, уровень толерантности и ксенофобии и др.

В методических рекомендациях [2] рассматриваются вопросы, связанные с изучением социально-психологической адаптации иностранных студентов к обучению в высшей школе; исследованием объективных и субъективных факторов, влияющих на сроки адаптационного процесса; анализом традиционных факторов адаптированности иностранных студентов к новым социальным условиям; исследованием влияния психологической атмосферы в группе на успешность обучения иностранных студентов. В работе также определены зависимость и влияние социометрического статуса преподавателя на ускорение адаптационных процессов и эффективность учебной деятельности студентов.

Процесс адаптации иностранных студентов к условиям обучения в вузе сложен по структуре. Он представляет собой взаимодействие различных видов адаптации, каждый из которых определяется деятельностью индивида и имеет сложную структуру. В монографии М.А. Ивановой [1] представлена схема видов адаптации, при составлении которой использовались два основополагающих принципа:

- во-первых, принцип интернационализации терминологии в области международного образования;
- во-вторых, принцип родового понятия при учёте видовых отличий.

К видам адаптации автор относит:

– физиологическую (психофизиологическую) адаптацию;

– биологическую (медико-биологическую, социально-биологическую) адаптацию;

– психологическую (социально-психологическую, психолого-педагогическую, этнопсихологическую) адаптацию;

– культурную (социокультурную, межкультурную, кросскультурную) адаптацию личности.

Следует отметить, что каждый из перечисленных видов адаптации не существует изолированно, а рассматривается в системе с другими видами, поскольку адаптация – это основное понятие во всех представленных видах.

По мнению А.И. Сурыгина, если «под адаптацией понимать процесс приспособления человека к изменившимся условиям окружающей среды, к изменившимся условиям жизнедеятельности, то под это определение подпадают и физиологическая адаптация (процесс приспособления человеческого организма к изменению условий жизнедеятельности), и социально-психологическая адаптация (процесс приспособления человеческой психики к изменению жизнедеятельности), и важная составляющая социально-психологической адаптации – академическая адаптация (процесс приспособления учащихся к условиям новой педагогической системы» [5].

По результатам аналитического обзора отечественной и зарубежной литературы можно сделать вывод, что не существует единого мнения по вопросу: адаптация – это процесс, или результат, или и то и другое вместе; или способность, или приспособление, или состояние и т.д. Приведем несколько определений.

Адаптация – приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами (Психологический словарь, с. 11).

Адаптация – это процесс и результат внутренних изменений, внешнего активного приспособления и самоизменения индивида к новым условиям существования [4]

Адаптация – состояние психологического равновесия личности с собой, окружающим миром и той инонациональной средой, в которую она попадает [1]. Основным признаком такого определения является «психологическое равновесие», под которым понимается чувство внутренней удовлетворённости, проявляющееся в состоянии спокойствия и уравновешенности.

Используя последнее определение адаптации, можно считать, что успешная адаптация иностранных студентов к высшей школе России предполагает дос-

тижения психологического равновесия (феномен самочувствия) как эмпирического показателя адаптированности студента к новой жизненной ситуации на эмоционально-личностном, информационно-познавательном и коммуникативно-поведенческом уровнях в кратчайшие сроки, используя наиболее эффективные и целесообразные пути адаптации:

– разработан следующий инструментарий, позволяющий оценить проблемы адаптации иностранных студентов к новым социокультурным условиям:

– полуструктурированное интервью «Ваша жизнь и учеба на подготовительном факультете», направленное на выявление факторов, влияющих на включенность иностранного студента в учебно-воспитательный процесс (целевые установки на обучение, ценностные ориентации, оценки вузовских мероприятий разного уровня, жизни в многонациональном общежитии и т.д.);

– формализованное интервью «Человек среди людей», нацеленное на изучение факторов межгруппового и межличностного общения в ходе учебной и внеучебной деятельности;

– анкета «Учеба – это ваше настоящее, которое обеспечит вам будущее», позволяющая оценить эффективность учебного процесса, выявить факторы, мешающие успешному обучению, определить степень готовности студентов к продолжению учебы.

Для адаптации иностранных студентов в работе используется модель по «эффекту пружины», каждый из «витков» которой соответствует той или иной фазе адаптации [2]. Состояние «равновесия» пружины достигается без растяжения или сжатия её «витков», т.е. без участия стресс-факторов, присутствующих в адаптации.

Рассмотрим фазы психологической адаптации иностранных студентов к иноязычной среде в условиях российской действительности, согласно этой модели:

– фаза внутренней психологической готовности к обучению в другой стране, которая включает в себя подготовительный период выбора страны обучения, языка и будущей специальности;

– фаза оценивания своих возможностей в референтной группе (родственники и друзья);

– фаза переживания климатических различий, в которой определяется возможность нахождения студента в данной стране с точки зрения психофизиологического состояния его организма;

– фаза ожидания (встреча с незнакомой страной, городом, вузом и факультетом), в которой у студента оказывается затронутой эмоциональная сторона психики. Пребывание в таком состоянии и его сроки зависят от национально-психологических особенностей студентов;

– фаза вхождения в новую иноязычную среду. На этом этапе возникает необходимость личности вступать в контакт с членами незнакомого общества и оценивать свои возможности пребывания в нём; получать необходимую информацию о правилах поведения в иной социокультурной среде. Эта фаза связана с когнитивными и эмоциональными факторами;

– фаза активного участия как в учебной деятельности, так и вне её, на которой происходит встреча студента с трудностями языкового и социально-бытового характера. На этой стадии будут действовать три фактора: когнитивный, эмоциональный и поведенческий;

– фаза депрессии, которая свойственна всем иностранным студентам вне зависимости от страны, которую он представляет, или успешности прохождения вышеназванных фаз. Данная фаза связана с четырьмя факторами: эмоциональный, когнитивный, поведенческий и социально-психологический;

– фаза стабилизации достигается личностью только в случае преодоления ею привычного стереотипа жизни, чувства разлуки с родными и близкими, ностальгии по родине, неудовлетворённости в различных видах деятельности, привычного социального и национального статуса [2].

Преимуществом представленной фазовой модели процесса адаптации является возможность систематизировать проблемы этого процесса во временной последовательности и оказывать психологическую поддержку студентам по мере возникновения этих проблем. Особого внимания требует фаза депрессии, которую приходится переживать каждому студенту. На этой стадии особенно возрастает роль учебной группы в психологической поддержке её членов, куратора и администрации вуза как организаторов учебного процесса.

С учетом широкой реализации Болонской декларации для решения вопросов адаптации иностранных студентов целесообразно переосмысление комплексной концепции российских международных образовательных услуг в отечественных вузах различного профиля. Ее составная часть – мероприятия, направленные на решение проблем адаптации иностранных студентов как к текущему учебному процессу, так и к условиям жизни в новой иноязычной среде за пределами национальных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова, М.А.* Психологические аспекты адаптации иностранных студентов к высшей школе: монография / М.А. Иванова. – СПб.: Нестор, 2000. – 149 с.

2. *Иванова, М.А.* Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе: метод. рекомендации преподавателям / М.А. Иванова, Н.А. Титкова. – СПб.: Санкт-Петербург. гос. техн. ун-т, 1993. – 62 с.

3. *Лазарева, Л.П.* Психологические нюансы представлений о педагогических технологиях в образовательной среде

Китая и России / Л.П. Лазарева // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. – С. 123–127.

4. *Реан, А.А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика: научно-популярная литература / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 479 с.

5. *Сурыгин, А.И.* Дидактический аспект обучения иностранных учащихся (основы теории обучения на неродном для учащихся языке) / А.И. Сурыгин. – СПб.: Нестор, 1999. – 391 с.

6. *Яссман, Л.В.* Нарушение адаптационной функции образа мира как следствие недостатка развития его системности / Л.В. Яссман, В.П. Яссман. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комс. гос. пед. ун-та, 2004. – 26 с.

7. *Bochner, S.* Anticipated role conflict of returning overseas students / S. Bochner, A. Lin, B.M. McLeod // Journal of Social Psychology. – 1980. – № 110. – P. 29–41.

8. *Furnham, A.* Social difficulty in a foreign culture: an empirical analysis of culture shock / A. Furnham, S. Bochner. – Oxford, 1982.

9. *Gullahorn, J.T.* An extension of the U-curve hypothesis / J.T. Gullahorn, J.E. Gullahorn // Journal of Social Issues. – 1963. – № 19 (3). – P. 33–47.

10. *Lysgaard, S.* Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States / S. Lysgaard // International Social Science Bulletin. – 1955. – № 7. – 45–51.

11. *Oberg, K.* Cultural Shock: adjustment to new cultural environments / K. Oberg // Practical Anthropology. – 1960. – № 7. – P. 177–82.

12. С. Лисгаардом [10]http://rl-online.ru/articles/2-01/85.html – 71

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕАЛЬНОСТИ У ЖЕНЩИН С РАЗНОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

В.П. Яссман

Яссман Виктор Павлович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: yassman@yandex.ru

В статье феномен гомосексуальной идентичности обсуждается с точки зрения феномено-герменевтического направления в психологии. Показано, что распространение данного явления есть яркий пример изменений, происходящих в мире, ставящих общество перед необходимостью адаптации к новым условиям бытия. Поднимается вопрос о роли концептуальной системы сознания в формировании субъективности. Утверждается, что субъективность человека и понимание им мира оказываются опосредованными присущей ему репрезентативной системой, в которой реальность не отражается, а соотносится. Ведущая роль в репрезентации мира в сознании отводится языку, содержащему в себе глобальную символическую репрезентацию мира. Смысловое и системное развитие сознания происходит по мере изменения смыслового и системного значений слова. Наполняя слова субъективным смыслом, каждый человек несёт в себе индивидуальную концептуализацию своего бытия. Отсюда реконструкция и качественный анализ субъективной репрезентативной системы позволяет устанавливать различия в концептуализации мира между лицами, отличающимися по различным параметрам, в данном случае по сексуальным предпочтениям. Тем самым обозначается проблема взаимовлияния биологического и социального факторов в становлении субъективности. Приводятся результаты структурно-тематического анализа данных ассоциативного эксперимента. Описываются семантические различия в реконструкции реальности женщинами с разной сексуальной идентичностью.

Ключевые слова: бытие, понимание**,** познавательное отношение, субъективная концептуализация реальности, репрезентация, концепт, значение, концептуальная структура, концептуальная система, отношение к миру, субъективность, сексуальная идентичность, гендерная идентичность, конфликт самоидентификации, субъективное благополучие.

Феноменология и актуальность проблемы сексуальной идентичности

На сегодняшний день проблема гомосексуализма вызывает острые дискуссии в обществе, поскольку влечёт изменения в традиционном укладе ролевых отношений между полами. Она обостряется стремлением радикально-настроенных общественных кругов принять жёсткие законодательные меры применительно к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией. В обществе назрела необходимость решить правовой вопрос признания однополых браков, признание свобод лиц с подобной ориентацией. Вместе с легализацией однополых браков, автоматически возникла проблема защиты детей, воспитывающихся в подобной однополой семье. Затрагивается и моральная сторона вопроса – может ли быть в однополой семье, когда институт семьи рушится, – святость, чистота, любовь и целомудрие? Родителями, в чьей семье ребёнок проявляет однополую ориентацию, это обстоятельство воспринимается весьма болезненно. Отношение к лицам с гомополовой идентификацией обнажает и модную в настоящее время проблему толерантности. Причём в точке отношения к данному явлению «толерантность» общественного сознания действительно проверяется, раскрывая духовное состояние общества и саму конструктивность толерантности (с точки зрения того, что вредно, а что полезно). В этой точке обнаруживается конфликт традиций и ценностей, проявляющийся в перераспределении ролей женщин и мужчин в семье и социуме. Отношение к данной проблеме в обществе преимущественно строится на уровне обыденного сознания (здравого смысла), например, «я не хочу, чтобы мой ребёнок стал таким». Вместе с тем сам факт существования этого явления насчитывает не одно столетие. С точки зрения академической науки, и прежде всего психологии и медицины, феноменология этого явления остаётся неясной. Так, для науки интерес представляет взаимосвязь концептуализации человеком реальности с особенностями его бытия.

В плане организации объективного исследования этого феномена сложность заключается в социальной и психологической «закрытости» данной категории лиц. Подобных исследований мало. С другой стороны, поскольку сексуальная ориентация является одним из ведущих факторов в формировании субъективности, то возникает вопрос о различиях субъективного мира женщин с традиционной и нетрадиционной ориентацией.

В клинической психологии расстройства сексуального влечения (гомобисексуализм) признаются таковыми только в тех случаях, когда их носитель страдает от своей нетрадиционной сексуальной ориентации, не может её принять или желает её изменить. Необходимо отметить, что экспертами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) гомосексуализм не считается психической патологией. Однако становление субъективного мира лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией проис-

ходит в ситуации конфликта с социальным окружением, социальными стереотипами и с самим собой (конфликт самоидентификации). Это отражается на субъективном благополучии, личностном здоровье и формировании индивидуальности данных лиц. Значимость идентичности в проблеме личностного функционирования убедительно показывается в работах Т.Х. Невструевой [13].

В исследовании, проведённом под нашим руководством К.В. Чечеткиной (2011 г.), было выявлено, что гомоориентированным женщинам свойственно некоторое снижение показателей психологического благополучия по тесту уверенности в себе (Райдас) и по уровню субъективного ощущения одиночества (Рассела–Фергюсона). Необходимо отметить, что, выступая в качестве базового экзистенционального переживания, в зависимости от самодостаточности личности, одиночество либо становиться мукой, либо открывает простор для свободы самопроявления. Также нас интересовала гендерная идентичность данных лиц и семантические отличия в концептуализации ими реальности.

Гендерная идентичность женщин с гомосексуальной ориентацией

В исследовании приняли участие женщины с традиционной ориентацией (**группа 1**) и гомосексуальной ориентацией (**группа 2**). Социальный статус: средний возраст 28 лет, высшее образование имеют 68 %, среднеспециальное – 22 %, без образования – 9 %; 4,5 % респондентов этой группы состоят замужем, 4,5 % в разводе, 54,5 % – проживают с однополым партнером; 22,7 % встречаются с однополым партнером, но не проживают вместе, 13,6 % не состоят в паре. Детей имеют – 13,6 %. На момент проведения исследования 22,7 % нигде не работали; 18,1 % – педагоги; 18,1 % – менеджеры; 13,6 % – медсестры; 9 % – кадровые агенты; 9 % – врачи; 4,5 % – дизайнеры; 4,5 % – бухгалтера; 4,5 % – юристы.

При исследовании гендерной идентичности по методике «Маскульность-феминность» С. Бем ярко выраженная маскульность была выявлена у 41 % респондентов **во второй** группе, где основной индекс был больше – 2,025. В то время как в 1-й группе (традиционная сексуальная ориентация) маскульность составляла лишь у 9 %, это респонденты под номерами 6 и 18. По словам респонденток, они держат близких родственников, мужа, детей под жестким контролем. На работе являются лидерами, довольно часто проявляют грубость с коллегами, считают, что правы во всем, редко извиняются.

Респонденты с ярко выраженными маскульными чертами во второй группе были вполне ожидаемы в нашем исследовании. Данные респонденты позиционируют себя как «буч» (преимущественно только ориентация на мужской образ) или «дайк» (ориентация и на мужской, и на женский образы), хотя данные категории по их словам довольно условны, так как они не разделяются строго по этим типам. Для бучей и дайков характерны короткие, мужские стрижки, широкие брюки или джинсы и просторные футболки или рубашки. Они никогда не пользуются косметикой, если используют парфюм, то чаще всего мужской. В большинстве случаев скандалы в сексуальных отношениях выполняют активную роль, и по дому делают преимущественно мужскую работу. Некоторые признались, что они специально «косят под буча», чтобы другие бучи к ним не приставали, они их боятся. Дайки более универсальны в сексуальных отношениях и более гибки, они могут исполнять как роли пассивных, так и роли активных партнеров.

Респонденты во второй группе с ярко выраженной феминностью принадлежат к типу «фем», или женственных лесбиянок. Как правило, они никогда коротко не стригутся, предпочитают длинные волосы и красивые женственные прически. То же самое относится и к одежде, это платья, юбки и стильные женские брючные костюмы. В сексуальных отношениях также универсальны, девушки с более сильным характером выполняют активную роль в сексе, но предпочитают делать женскую часть работы по дому.

Важной характеристикой гендерной идентичности является распределение ролей в семье по мужскому и по женскому типам. Для гомоориентированных женщин такое жесткое распределение не свойственно. Никто из них не исполняет только роль мужа или жены. Роли в семье распределяются демократично и носят универсальный характер.

Принятие нетрадиционной сексуальной ориентации социальным окружением влияет на формирование самооценки и уверенности в себе. Респонденты со средним значением уверенности в себе, как правило, скрывают свою сексуальную ориентацию от родственников и гетеросексуальных коллег по работе, опасаясь негативной реакции с их стороны. Они вынуждены придумывать различные отговорки на вопросы: «почему ты до сих пор не замужем? У тебя есть парень?», они говорят, что такие «банальные» вопросы их сильно раздражают и вызывают чувство неловкости, так как они вынуждены оправдываться. Они проживают в небольших городах, где «невозможно скрыться и им приходится вести себя очень осторожно и ничего лишнего себе не позволять, чтобы никто ничего не заподозрил». Данные респонденты также проживают с однополым партнером или только собираются совместно жить.

По нашему мнению, одним из факторов, влияющим на адекватную самооценку респондентов экспериментальной группы является то, что они

полностью принимают свою сексуальную ориентацию и не скрывают ее от родителей и близких гетеросексуальных друзей. По словам испытуемых, их родственники смирились с их сексуальной ориентацией и знакомы с сексуальным партнером респондента, с которым они вместе проживают. Все испытуемые живут насыщенной жизнью, они состоят в гейсообществах, где получают необходимую им эмоциональную поддержку, строят совместные планы на будущее, многие хотят иметь детей.

Феноменогерменевтический подход к исследованию ценностно-познавательного отношения субъекта к содержанию объекта понимания

Сегодня, когда психология на очередном витке своего развития переживает методологический кризис, **проблема понимания** оказывается в центре дискуссий о сознании как субъективной психической реальности. Выдающийся немецкий мыслитель Х.Г. Гадамер отмечал, что любое понимание всегда оказывается чем-то большим, чем простой психологический акт осмысленной рецепции [5]. Понимание это всегда «бытийное реагирование», в понимании заключается смысл бытия человека, особый, сугубо человеческий способ существования. В этом способе субъект реализует себя как духовное и личностное начало, как творец и одновременно продукт своей эпохи. В психологии подобные мысли высказывает В. Франкл, считающий, что главное предназначение человека – искать смысл жизни, понимать ее [18]. В таком случае понимание оказывается уже не способом познания, а становится способом бытия. Бытие существует, понимая [9]. Именно психология становится одной из областей познания, в которых принципы герменевтики находят наиболее полное воплощение, причём истоки герменевтических представлений восходят к «понимающей психологии» В. Дильтея. В процессе осмысления отраженной в знании реальности у субъекта возникает смысл последнего, т.е. познавательное отношение к содержанию понимаемого фрагмента действительности. Согласно С.Л. Рубинштейну, целостный акт психического отражения представляет собой неразрывное единство не только познавательных, но и аффективных, эмоционально-волевых процессов [15]. Таким образом, как отмечает В.В. Знаков, познавательное отношение включает в себя и отражение, и отношение. Понятие отношения двойственно: отношение это объективная связь между предметами, событиями, явлениями и вместе с тем – отношение субъекта к объекту, человека к миру. Познавательное отношение проявляется как активность духовного самоопределения субъекта: психологическая индивидуальность человека проявляется в том, как он относится к миру и людям, т.е. в сформированности этого отношения именно как своего отношения. К.А. Абульханова-Славская и А.В. Брушлинский пишут: «…Познавательное отношение человека к миру является… производным от реального бытия человека и осуществляется в процессе его практического взаимодействия с бытием и другими людьми…. Исходным является не определение бытия в отношении к сознанию, познанию, а такое определение бытия, которое включает человека как практическое существо, в том числе и познающее бытие» [1: с. 217]. Следовательно, «**отношение человека к бытию как познавательное отношение** опосредствовано общественным отношением к другому человеку» [там же]. Познавательное отношение конкретно проявляется в характере мыслительных действий с содержанием понимаемого, направленных на выход за его рамки, включение понимаемого фрагмента в более обобщенную картину мира.

Феноменология субъективной концептуализации реальности

Согласно Б.М. Величковскому, «**понимание**» в широком смысле этого слова прямо определяется имеющимися у человека концептуальными структурами. Концептуализация определяется как создание вербальной конструкции, моделирующей и репрезентирующей какой-то аспект реальности и обозначающий её понятием. С приходом в мир, ребёнок интериоризирует из объективной психической реальности присущую данному обществу глобальную символическую репрезентацию мира, в которой имеющаяся концептуальная система окружающих его людей именно так, а не иначе конституирует реальность и «расчленяет» ещё на дифференцированную чувственную детскую модель – репрезентацию реальности строго определённым образом: на определённые объекты, их действия, свойства, отношения и т.д. и иного понимания мира у ребёнка уже не может быть. Б.Уорф писал, что мы «расчленяем» мир, организуем его в понятия и распределяем значения так и не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию [17: с. 97–98]. «Расчленение» его модели репрезентации мира предопределено усваиваемой им концептуальной системой многих тысяч предшествующих поколений. Причём наследование происходит негенетически. Таким образом, концептуализация влияет на представления о мире и на мышление людей. Л.С. Выготский описал развитие концептуальных структур как разнонаправленные, но взаимодействующие процессы формирования житейских и научных понятий, отметив, что рефлексивное сознание и произвольный контроль связаны преимущественно с научными понятиями. Если значение слова по мере развития ребенка меняется, то меняется и отражение тех связей и

отношений, которые через слово определяют строение его сознания. Слово не только замещает вещь, но и анализирует вещь, вводит эту вещь в систему сложных связей и отношений. Выготский установил, что в онтогенезе **значение слова** развивается и меняет свою структуру. Согласно А.Р. Лурия учение о развитии смыслового и системного значений слова может быть одновременно обозначено как учение о смысловом и системном развитии сознания. Посредством значений человек присваивает общечеловеческий опыт, отражая объективный мир с различной полнотой и глубиной. В феноменологическом плане слово (понятие), конструируя элементы реальности, тем самым ограничивает и искажает саму реальность. Э. Касирер отмечал, что «всякое языковое содержание – одновременно проявление и сокрытие истины бытия» [10: с. 54–55]. При этом, чтобы не дойти до крайнего релятивизма, необходимо принять тот факт, что даже наши вербальные модели и конструкции не могут слишком «отрываться» от «реальности в себе». «…Наши репрезентации лишь соотносятся каким-то неясным образом с «реальностью в себе», а не «отражают её, как принято считать» [14: с. 455]. Человек может иметь в своей концептуальной системе фиксированные (конвенциональные) концепты, отсутствующие в концептуальных системах других членов данного сообщества [1: с. 416]. И, наоборот, в одной концептуальной системе может отсутствовать важный концепт, присутствующий в другой. Например, таитяне не имеют не только слова для обозначения печали, но и самого этого концепта. Они способны испытывать печаль и депрессию, но категорируют их с помощью таких понятий, как болезнь, усталость или нападение злого духа. Дж. Лакофф обращает внимание на то, что «…различия в концептуальных системах существенным образом влияют на поведение» [11: с. 435]. Таким образом, субъективность человека и понимание им мира оказываются опосредованными присущей ему концептуальной системой. Также можно заключить, что субъективность проявляется в ценностно-познавательном отношении к миру. Вместе с тем вопрос о том, какие именно факторы в большей степени влияют на сексуальную идентичность, социальные или биологические, особенности бытия или особенности концептуальных систем остаются нерешёнными. Л.Г. Дикая указывает на две системные характеристики, детерминирующие процесс адаптации: психическое состояние и отношение человека. Причём вторая является центральной, системообразующей характеристикой всего компонентного состава психической адаптации [7]. А.В. Серый отмечает, что полноценное человеческое существование определяется нахождением смысла в абсурдном мире посредством создания своего собственного смысла [16].

Результаты исследования семантических различий концептосферы женщин с гомо- и гетеросексуальной ориентацией

В качестве стимулов выступили концепты «мужчина», «семья», «любовь», «дети», «работа», на которые каждый респондент давал 10 реакций. Полученные ассоциации подвергались структурно-тематическому анализу, который позволяет достаточно полно раскрывать субъективную концепцию жизни женщин исследуемых групп.

Выраженные различия у гетеро- и гомоориентированных женщин нами обнаружены в семантическом содержании понятия «мужчина». Поскольку ассоциации являются формой существования значения в сознании субъекта, а образ мира в узком смысле выступает системой значений, то качественный анализ ассоциативных данных позволяет раскрывать семантическое пространство, образованное понятием «мужчина» в образе мира женщин с гетеро- и гомосексуальной ориентацией. В образе мира женщин с гомосексуальной ориентацией, направленной на лиц своего пола, образ мужчины должен иметь отличия по сравнению с образом мужчины в образе мира женщин с традиционной ориентацией. Вместе с тем поскольку мужчина – это не только биологический тип человека, но и социокультурное явление, то он должен обладать определёнными системными и структурными характеристиками. Поэтому семантическая структура данного понятия, с нашей точки зрения, должна включать следующие характеристики: атрибутивные и функциональные характеристики, качества личности, характеристики внешнего образа. Так, поскольку мы исследуем представления женщин о мужчинах, то в структуру концепта «мужчина» в образе мира женщин будет входить и их позиция – отношение к мужчинам, основанная на их личном опыте. С этих позиций, по заданным критериям ассоциации присваивался индекс, и далее, в соответствии с логикой раскрытия заданного понятия, все полученные ассоциации распределялись по группам. При анализе ассоциаций, как правило, учитываются преимущественно высокочастотные ассоциации и универсалии. Однако для того чтобы получить наиболее полную картину семантической представленности понятия «мужчина» в образе мира женщин нами анализировался весь спектр полученных ассоциаций, и высокочастотных, и единичных. Функциональные характеристики образа – это такие характеристики, которые указывают на то, какие социокультурные функции закреплены за понятием «мужчина», в частности те, которые осуществляются мужчиной в отношении женщины, но так же и то, какие функции можно осуществлять с ним и по отношению к нему. При анализе функциональных составляющих образа мужчины мы

видим сходство, которое представлено следующими ассоциациями: сила (12), защита (6), секс (5), надежность (5), дети (4) и семья (3), деньги (5), забота (4), опора (3), стабильность (2). Данные характеристики указывают на ожидания женщин в отношении мужчин в функциональном плане. И эти ожидания совпадают в обеих исследуемых группах. При анализе функционального компонента образа мужчины нами не отмечено негативных характеристик. У женщин гетеросексуальной ориентации группа (1) образ мужчины представлен следующими ассоциациями: сильный (4), любовь (4), страсть (3), свобода (2), работящие (2), с деньгами (2), оберегающий (2), защищающий (2), статус (2), дружба, зарабатывающий, зарплата, кормилец, необходимый, обеспечивающий, общение, привязанность, тепло. В данном ассоциативном ряде мы видим коннотативно позитивно заряженные ассоциации (любовь, страсть, привязанность, тепло, защищающий и т.п.), которых нет в противоположной группе. Эти ассоциации указывают на потребность женщин гетероориентации в сильном плече, или с точки зрения трансактного анализа (Э.Бёрн) стремление занимать в отношениях с мужчиной позицию ребёнка, нуждающегося в заботе, помощи со стороны мужчины. У гомоориентированных женщин функциональные характеристики образа мужчины раскрываются следующими ассоциациями: муж (2), власть (2), помощь (2), смех (2), брат, воля, дед, друзья, еда, зачатие, конфеты, очаг, певец актер, продолжение рода, соревнование, стена, хозяин, господин, воин, война (2), солдат. Из них такие ассоциации, как муж, брат, дед, певец, актёр, продолжение рода, зачатие, конфеты являются формальными. Это социальные роли. А вот такие, как помощь, стена, друзья, указывают на потребность женщины в защите и помощи со стороны мужчины, как и у женщин первой группы.

При анализе ассоциаций, вошедших в группу «качества личности» включающей позитивные и отрицательные характеристики нами выявлено четкое разделение мужских качеств на позитивные (предпочитаемые) и негативные (отвергаемые). Общим радикалом в предпочитаемых качествах личности мужчин обеих групп являются сила (12), добрый (5), мужество (4), заботливый (4), интеллект (3), надежность (5), внимательный (2), интеллект (3), храбрый (2). Общими для 1-й и 2-й групп отвергаемыми качествами являются бабник (3), козел (3), ленивый (2), жестокость (2), грубость (2), ложь (2), не бритый (2), не внимательный (2). Акцентирование отвергаемых характеристик указывает на потребность женщин в ином поведении мужчин в отношении к женщинам. Это позволяет на основании полученных данных составить образ идеального мужчины в представлениях женщин. Уже на этапе сравнения позитивной составляющей образа мужчины мы видим выраженные различия. Коннотативно заряженные ассоциации, как добрый (4), любящий (4), умный (3), гордость (3), надежный (3), свобода (2), зрелый (2), работящий (2), спокойный, твердость, трудолюбивый, сильный, рассудительный, понимающий, нежный, не хитрый, говорить обо всем, выносливость не представлены в образе мира женщин с гомосексуальной ориентацией. Положительные характеристики образа мужчины во второй группе раскрывают личностные характеристики с точки зрения человеческих качеств, а не с точки зрения его привлекательности как представителя противоположного пола: напористость, логика, независимость, ответственность, уверенность, стремление, аналитика, воля.

Различия в негативных составляющих образа мужчины проявляются в степени их выраженности. У гетероориентированных женщин это такие ассоциации, как инфантильность, животное, болтливость, маменькин сынок, не хитрые, неумеха, лесть, диктатор, сплетник, обман.

У гомоориентированных женщин число негативных ассоциаций значительно превышает количество таковых в первой группе: глупые (3), агрессивные (2), неопрятность (2), самоуверенность (2), стандартные (2), тупость (2), завистливые, безжалостность, безответственные, наглость, невидящий, неуклюжесть, ограниченный, подкаблучник, пошлый, приставучий, слабость, самодовольство, страх, холодность, шакал, шкура, злые, холодность, туннельное зрение, пьющие, предсказуемость (2), неопрятность (2), невидящий, завистливые, вульгарный, глупые (3), жадные (2), амбиции. Коннотативные характеристики этого образа во второй группе более выражены. Сразу обнаруживается отсутствие положительных характеристик при анализе общих ассоциаций, лежащих на стыке пересечения семантических пространств понятия «мужчина» в представлениях женщин двух экспериментальных групп. Зато негативные ассоциации достаточно красноречивы: лысина, не бритый, щетина, живот, толстеющие. В первой группе образ представлен следующими преимущественно позитивными характеристиками: привлекательность, красивый, высокий рост, мускулы, широкие плечи, короткая стрижка, щетина, полнота. Негативных характеристик внешности мужчины у женщин 1-й группы нами обнаружено не было. Во второй – 40 лет, усы, внешность, аполлон, Шварценеггер, усы, статный, представительный. И в первой, и во второй группах образ в целом прототипичен. Выраженность негативных характеристик обнаруживается у женщин второй группы: запах (4) (запах ужас), вонь (2), грязные ногти, много недостатков, пот (2), пивной живот (3), живот, семейные трусы. Эти характеристики несут в себе негативную коннотативную, чувственно-эмоциональную заряженность. Причём особенно броса-

ется в глаза выраженность обонятельного компонента в образе мужчины у гомоориентированных женщин. Это может быть связанно с тем, что поскольку обонятельная сенсорная система расположена в подкорковой области, то запах становится фактором на бессознательном уровне, определяющим привлекательность-непривлекательность мужчины. Атрибутивные (внешние) характеристики образа мужчины также преимущественно выражены во второй группе. Общими характеристиками образа мужчины в обеих группах является то, что представление о мужчине в образе мира женщин связывается с машиной и парфюмом. В первой группе атрибутом мужчины является пиво, а во второй – шкура, фаллос (2), курение (2), бокс, меч, еда, сигарета, удобная одежда, джинсы, спортивный костюм в ресторан, компьютерные игры, гараж, телевизор, диван, газета. Образ также достаточно прототипичен.

Интерес вызывает группа ассоциаций, которые нами были обозначены как «позиция-отношение» женщин различной сексуальной ориентации по отношению к мужчинам. Общим являются ассоциации козел (4) и кобель. В первой группе присутствуют как положительные характеристики: любимый, мой, необходимый, так и негативные – недоносок, обида, животное. Во второй группе ассоциации богаче. Они указывают на ироническое отношение к мужчинам и даже жалость к ним (люблю геев, смех (2), их жалко, много недостатков, насмехаюсь над ними, жалею даже, думают что женщины глупы) и на резко негативное отношение к ним (просчет, шакал, ужасный, тяжесть, страх, ненавижу).

Таким образом, мы видим, что понятие мужчина в семантическом пространстве образа мира женщин 1-й и 2-й групп концептуально раскрывается по-разному. Мужчина как ценность представлен в сознании женщин 1-й группы (гетеро). Образ мужчины во 2-й группе преимущественно раскрывается через формальные, прототипические или резко негативные характеристики данного понятия. Мы также видим выраженные различия в позитивной и негативной составляющих образа мужчины, их содержательном наполнении, количестве ассоциаций, их раскрывающих.

При исследовании представленности концепта «любовь» в образе мира женщин 1-й и 2-й групп различие проявляется в том, что если в первой группе ассоциации преимущественно раскрывают интерес к мужскому телу, то «девушка (3), женская грудь (4), губы, Люба» указывают на интерес к женскому телу. Необходимо обратить внимание на значимость запаха «запах любимого человека» в структуре понятия «любовь» у женщин второй группы. Женщины 2-й группы дают большее число ассоциаций, указывающих на личностные качества. Такие категории, как альтруизм, надёжность, обязательство, откровенность, внимательность, преданность и щедрость очень точно описывают идеальный образ любящего человека. Непонимание и зависимость описывают те качества, которые мешают проявлению любви. В 1-й группе мы не встречаем такого богатства ассоциаций. В первой группе выделяются прежде всего такие качества, как ответственность и уважение. Ассоциация «самый лучший» указывает на идеализацию образа любящего человека. Жертвенность в оценке качеств личности любящего человека также примечательна для 1-й группы, в то время как во 2-й группе мы обнаруживаем ассоциацию не жертвенность, а альтруизм. Реакции, раскрывающие сущностную и интенциональную сторону любви во второй группе более дифференцированные и богатые. Если в первой группе респондентам свойственна «готовность на всё», то во второй – «просто быть рядом, лишь бы она улыбнулась, желание и жажды встреч, неугомонность, интерес к любимой». Ассоциации носят четко ориентированную гомосексуальную направленность.

Межгрупповые расхождения при анализе ассоциативных данных, полученных на понятие «семья», незначительны. Однако во второй группе по содержанию ассоциации глубже: вера, духовность, жизнь, в то время как в первой – дружба и правда. Ассоциации, раскрывающие отношение к понятию «семья» в первой группе только негативные: страх и одиночество. Во второй группе они более содержательны: весело (2), зеленый, милая, необходимы, отвлечен от главного, отсутствие, приятие, тесно, холод, исполнение мечт, мечта, грязь, выдумка, идея.

Образ работы в семантическом пространстве образа мира женщин с гетеро- и гомосексуальной ориентацией также имеет некоторые отличия. Если для респондентов первой группы значимы признание, статус, профессиональный рост, что имеет непосредственное отношение к ближайшему значению заданного понятия, то для второй группы свойственны более глобальные реакции, такие как время и познание.

Данные ассоциативного эксперимента позволяют убедительно говорить о значительных семантических отличиях образа мира женщин данной группы, о богатстве и сложности их внутреннего мира. Можно заключить, что формирование субъективности происходит в сложном взаимодействии индивидных (гендерная и сексуальная идентичность) и социальных факторов, но осуществляется в семантическом пространстве внутреннего мира человека. Таким образом, концептосфера личности становится тем внутренним условием, через которое преломляются внешние воздействия.

Исследование убедительно показало, что субъективное благополучие обусловлено внутренним содержанием личности. С точки зрения автора, основным фактором субъективного благополучия выступает глубина понимания человеком мира, выступающая ведущей характеристикой его концептосферы, что требует своего отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская, К.А.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский. – М., 1989.

2. *Агафонов, А.Ю.* Человек как смысловая модель мира. Пролегомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ–М». 2000. – 336с.

3. *Величковский, Б.М.* Когнитивная наука: основы психологии познания. В 2 т. Т. 1 / Б.М. Величковский. – М.: Смысл: Академия, 2006. – 432 с.

4. *Выготский, Л.С.* Мышление и речь / *Л.С. Выготский*. – М., 1934.

5. Гадамер, Х.Г. Герменевтический аспект философии / Х.Г. Гадамер // Хрестоматия по западной философии: учеб пособие / сост., авт. предисл. и вступ. ст. Н.И. Фокина; под ред. В.И. Кириллова. – М.: Велби; Проспект, 2006. – 493–522, 544 с.

6. *Гостев, А.А.* Психология вторичного образа / А.А. Гостев. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 512с.

7. *Дикая, Л.Г.* Социальное и природное в детерминации психологического состояния и профессиональной деятельности субъекта / Л.Г. Дикая // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии, эргономики. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – С. 611–622.

8. *Дильтей, В.* Описательная психология: пер. с нем. Е.Д. Зайцевой / В. Дильтей; под ред. Г.Г. Шпета. – 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 1996. – 160 с.

9. *Знаков, В.В.* Понимание в познании и общении / В.В. Знаков. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 232 с.

10. *Кассирер, Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры: пер. А. Муравьева / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии: переводы; сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 3–32.

11. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении: пер. с англ. И.Б. Шатуновского / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

12. *Лурия, А.Р.* Язык и сознание / А.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 416с.

13. *Невструева, Т.Х.* Проблема идентичности в интегративной модели личностного функционирования / Т.Х. Невструева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: научно-теоретический журнал. – 2012. – № 2. – С. 18–23.

14. *Поляков, С.Э.* Феноменология психических репрезентаций / С.Э. Поляков – СПб.: Питер, 2011. – 688 с

15. *Рубинштейн, С.Л.* Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – М., 1957.

16. Серый, А.В. Работа со смыслами как сущностная основа личностного консультирования в постнеклассической психологии / А.В. Серый // Постнеклассическая психология: региональный опыт: коллективная монография; под ред. М.С. Яницкого, Ю.П. Пелеха. – Тернополь: Начальная книга – Богдан, 2011. – 366 с.

17. *Уорф, Б.* Наука и языкознание (о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычай влияют на мышление): пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат / Б. Уорф // Зарубежная лингвистика. Вып. 1; общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. – М., 1999. – С. 92–106.

18. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл – М., 1990.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

А.И. Лактионова

Лактионова Анна Игоревна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: apan@inbox.ru

Предлагается определение феномена жизнеспособности как способности человека или группы людей хорошо развиваться вопреки дестабилизирующим событиям, трудным условиям жизни и серьезным травмам. Показывается, что жизнеспособность объединяет два измерения, которые относятся к динамическим процессам позитивной адаптации в контексте неблагоприятных обстоятельств. Отмечается, что жизнеспособность выступает не только как простое сохранение или возврат к норме, но предполагает позитивное развитие, которое превосходит состояние, в котором индивид мог бы находиться, если бы не подвергся влиянию стресса. Приводятся результаты эмпирического исследования жизнеспособности и социальной адаптации подростков с нормативным и девиантным поведением. Описываются особенности социальной адаптации и жизнеспособности подростков в обеих группах. Анализируется взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков. На эмпирическом материале показано, что личностные и поведенческие характеристики адаптивных подростков и средовые условия их развития относятся к защитным факторам (факторам жизнеспособности). Личностные и поведенческие характеристики и средовые условия развития дезадаптивных подростков относятся к факторам риска, понижающим их жизнеспособность. Доказывается, что низкий уровень жизнеспособности дезадаптивных подростков определяется недостаточностью психологических и средовых ресурсов. Делаются выводы о том, что взаимосвязь жизнеспособности подростков и их социальной адаптацией не является однозначной. Адаптация к асоциальной среде препятствует возникновению просоциального поведения подростков.

Ключевые слова: подростки, социальная адаптация, жизнеспособность, личностные и поведенческие характеристики.

Жизнеспособность стала объектом научного исследования сравнительно недавно, в семидесятых годах XX в. впервые прозвучал термин «неуязвимый» ребенок [23]. Этот термин являлся ключевым для описания детей и подростков, выживающих в неблагоприятных условиях жизни. Позже появился термин «жизнеспособность» («resilience») впоследствии заменивший термин «неуязвимость». Сегодня эта проблематика является одной из приоритетных в западной гуманистической и позитивной психологии (Charney, 2004; Cicchetti, Sroufe, 2000; Kitano, Lewis, 2005; Kumpfer, 1999; Luthar, Cicchetti, 2000; Masten, Coatsworth, 1998; Polk, 1997; Rutter, 1987, 1990; Ungar, Clark, Kwong, Makhnach, Cameron, 2005; Werner, 1993; и др.).

Исследования жизнеспособности последних десятилетий были направлены на теоретическое осмысление этого понятия, большую роль при этом сыграли многочисленные эмпирические данные. Следствием процесса рождения нового понятия является целый ряд определений жизнеспособности. Следует отметить, что строгое, общепринятое определение жизнеспособности на сегодняшний день отсутствует. В целом понятие «жизнеспособность» отражает «…способность человека или группы людей хорошо развиваться вопреки дестабилизирующим событиям, трудным условиям жизни и серьезным травмам» [31]. В образовании, говоря о жизнеспособности учеников из неблагоприятной социальной среды, определяют их жизнеспособность как способность быть настойчивым и успешно и без опозданий достигать поставленных школой задач, несмотря на воздействие суровых личных и окружающих условий [43].

Термин жизнеспособность (resilience) заимствован из других областей – материаловедение, гуманитарные и социальные науки. При этом употребление термина в гуманитарных и социальных науках не соответствует его первоначальному значению в прикладных науках и технике. В самом деле, в физике упругость (resilience) – это свойство тела восстанавливать первоначальную форму после снятия нагрузки, тогда как в психологии этот возврат в первоначальное состояние в ответ на стресс не позволяет говорить о жизнеспособности (resilience) человека [41]. Аналогия с физическим понятием «упругость» представляется неподходящей по трем параметрам: во-первых, процесс жизнеспособности указывает **на позитивный результат** в условиях стресса, **а не возврат в первоначальное состояние**. Во-вторых, опыт переживания стресса не ограничивается только будущим качеством ответа человеком на тот же стрессор, но он также оказывает влияние на будущий выбор стимулов окружающей среды, или других стрессовых факторов. В отличие от физических материалов, люди не являются пассивными получателями стимулов окружающей среды, они скорее активно ищут окружающие среды в соответствии со своим опытом [42]. И, наконец, в физике детерминанты упругости хорошо известны, но детерминанты жизнеспособности остаются на сегодняшний день менее понятными.

Пока не выделен ни один фактор, который был бы систематически негативно связан с результатом [24].

В зарубежной психологии термин впервые употребляется Дж. Боулби [19] для обозначения «людей, которые не остаются сломленными». В российскую психологию понятие жизнеспособность было введено Б.Г. Ананьевым [1], который рассматривал ее в числе основных потенциалов развития. Он не дает ему точного определения, имея в виду общую способность человека к эффективному функционированию, которая соотносится с высоким уровнем жизненных функций, с наиболее активными и продуктивными фазами человеческой жизни [4].

Важнейшими для понимания концепта жизнеспособности работами являются работы американского психолога Э. Вернер [44], которая в течение 30 лет наблюдала за развитием 700 детей, рожденных в 1955 г. на одном из Гавайских островов. Они рассматривались как представляющие высокий риск развития расстройства поведения в подростковом возрасте. Среди них 70 стали полностью адаптированными в социуме, без всякой психологической помощи.

Жизнеспособность рассматривается в свете адаптации индивида, который выполняет задачи нормального развития, ожидаемого в определенный период жизни, несмотря на то что эта адаптация протекает в трудных условиях [33]. Д.Е. Шефер и Р.А. Моос [39] уточняют, что адаптация включает в себя улучшение в одной из трех областей: социальных ресурсов, интеллектуальных ресурсов и адаптационных навыков. Некоторые отличия определения жизнеспособности в различных исследованиях не делает их противоречивыми, так как в них всегда присутствуют риски или невзгоды и компетентность или адаптация в качестве основного ядра. **Жизнеспособность, таким образом, объединяет два измерения, которые относятся к динамическим процессам позитивной адаптации в контексте неблагоприятных обстоятельств** [31].

Явление жизнеспособности определяют ретроспективно, когда позитивное развитие подростка или взрослого показывает, что он с успехом преодолел риски, связанные с его повседневной жизнью с детства [34]. Тем не менее жизнеспособность, с точки зрения литературных источников, характеристика, чаще всего относящаяся скорее к детям, чем к взрослым, несмотря на то что она может развиваться на протяжении всей жизни [30; 32]. При этом подчеркивается, что это происходит не потому, что риски не опасны для этих людей, но потому, что защитные факторы, личностные и окружающей среды, аннулируют весь их негативный эффект [42]. С. Лютар отмечает, что хотя в ранних исследованиях жизнеспособных субъектов называли «неуязвимыми» [23], что предполагает невосприимчивость к факторам риска, то эта характеристика не является точной. В ее исследованиях показано, что такие дети страдают от негативных условий воспитания. Так, 85 % из них имели значимые симптомы тревоги и депрессии.

Н.В. Каплан [23], анализируя исследования жизнеспособности различных авторов, уточняет источники разногласий, которые вносят свой вклад в концептуальную путаницу вокруг конструкта жизнеспособность. Один из этих источников разногласий касается концепции жизнеспособности как результата или процесса. В первом случае жизнеспособность ограничена присутствием хорошего результата или отсутствием плохого, индикаторы могут различаться, но показывают поддержание определенной личной компетентности. Согласно М. Раттеру [37], это поддержание адаптированного функционирования человека, несмотря на высокие риски, это может быть отсутствие диагностики психопатологии. А.К. Мэстен считает, что психопатология и жизнеспособность являются двумя полюсами одного конструкта – один негативный, другой – позитивный [33]. С ее точки зрения показатели жизнеспособности модулируются, согласно ритму развития, и изменяются в зависимости от возраста и культуры. Эти определения подразумевают, что каждый человек должен считаться уязвимым по отношению к риску, и что жизнеспособность имеет существование только с точки зрения некоторых наблюдаемых и измеряемых результатов. Но без объяснений процессов (хода развития), жизнеспособность может походить на феномен спонтанного восстановления, чему, как правило, противоречат результаты исследований [18; 27]. В работах, рассматривающих жизнеспособность как причину результата, делается попытка выявления личностных особенностей человека, которые позволяют ему противостоять стрессу; здесь жизнеспособность приравнивается к процессам сопротивления. Так, С.К. Кобэйса считает [24], что жизнеспособность отражает характеристики личности или окружающей среды, которые уменьшают влияние стресса. Жизнеспособность представляют как процесс, который развивается во времени и интеракции между человеком и его окружением [22]. Тем не менее такое представление жизнеспособности имеет свою отрицательную сторону, затемняя различия между защитными факторами и глубинными механизмами жизнеспособности [17]. При этом человек может извлечь выгоду из защитных факторов, не развивая жизнеспособности. Концептуализация жизнеспособности как результата или процесса приводят к сильно различающимся вопросам. Например, можно ли квалифицировать успешность учеников специальной школы для детей и подростков с девиантным поведением, как доказательство их жизнеспособности (так как изучение факторов риска присутствующих в их жизни предсказывает дальнейшее дезадаптивное поведение большинства из них?) [6]. Определяется ли их жиз-

неспособность вмешательством хорошо организованной социальной поддержки школьной команды и интеллектуальной компетентностью учеников, которые противодействуют неблагоприятным семейным и жизненным обстоятельствам? Да, если говорить о жизнеспособности как о результате воздействия эффективных унифицированных мер. Да, если говорить о процессе, тогда каждый фактор и его роль должны быть точно определенными и описанными, чтобы учитывать взаимодействие факторов риска и защитных факторов, формируя жизнеспособность учеников [42]. Еще одно слабое место в изучении концепта жизнеспособности состоит в вариациях природы результата; жизнеспособность практически не является всеобщим качеством, но является скорее специфической адаптацией к некоторым школьным, социальным или эмоциональным условиям, другими словами там, где жизнеспособные индивиды показывают наибольшую неуязвимость [29]. Жизнеспособность изменяется в зависимости от вида стресса, его контекста и иных факторов, которые определяются как факторы риска и защитные факторы. Индивид может быть жизнеспособен по отношению к одним специфическим стрессорам, но при этом неустойчив по отношению к другим, кроме того, жизнеспособность может меняться со временем и в разных условиях [31]. С. Ваништендаль считает, что жизнеспособность может находиться в латентном состоянии, но в силу различных событий, происходящих в жизни индивида, его способность сопротивляться разрушению и строить свою жизнь вопреки трудностям может «перейти в активную фазу» и даже усилиться. Результатом такого процесса является позитивное развитие в трудной жизненной ситуации [3]. Жизнеспособность не является только врожденным качеством или только продуктом окружающей среды. Наличие врожденных качеств и влияние среды можно разделить лишь условно.

Таким образом, в некоторых определениях как в образовании, так и в психологии, жизнеспособность обозначает адекватное развитие, несмотря на превратности [21; 38]. Примером могут служить дети, воспитывающиеся в хаотичных условиях эмоционально нестабильными родителями и не имеющие при этом психиатрического диагноза, когда они включены в позитивные отношения со сверстниками и с взрослыми в семье и в школе и нормально или успешно обучаются, в этом случае их можно назвать жизнеспособными [37]. В данном случае важна не столько нормальная индивидуальная компетентность, сколько враждебная окружающая среда. В ряде исследований [40] показывается, что жизнеспособность выступает не только как простое сохранение или возврат к норме, но **предполагает позитивное развитие, которое превосходит состояние, в котором индивид мог бы находиться, если бы не подвергся влиянию стресса**.

Таким образом, жизнеспособность становится источником дополнительной способности к адаптации, прежде отсутствующей, что обозначает также, что стресс способствовал жизнеспособности. В этом смысле предполагается, что **жизнеспособность охватывает спектр развития до его оптимального состояния** [28]. Эта концепция является на данный момент доминирующей и существенно доказывается в образовательном поле, в котором все действия ориентированы на обучение, компетентность и развитие.

Ф. Ларош, Д. Бурк, Б. Террис и Д. Куртнес [25] определили три основных модели жизнеспособности: компенсаторную модель, в которой риски окружающей среды, так или иначе, противопоставляются факторам защиты индивида, давая положительный или отрицательный результат; защитная модель, в ней факторы риска и защитные факторы взаимодействуют между собой, оказывая влияние на адаптацию; и модель вызовов – риски окружающей среды влекут за собой позитивный стресс для индивида, который стимулирует его компетентность и повышает способность к адаптации.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что жизнеспособность является широко распространенным явлением, которое затрагивает несколько областей развития и отражает положительную адаптацию, которая существует только в оппозиции к риску окружающей среды. Содержание понятия требует понимания динамики взаимодействия между риском и позитивной адаптацией во времени. Позитивная адаптация, при этом превышает восстановление и предполагает, что действие стресса на развитие может быть позитивным, позволяя при определенных условиях некоторым индивидам хорошо развиваться [42].

Значимость этого понятия определяется, во-первых, возможностью детерминировать адаптивные ресурсы человека и те качества, которые делают его уязвимым. А во-вторых, чрезвычайно важным является использование знаний о жизнеспособности человека в превентивной области, это относится, прежде всего, к редукции рисков, которые определяются по отношению к популяции группы риска [35]. В течение длительного времени интересы профессионалов были направлены в первую очередь на выборку населения, которая, вследствие полученных психологических травм, сложных жизненных ситуаций, или из-за серьезного кризиса дезадаптируется в своем окружении или в социуме. Таким образом, они оставляли без внимания тех, кто не только преодолевает препятствия без серьезного ущерба, но становится при этом сильнее перед лицом будущих жизненных трудностей [36]. Понятие жизнеспособность отражает идеал возможности достижений независимо от социального происхождения и условий взросления. «…С этой точки зрения ценность и смысл термина жизнеспособность относится к контрпрог-

нозу, лежащего в основе развития людей, которые находясь во враждебных условиях, должны были бы испытывать трудности в личном или социальном развитии» [42].

Исходя из этого мы приходим к выводу о необходимости рассмотрения особенностей жизнеспособности и социальной адаптации подростков и изучение взаимосвязей между ними.

В эмпирическом исследовании жизнеспособности и социальной адаптации подростков принимали участие учащиеся старших классов московских общеобразовательных школ и школы для детей с девиантными формами поведения (n = 186). Останавливая свой выбор на вышеперечисленных группах, мы предположили, что получим у них различную картину взаимосвязи социальных и личностных факторов с формированием жизнеспособности и социальной[1]. Знание такой картины, как мы надеемся, может способствовать дальнейшему практическому применению и разработке методов формирования жизнеспособности подростков и их социальной адаптации.

Для проведения сравнительного анализа особенностей жизнеспособности и социальной адаптации в двух группах: «адаптивные подростки» и «дезадаптивные подростки» был проведен факторный анализ методом главных компонент. Все переменные имеют высокие нагрузки (0,3 и выше) на компоненту, подтверждая тем самым хорошее качество решения факторного анализа [7].

1. Сравнительная характеристика особенностей социальной адаптации/дезадаптации в двух группах: «адаптивные подростки» и «дезадаптивные подростки».

Под социальной адаптацией мы понимаем процесс включения личности во взаимодействие с социальной средой, предполагающий ориентировку в ней, осознание проблем, возникающих в ходе этого взаимодействия, и нахождение путей их разрешения, выбор наиболее адекватной для нее деятельности в данных условиях с целью достижения соответствия между собой и социальной средой [11]. При этом социальную адаптацию мы рассматриваем как результат процесса активного приспособления индивида к условиям социальной среды, т.е. как состояние. Исследования адаптации индивида тесно взаимосвязаны с изучением факторов, в ответ на действие которых развивается процесс адаптации и формируется состояние адаптации. Эти факторы получили название адаптогенных факторов, которые можно разделить на внешние и внутренние факторы. Понятие внешнего и внутреннего фактора, по мнению В.И. Медведева, в общей теории адаптации следует применять так, как они используются в теории систем: внешний фактор находится вне системы, а внутренний – в ней самой [10].

Обращаясь к внутренним факторам, мы рассматривали психологические процессы (личностные и поведенческие характеристики), связанные с развитием и поддержанием системы жизнеспособности подростков и их социальной адаптацией: способы эмоциональной регуляции, мотивацию достижения, уровень субъективного контроля (локус-контроля), особенности самооценки, защитные механизмы и механизмы совладания, уровень эмоционального комфорта, доминирование и зависимость.

В отечественной и зарубежной психологии проведены многочисленные исследования в области проблемы личностной детерминации совладающего поведения и социальной адаптации. Эти исследования доказывают, что личностные черты и субъектные характеристики являются предикторами адаптивных возможностей субъекта (Анциферова, Бодров, Китаев-Смык, Леонова, Пономаренко, Лапа, Rice, Wong, и др.). Согласно Б.Ф. Ломову, личностные характеристики, имеющие свои содержательные и динамические стороны в соответствии с системным подходом в психологии, могут быть отнесены к наиболее общим психологическим категориям регулятивных, когнитивных и коммуникативных функций [9].

По данным нашего исследования социальная адаптация в группах *«адаптивные подростки»/ «дезадаптивные подростки»* положительно связана со следующими личностными и поведенческими характеристиками (табл. 1).

Таблица 1

Личностные и поведенческие характеристики, положительно связанные с социальной адаптацией в двух группах

Адаптивные подростки	Дезадаптивные подростки
Внутренний локус-контроль	Внутренний локус-контроля
Положительная самооценка	Положительная самооценка
Мотивация достижений	Мотивация достижений
Доминирование в отношениях	Доминирование в отношениях
Положительное отношение к другим людям	Положительное отношение к другим людям
Уровень эмоциональной регуляции	Уровень эмоциональной регуляции
Способ эмоциональной регуляции «взаимодействие с другими»	Способ эмоциональной регуляции «взаимодействие с другими»
«Решение проблем» как продуктивная копинг-стратегия	–

[1] Более подробно с результатами нашего исследования можно ознакомиться в диссертационном исследовании, выполненном под руководством А.В. Махнача [6].

Эти данные, как уже отмечалось выше, подтверждаются данными других исследований. Так, положительное влияние интернального локус-контроля на социальную адаптацию отмечается многими авторами (Муздыбаев, 1983; Быков, 2004; Реан, 1991, 2001; Крюкова, 2004; Ветрова, 2006; Сапоровская, 2003; Бодров, 2006 и др.).

Позитивное влияние положительной самооценки на уровень социальной адаптации согласуется с выводами других исследователей о том, что самооценка в значительной степени определяет социальную адаптацию индивида и воздействует на формирование его стиля поведения (Реан, 1993; Соколова, 1989 и др.). Самоуважение является важным ресурсом жизнеспособности и, как следствие, социальной адаптации (Ваништендаль, 1998; Венар, Кериг, 2004; Kobasa, 1979; Werner, 1993; Luthar, 1993; и др.).

Положительное отношение к другим людям – основная составляющая способности приобретать новых друзей и сохранять старых, что, несомненно, влияет на социальную адаптацию. Таким образом, мы видим, что социальная адаптация в обеих группах связана с одними и теми же личностными и поведенческими характеристиками.

Обратимся к внешним факторам, в качестве которых мы рассматривали средовые условия: взаимоотношения, (включают характеристики отношений со сверстниками, членами семьи, отношение к родительской заботе, оценку конфликтных / теплых отношений с родителями, сверстниками); социум, (включает оценку отношения к школе, досуг, ощущения безопасности, возможности получения образования); культуру, (включает принятие / отторжение традиций, культуры, отношение к молодежным движениям).

По данным нашего исследования социальная адаптация в группах *«адаптивные подростки»* / *«дезадаптивные подростки»* связана со следующими средовыми условиями (табл. 2):

Таблица 2

Взаимосвязь средовых условий с социальной адаптацией в двух группах

Адаптивные подростки	Дезадаптивные подростки
Взаимоотношения – положительная связь	Нет связи
Культура – положительная связь	Нет связи
Социум – отрицательная связь	Социум – отрицательная связь

Средовые условия взаимоотношений и культуры положительно связаны с уровнем социальной адаптации только в группе «адаптивные подростки». Полученные данные подтверждаются исследованиями, доказывающими, что в детерминации изменчивости большинства личностных характеристик наиболее мощным влиянием является индивидуальная среда. С подросткового возраста возрастные закономерности развития начинают уходить на второй план, уступая место, с одной стороны, индивидуальным различиям, а с другой – фактору культуры [15]. Детско-родительские взаимоотношения и общение с группой друзей и сверстников относятся к факторам индивидуальной среды, которая играет важную роль в формировании личностных характеристик. В свою очередь средовые условия социума в группе «адаптивные подростки» положительно связаны с уровнем социальной дезадаптации, и отрицательным отношением к другим людям. Культурно одобряется положительное отношение к другим людям, связанное с состоянием эмоционального комфорта и относящееся к личностным характеристикам, положительно связанным с уровнем социальной адаптации. В группе «дезадаптивные подростки» социум положительно связан с возникновением личностных и поведенческих свойств, связанных с социальной дезадаптацией, к ним относятся: низкая самооценка, недостаточный уровень эмоциональной регуляции, копинговая стратегия избегание.

Полученные результаты подтверждают данные У. Бронфенбреннера о негативном влиянии большого города на социальное и эмоциональное развитие ребенка [12; 19]. Различные исследования показывают, что агрессивная социализация детей обусловливает высокую вероятность агрессивных актов, «структурные характеристики общества предоставляют фон для возникновения проблем поведения, когда создают условия в обществе, мешающие усвоению социальных норм и развитию продуктивных социальных взаимоотношений» [12].

Таким образом, уровень социальной адаптации дезадаптивных подростков зависит только от их личностных качеств, возникновению, которых не способствуют средовые условия социума. Это объясняет тот факт, что по данным сравнения средних значений показателей, личностные и поведенческие характеристики, положительно связанные с уровнем социальной адаптации, имеют значительно меньшую количественную выраженность в группе «дезадаптивные подростки» по сравнению с группой «адаптивные подростки». В свою очередь, характеристики, отрицательно связанные с уровнем социальной адаптации, в большей степени выражены в этой группе по сравнению с группой «адаптивные подростки» (и здесь прослеживается отрицательное влияние социума) [6]. Следовательно, одной из причин возникновения социальной дезадаптации является недостаточная степень выраженности личностных и поведенческих характеристик, положительно связанных с уровнем социальной адаптации в изучаемых группах и избыточная выраженность характеристик, связанных с ним от-

рицательно, а также отсутствие взаимосвязи между средовыми условиями взаимоотношений и культуры и социальной адаптацией и отрицательная взаимосвязь с условиями социума. В результате мы наблюдаем в данной группе «низкую эффективность функционирования блока личностно-средовых ресурсов» [Сирота, Ялтонский, 1994, 1995, цит. по 14], являющуюся причиной возникновения дезадаптивного поведения.

2. Сравнительная характеристика особенностей жизнеспособности в двух группах: «адаптивные подростки» и «дезадаптивные подростки».

Результаты нашего исследования показали, что индивидуально-личностные характеристики, положительно связанные с жизнеспособностью, различаются в группах испытуемых. Так, у адаптивных подростков на первый план выходят: *уровень эмоциональной регуляции; доминирование в отношениях и мотивация достижений*. В группе дезадаптивных основными характеристиками, связанными с жизнеспособностью, являются *позитивная самооценка, положительное отношение к другим людям, внутренний локус-контроля (но только при наличии первых двух показателей), а также уровень эмоциональной регуляции и мотивация достижений* (что является общим для обеих групп). Индивидуально-личностные характеристики, отрицательно связанные с жизнеспособностью в обеих группах – *низкий уровень эмоциональной регуляции, зависимость в отношениях, копинговая стратегия «избегание»*. В группе дезадаптивных подростков очень важными характеристиками, отрицательно связанными с жизнеспособностью являются *отрицательная самооценка и негативное отношение к другим людям.*

Жизнеспособность в группе адаптивных подростков имеет отчетливо социальную природу и связана со средовыми факторами социума и взаимоотношений, а также с социальными способами совладания и эмоциональной регуляцией (активность этого уровня проявляется в том, что подросток обращается за помощью к другим людям [16]. Это подтверждает данные, полученные нами ранее, о слабом влиянии личностных качеств как ресурсе жизнеспособности в данной группе [8].

Таким образом, сравнительная характеристика особенностей «жизнеспособности» в двух группах показывает, что:

1. Жизнеспособность в группе дезадаптивных подростков в большей степени, чем в группе адаптивных подростков связана с личностными и поведенческими характеристиками, это объясняется отсутствием эффективной социальной поддержки и низким уровнем эффективности использования ресурсов среды.

2. В группе адаптивных подростков личностные и поведенческие свойства, положительно связанные с жизнеспособностью, выражены в большей степени, чем у дезадаптивных. Личностные и поведенческие характеристики, отрицательно связанные с жизнеспособностью в большей степени выражены в группе дезадаптивных подростков.

3. Личностные и поведенческие характеристики адаптивных подростков относятся к защитным факторам (факторам жизнеспособности). Личностные и поведенческие характеристики дезадаптивных подростков относятся к факторам риска, понижающим их жизнеспособность.

4. В группе дезадаптивных подростков низкий уровень жизнеспособности определяется недостаточной степенью выраженности личностных и поведенческих характеристик, положительно связанных с жизнеспособностью, и избыточной выраженностью характеристик, связанных с ней отрицательно; отсутствием эффективной социальной поддержки; низким уровнем эффективности использования ресурсов среды.

3. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков.

Известно, что жизнеспособность объединяет два измерения, которые относятся к динамическим процессам позитивной адаптации в контексте неблагоприятных обстоятельств [31]. Следует заметить, что речь при этом идет о психической адаптации, которую можно определить как «…процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, который позволяет индивидууму удовлетворять актуальные потребности и реализовать связанные с ними значимые цели (при сохранении физического и психического здоровья), обеспечивая в то же время **соответствие психической деятельности человека, его поведения требованиям среды»** [2]. Автор этого определения выделил три аспекта психической адаптации: собственно психический, социально-психологический и психофизиологический. Нами была выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь между жизнеспособностью подростка и его социальной адаптацией. Однако наше исследование выявило неоднозначную картину такой взаимосвязи. Так, в обеих группах мы получили в 1-м факторе наличие положительной взаимосвязи между социальной адаптацией и жизнеспособностью и отрицательной взаимосвязи между жизнеспособностью и социальной дезадаптацией, а в 3-м факторе такие взаимосвязи не прослеживались [6]. Объяснить этот факт можно тем, что, когда речь идет о позитивной адаптации, она не обязательно выражается в поведении, согласованном с общественными нормами. Очень важным для понимания этого феномена является **«соответствие психической деятельности человека, его поведения требованиям среды»** [2]. Соответственно адаптация к различным условиям среды предполагает различное поведение, и не всегда оно будет социально приемлемым. Так, напри-

мер дети улиц в развивающихся странах или молодежь из неблагополучных семей в «богатых странах», проявляют свою жизнеспособность, совершая акты «мелкой преступности» (воровство, распространение гашиша, хранение краденного), нарушая установленный социальный порядок. Речь идет, тем не менее, о подлинных фактах адаптации, которые позволяют им выживать в неблагоприятном для них обществе. Эти расстройства, известные как «маркеры ассоциализации», трактуются как таковые медико-социальными и юридическими службами. На самом деле они являются выражением жизнеспособности, помогающей им оставаться вне пределов досягаемости во враждебном мире [36]. Примером жизнеспособности может также послужить ребенок, средний интеллект которого мешает ему социально адаптироваться в интернате 8-го вида. В этом случае «хорошая» социальная адаптация с необходимостью повлечет за собой снижение интеллектуальных способностей ребенка.

Таким образом, адаптация к асоциальной среде, препятствует возникновению просоциального поведения. Помимо этого, как показали результаты нашего исследования, неблагоприятные условия социума способствуют формированию у дезадаптивных подростков индивидуальных и поведенческих характеристик, снижающих их жизнеспособность, таких как: негативное отношение к другим людям, низкая самооценка, защитный характер поведенческой активности. Причем основной личностной характеристикой, отрицательно сказывающейся на жизнеспособности дезадаптивных подростков, является негативное отношение к другим людям. Так, наше исследование показало, что даже в том случае, когда средовые влияния могли бы благоприятствовать развитию жизнеспособности девиантных подростков, а в специальной школе, где они обучаются, сделана попытка создать такие условия, где негативное отношение к помогающим им людям не позволяет таким подросткам получить социальную помощь в полном объеме. В результате мы видим, что помочь этим подросткам могут оказать только те люди, к которым они сами относятся позитивно, в противном случае помощь не будет действенной.

Результаты нашего исследования доказывают важность влияния средовых факторов на развитие жизнеспособности подростков. Так, жизнеспособность группы «адаптивные подростки» определяется средовыми условиями социума, и взаимоотношений, а также эффективным использованием средовых ресурсов и социальных способов совладания и эмоциональной регуляции. Полученные данные о воздействиях среды на развитие жизнеспособности индивида согласуются с результатами других исследований. С точки зрения С. Ваништендаля, «…социально поддерживающая среда, безоговорочно принимающая ребенка как личность», относится к одному из важнейших аспектов развития жизнеспособности ребенка [3].

Выводы

1. Жизнеспособность является важным ресурсом развития подростка. Однако взаимосвязь жизнеспособности подростков и их социальной адаптацией не валяется однозначной. Адаптация к различным условиям среды предполагает различное поведение, и не всегда оно будет социально приемлемым. Так, адаптация к асоциальной среде, препятствует возникновению просоциального поведения.

2. Уровень социальной адаптации дезадаптивных подростков зависит только от их личностных качеств, возникновению которых не способствуют средовые условия социума.

3. Установлено, что личностные и поведенческие характеристики адаптивных подростков и средовые условия их развития относятся к защитным факторам (факторам жизнеспособности). Личностные и поведенческие характеристики и средовые условия развития дезадаптивных подростков относятся к факторам риска, понижающим их жизнеспособность. Низкий уровень жизнеспособности дезадаптивных подростков определяется недостаточностью психологических и средовых ресурсов.

4. Основными ресурсами жизнеспособности подростков являются средовые ресурсы, к которым относится система взаимоотношений и связанные с ними *социальные* способы совладания и эмоциональной регуляции.

5. Сравнивая особенности жизнеспособности в обеих группах, отмечаем:

а) в группе адаптивных подростков личностные и поведенческие свойства, положительно связанные с жизнеспособностью, выражены в большей степени, чем у дезадаптивных подростков. Жизнеспособность этой группы определяется также средовыми условиями социума и взаимоотношений, а также эффективным использованием средовых ресурсов и социальных способов совладания и эмоциональной регуляции;

б) в группе дезадаптивных подростков низкий уровень жизнеспособности определяется недостаточной степенью выраженности личностных и поведенческих характеристик, положительно связанных с жизнеспособностью и избыточной выраженностью характеристик, связанных с ней отрицательно; отсутствием эффективной социальной поддержки; низким уровнем эффективности использования ресурсов среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев, Б.Г.* Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968.

2. *Березин, Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Л.: Наука, 1988.

3. *Ваништендаль, С.* «Резильентность» или оправданные надежды. Раненный, но непобежденный / С. Ваништендаль. – Женева: Bice, 1998.

4. *Джидарьян, И.А.* Гуманистический смысл идей Б.Г. Ананьева о системном человекознании / И.А. Джидарьян // Методология комплексного человекознания и современная психология; ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С. 29-43.

5. *Крюкова, Т.Л.* О методологии исследования и адаптации опросников диагностики совладающего поведения / Т.Л. Крюкова // Психология и практика. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – С. 66–72 . С. 261

6. *Лактионова, А.И.* Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: дис. … канд. психол. наук / А.И. Лактионова. – М., 010.

7. *Лактионова, А.И.* Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: автореф. дис. … канд. психол. наук / А.И. Лактионова. – М., 2010.

8. *Лактионова, А.И., Махнач А.В.* Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков / А.И. Лактионова, А.В. Махнач // Ребенок в современном обществе; ред. Л.Ф. Обухова, Е.Г. Юдина. – М., 2007. – С. 184–191.

9. *Ломов, Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984.

10. *Медведев, В.И.* Адаптация человека / В.И. Медведева. – СПб.: Ин-т мозга человека РАН, 2003.

11. Миллер, Л.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в новой социальной среде: проблемы исследования / Л.В. Миллер // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С. 149–168. С. 159.

12. *Мэш, Э.* Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка / Э. Мэш, Д. Вольф. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007

13. *Сергиенко, Е.А.* Субъектная регуляция совладающего поведения / Е.А. Сергиенко // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы; ред. А.Л. Журавлев, Т.Л. Крюкова, Е.А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С. 67–83.

14. *Толстых, Н.Н.* Хронотоп: Культура и онтогенез / Н.Н. Толтых. – Смоленск–М., 2010.

15. *Фоминова, А.Н.* К вопросу о причинах эмоционального дискомфорта ребенка в процессе обучения и возможностях эмоциональной саморегуляции / А.Н. Фоминова // Психология психических состояний. – Вып. 4. – Казань, 2002. – С. 313–324.

16. *Bartelt, D.W.* On resilience: questions of validity // Educational Resilience in inner-city America: Challenges and prospects. / M.C. Wang, E.W. Gordon (eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. – P. 97–108.

17. *Bonnano, G.A.* Loss, trauma and human resilience: have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? / G.A. Bonnano // American Psychologist. – 2004. – Vol. 59. – P. 20–28.

18. *Bowlby, J.* Attachment and Loss: Volum 1: Attachment. The International Psycho-Analytical Library, 79: 1-401. – London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1969. – P. 7

19. *Bronfenbrenner, U.* Nature with Nurture: A reinterpretation of the evidence / U. Bronfenbrenner // Race and IQ / A. Montague (ed.). – N.Y.: Oxford University Press, 1975. – P. 114–144.

20. *De Tychey C.* L'adversité: les fondements dynamiques de la resilience / *De Tychey C.* // Cahiers de psychologies clinique. – 2001. – Vol. 1. – № 16. – P. 49–68.

21. *Egeland, B.* Resilience as process / B. Egeland, E. Carlson, L.A. Sroufe // Development and psychopathology. – 1993. – Vol. 5. – P. 517–528.

22. *Garmezy, N.* The experimental study of children vulnerable to psychopathology // Child Personality and Psychopathology: Current Topics / A. Davids (ed.) – Vol. 2. – New York: Wiley, 1976. – P. 171–216.

23. *Kaplan, H.B.* Toward an understanding of resilience // Resilience and positive life adaptations / M.D. Glantz, J.L. Johnson (eds.). – New York, NY: Academic/Plenum publishers, 1999. – P. 17–82.

24. *Kobasa, S.C.* Stressful life events personality and health: an enquiry into hardiness / S.C. Kobasa // Journal of personality and social psychology. – 1979. – Vol. 37. – P. 1–11.

25. *Larose, F.* La résilience scolaire comme indice d'acculturation chez les autochtones: bilan de recherches en milieux innus / F. Larose, J. Bourque, B. Terrisse, J. Kurtness // Revue des sciences de l'Éducation. – 2001. – Vol. 27. – P. 151–180.

26. *Linley, P.A.* Positive change following trauma and adversity: a review / P.A. Linley, S. Joseph // Journal of Traumatic Stress. – 2004. – Vol. 16. – P. 601–610.

27. *Linley, P.A.* Positive change following trauma and adversity: a review / *P*.A. Linley, S. Joseph // Journal of Traumatic Stress. – 2004. – Vol. 16. – P. 601–610.

28. *Luthar, S.S.* Annotation: methodological and conceptual issues in the study of resilience / S.S. Luthar // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 1993. – Vol. 34. – P. 441–453.

29. *Luthar, S.S.* Poverty and children's adjustment / S.S. Luthar. – Newbury Park, CA: Sage, 1999.

30. *Luthar, S.S.* The construct of resilience : a critical evaluation and guidelines for future work / S.S. Luthar, D. Cicchetti, B. Becker // Child Development. – 2000. – Vol. 71. – P. 543–562.

31. *Manciaux, M.* La résilience: résister et se construire / *M. Manciaux*. – Genève: Médecine et Hygiène, 2001.

32. *Masten, A.S.* Resilience in individual development : successful adaptation despite risk and adversity / A.S. Masten // Educational Resilience in inner-city America: challenges and prospects / M.C. Wang, E.W. Gordon (eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. – P. 3–25.

33. *Masten, A.S.* Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity / A.S. Masten, K.M. Best, N. Garmezy // Development and Psychopathology. – 1990. – Vol. 2. – P. 425–444.

34. *Meyers, J.* Primary prevention in school settings / J. Meyers, B.K. Nastasi // The handbook of School psychology / B. Gutkin, C.R. Reynolds (eds.). – NY: Wiley and Sons, 1999. – P. 764–779.

35. *Maestre, M.* Entre résilience et résonance: à l'écoute des emotions / M. Maestre. – Paris: Fabert, 2010.

36. *Radke-Yarrow M., Sherman T.* Hard growing: children who survive // Risk and protective factors in the development of psychopathology / J. Rolf, A.S. Masten, D. Cicchetti, K.H. Neuchterlein, S. Weintraub (eds.). – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1990. – P. 181–214.

37. *Rutter, M.* Resilience, competence, and coping / M. Rutter // Child Abuse and Neglect. – 2007. – Vol. 31. – № 3. – P. 205–209.

38. *Rigsby, L.C.* The Americanization of Resilience: deconstructing Research practice // Educational Resilience in inner-city America: challenges and prospects / M.C. Wang, E.W. Gordon (eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. – P. 85–96.

39. *Shaefer J.A., Moos R.A.* Life crisis and personal growth // Personal coping: theory, research and application / B.N. Carpenter (eds.). – Westport, CT: Praeger, 1992. – P. 149–170.

40. *Tarter R.E., Vanyukov M.* Re-visiting the validity of the construct of Resilience // Resilience and positive life adaptations / M.D. Glantz, J.L. Johnson (eds.). – New York, NY: Academic/Plenum publishers, 1999. – P. 85–100.

41. *Théorêt, M.* La résilience, de l'observation du phénomène vers l'appropriation du concept par l'éducation / *M. Théorêt* // Revue des sciences de l'éducation. – 2005. – Vol. 31. – № 3. – P. 633–658.

42. *Wan M.C., Haertel G.D., Walberg H.J.* Educational resilience in inner cities // Educational Resilience in inner-city America: challenges and prospects / M.C. Wang, E.W. Gordon (eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. – P. 45–72.

43. *Werner E.E., Smith R.S.* Overcoming the odds: High risk children from birth to adulthood. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Р.Д. Санжаева

Ж.Б. Балданова

Санжаева Римма Дугаровна – доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).

Контактный адрес: rimmasan@pochta.ru.

Балданова Жалма Барадиевна – учитель начальных классов средней образовательной школы № 2 посёлка Могойтуй Агинского округа (Забайкальский край).

Контактный адрес: rimmasan@pochta.ru.

В статье представлен аспект опыта работы по нравственному воспитанию младших школьников на основе краеведческого материала. Краеведческая деятельность – это важнейшее средство нравственного воспитания младших школьников, так как данный возраст онтогенеза является сензитивным периодом морального развития личности, этнокультурный фактор – эффективное средство воспитания.

Программа нравственного развития построена на материале Агинского Бурятского национального округа Забайкальского края, который представляет собой самобытный, уникальный регион, соседствующий с Монголией и Китаем. Вместе с тем Ага имеет свои интересные, неповторимые исторические корни, которые сохраняются в современное время и служат ценным краеведческим материалом.

Ключевые слова: младший школьный возраст, нравственное воспитание, краеведческий материал, Ага, программа.

Изучение опыта реализации национально-регионального компонента в учебно-воспитательной работе школ Республики Бурятия и Агинского Бурятского округа позволило разработать комплексную программу формирования нравственной культуры младших школьников.

Начальные классы Могойтуйской средней школы № 2 обучаются по 6-дневной учебной неделе, что позволяет вводить региональный (национально-региональный) компонент и компонент образовательного учреждения во 2–4-х классах в объеме трех часов в неделю.

Комплексная программа формирования нравственной культуры младших школьников «Заншал гурим сахилгын соел»

Актуальность программы. Младший школьный возраст характеризуется процессом первичного осознанного восприятия окружающего мира, когда в мировоззрение растущего человека закладываются критерии нравственности, добра и зла. Данный возраст является одним из основных этапов формирования основ нравственной культуры, сензитивным для освоения принципов гуманной жизни (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Л. Колберг, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др.).

Методологическими основами построения программы и ее подпрограмм являются принципы развития, детерминизма, культуро- и природосообразности, концепция экологического образования Н.Ж. Дагбаевой [4; 5], идеи педагогики паломничества В.А. Гуружапова [3], этнопсихокультурная концепция готовности личности к деятельности в онтогенезе Р.Д. Санжаевой [6] и исследования в контексте проблемы нравственной культуры младших школьников [7].

В методической части программы авторов заинтересовала разработка Н.Д. Мелиховой, которая отмечает роль уроков истории в начальной школе, которая характеризуется многопредметной направленностью: развивает речь младших школьников, формирует умение отвечать на вопросы и подтверждать высказанные мысли текста.

В поиске путей обновления содержания воспитательного процесса педагоги пришли к необходимости строить внеурочную работу на основе знакомства учащихся с традициями народной культуры. Народная культура воплощена в доступных для младших школьников формах: играх, песнях, сказках, загадках. Это мир очень яркий и выразительный, и поэтому он интересен для детей.

Программа «Заншал гурим сахилгын соел» представляет собой план целенаправленного и комплексного педагогического процесса, включающего систему содержания, форм, методов и приемов обучения и воспитания, направленных на использование краеведческого материала в формировании нравственной культуры младших школьников.

Цель программы – формирование нравственной культуры младших школьников на основе использования краеведческого материала.

Ожидаемые конечные результаты программы:

– усвоение детьми нравственных ценностей, правил достойной жизни, представленных в традициях и обычаях народа;

– нравственные требования, предъявляемые обществом к личности, интериоризировались во внутренние стимулы развития личности каждого ребенка;

– формирование актуальных качеств личности (долг, честь, совесть, достоинство, толерантность, милосердие).

Решение задач нравственного воспитания в данной программе осуществляется через такие формы воспитательного воздействия, как этические беседы, конкурсы, экскурсии. Эффективным средством нравственного воспитания является коллективная творческая деятельность. Коллективное сотворчество, на которое ориентирует программа, ставит младшего школьника перед необходимостью прислушиваться к мнению товарищей, понимать и чувствовать их настроение, вырабатывает умение терпимо относиться к ошибкам других, осознавать чувства партнера, выражать свое понимание.

Программа включает в себя диагностический и содержательный блоки (табл. 1).

В рамках этого курса учащиеся получают знания:

– историко-краеведческие: история происхождения родов и племен, места их расселения, топонимика, особенности архитектуры и хозяйствования, традиционные ремесла бурят;

– по социальной истории: семейные обряды, система питания, особенности национального костюма;

– нравственно-этические: принципы взаимоотношения в семье, праздничный этикет, представления о достойно прожитой жизни, нравственные идеалы;

– эколого-краеведческие: традиции охраны природы, народный календарь;

– эстетические: искусство народных сказителей и т.д.

В центре внимания – народные праздники, национальные бурятские игры, пословицы и поговорки, песни, загадки, танцы и т.д.

Краеведческая работа рассматривается нами в качестве стержня внеклассной работы в начальной школе. Формы краеведческой работы по пропедевтическому курсу истории: экскурсии и посещение музеев, школьные постановки, конкурсы на патриотическую тематику.

Цель, задачи и содержание программы. Цель программы «Агинский округ – моя малая родина» – осуществление пространственной и временной связи: далёкое прошлое человечества – длинная череда эпох и постепенное накопление наследия этих эпох – место и роль АО в истории Забайкальского края – становление и развитие АО в прошлом и настоящем – формирование гражданина-патриота Забайкальского края. Находясь в конце этой временной цепочки, каждый ученик способен почувствовать себя преемником культурного наследия, хранителем и участником истории края.

Работа по программе проводится последовательно в течение учебного полугодия (табл. 2).

Подпрограмма «Мир вокруг нас» входит в раздел «Моя малая родина»

Данный учебный курс является интегрированным, содержит материалы по гуманитарным дисциплинам. *Цель курса*: реализовать познавательный интерес к окружающему миру, истории и культуре родного края, родного народа через учебные занятия в виде бесед, конкурсов, игр, викторин, экскурсий, просмотр фильмов-презентаций.

Кроме знаний о родном селе, крае, школьники должны знать основные достопримечательности (музеи, театры, спортивные комплексы). Например, Агинский окружной краеведческий музей им. Г. Цыбикова является научным и культурно-просветительным центром округа. Здесь собрано около 7 тыс. экспонатов, раскрывающих материальную и духовную культуру бурятского народа. Наиболее ценные (уникальные) коллекции: (а) ювелирных украшений; (б) мемориальные вещи Г. Цыбикова; (в) археологическая; г) палеонтологическая.

При разработке содержания пропедевтического курса по истории АБАО мы использовали материалы Агинского окружного краеведческого музея им. Г. Цыбикова и Интернет-ресурсы (табл. 4).

Мы полагаем, что источниковедческая база пропедевтического курса истории должна содержать хрестоматийные и справочные материалы. Например, это могут быть природные памятники и заповедники Агинского округа (табл. 5).

В целом в пропедевтическом курсе истории хотелось бы реализовать мысль, высказанную Э. Холлом: «…национальная культура – это не просто обычай, который можно одеть или сменить, как костюм… Большая часть культуры остается скрытой и находится за пределами сознательного контроля, составляя основу основ человеческого существования».

Таблица 1

Блоки программы

Наименование блока	Цель педагогической деятельности	Формы педагогической деятельности
Диагностический	Проведение диагностических исследований поведения педагогов, учащихся и их родителей	Анкетирование, опрос, педагогические наблюдения, беседы
Воспитание духовности	Воспитание духовности (обогащение эмоционального мира школьников нравственными переживаниями, формирование милосердия и толерантности; вооружение учащихся знаниями о морали и нравственных нормах; формирование культуры общения)	Беседы
Родной язык	Воспитание любви к родной литературе, языку и через это – к Родине	Сочинения на темы «Я – россиянин», «Мир, в котором я живу». Конкурсы чтецов, сказителей
Нравственное воспитание в семье	Повышение компетентности родителей в нравственном воспитании школьников, организация сотрудничества школы и семьи по вопросам формирования нравственной культуры младших школьников	Педагогическое просвещение родителей, индивидуальные консультации, родительские собрания, участие родителей в организации соревнований, конкурсов, экскурсий

Таблица 2

Мероприятия по программе «Агинский округ – моя малая родина»

Наименование, описание и задачи этапа	Мероприятия	
	Начальная школа	Средняя и старшая школа
I этап (сентябрь–октябрь): «Мой дом, моя семья»		
Первая и самая основная для любого человека ячейка общества – это семья. Именно с неё начинается формирование понятий «Родина», «малая родина». Воспитание уважения к своей семье, гордости за свою семью, возрождение во многом утраченных в наши дни понятий семейной истории, семейной реликвии, семейной традиции	Своеобразная визитная карточка этой работы – выступление с рассказом «Моя семья». Тема рассказа выбирается самостоятельно: традиции семьи, семейные праздники или семейная история. *Конкурсы рисунков:* «Мой дом», «Мой воскресный день». Рассказ о члене своей семьи через семейную фотографию или какую-нибудь старинную вещь (чаще всего это рассказ о дедушке или бабушке – участниках ВОВ). Этот рассказ служит своеобразным мостиком к следующей форме работы, имеющей отношение ко II этапу	Конкурс «Загляни в бабушкин сундук» – рассказ о самой старинной вещи семьи, о том, как она появилась в семье (проводится в виде своеобразной выставки). Выполнение работ: «Моя родословная» (учениками из семей коренных жителей МПС). «Карты родословной» (учениками из семей приезжих). Эта работа также постепенно выходит за рамки I этапа и логично продолжается уже на следующем этапе. *Фотовыставка* или фотоконкурс «Фотография из семейного альбома»
II этап (ноябрь–декабрь): «Моя школа»		
На данном этапе происходит осознание школы как более широкого по сравнению домом понятия «Моя Родина». Очень важно воспитать не только потребителей, но и будущих хозяев своего дома – школы, любящих его и заботливо к нему относящихся. Начинается это с осознания того, что они – ученики – в школе главные действующие лица. Всё хорошее и всё плохое в школе зависит от них. Понимание своей роли в школе приведёт к созданию системы ученического соуправления	Традиционные трудовые дела. Конкурсы на лучшее украшение кабинетов и школьных коридоров к праздникам (День самоуправления, День рождения школы, Новый год, 8 Марта, Последний звонок и т.д.)	Помимо продолжения мероприятий первого этапа, изучение истории школы, работа с архивом школы, воспоминаниями бывших выпускников. Ведение фотолетописей школы и своего класса

Окончание табл. 2

Наименование, описание и задачи этапа	Мероприятия	
	Начальная школа	Средняя и старшая школа
III этап (январь–март): «Агинский округ – моя малая родина»		
	Изучение истории своей семьи и истории округа, переплетение их постепенно воспитывает бережное, даже трепетное к ним отношение. Со временем абстрактные понятия «ветеран войны», «ветеран труда», «пожилой человек» наполняются конкретным содержанием – твой дедушка, дедушка твоего одноклассника. И, как следствие, такая традиционная, но в то же время особенная форма работы, как подготовка поздравлений ветеранам ко Дню Победы, получает новое и более ощутимое содержание	
IV этап (апрель–май): «Мое родное село»		
Преподавание курса краеведения, которое ведётся в школе, подразумевает возможность для учеников применить свои знания в необычной обстановке по-новому их осмыслить. Это одна из главных мотиваций в процессе обучения	Экскурсии, которые проходят по плану в течение четверти. Очень важно, чтобы дети могли не только повторить услышанное от экскурсоводов, но и передать свои впечатления от увиденного. Традиционная форма работы после экскурсий – творческий отчёт: «Неделя истории АО»	

Таблица 3

Тематическое планирование курса

Содержание	Кол-во часов	Форма обучения
Раздел 1. Введение в курс		
1. Что такое природа и как люди её используют	1	Рассказ
2. Животные и растения на территории нашего края	1	Беседа
3. Игра «Знатоки природы»	1	Викторина
Раздел 2. Моя Родина		
4. Любимый уголок родного края	1	Рисование
5. Город Чита – столица Забайкальского края. Карта Забайкальского края	1	Заочное путешествие
6. Крупные населённые пункты Забайкальского края	1	Работа с картой
7. Населённые пункты Могойтуйского района	1	Беседа с картой
8. Мое село, моя улица, мой дом, моя семья, мои родственники, мои друзья	2	Рассказ
Раздел 3. Государственные символы России		
9. Государственный флаг России. Гимн России	1	Рисование, пение
10. Флаги и гимны стран мира	1	Викторина
Раздел 4. Жизнь в Забайкальском крае		
11. Растительный и животный мир. Природа	1	Просмотр слайдов
12. Занятия жителей нашего края	1	Беседа
13. Национальный парк «Алханай»	1	Рассказ
Раздел 5. Природа края в литературе		
14. Стихи о природе в творчестве А. Жамбалона для детей	1	Работа с текстами
15. Географические названия местностей АБАО в повести Ц.Б. Бадмаева «Серёжа в стране Будамшуу»	1	
16. Тема родной земли в творчестве Хандажаб Будаевой	1	
17. Ага степная. Стихи о природе в творчестве Цыбегмит Дамдинжаповой	1	
18. Животный и растительный мир Забайкалья в повести Г. Граубина «Четырёхэтажная тайга»	1	
19. Пословицы, поговорки, загадки о природе	1	
20. Интересные факты из местных журналов, газет	1	
Раздел 6. Мой округ на карте Забайкальского края		
21. Пос. Агинское – центр Агинского бурятского округа Читинской области		Изучение карты Читинской области
22. Крупные населенные пункты Агинского округа: пос. Агинское, пос. Могойтуй, пос. Дульдурга		Беседа, изучение данных СМИ
23. Заочное путешествие в пещеру Хээтэй		Изучение буклетов, видеоматериалов

Таблица 4

Тематическое содержание пропедевтического курса по истории АБАО

Тематика курса	Содержание
Древнее Забайкалье	Появление первого человека (100–40 тыс. лет назад); о. Бальзино (25 стоянок жителей каменного века). Охота (лук и стрелы), ловля рыбы (гарпуны и крючки), примитивное земледелие и зачатки скотоводства. Культура плиточных могил. Гунны в Забайкалье. Аттила. Забайкалье в составе государств сяньби, жужаней и древних тюрков
Забайкалье во времена объединения монгольских племен и создания единого Монгольского государства	
«Темная эпоха» (XIV–XVII вв.)	
Присоединение и вхождение бурят в Состав Российского государства	Переселение хоринцев из Южной Монголии в районы Приаргунья, Нерчинска, Аги. 1620-х гг. Летописи «Балжан хатанай тухай дурдалга». Встреча предводителя Агинских бурят Бабжи-Барас-батор на территории Могойтуйского района – местность Ушарбай («встреча»)
	Нерчинское воеводство. «Беглые люди». Служилые люди стали притеснять бурятское население: 1702 г. – делегация с челобитной Петру I. Указ 22 марта 1703 г.: «свесть служилых и сяких чинов людей по другую сторону Селенги… чтоб им иноземцам от их налог и обид вконец не разоритца»
Хозяйство и быт агинских бурят	Кочевое, пастбищное животноводство. Землепашество. Количество скота в ведомстве Агинской степной думы достигло в 1908 г.: 86 579 лошадей, 148 316 голов крупного рогатого скота, 388 453 овцы, 84 664 козы и 7 407 верблюдов
Главная инородческая управа в Агинске. Агинская степная дума	Агинский дацан. Даурская православная миссия. 1842 г. – первая школа в Агинске. 1891 г. – встреча будущего императора Николая Александровича у станции Дарасун
Дореволюционная история АБАО	Строительство Транссиба. Буряты-казаки в составе Забайкальского казачьего войска в Первой мировой войне. Видные ученые: Г. Цыбиков, Б. Барадийн, Ц. Жамцарано, Б. Рабданов, депутат II Государственной думы Б.Д. Очиров
В годы Советской власти	1918 г. – в горах Алханая, первые партизанские отряды Р. Вампилова, П. Амосова. Забайкальский фронт (С. Лазо)
	Агинский аймак в составе Бурят-монгольской автономной области Дальневосточной республики (ДВР). Г. Цыбиков – депутат Учредительного собрания ДВР и член правительства Буравтобласти
	Агинский аймак в составе Бурят-Монгольской АССР. Коммуна «Ажалчин» (создана в 1926 г. по инициативе коммунистов железнодорожной станции Бурятской и крестьянского поселения Ушарбай)
	Годы репрессий 1933–1938 гг. (гибель Л. Жабэ, Ц. Жамцарано, Б. Барадийна, Ч.Л. Базарона и др.). Разрушение буддийских дацанов и православных храмов
	26 сентября 1937 г. – образован Агинский Бурятский национальный округ в составе Читинской области
	Герои Великой Отечественной войны: Базар Ринчино и Александр Парадович, Бадма Жабон (Монгол), снайперы Семен Номогонов, Тогон Санжиев, Л. Эрдынеев, Ц. Жамсоев, Б. Шагдаров, Р. Цыренжапов, Ж. Абидуев и др. Танковая колонна «Агинский колхозник», авиаэскадрилья «Комсомолец Забайкалья»
Труженики Аги	«Забайкальская» тонкорунная порода овец. Б. Доржиева, Б.М. Мажиев – Герои Социалистического труда

Таблица 5

Памятники природы Агинского округа

Название	Описание памятника
«Хутага» (озеро Ножей)	Здесь обнаружены острые камни, которые использовались древними жителями для изготовления орудий труда. Археологические памятники: стоянки древних людей, плиточные могилы. Уникальные растения. Охраняемые степные животные
«Баатар» (урочище «Малый Батор»)	Пять гранитных останцев причудливой формы (верблюд, сердце, дом, корова, котел) расположены по кругу
«Тогоон-Шулуун» («Камень-котёл»)	Размеры гранитной глыбы: 6×5×3,9 м
«Хээтэй» (Узорчатая пещера)	Подземный грот (длиной 150 м) имеет три зала: большой ледяной зал, костяной зал, зал «юрта». Украшение пещеры: сталактиты, сталагмиты, кристаллики льда
Приложения	Схема маршрута по памятниками природы АО, план-схема пещеры «Хээтэй»

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балданова, Ж.Б.* Нравственная культура младших школьников и ее формирование в условиях поликультурного образования / Ж.Б. Балданова // Этнопедагогическое наследие народов Сибири и Центральной Азии в современном социокультурном пространстве: IV Волковские чтения; / науч. ред. С.В. Калмыков. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 77–80.

2. *Балданова, Ж.Б.* Формирование основ нравственной культуры младших школьников: учеб.-метод. пособие / Ж.Б. Балданова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – 50 с.

3. *Гуружапов, В.А.* Проблема психологического анализа педагогики паломничества в эстетическом воспитании современных детей / В.А. Гуружапов // Этнопедагогическое наследие народов Сибири и Центральной Азии в современном социокультурном пространстве: IV Волковские чтения; науч. ред. С.В. Калмыков. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 231–233.

4. *Дагбаева, Н.Ж.* Мир вокруг тебя: учеб. пособие для системы экологического образования / Н.Ж. Дагбаева. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1994. – 71 с.

5. *Дагбаева, Н.Ж.* Экологическое образование школьников в изменяющихся социоприродных условиях / Н.Ж. Дагбаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 278 с.

6. *Санжаева, Р.Д.* Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект / Р.Д. Санжаева, С.Б. Дагбаева. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2010. – 168 с.

7. *Студеникин, М.Т.* Методика преподавания истории в начальной школе / М.Т. Студеникин, В.И. Добролюбов. – М.: Владос, 2001. – 256 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛА В КОНТЕКСТЕ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫХ КРИЗИСОВ

Е.П. Ермолаева

Ермолаева Елена Павловна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда Института психологии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: ermlen@yandex.ru

Социальная адаптация профессионала рассматривается как функция произвольного субъекта, направленная на преодоление социогенных кризисов профессиональной идентичности. Приводятся теоретическая модель и результаты исследования профессиональной адаптации в условиях социально-экономических кризисов. Согласно теоретической модели для успешной профессиональной адаптации социально-профессиональная среда должна содержать прообраз разных вариантов стратегий адаптации к ее изменившимся нормам и ценностям. А профессионал должен обладать резервом толерантности: необходимой степенью открытости для принятия непривычных для него ценностей новой социально-профессиональной среды. Некоторые аспекты этой модели представлены в сравнительном психологическом исследовании социальной адаптации профессионалов в условиях трех профессиональных кризисов постперестроечной России, связанных со сменой социально-экономических формаций, внутренними реформами и глобализацией. В статье показано, что на разных стадиях постперестроечного периода преобладали различные стратегии социальной адаптации профессионалов: преодоление психологических барьеров путем борьбы старых установок с новыми социально-экономическими реалиями; постепенное осознание объективности сложившихся условий и освоение новых правил адаптационного поведения через альтернативный выбор стратегий; осознанное применение оптимальных адаптационных стратегий, адекватных утвердившимся социально-профессиональным отношениям.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, профессиональная идентичность, профессиональный маргинализм, социально-экономический кризис.

Психологические проблемы социальной адаптации профессионала наиболее выражены в условиях масштабных экономических кризисов, когда связи между элементами в системе «человек–профессия–общество» теряют свою устойчивость, профессиональные ценности утрачивают функцию индикатора и регулятора принимаемых решений, а неверные прогнозы служат фактором непредсказуемого и стихийного порождения социально неадекватных профессиональных действий [1; 2; 6].

У профессионала подобные явления приводят к кризису профессиональной идентичности, который субъективно переживается как внутренний конфликт, а внешне выражается в тех или иных адаптационных стратегиях поведения, конструктивных или деструктивных по своему результату [4].

Адаптация профессионала – это функция *произвольного* субъекта, поэтому она не может быть сведена только к приспособлению как одностороннему усвоению норм и ценностей среды. Полноценная адаптация невозможна без наличия в самой социальной среде необходимого диапазона вариативности, дающего индивиду возможность найти свой собственный способ самореализации в конкретной адаптационной стратегии. Для этого в социально-профессиональном пространстве должен быть заложен прообраз вариантов стратегий адаптации субъекта к ее изменившимся нормам и ценностям [3].

Если это условие не соблюдается, у профессионала формируется концепция враждебности социальной среды, которая становится ментальной основой известного феномена *психологического сопротивления изменениям*. Типичные формы психологического сопротивления изменениям в профессиональной сфере: уход (реальный или виртуальный), пассивное сопротивление (имитация деятельности или саботаж), активное противодействие (попытка повлиять на враждебную среду), деструктивная адаптация (рассогласование структуры притязаний и мотивационно-потребностной сферы).

Таким образом, для *конструктивной адаптации* профессионала [5] среда должна обладать определенной степенью открытости для разных типов субъектов *(вариативностью)*, а сам профессионал – резервом *толерантности*, т.е. необходимой степенью открытости для принятия иных, не привычных для него, ценностей социально-профессиональной среды. Различные сочетания индивидуальной толерантности и социальной вариативности представленные в системе двух координат, позволяют описывать известные в настоящее время разновидности социальной адаптации: прогрессивную и регрессивную, одностороннюю и взаимную, принудительную и добровольную, аллопластическую и аутопластическую. А также такую форму дезадаптации как про-

фессиональный маргинализм. Ниже приводится модель, отражающая наиболее существенные виды социальной адаптации профессионала (рисунок).

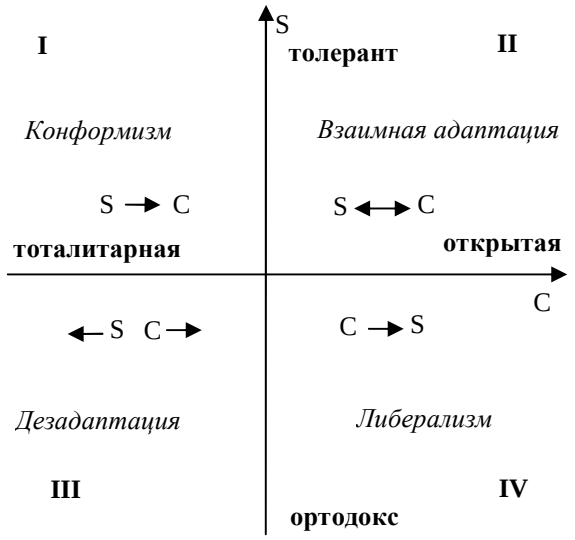

Рисунок. Базовая адаптационная модель профессионала: S – субъект, C – социальная среда

Квадрант I соотносится с *действующим пассивным профессиональным маргинализмом*, означающим «внутренний уход». Квадрант II включает все варианты *конструктивного преобразования идентичности профессионала*, приводящие к ее развитию. Квадрант III отражает ситуации профессионального *маргинализма с «истинным уходом из профессии»*. Квадрант IV отражает взаимоотношения субъекта и социальной среды, благоприятствующие развитию *действующего агрессивного профессионального маргинализиа* [4].

Для выявления реальных стратегий социальной адаптации профессионала в эту модель включен учет степени выраженности позитивных и негативных изменений социальной среды. Умеренные изменения социальной среды как позитивные, так и негативные, вызывают конструктивную профессионально-преобразовательную активность личности, а чрезмерные, в том числе и позитивные изменения приводят к стагнации или деструктивной реакции профессионала.

При умеренных изменениях социальной среды происходит активация ориентировочного поведения, что стимулирует творческую, поисковую и защитную активность профессионала, положительно окрашенную эмоционально, как при благоприятных изменениях среды, так и при неблагоприятных. Разница лишь в том, что при негативных изменениях среды больше выражены защитные тенденции, и преобразование идентичности идет преимущественно по типу конформизма, а при позитивных – происходит раскрытие резервных возможностей профессии и переход идентичности профессионала на более высокий качественный уровень.

В отличие от этого, слишком радикальные или быстрые социальные изменения провоцируют необратимые трансформации профессиональной идентичности, завершающиеся, как правило, разными вариантами отказа от профессии, ухода в другие сферы или принятием на себя теневых функций.

Однако в некоторых случаях, чрезмерные позитивные социальные изменениями, позволяют части профессионалов сохранить профессию путем поиска новых ее применений при условии смены ценностных приоритетов. А «уходы» в другие сферы деятельности происходят с использованием прежних профессиональных навыков. Либо в прежнюю профессию внедряются новые принципы и методы работы (например, коммерческие), делающие ее, по сути, другой.

Рассмотрим более подробно некоторые аспекты работы этой модели в сравнительном исследовании адаптации профессионалов к последствиям трех профессиональных кризисов в России: связанном со сменой социально-экономических формаций на рубеже 80–90-х гг. XX в., глобализационном российском кризисе 1998 г. и глобальном финансовом кризисе 2008 г.

Задача данного исследования состоит в том, чтобы показать, что на разных стадиях обозначенного исторического периода, начиная с перестройки до наших дней, преобладали различные стратегии адаптации: от преодоления психологических барьеров путем борьбы старых установок с новыми, еще не вполне уловимыми реалиями, – через освоение новых правил поведения и осознания сложившейся ситуации как объективной, но еще допускающей альтернативный выбор, – к распознаванию и применению практически безальтернативных адаптационных стратегий, адекватных уже вполне сложившимся социально-профессиональным отношениям.

Адаптационный резерв идентичности при смене социально-экономических формаций. Если в стабильных условиях психологическая идентичность служит основанием устойчивой согласованности внешних и внутренних компонентов профессиональной деятельности и инвариантности поведения, то в меняющейся социальной среде она выступает в качестве механизма регуляции и адаптации, определяющего, с одной стороны, границы применения старых эталонов и приемов труда, а с другой – возможные для данного субъекта направления изменения профессиональной ориентации вне этих пределов.

На рубеже 90-х гг. XX в. произошли три решающих события, которые отразились на профессиональной идентичности: 1) распад профессиональной структуры общества, сопровождаемый

разрушением соответствующих ценностных приоритетов; 2) коммерциализация профессиональной жизни, выразившаяся в легализации частного предпринимательства как профессии и в коммерциализации тех массовых профессий, которые традиционно несли социальную функцию помощи, защиты и т.п.; 3) разрыв связей между квалификацией и уровнем оплаты труда.

Среди личностных факторов, снижающих адаптационный резерв профессиональной идентичности, выделяются такие механизмы сопротивления изменениям, как психологическая защита самоценности собственной личности (феномен «вложенного труда»), свойственная высококвалифицированным специалистам, и «моральное старение», «психологический износ», являющиеся следствием длительного пребывания в одной профессиональной роли. Личностная основа успешной адаптации – склонность к разрушению стереотипов, присущая творческим людям и «первопроходцам», – заметно проявилась лишь в профессиональном становлении первых «акул бизнеса», оставив за бортом основную часть самодеятельного населения.

Показателями адаптационной динамики выступают *гибкость*, *мобильность* и альтернативная им *косность*. Однако профессиональная гибкость и мобильность – свелись в основном к мелкой торговле и «челночному» бизнесу, и то лишь у незначительной части бывших профессионалов. Ведущим психологическим барьером социальной адаптации оказалась профессиональная косность – свидетельство хронической неспособности к перемещению в профессиональном пространстве и выходу за его пределы. Хотя нельзя забывать, что «отрицательная» косность становится «положительной» константностью при характеристике тех специалистов и творческих работников, которые отождествляют себя с профессией и готовы терпеть лишения ради возможности заниматься любимым делом.

Более частные индивидуально-психологические факторы неблагоприятного прогноза профессиональной переидентификации в эти годы были связаны с неспособностью к саморазвитию и низкой автономностью личности, проявлявшихся, в частности, в недостаточной мотивации достижения, затруднениях в принятии и реализации решений, неадекватной оценке, низкой скорости реагирования на ситуацию, неспособности к риску, преобладании эмоционального компонента над рациональным, невосприимчивости к новой информации, усугубляющей профессиональный догматизм.

К этому стоит добавить неадекватные установки, содержащие как элементы социального и личного «мифотворчества» в профессиональной сфере, так и противоречия сознания, свойственные переходным ситуациям; сверхценные идеи, дающие очень устойчивую идентичность, но не всегда адекватную; профессиональную амбициозность, выражающуюся в преобладании желания «казаться» над стремлением «быть», – которые обнаруживают свою несостоятельность в условиях, требующих действенной активности от субъекта.

Исследования адаптационной динамики тех лет показали, что социальная ценность профессиональной идентичности относительна: чем радикальнее меняются условия, тем меньший адаптационный потенциал несет в себе профессиональная идентичность, как фактор устойчивости. Зато возрастает роль личностной идентичности, особенно в кризисные периоды при низкой социальной поддержке [4].

При этом могут самостоятельно и разнонаправленно проявляться три аспекта рассогласования – поведенческий, субъектный и мотивационно-ценностный, в разном сочетании дающие различные формы неидентичности. Назовем лишь крайние из них: а) профессиональный конформизм – подчинение себя чужому плану поведения (поведенческий аспект), которому соответствует подавление «Я», недооценка своего «Я» и психология «человека толпы» (субъектный аспект), преобладание массовых ценностей и тяготение к массовым профессиям (ценностный аспект); б) профессиональный фанатизм – подчинение других своему плану поведения (поведенческий аспект), сверхценность своего «Я» (субъектный аспект), несоответствие низкого уровня профессиональных предложений высокому уровню потребностей в профессиональной самореализации (ценностный аспект).

Оценивая результаты адаптации в меняющемся профессиональном пространстве на примере биографий конкретных людей, мы сделали вывод о необходимости разграничивать личностные, профессиональные и социальные компоненты психологической идентичности, по-разному обусловливающие ее адаптационный потенциал. При адекватной социальной установке на смену профессии личностная идентичность не влияет, но «профессиональный» компонент становится более пластичным и способным к более широкой идентификации.

Психологические особенности социальной адаптации профессионала в глобализирующемся мире. Профессиональный кризис конца 90-х гг. XX столетия мы рассматриваем в контексте болезненного вхождения России в глобальную экономику и психологического дискомфорта профессионалов, вызванного необходимостью оценить по-новому свое место и социальную роль в условиях не просто рыночной экономики, но рынка глобального.

В этом контексте психологические проблемы адаптации субъекта профессионального труда соотносятся с общими понятиями толерантности, космополитизма, которые применительно к про-

фессиональной сфере конкретизируется в расширенной трактовке профессиональной идентичности, как соответствия общецивилизационным критериям профессионализма, и наднационального профессионального универсализма [4].

Глобализация – процесс объективный, развивающийся по естественным законам; это данность, современная среда профессиональной и социальной активности субъекта труда. В теоретическом плане глобализация является рациональной моделью мира, предполагающей наличие космополитической способности сознания встать выше национальных или узкопрофессиональных интересов, т.е. апеллирует к приоритету общих целей и ценностей над узконациональными и групповыми (корпоративными, политико-партийными и т.д.), ассоциируется с положительно окрашенным понятием общего блага. Но вместе с тем глобализация, являясь жесткой прагматической моделью, неизбежно стягивает капитал и творческие человеческие ресурсы в центры мировой экономики в ущерб остальным регионам. Экономисты-прагматики при оценке глобализационных перспектив экономики России исходят исключительно из расчетных критериев экономической эффективности, без учета социального эффекта и потерь от психологического сопротивления профессионалов, неадекватных новым условиям. Отчасти поэтому психология глобализации не обрела массового характера в среде профессионалов: рядовому профессионалу ее ценности в лучшем случае безразличны, а в худшем – неприемлемы; глобализация совпала по времени со снижением жизненного уровня и потерей привычной работы, а подобные связи имеют тенденцию закрепляться в сознании как причинно-следственные.

В условиях глобализации каждый из элементов системы *человек–профессия–общество* приобретает новое качество соотносимости с метасистемой глобального мира. При этом возникает проблема критериев и параметров этой соотносимости. *Общество* уже не может рассматриваться в его национально-традиционной трактовке, понятие общества расширяется до метапонятия «весь цивилизованный мир». *Профессия* как сугубо прагматическая функция в рамках международного разделения труда, соотносится уже с наднациональными критериями эффективности; а как социальная функция профессия должна соответствовать общецивилизационным критериям и мировым стандартам социальной адекватности и безопасности. Как организационная структура профессия должна опираться на мировой уровень информационных и обеспечивающих технологий. *Человек* в условиях глобальной экономики лишается n-го количества степеней свободы в выборе сферы профессионального труда. Наиболее экономически эффективные сферы будут создавать условия для пополнения и воспроизводства профессионалами только своих отраслей. Многие ныне массовые профессии отмирают, другие преобразуются, приобретают большую прагматическую направленность, исчезают варианты. Редкие, трудоемкие, творческие профессии, требующие особых профессионально-важных качеств и дорогостоящего длительного обучения, становятся неэффективными в узкоориентированной на добывающие отрасли экономике, и в перспективе будут существовать лишь в немногочисленных научных и культурных центрах, а люди, обладающие уникальными природными задатками и способностями, окажутся невостребованными в своей стране (тенденция эта уже наметилась за последние 15 лет). Социальный результат – снижение общенационального уровня знаний и культурных потребностей населения. Психологический результат – неполная творческая и профессионально-статусная самореализация личности.

Общество, входя в структуру мирового рынка, вынуждено менять социальные приоритеты в соответствии с мировыми стандартами в сторону меньшей поддержки государством социальной сферы. При этом неизбежно понесут потери те профессиональные группы, которые еще сохраняют жизнеспособность за счет государственного дотирования. Они окажутся перед новым профессиональным выбором, что далеко не для всех приемлемо в силу разных причин: ментальных, морально-этических, материальных, физических, возрастных, образовательных. Говоря об образовательных ограничениях, здесь имеется в виду не недостаточность исходного уровня образования, а скорее наличие слишком высокого уровня образования, но иного профиля (известно, что сложнее осваивать новое, преодолевая старое, чем «с чистого листа»).

Это все – объективные процессы. Субъективно – трудно рассматривать свою страну как рядовое и не самое значительное звено, которое отведено ей в глобальном мире. Обычному человеку свойственно мыслить не макроглобалистскими масштабами, а соотносить все с личными потребностями, ценностями и интересами. И даже небольшое ущемление личных интересов будет в его сознании гораздо весомее любых аргументов в пользу объективной целесообразности или «временного характера» ущемляющих мероприятий.

Позитивные и негативные тенденции в сфере профессионального труда в условиях глобализации переплетены настолько, что их не всегда удается разделить.

Так, *унификация профессиональной ментальности*, сознания, ценностей, с одной стороны, формирует одновекторную профессиональную культуру, ориентированную на единые стандарты труда и

потребления, что приводит к нивелированию национальных особенностей труда и творчества.

Абсолютизация принципов *целесообразности* и *прагматизма* в обеспечении профессиональной сферы приводит к тому, что профессионально адекватные с позиции глобализации действия могут стать социально неадекватными в масштабах конкретного общества, социума, группы. Следует указать на особенности психосоциальных тенденций российской динамики профессиональной идентичности и маргинализма в условиях глобализации. В России существовал сложившийся за десятилетия своеобразный *советский профессионализм* и *советская профессиональная идентичность*, постепенно обретавшие за годы перестройки признаки деградации и профессионального вырождения, завершившегося к началу XXI в. формированием заметного слоя профессиональных маргиналов, отвергавших прежние советские профессиональные ценности, но так и не приобщившихся к общецивилизационным. Поэтому для формирования в России новой *глобально-ориентированной профессиональной идентичности* необходимо преодоление не только прежней профессиональной ментальности (что вполне закономерно для любой страны, изменяющей свой статус в глобальном мире), но и дезорганизующего и деморализующего влияния *профессионального маргинализма*, явившегося следствием потрясений от внутренних реформ.

Самоощущение многочисленных групп профессионалов как *жертв реорганизационного произвола* приводит к утрате профессиональной идентичности и к появлению «вынужденных» профессиональных маргиналов. Диссонанс разных срезов сознания профессионала служит питательной средой для укоренения идеологии антиглобализма, антирыночных настроений, особенно популярных среди представителей «отмирающих» профессий, нарастают и *иррациональные тенденции* в сознании, мировоззрении, поведении профессионалов.

В подобных проблемных и внутренних конфликтных ситуациях возможности адаптации выше у людей с широкой идентификацией; дистанцирование образа своей профессии от других – профессиональная самоизоляция – затрудняет адаптацию и «наведение мостов» при переходе в иное профессиональное пространство.

Нарушение согласованности в системе человек–профессия–общество действует на разных профессионалов по-разному: может привести к самомобилизации и стимулировать позитивную перестройку субъекта труда и трудовых функций: тогда оно выступит как фактор *развития*. Как фактор *опасности* может побуждать к социальной защите. Как фактор *враждебной среды* – вызывать со стороны субъекта активное сопротивление. И, наконец, оно может выступать как фактор *подавления* личности и *деградации* профессионала.

Стратегии адаптации профессионала в кризисных условиях мы расположили в системе двух координат. Первая, ***социально-личностная***, связана с принципиальными различиями в целях адаптации. Личности с *позитивной* доминантой выбирают одну из конструктивных стратегий адаптивного поведения: социально-адекватную, индивидуально-адекватную или функционально-преобразующую, которые по-разному решают проблему адаптации на основе сохранной идентичности. Носители *негативной* целевой доминанты выбирают деструктивную позицию и отказ от социально-профессиональной идентичности. Вторая координата, ***социально-субъектная***, характеризует ведущую тенденцию адаптивного *реагирования* на ситуацию. Уход, защита, приспособление, сопротивление, деформация, преобразование, – обусловлены социальной автономностью либо зависимостью, степенью активности, локус-контроля, а также тем, является ли профессия для человека средством самореализации, самоутверждения, выживания, – или привычкой, видом заработка и способом «убить время».

Например, к сохранению статуса в условиях глобализации стремятся не только истинные профессионалы, но и конформисты, а также – часть профессиональных маргиналов, привыкших использовать свое служебное положение в личных целях. Однако достигают они этого разными путями. Если профессионал старается нейтрализовать негативные изменения путем творческого поиска новых приложений своей профессии и рационального преобразования себя, а конформист просто пытается приспособиться, то маргинал разрушает профессиональную среду изнутри и замещает социально-полезную функцию профессии на социально опасную, «подгоняя» профессию «под себя».

Адаптивная способность профессионала зависит: от типа профессии и ее глобализационного потенциала, стадии профессионализации, возраста профессионала и его личностных качеств. Большей готовностью к адаптации обладают молодые люди, которые владеют основами профессии, инвариантной к культурным и национальным особенностям; не обременены узкой профессиональной специализацией и ментальностью; умеют продавать, подавать себя, оценивать выгоды и затраты на достижение тех или иных своих профессиональных притязаний; имеют склонность к переменам, не дистанцируют себя от понятия «весь цивилизованный мир»; способны перейти из состояния профессионала на уровень метапрофессионала путем преодоления стадии критицизма по отношению к своей профессии.

Ниже приводятся данные эмпирического исследования глобализационного потенциала выпу-

скников гуманитарных вузов проведенного между двумя кризисами с использованием разработанных нами методов [6], направленных на выявление психологических барьеров и коррекцию профессиональной идентичности в ответ на вызовы глобализации (в проведении исследования и обработке результатов принимала участие С.Ю. Манухина). Всего в исследовании участвовали 88 студентов: психологи и управленцы по персоналу. О перспективах и особенностях принятия идей глобализации заставляет задуматься один из результатов. Среди студентов бытует мнение, что процесса глобализации вообще как такового не существует (1/3 выборки), во-вторых, за глобальные изменения несут ответственность либо олигархи (1/2 выборки), либо никто (1/4 выборки), либо простые люди (1/4 выборки). Это указывает на отсутствие понимания самого процесса глобализации у будущих специалистов, и что немаловажно, отсутствие интереса к процессам в мире и тенденциям на рынке труда в своей стране, где им вскоре предстоит работать.

Социальная адаптация профессионалов в условиях глобального кризиса. Психологической особенностью изменений в системе отношений «человек–профессия–общество», связанных с последствиями глобального кризиса 2008 г., явилась более спокойная реакция на ухудшение ситуации в сфере профессиональной занятости, чем десятью годами ранее. Можно предположить, что люди либо настолько привыкли к потрясениям, что устали бояться, либо уже выработаны достаточно простые алгоритмы поведения и понятные правила игры в сфере отношений профессионала с обществом, которые позволяют прогнозировать ближайшие изменения ситуации в стране и своевременно адаптироваться к ним.

Одним из факторов стабильности можно считать укрупнение коммерческих структур (так как большинство мелких предприятий разорились еще до последнего кризиса) и обретение ими корпоративного «духа», выражающегося, в частности, в разных формах корпоративной поддержки сотрудников: бонусы, гарантии, льготы и т.д. Поэтому люди при решении проблем, связанных с профессиональной динамикой и адаптацией, в большей мере ориентируются не на глобальные модели или макросоциальные тенденции в стране, а на положение дел в своем ведомстве, фирме или на конкретном предприятии. По мнению Р. Салмона [7], на фоне возрастающего социального отчуждения работника и деморализации общественных отношений коммерческая компания становится точкой, где фокусируются современные проблемы, связанные с этикой и моралью, той ячейкой общества, где индивид получает необходимую ему осмысленность существования, консолидацию и безопасность.

Нами было проведено эмпирическое исследование адаптационного потенциала профессионалов в зависимости от уровня их идентичности/маргинальности, по опроснику «Глобидмар» [6], который содержит 66 вопросов, распределенных по шкалам: «Я и социум», «Я и профессия», «Социум и профессия», «Я и глобализация», «Профессия и глобализация», «Альтернативный профессиональный путь». По каждой шкале предусмотрены вопросы, отражающие три состояния: «вчера», «сегодня», «завтра».

Обработка результатов состояла в содержательном анализе выбранных ответов и построении «графа поступков» путем соотнесения их с двумя ведущими параметрами: возможность реализации в условиях кризиса и способы совладания с проблемами перепрофилирования (изменить ситуацию, изменить себя, уйти из профессии).

В исследовании участвовали несколько контингентов управленцев: 8 успешных менеджеров крупного автосалона (от 23 до 45 лет), 11 специалистов управления железных дорог, проходящих профессиональную переподготовку (от 30 до 46 лет), 32 чиновников муниципального и городского управления (от 26 до 59 лет), направленных на повышение квалификации. Обобщение результатов по всей выборке выявило следующие тенденции: молодые и успешные относятся к глобальному кризису как к объективному процессу, от которого выигрывют только олигархи и который мало затрагивает их лично. Тем не менее они готовы справляться с проблемами по сценариям «изменить ситуацию» и «изменить себя»: работать более напряженно, повышать квалификацию и даже сменить профессию на более востребованную на международном рынке труда. Специалисты старше 40 лет в оценке глобальных тенденций разделились: большинство считают, что глобализацию нам навязали, но даже те, кто оценивают ее как объективный процесс, испытывают беспокойство за свое будущее. У многих из них снизилась профессиональная и политическая мотивация и усилился интерес к частной жизни. В случае необходимости смены места работы респонденты разделились на две группы: ориентированную на потребности Москвы и на международный спрос. Однако поменять место жительства большинство не готовы; переехать в другую страну, чтобы не потерять профессию, выразил желание только самый молодой респондент 23 лет, обладающий личностной склонностью к переменам и гибкостью поведения. Большинство предпочитают «иное применение своим профессиональным навыкам» в своем городе, но не в других регионах страны. Следует отметить преобладание оптимистического взгляда на свое будущее и востребованность своей професиии во всех профессиональных и возрастных группах (среди менеджеров автосалона

таких 100 %), а также веру в способность справиться с проблемами своими силами. По выборке чиновников, исследование которых проводилось в два этапа (2009 и 2010 гг.), выявилось значительное возрастное различие по оцениваемым параметрам и изменение ведущей адаптационной тенденции в 2010 г., по сравнению с 2009 г. Если в 2009 г. в возрастной группе 40–60 лет большинство чиновников было готово к активному противодействию неблагоприятным обстоятельствам и изменению ситуации, чтобы остаться в профессии, то в 2010 г. преобладающей тенденцией стало намерение уйти из профессии. В группе 30–40-летних чиновников попрежнему преобладало намерение остаться в профессии путем совладания с проблемами по сценарию «изменить ситуацию», а наиболее молодые (до 30-ти лет) снизили свои амбиции и выразили готовность ради сохранения работы в управленческих структурах «изменить себя».

В целом можно сказать, что социальная адаптация профессионала всегда направлена на преодоление рассогласования между привычно-приемлемой в данном социуме моделью профессии и новыми стандартами ее социальной адекватности и безопасности. Исход адаптации зависит от степени привлекательности новой социально-профессиональной среды для субъекта и ресурсов толерантности самой среды для включения субъекта в систему своих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дикая, Л.Г.* Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований / Л.Г. Дикая // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы; отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – С. 17–41.

2. *Дикая, Л.Г.* Направления психологической адаптации профессионалов в условиях глобализации / Л.Г. Дикая, Е.П. Ермолаева // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2005. – № 4. – С. 140–150.

3. *Ермолаева, Е.П.* Идентификационные аспекты социальной адаптации профессионалов / Е.П. Ермолаева // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы; отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – С. 368–391.

4. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала / Е.П. Ермолаева. – М.: Ин-т психологии РАН, 2008. – 347 с.

5. *Ермолаева Е.П.* Принципы конструктивной адаптации профессионала в эпоху глобализации / Е.П. Ермолаева // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. (17–20 ноября 2005 г.). – М.: Психологический факультет МГУ, 2005. – С. 154–155.

6. *Ермолаева, Е.П.* Оценка реализации профессионала в системе «человек–профессия–общество» / Е.П. Ермолаева. – М.: Ин-т психологии РАН, 2011. – 176 с.

7. *Крылова, Г.Ю.* Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации в стрессогенных условиях деятельности / Г.Ю. Крылова, Л.Г. Дикая // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы; отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – С. 483–506.

8. *Салмон, Р.* Будущее менеджмента / Р. Салмон. – СПб.: Питер, 2004 – 298 с.

НАПРАВЛЕННОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Л.Г. Дикая

В.И. Щедров

Дикая Лариса Григорьевна – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии труда Института психологии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: dikaya@psychol.ras.ru

Щедров Виктор Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Балашовского филиала Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Контактный адрес: psychology@bfsgu.ru

В статье предложен подход к определению механизмов и структуры индивидуального стиля саморегуляции функционального состояния субъекта труда. Выделены четыре основных психофизиологических стиля психической саморегуляции по соотношению показателей трофо/эрготропного реагирования, уровня экстра/интраверсии и профиля психической вариабельности личности. Обоснован тезис о том, что несовершенство активационных механизмов и механизмов психодинамического уровня и нарушение баланса между ними формируют неоптимальный стиль саморегуляции. Структура психической вариабельности личности в определенной степени предопределяет, компенсирует или усиливает недостатки индивидуального стиля саморегуляции функционального состояния. Наиболее адаптивными и стрессоустойчивыми являются субъекты, у которых затраты энергии соответствуют их ресурсам или быстро пополняются как за счет врожденных свойств, так и при условии владения разнообразными способами и приемами саморегуляции состояния, помогающими им быстро и успешно восстанавливать свои ресурсы.

Ключевые слова: функциональное состояние, психофизиологическая саморегуляция, индивидуальный стиль, ориентация на деятельность и состояние, эрго/трофотропное реагирование, экстра/интраверсия, психическая вариабельность личности.

Введение. Задача повышения эффективности общественного производства связана с улучшением условий труда, с совершенствованием и гуманизацией производственных отношений, а также с необходимостью оптимизации психических и психофизиологических состояний субъекта труда. В многочисленных работах показано, что психофизиологическое или функциональное состояние (ФС или ПФС) является важнейшим условием надежности профессиональной деятельности и успешности адаптации к изменяющейся профессиональной среде, профессионального и личностного здоровья профессионала. В настоящее время в процессе адаптации детально анализируется весьма обширный круг качественно неоднородных функциональных состояний, диагностика и типология которых до сих пор является достаточно трудным делом [11].

В психологии труда накоплено большое количество данных, свидетельствующих о непосредственной связи ФС с эффективностью деятельности, о деструктивном воздействии особых условий на деятельность и функциональное состояние (ФС) человека, вследствие возникающего в этих условиях несоответствия между возможностями человека и объективными требованиями деятельности. Развитие неблагоприятных ФС в этих условиях приводит к еще большему возрастанию стрессогенности ситуации и, как следствие, к необходимости разрешения возникающих у работающего человека затруднений и проблем не только в профессиональной деятельности, но и в преодолении неблагоприятных функциональных состояний, развивающихся в этих условиях

При нашем подходе к адаптации, к длительному воздействию «особых условий как процессу сохранения продуктивной деятельности и надежности деятельности при высокой работоспособности человека, адаптация может осуществляться как за счет переструктуирования различных подсистем психологической системы профессиональной деятельности, так и за счет возможностей и способностей человека к саморегуляции ФС. Ведущей на разных этапах адаптации становится саморегуляция ФС, позволяющая оптимально организовать деятельность и целенаправленно изменять психофизиологическое состояние человека. Поэтому саморегуляция ФС может быть представлена как результат функционирования целостной самоуправляемой системы, активность которой обеспечивается взаимодействием отдельных ее подсистем, что порождает новые интегративные качества, не присущие отдельным образующим подсистемам.

Поэтому решение задач оптимизации профессиональной деятельности, по мнению таких ученых как В.А. Бодров, 1971, Б.А. Вяткин, 1981, Л.П. Гримак, 1991, Л.Г. Дикая, 2003, Е.П. Ильин, 1983, А.Б. Леонова, В.И. и В.П. Медведевы, 1981, В.В. Моросанова, 2007, В.В. Семикин, 1986 и других, связано с совершенствованием систем саморегуляции функционального состояния человека.

Однако опыт и критический анализ показывают, что традиционные и новейшие системы саморегуляции состояния не всегда эффективны, так как они не всегда ориентированы на индивидуальные особенности субъекта, не достаточно учитывают сложность и иерархичность механизмов саморегуляции, строятся по жесткой схеме и мало варьируют в зависимости от задач, условий и требований деятельности. На разных этапах адаптации необходимы, во-первых, своевременная коррекция неоптимальных стилей саморегуляции состояния, сложившихся спонтанно в процессе жизнедеятельности или профессиональной деятельности человека, и, во-вторых, одновременно направленное обучение оптимальным способам саморегуляции ПФС.

В отличие от обучения профессиональной деятельности, обучение методам саморегуляции состояния часто принимает форму спонтанного научения отдельным навыкам самовоздействия, которые испытуемыми часто не осознаются, а иногда и не принимаются, то есть без учета сложившегося у субъекта индивидуального стиля саморегуляции. Однако ориентация только на отдельные приемы и способы саморегуляции ФС не обеспечивает ее эффективность, необходимы определенные действия, способы, приемы по саморегуляции как генетически обусловленные, так и сформированные в процессе направленного обучения. Еще Б.Ф. Зейгарник, анализируя существующие методы и направления в исследованиях саморегуляции с позиций теории деятельности, выделила два уровня саморегуляции: мотивационный, связанный с организацией общей направленности деятельности с помощью сознательного управления своей мотивационной сферой, и операционально-технический, связанный с сознательной организацией действия с помощью средств, направленных на его оптимизацию [6].

Поэтому предлагаемый нами системно-деятельностный подход к психической саморегуляции ФС как специфическому виду профессиональной деятельности, имеющей свой мотив, цель, действия, свою психологическую систему, позволил предположить, что психическая саморегуляция ФС может иметь свой индивидуальный стиль [3; 19; 26]. Этот подход позволяет и к обучению методам саморегуляции подходить как к целенаправленному профессиональному обучению, изучая, развивая и совершенствуя индивидуальный стиль саморегуляции состояния.

В этом случае основным становится вопрос, какие психологические механизмы определяют направленность саморегуляции субъекта – на саморегуляцию профессиональной деятельности или саморегуляцию состояний, какие механизмы определяют индивидуальный стиль саморегуляции ФС, способы и действия его реализуют?

Но если изучению индивидуального стиля профессиональной деятельности посвящен целый ряд работ, в которых выявлены механизмы, структура и составляющие различных стилей деятельности, проведены классификация и типологизация стилей, то проблемам исследования индивидуального стиля саморегуляции состояния уделялось значительное меньшее внимание. Между тем каждому человеку от рождения присущи определенные способы саморегуляции своего психического состояния, эффективные для него в той или иной степени. Индивидуальными являются также способности по восстановлению психофизиологических ресурсов саморегуляции состояния и по самоконтролю расходования этих ресурсов. Мы предположили, что баланс между индивидуальными особенностями психофизиологических механизмов, обеспечивающих эти возможности человека, может стать природной основой индивидуального стиля саморегуляции состояния, обеспечивая наиболее продуктивные для конкретной деятельности или ситуации функциональные психические состояния.

Как известно, впервые понятие «стиль» было предложено A. Adler в 1927 г. [28] для обозначения индивидуальных способов и стратегий поведения человека, способствующих компенсации его индивидуальных дефектов. В его понимании стиль жизни человек не создает, он складывается (формируется) в процессе его взаимодействия с социальной средой.

В отечественной психологии индивидуальный стиль исследуется преимущественно в аспекте целостной деятельности или произвольной активности. Проблема качественных индивидуальных различий в выполнении одной и той же деятельности, поставленная еще Б.М. Тепловым, стала предпосылкой к изучению стиля отдельных действий и деятельности – индивидуального стиля деятельности (ИСД) [21]. В.С. Мерлин под ИСД понимает уже не отдельные элементы деятельности, а их определенное сочетание (систему приемов и способов деятельности) с индивидуальными особенностями человека [12; 13]. Е.А. Климов ИС профессиональной деятельности рассматривает как обусловленную психофизиологическими особенностями индивидуально-своеобразную систему психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравновешивания своей (типологически обусловленной) индиви-

дуальности с предметными внешними условиями деятельности [8]. Им были выявлены значительные различия в способах выполнения деятельности, требующей экстренного реагирования (ткачи, спортсмены) в зависимости от степени инертности – подвижности нервных процессов испытуемых.

Б.А. Вяткин еще более усиливает роль в формировании стиля деятельности нервной системы и выделяет у учителей физического воспитания три стиля, обусловленные силой, подвижностью нервных процессов: организационно-коммуникативный, конструктивно-организационный и конструктивно-коммуникативный [1; 2]. Эти данные о роли психофизиологических и индивидуально-типологических качеств в формировании стиля деятельности, основной функцией которого является уравновешивание своей индивидуальности со средой, представляют большой интерес для нашего поиска детерминант стиля ПСР состояния. Но хотя стиль, как его определяют эти авторы, обусловлен психологическими (и психофизиологическими) механизмами, он не фатально детерминирован индивидуальными особенностями субъекта, а формируется как интегральный эффект взаимодействия субъекта и объекта его деятельности.

По мере развития и расширения данной проблематики понимание ИС постоянно дифференцировалось по видам деятельности, по преобладающим в этой активности психическим процессам и свойствам индивидуальности саморегуляции. Все более акцент в исследованиях ИСД ставился на его регуляторных свойствах.

Наиболее близко к нашим задачам представление о «стиле целенаправленной регуляции» (стиль саморегуляции), введенное О.А. Конопкиным [9; 10]. По его мнению, о наличии феномена общего стиля регуляции можно говорить лишь в том случае, когда индивидуальная структура и характерные для данного человека особенности регуляции имеют тенденцию устойчиво проявляться в различных жизненных ситуациях при произвольной организации человеком разнообразных видов деятельности и поведения в целях управления ими. Структура индивидуального стиля, по мнению автора, характеризуется особенностями соотношения ориентировочной, исполнительной и контрольной деятельности. О.А. Конопкин с коллегами, определив типы стилей, показали, что гармоничный тип регуляции характеризуется гармоничной развитостью и оперативностью психических подсистем, обеспечивающих различные регуляторные функции. Индивидуальные различия проявляются лишь в специфических особенностях деятельности подсистем, обеспечивающих выполнение различных регуляторных функций. Примером такого стиля является стиль регуляции социально адаптированных личностей гипертимичного, демонстративного и педантичного типов. Продолжая исследования индивидуального стиля произвольной активности, В.И. Моросанова выделяет автономный, оперативный и устойчивый стили регуляции деятельности, которые свойственны субъектам с разными характерологическими особенностями и свойствами нервной системы, что особенно важно для нас. Наиболее оптимальным автор считает лабильных субъектов, которые при выполнении различных операций в своей деятельности используют разные стили и их сочетания [10; 14].

В ряде работ просматривается предположение о том, что не только индивидуальный стиль предметной деятельности или общения, но и стиль ведущей активности может стать условием, определяющим взаимосвязи между разноуровневыми свойствами [7]. Так, в работе Т.Б. Остроменской [16] излагаются результаты экспериментальной проверки гипотезы о возможности выработки ИСД у специалистов (операторов энергосистем), работающих по жесткому алгоритму. Ею доказывается, что индивидуальная подготовка данной категории работников будет более эффективна, если в нее включить формирование элементов ИСД. В работе обозначен подход к прогнозированию рационального для специалиста стиля деятельности с учетом уровня развития его профессионально важных качеств. Таким образом, в настоящее время ИС деятельности представляет собой систему индивидуально-своеобразных приемов, обеспечивающих успешное выполнение человеком определенной деятельности, основу которого составляют психофизиологические и психологические механизмы саморегуляции.

И это в наибольшей степени можно отнести к деятельности по произвольной саморегуляции различных психических состояний человека, в основе формирования которых участвуют психофизиологические механизмы, обеспечивающие выполнение различных регуляторных функций. И на примере эмоциональной саморегуляции Л.Я. Дорфман показал, что она определяется системой разноуровневых свойств интегральной индивидуальности [4]. По его данным между операциями по эмоциональной саморегуляции и разноуровневыми индивидуальными свойствами существует многозначная зависимость. Отметим, что высокий уровень осознанного регулирования и гармоничная развитость отдельных звеньев регуляции не означают нивелирования индивидуальности, так как схожесть структуры регуляции, способов организации активности ни в коем случае не означает единообразия конкретных форм реализации этой активности. Доказательством являются результаты исследований, показавшие, что одинаковые по продуктивности особенности регулирования могут иметь в своей

основе различную личностно-типологическую основу. По существу стиль регуляции аккумулирует типичные для данной личности способы организации своей активности, и в этом смысле он является предпосылкой формирования индивидуальных стилей деятельности при овладении новыми ее видами. В работе Б.А. Вяткина [2], также обосновано, что в основе структуры интегральной индивидуальности лежат связи между разноуровневыми свойствами, взаимодействие которых осуществляется за счет одного или нескольких опосредующих звеньев. Можно сказать, что изменение связей между разноуровневыми свойствами индивидуальности определяют, какие действия, операции и промежуточные цели для решения задачи выбирает человек.

Для изучения индивидуальных особенностей саморегуляции состояния особенно важны работы В.С. Мерлина [12], H.S. Eysenck [30; 31], M. Luscher [34], O. Miksik [35], в которых описываются разноуровневые механизмы саморегуляции состояния, что позволило В.С. Мерлину и О. Микшеку не только исследовать работу нескольких механизмов одновременно, но и сформировать понятие интегральной индивидуальности или психической вариабельности. Общим и конструктивным элементом в этих двух теоретических концепциях является выделение системообразующего фактора, определяющего целостную структуру саморегуляции. Если в концепции О. Микшека в качестве такого системообразующего фактора выступает «психическая вариабельность», которая проявляется в готовности к определенной форме или способам взаимодействия с окружающим миром, то в концепции В.С. Мерлина таким системообразующим фактором является «индивидуальный стиль жизнедеятельности или деятельности», который служит опосредствующим звеном между различными уровнями интегральной индивидуальности. Благодаря этому стилю компенсируется и преодолевается отрицательное влияние каких-либо индивидуальных свойств.

В этих работах, в которых изучение индивидуальной саморегуляции строится либо по функциональному принципу – у О. Микшека [35], либо основывается на структурном подходе – у В.С. Мерлина [12], были определены психологические механизмы процесса саморегуляции деятельности, обоснована возможность определения интегральных характеристик психической индивидуальности и вариабельности личности, выявлена их изменчивость под влиянием работы в экстремальных условиях и в разных профессиональных группах.

Однако в напряженных и экстремальных условиях деятельности возникает необходимость расходования регуляторных ресурсов на поддержание необходимого уровня функционального состояния. В этом случае основным является вопрос, какие психологические механизмы определяют баланс между расходованием, накоплением и восстановлением ресурсов саморегуляции.

Необходимо было найти ту феноменологию определения индивидуального стиля саморегуляции состояния человека, в которой, наряду с индивидуальными стратегиями направленности саморегуляции, были бы представлены индивидуально-специфические свойства саморегуляции ПФС. Поэтому предметом нашего исследования стали индивидуальные различия в способах накопления и расходования психофизиологических ресурсов.

Физиологическую основу разных форм саморегуляции состояния может составить, по мнению Г. Айзенка [31], соотношение активации коры головного мозга и ретикулярной формации, участвующих в регуляции общего нервно-психического реагирования, а на психодинамическом уровне регуляции это проявляется в активности более высоких и интегративных уровней регуляции. Это позволило автору выделить две основные характеристики саморегуляции: психодинамическую – ориентированность человека либо на события и вещи внешнего мира, либо на свой внутренний мир (экстраверсия – интроверсия), и психофизиологическую – эмоциональную реактивность низкой или высокой степени выраженности (эмоциональная стабильность – нейротизм). Поэтому экстраверт увеличивает число воспринимаемых раздражителей до тех пор, пока не достигнет оптимального уровня возбуждения, а интроверт, достигнув чрезмерного возбуждения, предпринимает действия для снижения этого возбуждения до оптимального уровня. Поддержание оптимального уровня возбуждения становится определенной потребностью, которая формируется в онтогенезе. Оптимальным является уровень возбуждения, при котором индивид, выполняющий данные действия, несет наименьшие физиологические затраты и достигает наибольшей успешности.

Еще одним механизмом, определяющим эффективность процесса саморегуляции состояния, как показали результаты исследования индивидуально-психологических и личностных особенностей испытуемых, у которых преобладала та или иная форма ПСР состояния, является тип вегетативной саморегуляции [18; 25; 34]. По данным этих и других работ, активность вегетативной нервной системы обеспечивают механизмы саморегуляции на энергетическом уровне. Функция симпатического отдела ВНС состоит в экстренной подготовке организма к повышенной физической нагрузке: увеличивается тонус двигательных мышц, учащается дыхание и сердцебиение, повышается артериальное давление, что и определяет готовность человека к деятельности и т.д. Преимущественное возбуждение парасимпатического отдела ВНС вы-

зывает в организме противоположно направленные сдвиги, характерные для состояний покоя, безопасности и отдыха. При этом физиологические процессы перестраиваются в направлении восстановления энергетических резервов для будущей жизнедеятельности. В.В. Суворова [18] показала, что у людей с преобладанием симпатической системы наблюдается большая реактивность, возбудимость и изменчивость поведения, тогда как индивидам с преобладанием парасимпатической системы свойственно поведение, типичное для флегматика. Многоплановое расширение зоны эмоционального реагирования у человека способствует устойчивой активации симпатического отдела ВНС. Эти данные послужили К. Шипошу основанием для введения понятия эрго/трофотропного реагирования и разработки метода их количественной оценки [25].

Еще одним из природных механизмов, детерминирующим направленность неосознаваемых или осознанных действий по саморегуляции, является индивидуальная направленность стратегии саморегуляции регуляции, определяющая успешность преодоления препятствующих деятельности негативных переживаний, отражающихся на функциональном состоянии человека. К этим стратегиям Ю. Кулем были отнесены ориентация на деятельность (ОД) или ориентация на состояние (ОС), которые определялись нами в соответствии с теоретическими представлениями и по его методике [32; 33].

Гипотетический механизм, лежащий в основе этого феномена, по мнению Ю. Куля, состоит в существовании как минимум двух типов волевой регуляции. Первый тип – «Самоконтроль» (Selbstkontrolle), к которому относится традиционное понимание воли, был назван и характеризуется регуляцией, направленной на активное подавление факторов, выводящих систему из равновесия (например, конкурирующее намерение или неуспех в ходе деятельности). Это подавление осуществляется «волевым усилием» в традиционном смысле, которое сопровождается переживанием конфликта на сознательном уровне. ОД-испытуемые оказались способными вытеснять такого рода мысли, что позволяло им удерживать в статусе намерения мотивационные тенденции, связанные с продолжением деятельности.

При втором типе «Саморегуляции» (Self-regulation) система функционирует по «демократическому» принципу: эффект регуляции ОС-испытуемых складывается из совместной работы всех компонентов системы, из взаимодействия индивидуальных «воль» и не нуждается в контролирующих влияниях «верхов». Приход возмущающего воздействия перерабатывается сначала на локальном уровне, и лишь после этого задействуется произвольный уровень регуляции. Очевидно, что такой принцип регуляции является в ресурсном отношении более экономным. Одним из гипотетических механизмов такой переработки может служить, по мнению Ю. Куля, классический механизм вытеснения. Существование этих двух типов регуляции находит подтверждение в объективных электрофизиологических данных [22; 23].

Наши данные подтвердили, что ОД-испытуемые показывают более высокую продуктивность деятельности (выполнение психофизических задач), используют более эффективные когнитивные стратегии («гибкая» и «мобилизационная»), обладают более эффективным механизмом перераспределения ресурсов. Эти испытуемые осуществляют более эффективный контроль за негативными переживаниями, и у них преобладает положительная самооценка состояния. ОС-испытуемые более сензитивны к влиянию изменяющихся условий, и поэтому их усилия по саморегуляции направлены преимущественно на регуляцию своего ПФС. Если пользоваться понятийным аппаратом теории деятельности, можно предположить, что рефлексия состояния у ОС-испытуемых в условиях РНД трансформируется из средства по регуляции деятельности в цель по саморегуляции своего состояния. Одной из предпосылок такого перехода является повышенная значимость для субъекта нахождения в том или ином состоянии. Это нашло подтверждение в работах В.В. Семикина и Л.Г. Дикой [3; 19], показавших, что у субъектов, обученных методам произвольной регуляции состояния, также происходит трансформация действий по саморегуляции деятельности в действия по саморегуляции состояния, что во многих случаях оказывает позитивное влияние и на эффективность профессиональной деятельности и процесс адаптации в целом. Но в определенных видах деятельности, например, в процессе выполнения сенсорно-перцептивной задачи, как показано А.Н. Гусевым [23], применение произвольной саморегуляция ФС ведет к отвлечению внимания от предмета профессиональной деятельности и резкому снижению продуктивности обнаружения сигнала [3], т.е. действия по саморегуляции как бы отнимают внимание и ресурсы от профессиональной деятельности. А при неразвитости навыков саморегуляции состояния у человека даже у ОС-испытуемых происходит избыточное «распыление» ресурсов, которое ухудшает не только выполнение деятельности, но и само состояние. Например, применение аутотреннига, дыхательной йоги, физических упражнений, которые в качестве средств саморегуляции могут быть применены после или в перерывах работы.

В то же время в наших исследованиях адаптации профессионалов к деятельности в экстремальных условиях было выявлено, что в разных видах деятельности, на разных этапах адаптации в струк-

туре саморегуляции деятельности и состояния во взаимосвязи с когнитивными, эмоциональными, мотивационными и волевыми процессами активно участвуют активационно-энергетические процессы и механизмы [3; 19; 22–24; 26; 29]. Наиболее активно *активационно-энергетические* процессы участвуют в обеспечении процессов инициирования и планирования действий в начале работы и в период преодоления стартового психического напряжения, в *напряженных условиях деятельности, а также* в критический или завершающий периоды адаптации. В последние периоды к ним активно подключаются волевые процессы, реализуя процесс контроля за намерениями, целями и их реализацией, а также за негативными переживаниями, отражающихся на функциональном состоянии человека и определяющих успешность деятельности и совладание с неблагоприятными состояниями, препятствующими профессиональной адаптации [23; 24].

В то же время на начальных этапах деятельности, когда субъект определяет цели и задачи своей деятельности, обосновывает стратегию своих действий, максимально представлены *мотивационные процессы*, отражающие социальные цели и личностную значимость предстоящей деятельности. Необходимо отметить, что в этот период в обеих группах испытуемых преобладали иррелевантные эксперименту целевые структуры, связанные с жизнедеятельностью вне профессии, но в дальнейшем в процессе продолжительной деятельности или в стрессогенных условиях ее выполнения у ОД-субъектов в большей степени представлены цели, релевантные продолжению деятельности и в меньшей – регуляции ФС.

Это дало нам основание предположить, что индивидуальный стиль ПСР состояния должен определяться взаимодействием следующих механизмов: на физиологическом уровне – эрго/трофотропного реагирования (по Шипошу), на психодинамическом – экстра/интровертированности (по Айзенку), на личностном – индивидуальной стратегией контроля за действием (по Ю. Кулю), что позволит, на наш взгляд, создать объективную картину многообразия индивидуальных устойчивых стилей регулирования поведения в соответствии с требованиями профессиональной деятельности. Сбалансированность деятельности этих механизмов и является, по нашему предположению, условием хорошего самочувствия и настроения, высокой работоспособности и надежности. Такой подход к определению стиля саморегуляции состояния отвечает таким требованиям системного подхода, как комплексность и специфичность, способность к изменению при достаточной стабильности в изменяющихся условиях, континуальность при одновременном стремлении к балансу, связь с несколькими компонентами системы саморегуляции при одновременном доминировании в каком либо одном компоненте.

Этот выбор достаточно обоснован, так как в физиологии и психологии эти характеристики являются интегральными характеристиками человека и как организма, и как личности. Именно существование в структуре личности устойчивых, обобщенных черт и позволяет человеку, по мнению В.М. Русалова, оптимально расходовать свои энергодинамические ресурсы [17].

Поэтому в нашем исследовании для оценки индивидуального стиля саморегуляции была включена и оценка психической вариабельности личности, основанная на концепции О. Микшека, в соответствии с которой психическая вариабельность личности представляет собой интегрированный сплав врожденных и приобретенных стратегий реагирования и готовности к определенной форме или способу взаимоотношения со средой [35]. Согласно его представлениям, психическая интегральность – это комплексная, относительно замкнутая и одновременно разомкнутая интегративная система всех уровней психической саморегуляции, возникающая на базе внутренних врожденных предпосылок и в зависимости от условий существования человека. В описываемой О. Микшеком структуре психической вариабельности рассматривается система компонентов только психологического уровня, поэтому анализ их одновременно с нижележащими иерархическими уровнями природных свойств индивидуальности, будет более информативным для нашего исследования.

В соответствии с нашим представлением на саморегуляцию состояния как саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систем и как на специфический вид деятельности, в том числе профессиональной, индивидуальный стиль, определяется нами как результат взаимодействия регуляторных механизмов, иерархически организованных между собой динамически и многозначно.

Это позволило сформировать трехуровневую модель индивидуального стиля саморегуляции состояния, включающую уровни, определяющие природные и приобретенные характеристики стиля саморегуляции состояния. В соответствии с этой моделью на первом физиологическом уровне работает механизм энергетического обеспечения саморегуляции, на втором психодинамическом – механизмы, обеспечивающие поведенческую и эмоциональную активность и вариабельность, совместная деятельность которых определяет динамику адаптации личности в общении и работе (модель обоснована и экспериментально доказана в работах В.И. Щедрова, В.В. Семикина, Л.Г. Дикой [3; 29; 26 и др.]. В качестве показателей сбалансированности в работе этих механизмов регуляции нами были выбраны показатели: уровня суммарного отклонения от аутогенной нормы; уровня нейротизма; характеристик психиче-

ского состояния и психосоматического здоровья, стратегией, ориентированной на контроль за состоянием или действием (по Ю. Кулю).

Для доказательства этой нашей гипотезы были проведены эмпирические исследования, основная цель которых состояла в разработке типологии индивидуальных стилей саморегуляции состояний.

Методики. Экспериментальные исследования проводились В.И. Щедровым под руководством Л.Г. Дикой в лабораторных экспериментах и реальных условиях ткацкого производства на двух случайных выборках испытуемых. Первая выборка включала в себя 120 работниц ткацкого производства в возрасте 30–40 лет, вторую выборку составили студенты 1-го курса пединститута в возрасте 18–20 лет в количестве 107 чел. Такой выбор испытуемых был основан на предположении о различии в связях природных и социальных предпосылок саморегуляции с возрастом и профессиональными занятиями. Мы предполагали, что у студентов как более молодых людей вариативность во взаимосвязях механизмов саморегуляции разного уровня будет выше, что, с одной стороны, подтвердит классификацию структур психической вариабельности, полученную на выборке ткачей, а, с другой стороны, покажет, что с возрастом и профессионализацией разнообразие индивидуальных стилей саморегуляции уменьшается.

Для диагностики психофизиологических и психологических характеристик функционального состояния человека были использованы: тест дифференцированной самооценки функционального состояния (САН), разработанный В.А. Доскиным с соавторами [5], шкала личностной тревожности Ч. Спилбергера [20].

Для оценки оптимальности-не оптимальности индивидуального стиля саморегуляции в качестве дополнительных характеристик были использованы экспертные оценки производительности труда ткачих, качества их работы, данные здоровья, а также число больничных листов в течение года до и после эксперимента. В результате беседы выясняли ситуацию в семье и на работе, субъективную оценку испытуемыми своего здоровья.

Для оперативной диагностики ФС и определения энергетического уровня и типа вегетативной регуляции предъявляется восьмицветовой тест М. Люшера [34], по показателям которого вычислялись значения двух количественных показателей: вегетативного коэффициента – КВ [25], и показатель суммарного отклонения от аутогенной нормы – СО, оцениваемый по методике H. Wallnofer [30] и модифицированный А.И. Юрьевым [27].

Для измерения психодинамического уровня структуры саморегуляции состояния был выбран личностный опросник H.S. Eysenk [30]. В качестве показателей психологического уровня индивидуальной структуры ПСР состояния были использованы методы определения структуры психической вариабельности, определяемой с помощью опросника СПИДО «Установление и оценка психической интегрированности, предпосылок и процесса дезинтеграции личности» O. Miksik [35]. Структура психической вариабельности личности определяется по соотношению познавательных, эмоциональных и регулируемых компонентов, относительно независимых друг от друга, образующих личностный «профиль» и типичную для него структуру психической вариабельности.

К показателям, с помощью которых определяется тип психической вариабельности, автор относит следующее:

- КО – когнитивная вариабельность, касающаяся познавательных функций;
- ЕМ – эмоциональная вариабельность, касающаяся переживания взаимодействия со средой;
- RE – регулирующая вариабельность, касающаяся регулирующих и направляющих функций;
- АД – сформированная вариабельность (адаптивность), касающаяся тенденции индивидуума приноравливаться к новым условиям жизни и деятельности;
- OV – общий уровень психической возбужденности, проявляется как тенденция тяготения к динамическим взаимодействиям;
- МН – моторная (внешняя) гибкость и ее регулирование;
- KR – когнитивно-регулирующая вариабельность, характеризующая рискованный или осторожный тип поведения;
- ER – эмоционально-регулирующая вариабельность, которую в общем случае можно охарактеризовать как импульсивность поведения;
- КА – когнитивно-сформированная вариабельность, которая может пониматься как характеристика уровня притязаний и самооценки;
- ЕА – эмоционально сформированная вариабельность, касающаяся вопросов «ситуационного постижения чувствам»;
- RA – регулирующая – сформированная вариабельность, которая может пониматься как показатель противоположности мотивационного и связанного с «крушением надежд» поведения;
- FM – характер подхода к взаимодействиям с ситуационными переменными эмоционального характера;
- US – шкала «оседлости» или же беспечности;
- Ex – шкала лжи.

По соотношению значений этих показателей оценивались 4 основных типа и 16 подтипов психической вариабельности (по О. Микшеку), которые

характеризуют различные стратегии поведения человека в нормальных и экстремальных ситуациях. Подробное описание подсчета показателей и их соотношение в диссертационной работе В.И. Щедрова [26].

Для статистической обработки результатов эксперимента использовалась математическая процедура сортировки на группы, корреляционный анализ, а также процедура установления различий между группами испытуемых по t-критерию Стьюдента.

На первом этапе исследования у всех испытуемых были определены уровень экстра/интроверсии, показатели вертированности и нейротизма. По этим показателям методом математической сортировки были выделены 4 группы: экстраверты с эрго- и трофотропным типом реагирования (соответственно группы А и В), и интроверты с эрго- и трофотропным типом реагирования (соответственно группы С и Д). Достоверность различий выделенных групп по соотношению значений показателей экстраверсии – интроверсии и вегетативного баланса была подтверждена характером распределений с явно выраженной регрессионной тенденцией, расположенных в разных координатных четвертях. Статистический анализ также показал достоверные различия между группами по t -критерию Стьюдента, причем на достаточно высоком уровне значимости.

Данные показателей суммарного отклонения от аутогенной нормы (СО) и уровня тревожности подтвердили различия между выделенными группами и позволили выявить самые неблагополучные группы: В и С, т.е. экстра- и интроверты с выраженной трофотропностью (табл. 1).

И по показателям самочувствия, активности и настроения (САН) группы В и С также оказались на «последнем» месте (табл. 2).

Так, наибольшее число ткачих со сниженным самочувствием было зарегистрировано в группах В и С (72 % и 84 % соответственно). В этих же группах у большего числа ткачих выявлена более низкая активность – 71 % и 60 %, плохое настроение – 50 % и сниженная работоспособность – 60 %.

В результате стиль у экстравертов с преобладанием эрготропного реагирования, отличающихся от других большими энергетическими тратами и высокими энергетическими ресурсами, был определен нами как *гармонический*, а у экстравертов с выраженной трофотропностью и низкими ресурсами как *затратный*. Соответственно у интровертов с эрготропным реагированием – как *накопительный*, а у интровертов с трофотропным – как *экономичный.*

Сравнительный анализ этих испытуемых по соотношению показателей экстра/интраверсии выявил четкие различия между группами. Так, уровень энергетического обеспечения в группах с гармоничным и накопительным стилями выше почти в 2 раза по сравнению с группами с затратным и экономичным стилями; уровень экстраверсии в 1,5 раза выше в группах с гармоничным и затратным стилями саморегуляции состояния.

Как известно, уровень экстравертированности оценивает направленность энергетических затрат личности: на внешний или внутренний мир человека. Основными чертами типичного экстраверта является общительность, тяга к новым впечатлениям, раскованность в поведении, повышенная импульсивность, слабый контроль эмоциями, высокая двигательная и речевая активность, жизнерадостность и оптимизм.

Таблица 1

Показатели СО и тревожности в выделенных группах

Гуппа	Характеристика уровней экстра/интроверсии и типа реагирования	Показатели суммарного отклонения (СО)	Показатели тревожности (Тр)
А	Экстраверты с выраженной эрготропностью	Мсо = 14,2	Мтр = 38
В	Экстраверты с выраженной трофотропностью	Мсо = 19,2	Мтр = 53
С	Интроверты с выраженной трофотропностью	Мсо = 16,8	Мтр = 48
Д	Интроверты с выраженной эрготропностью	Мсо = 14,7	Д Мтр = 45

Таблица 2

Процентное соотношение испытуемых в ткацких группах с хорошим и сниженным самочувствием, активностью и настроением (САН), %

Группа	Шкала					
	С		А		Н	
	+	–	+	–	+	–
А	40	60	55	45	64	32
В	29	**71**	29	**71**	50	50
С	16	**84**	40	**60**	40	**60**
Д	25	75	42	58	42	**58**

Для интровертов характерны направленность субъекта на себя, замкнутость, застенчивость, заторможенность движений и речи, строгий контроль за своими чувствами, преобладание негативного настроения. Кроме того, данные, полученные по этой методике, дают возможность определить энергетические и эмоциональные характеристики личности, которые, как известно, и определяют основной тип реагирования. Однако сравнение соотношения этих характеристик с уровнем нейротизма показало, что между уровнями энергетики и нейротизма существует сложная зависимость. Как известно, показатель нейротизма является характеристикой эмоционального реагирования в континууме от нормальной эмоциональной стабильности до высокой лабильности. Лица с высокими показателями нейротизма – это тревожные, беспокойные, эмоционально неустойчивые люди с неадекватно сильными эмоциональными реакциями по отношению к вызывающим их причинам. Человек отражает основные поведенческие автоматизмы: активность и реактивность организма. Поэтому значение нейротизма может являться признаком нарушения баланса (соотношения) позиционной направленности взаимодействия субъекта с миром и энергетическим обеспечением этой направленности, что позволило нам рассматривать его в качестве показателя оптимальности соотношения в направленности поведения и его энергетического обеспечения. В группах с выраженной эрготропностью (гармоничный и накопительный стиль) уровень нейротизма несколько ниже, чем в группах с выраженной трофотропностью (затратный и экономичный стиль). Вероятно, в группе экстравертов с затратным стилем слабые энергоресурсы тратятся значительно и преимущественно на обеспечение поведенческой активности, а в группе интровертов с накопительным стилем они расходуются очень мало и в основном на переживание своего взаимодействия со средой, вследствие чего у них возникает необходимость выброса этой как бы «лишней» энергии. Это подтвердило нам отнести затратный и экономичный стили к разряду неоптимальных стилей саморегуляции состояния.

В целом по этим данным можно сказать, что самый предпочтительный стиль у ткачих, относящихся к группам с выраженной экстравертируемой направленностью, сопровождающейся достаточным энергообеспечением, и у лиц, входящих в группу с выраженной интровертированностью в сочетании с достаточно низким энергообеспечением.

Таким образом, оценка показателей, относящихся к первому и второму уровням нашей модели индивидуального стиля саморегуляции состояния, позволила выделить 4 индивидуальных стиля саморегуляции ПФС, значимо различающихся соотношением показателей вертированности как психодинамической характеристики, влияющей на пластичность процессов саморегуляции и детерминирующей определенную стратегию взаимодействия человека с миром, и типом вегетативного баланса, ответственным за энергетическое обеспечение этих стратегий.

На следующем этапе анализа у ткачей и студентов были **определены** личностные профили структур психической вариабельности в соответствии с методикой СПИДО [35], проведена их классификация на типы и подтипы методом сортировки. В результате были выделены четыре варианта психической вариабельности: уравновешенный, возбуждающийся, переживающий, реактивный, различающиеся поведенческими характеристиками.

Более других оптимальный тип взаимодействия обеспечивает уравновешенный вид вариабельности. Это подтверждается тем, что испытуемые, относящиеся к данному виду, отличаются преобладанием устойчивых положительных состояний, успешностью и удовлетворенностью своих взаимодействий с окружающим их миром в различных его сферах, а также хорошим здоровьем. Примечательно, что этот вид наблюдается и в группах негармонического типа, что говорит о больших компенсаторных возможностях личности и определяющей роли в структуре саморегуляции состояния психологического уровня. Наиболее неоптимальной структурой саморегуляции состояния обладают переживающие и возбуждающиеся экстраверты и интроверты с выраженной трофотропностью. Лица, входящие в эти группы, отличаются и повышенным нейротизмом. Реальными критериями неоптимальности тактик саморегуляции являются неспособность создать настроение, улучшить функциональное состояние, сохранить и восстановить психофизиологические резервы.

Рассматривая выделенные группы ткачей на психологическом уровне регуляции, можно отметить, что в группе А (экстраверты с выраженной эрготропностью) только 19 % испытуемых имеют более оптимальный стиль взаимодействия со средой. К ним относятся испытуемые уравновешенного подтипа. В группе В (экстраверты с выраженной трофотропностью) только 20 % (уравновешенные устойчивые) имеют оптимальный стиль саморегуляции состояния. В группе С (интроверты с выраженной трофотропностью) только у 19 % испытуемых наблюдается этот стиль саморегуляции. В группе Д (интроверты с выраженной эрготропностью) таких всего 15 % испытуемых. В целом на всей выборке ткачей отмечается большой процент «неоптимальных» тактик взаимодействия с миром.

Анализ распределения видов психической вариабельности у студентов внутри каждого из выделенных типов индивидуального стиля саморегуля-

ции показал, что в группу А (экстраверты с выраженной эрготропностью) вошли:

– уравновешенных (неподатливых) – 20 %;
– возбуждающихся (неуправляемых) – 20 %;
– возбуждающихся (мобильных) – 20 %;
– реактивных (самопробивающихся) – 20 %;
– переживающих (осмотрительных) – 20 %.

Если считать основным критерием неоптимального стиля саморегуляции состояния на психологическом уровне высокую эмоциональность, тогда в группе А окажется 60 % испытуемых данного стиля и 40 % испытуемых, относящихся к уравновешенному и реактивному подтипу имеют высокий уровень эмоциональной устойчивости.

В группе В (экстраверты с выраженной трофотропностью) по тем же показателям 50 % испытуемых имеют неоптимальный стиль саморегуляции состояния. К ним относятся возбуждающийся-мобильный, возбуждающийся-непосредственный, переживающий-депрессивный. Остальных 50 % испытуемых можно отнести к более предпочитаемому стилю взаимодействия: к ним относятся уравновешенный и реактивный подтипы со своими поведенческими характеристиками.

В группе С (интроверты с выраженной трофотропностью) процент испытуемых, имеющих неоптимальный стиль саморегуляции самый высокий – 89 %. К ним относятся переживающие и возбуждающиеся подтипы. Только 11 % испытуемых имеют более или менее оптимальный стиль.

В группе Д (интроверты с выраженной эрготропностью), наоборот, 33 % испытуемых уравновешенного подтипа и 66 % имеют неоптимальный стиль саморегуляции состояния. Можно сказать, что на психологическом уровне у студентов самый неоптимальный стиль наблюдается в группе С (интроверты с выраженной трофотропностью) и более предпочтительный в группе В (экстраверты с выраженной трофотропностью).

В группах с затратным и экономичным стилями (экстра- и интровертов с выраженной трофотропным типом вегетативного реагирования) преобладали лица переживающего и возбуждающего типа, эмоционально неустойчивые или депрессивные, отнесенные автором к лицам с неоптимальной тактикой взаимодействия с миром. Тщательный и подробный анализ характеристик психической вариабельности и личностных профилей показал, что именно в этих группах ткачих наибольшее число лиц с неоптимальным стилем, что отражается в их низкой работоспособности, в плохом настроении и самочувствии, в конфликтах с окружающими и в большем числе больничных листов по нетрудоспособности.

Таким образом, соотнесение выделенных нами типов индивидуального стиля саморегуляции состояния со структурами психической вариабельности личности подтвердил, во-первых, правомерность определения стиля саморегуляции по соотношению КВ и показателя вертированности, составляющих природное ядро стиля, а во-вторых, дал дополнительные доказательства оптимальности/не оптимальности стиля саморегуляции состояния.

Говоря о тактике взаимодействия с окружающим миром, можно утверждать, что у ткачих с гармоничным стилем достаточно жизненных сил, чтобы активно работать, общаться, сохранять здоровье и оптимизм. У них два механизма – трофо/эрготропного реагирования и экстра/интровертированности работают как один слаженный механизм, взаимодействие в котором, образно говоря, проходит по принципу: больше отдашь, больше получишь.

Иная тактика взаимодействия этих механизмов у лиц с экономным стилем саморегуляции. Эти испытуемые, имея слабые энергетические ресурсы осторожны, стараются не тратить свои эмоции понапрасну, и если им приходится в условиях, требующих больших энергетических затрат, у них быстро развиваются состояния утомления, депрессии и психического истощения. То есть, в комфортных условиях этот стиль саморегуляции может быть для них оптимальным, как и у лиц с гармоничным стилем саморегуляции состояния. Однако в условиях нашей жизни и в условиях профессиональной деятельности у ткачих из этой группы, находящихся постоянно в напряженном состоянии, данный стиль саморегуляции становится неоптимальным.

Совсем другая картина наблюдается в группе интровертов с эрготропным реагированием – накопительный стиль. Будучи не очень активны в поведении и имея большие резервы, они как бы накапливают ресурсы, и поэтому в напряженных условиях могут позволить себе выплеснуть эмоции наружу, не ухудшая свое состояние. Их стиль саморегуляции может приближаться к оптимальному, особенно в напряженных и стрессогенных условиях. В наиболее сложной ситуации оказываются экстраверты с трофотропным реагированием – затратный стиль. Обладая низкими энергетическими ресурсами, в своем поведении они затрачивают массу энергии, т.е., они «больше тратят, чем получают», что делает их стиль саморегуляции наиболее неэффективной, а стиль наиболее неоптимальным.

Необходимо подчеркнуть, что удельный вес студентов с неоптимальным стилем в целом меньше, чем на выборке ткачей. Кроме этого, в студенческих группах с гармоничным и затратным типом отмечается значительное большее разнообразие уравновешенных, возбуждаемых и переживающих студентов. В целом в группах ткачей лиц с неоптимальным стилем саморегуляции на 20–30 % больше, чем в студенческих группах. Это еще раз подтверждает, какое отрицательное влияние на чело-

века оказывают неблагоприятные условия профессиональной деятельности и жизни.

Резюмируя, можно сказать, что наиболее благополучными в отношении психического состояния и здоровья, являются субъекты, у которых затраты энергии либо соответствуют их ресурсам, либо быстро пополняются. К первым относятся субъекты с гармоничным и накопительным стилями саморегуляции, которые к тому же хорошо владеют разнообразными способами и приемами саморегуляции состояния, помогающими им быстро и успешно восстанавливать свои ресурсы. Это соответствует данным О.А. Конопкина с соавторами в отношении к деятельности, что гармоничный тип регуляции характеризуется гармоничной развитостью и оперативностью психических подсистем, обеспечивающих различные регуляторные функции.

Индивидуальные различия между субъектами проявляются в различной степени связи между уровнями индивидуальных свойств, которые могут по-разному формироваться в процессе жизнедеятельности и в зависимости от возраста, пола, условий жизни, особенностей деятельности. Это подтверждает положения В.С. Мерлина, О.А. Конопкина и других, что оптимальный стиль саморегуляции состояния складывается, с одной стороны, из совокупности природных свойств, и, с другой стороны, из сложившейся в течение жизни системы приемов и способов саморегуляции состояния.

Несовершенство той или другой системы формирует неоптимальный стиль саморегуляции и в определенной степени предопределяет структуру психической вариабельности, которая как бы надстраивается над физиологическим и психодинамическим уровнями, компенсируя или усиливая недостатки стиля. Это согласуется с тем, что в число основных компонентов в структуру психической вариабельности, предложенной О. Микшиком, входят эмоциональный и регулятивный компоненты, наиболее связанные с активационным системами саморегуляции состояния, а именно с уровнем вегетативной регуляции и вертированности.

Однако, в отличие от В.С. Мерлина, мы рассматриваем индивидуальный стиль состояния не в качестве первичного опосредующего звена во взаимодействии между уровнями, а как результат этого взаимодействия или системообразующий фактор. Поэтому у субъектов с разными показателями работы регуляторных систем отдельно взятого уровня может быть одинаковый по результативности стиль, но с разными содержательными характеристиками.

Наши данные показали, что только спецификой взаимодействия психофизиологических и психодинамических регулятивных механизмов не определяется стиль ПСР. Большой вклад в его развитие и формирование ИС ПСР состояния вносят личностные особенности человека. Включение в анализ взаимодействия показателей психической вариабельности личности, направленность саморегуляции на контроль за переживаниями и психическим состоянием значительно расширяет диапазон характеристик индивидуальных стилей саморегуляции состояния, на основе которых можно прогнозировать поведение и состояние человека в усложненных условиях жизнедеятельности. Эти данные обосновывают необходимость и возможность для различных условий работы и измененных состояний целенаправленной коррекции программ саморегуляции состояния в соответствии с выделенной индивидуальной структурой регулятивных механизмов физиологического, психодинамического и личностного уровневой, что соответствует структурно-функциональному подходу А.О. Прохорова [15]. В то же время при подходе к ПСР состояния как деятельности, мы полагаем, что необходимо и возможно обучение человека таким методам и способам саморегуляции состояния, которые скорректируют его стиль саморегуляции. Предпосылками такой возможности является то, что образующие его регулятивные системы изменяются в течение жизни и в определенных условиях. В основе такой изменчивости лежат определенные свойства нервной системы, контроль над переживаниями, эмоциями, набор паттернов поведения и др.
Поэтому в обучении методам саморегуляции необходимо учитывать не только природный стиль саморегуляции, не только структуру психической вариабельности, но и другие личностные особенности, включая мотивационную и волевую сферы человека.

Выводы

1. На основании этих данных была сформирована трехуровневая модель индивидуального стиля саморегуляции состояния:

- на первом, физиологическом уровне саморегуляции, действует гомеостатический механизм энергетического обеспечения саморегуляции – эрго/трофотропный тип вегетативной регуляции;
- на втором, психодинамическом уровне – механизм, обеспечивающий поведенческую и эмоциональную вариабельность личности (уровень экстра/интроверсии),
- на третьем, личностном уровне – механизм психической вариабельности личности, оцениваемый по соотношению познавательных, эмоциональных, регулируемых компонентов, относительно независимых друг от друга, образующих личностный «профиль», а системобразующей и направляющей во взаимодействии этих уровней является природная направленность саморегуляции на деятельность или состояние.

2. Показателями сбалансированности в работе механизмов регуляции являются уровень нейро-

тизма, характеристики психического состояния и психосоматического здоровья, а также величина суммарного отклонения от аутогенной нормы, которую можно считать своеобразной мерой гармоничности или внутренней оптимальности психофизиологического состояния человека (К. Шипош, А.И. Юрьев, M. Luscher, H. Wollnofer).

3. Разработана типология индивидуальных стилей саморегуляции состояния на основе объединения в определенную зависимость регуляторных механизмов психофизиологического, психодинамического уровней и психологического уровней. Выделены четыре типа индивидуальных стилей саморегуляции по критериям выраженности показателей эрго/трофотропного реагирования и экстра/интровертированности личности, а именно гармоничный, экономный, накопительный и затратный. Эти типы определяют преобладание и эффективность реализации разных форм саморегуляции – волевой, эмоциональной, непроизвольной и произвольной психофизиологической, личностно-деятельностной.

4. Показано, что самый предпочтительный стиль саморегуляции у лиц, с выраженной экстравертируемой направленностью, сопровождающейся достаточным энергообеспечением (гармонический тип), и у лиц, с выраженной интровертированностью в сочетании с достаточно низким энергообеспечением (экономичный тип). Самыми неблагополучными являются экстра- и интроверты с выраженной трофотропностью (соответственно затратный и накопительный типы). В их число вошло наибольшее число испытуемых со сниженным самочувствием, активностью и настроением и уровнем энергетического обеспечения (почти в два раза).

5. Несовершенство активационных и регулятивных механизмов и нарушение баланса между ними формируют неоптимальный стиль саморегуляции и в определенной степени предопределяет структуру психической вариабельности личности, которая как бы надстраивается над физиологическим и психодинамическим уровнями, составляющими ядро ПСР состояния, компенсируя или усиливая недостатки стиля.

6. Наиболее адаптивными и стрессоустойчивыми являются субъекты, у которых затраты энергии соответствуют их ресурсам или быстро пополняются как за счет врожденных свойств, так и при условии владения разнообразными способами и приемами саморегуляции состояния, помогающими им быстро и успешно восстанавливать свои ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вяткин, Б.А.* Интегральная индивидуальность человека и ее развитие в специфических условиях спортивной деятельности / Б.А. Вяткин // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 2. – С. 73–83.

2. *Вяткин, Б.А.* Стиль активности как предмет интегрального исследования индивидуальности / Б.А. Вяткин // Системное исследование индивидуальности: тез. докл. Всесоюзн. конф. – Пермь, 1991. – С. 7–8.

3. *Дикая, Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) / Л.Г. Дикая. – М.: Ин-т психологии РАН, 2003.

4. *Дорфман, Л.Я.* Индивидуальный эмоциональный стиль / Л.Я. Дорфман // Вопросы психологии. – 1989. – № 5. – С. 89–95.

5. *Доскин, В.А.* Тест дифференцированной самооценки функционального состояния / В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева // Вопросы психологии. – 1973. – № 6. – С. 141–145.

6. *Зейгарник, Б.В.* Саморегуляция в норме и патологии / Б.В. Зейгарник // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 2. – С. 122–132.

7. *Ильин, Е.П.* Успешность деятельности, компенсации и компенсаторные отношения / Е.П. Ильин // Вопросы психологии. – 1983. – № 5. – С. 95–99.

8. *Климов, Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности / Е.А. Климов. – Казань: КГУ, 1969. – 278 с.

9. *Конопкин, О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

10. *Конопкин, О.А.* Стилевые особенности саморегуляции деятельности / О.А. Конопкин, В.И. Моросанова // Вопросы психологии. – 1989. – № 5. – С. 18–26.

11. *Леонова, А.Б.* Психологические механизмы саморегуляции функциональных состояний человека / А.Б. Леонова // Субъект и личность в психологии саморегуляции. – М.–Севастополь: Изд-во ПИ РАОЮ Сев. КавГТУ, 2007. – С. 345–369.

12. *Мерлин, В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.

13. *Мерлин, В.С.* Формирование индивидуального стиля деятельности в процессе обучения / В.С. Мерлин, Е.А. Климов. – М.: Советская педагогика, 1967. – № 4. – С. 110–118.

14. *Моросанова, В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 2001. – 192 с.

15. *Прохоров, А.О.* Функциональные структуры саморегуляции психических состояний / А.О. Прохоров // Субъект и личность в психологии саморегуляции. – М.; Севастополь: Изд-во ПИ РАОЮ Сев. КавГТУ, 2007. – С. 370–386.

16. *Остроменская, Т.Б.* Исследование индивидуального стиля деятельности машинистов энергоблока электростанций / Т.Б. Остроменская // Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 6. – С. 69–73.

17. *Русалов, В.М.* Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности / В.М. Русалов // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. – М.: Наука, 1990. – С. 18–33.

18. *Суворова, В.В.* О связи показателей электроэнцефалограммы с индивидуальными особенностями вегетативного реагирования / В.В. Суворова // Проблемы дифференциальной психофизиологии. – М.: Наука, 1974. – С. 243–263.

19. *Семикин, В.В.* Роль психической саморегуляции в формировании оптимального стиля взаимодействия человека с миром / В.В. Семикин, В.И. Щедров // I-е Международные Ломовские чтения. – М.: ИП РАН1992. – С. 189–191.

20. *Спилбергер, Ч.Д.* Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Ч.Д. Спилбергер // Стресс и тревога в спорте. – М.: ФиС, 1983. – С. 12–24.

21. *Теплов, Б.М.* Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М.: АПН РСФСР, 1961. – 536 с.

22. *Шапкин, С.А.* Особенности адаптации операторов с асомнией: анализ динамики биопотенциалов мозга и поведенческих показателей / С.А. Шапкин, А.Н. Гусев, Л.Г. Дикая // Физиология человека. – 1992. – Т.18. – № 1. – С. 42–50.

23. *Шапкин, С.А.*Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации / С.А. Шапкин, Л.Г. Дикая // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 1. – С. 19–35.

24. *Шапкин, С. А.* Опросник мотивации достижения: новая модификация / / С.А. Шапкин // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 113–127.

25. *Шипош, К.* Значение аутогенной тренировки и биоуправления с обратной связью электрической активности мозга в терапии неврозов: автореф. дис. … канд. мед. наук / К. Шипош. – Л., 1980.

26. *Щедров, В.И* Формирование индивидуального стиля саморегуляции состояния в процессе обучения: дис. … канд. психол. наук / В.И. Щедров. – М.: ИП РАН, 1994.

27. *Юрьев, А.И.* Инженерно-психологические исследования работы человека с тестом: дис. … канд. психол. наук / А.И. Юрьев. – Л., 1982.

28. *Adler, A.* Understanding human nature / A. Adler. – N.-Y., 1927.

29. *Dikaya, L.G.* Effectively of signal detection and it's reflection in dynamic of brain potentials / L.G. Dikaya, A.N. Gusev, S.A. Shapkin // Psychophysiology of cognitive processes. III Soviet finish symposium. – Moscow: Inst. of Psych., 1988.

30. *Eysenck, H.S.* Manual of the Eysenck Personality Questionnaires / H.S. Eysenck, S.G.Eysenck. – London: Hodder, Stoughton, 1975.

31. *Eysenck, H.S.* The biological basis of personality / H.S. Eysenck. – Springfields, 1967.

32. *Kuhl, J.* Volition and Personality: Action versus state orientation / J. Kuhl, J. Beckmann (eds.). – Goettingen–Toronto: Hogrefe, 1991. – P. 4–44.

33. *Kuhl, J.* Action and state orientation: Psychometric properties of the Action Control Scale / J. Kuhl, J. Beckmann (eds.) // Volition and Personality: Action versus state orientation. – Goettingen / Toronto: Hogrefe, 1991. – P. 45–69.

34. *Luscher, M.* The Luscher colour test / M. Luscher. – L.-syducy: pan Books, 1983. – 207 p.

35. *Miksik, O.* Ztistovani a hodnoceni psychicke intergrovanosti, predpokadu a procesu desintegrace osobnosti. (vyuzitim diagnostickych nastrosi ihavez, spido, spidoms, a supos 7) / O. Miksik. – Ministerstvo narodni obranysprava vojeskeho skolstvi, Praha OSSR, 1985. – 132 s.

36. *Wollnofer, H.* Der Luscher-Farbtest zur Diagnose des vegetativen Verhaltens / H. Wollnofer // Arzt. Prax. – 1966. – № 70. – B. 18. – S. 2348–2352.

СПЕЦИФИКА РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛА

М.В. Сокольская

Ю.А. Давыдов

Сокольская Марина Вячеславовна – кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mvsokolskaya@mail.ru

Давыдов Юрий Анатольевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой электроподвижного состава Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: puch@festu.khv.ru

В статье анализируется процесс становления профессионала под влиянием основных обеспечивающих его метасистем: профессиональной деятельности, личности, макро- и микросоциума, где профессиональная деятельность рассматривается в качестве системообразующего фактора жизнедеятельности личности. Определено, что, наряду с положительным (ресурсным) влиянием, эти метасистемы содержат в себе мощный деструктивный потенциал. Сущностное различие ресурсов и деструкторов заключается в их вкладе в достижение актуальных для личности потребностей, целей, ценностей, т.е. в обеспечении процесса становления профессионала. В качестве ресурсов и деструкторов выступают как характеристики личности, так и особенности профессиональной деятельности, выраженность, адекватность которых в контексте актуальной ситуации жизнедеятельности личности и является определяющим фактором в их влиянии на становление профессионала (ресурсном или деструктивном). В этой связи данные подсистемы приобретают как бы «распределенный характер», предстают *инверсионную форму* всех других подсистем. Поэтому ресурсы и деструкторы, характеризуя целостную структуру личности профессионала и являясь неотъемлемой её частью, формируют баланс, нарушение которого может привести к дезорганизации, разрушению личности в целом. Следовательно, становление профессионала обеспечивается сбалансированным «распределением» подсистем ресурсов и деструкторов на всех уровнях его структурной организации и в системе всех видов детерминант. Результаты эмпирического исследования показали, что формирование систем ресурсов и деструкторов подчиняется определенным закономерностям, существенное влияние на формирование которых оказывает тип профессиональной деятельности.

Ключевые слова: становление профессионала, профессионализация, личность, профессиональная деятельность, ресурсы, деструкторы, поездные диспетчеры, машинисты локомотивов, педагоги.

В отечественной психологии общепринятым является представление о решающей роли деятельности в развитии личности, более того, деятельность представляет собой основной способ существования человека, познания им мира и самовыражения в обществе [3]. Однако развитие человека в труде нередко рассматривается только в позитивном аспекте, между тем, если обратиться к пониманию труда К. Марксом, то это − «расходование» человеком своей рабочей силы в особой форме. Действительно в профессиональной деятельности человек как развивается, так и расходуется, утрачивая при этом не только свою физическую силу, но и еще некоторые другие ресурсы и потенции.

Процесс развития личности в связи с характером деятельности реализуется исходя из особенностей целого ряда личностных и деятельностных факторов. Исследователи отмечают, что именно в ситуациях целенаправленного поведения, характерных, в первую очередь, для профессиональной деятельности, проявляются противоречия между личностными образованиями и внешними деятельностными и социальными факторами, выступающими в роли требований к личности, формирования тех её черт и качеств, которые наиболее адекватны конкретным формам поведения и деятельности [9]. В то же время включение личности в деятельность, установка на реализацию её целей и задач обусловливают стремление субъекта деятельности преломить, адаптировать содержание и способы обеспечения трудового процесса к тем функциональным возможностям, которые определяются структурой личности конкретного человека [4].

Таким образом, профессиональную деятельность следует рассматривать в качестве системообразующего фактора жизнедеятельности личности, позволяющего удовлетворить разнообразные потребности: от низших до высших, личностных и социальных. Но в силу того, что процесс профессионального развития характеризуется неравномерностью и слабой прогнозируемостью, субъект труда может не только повышать уровень своего профес-

сионального мастерства, но и испытывать психоэмоциональное напряжение, что в итоге способствует снижению профессионализма, ведёт к профессиональным заболеваниям, профессиональным деформациям и т.д. В каждой профессии существуют свои комплексы психотравмирующих факторов, имеющих как общую, так и специфическую природу.

В связи с этим необходимо дифференцировать факторы, способствующие развитию, взаимообогащению, совершенствованию личности и профессиональной деятельности – *ресурсные факторы* и факторы, в определённой степени препятствующие этим процессам – *деструктивные факторы*. При этом говорить однозначно о сильных или слабых сторонах как личности, так и деятельности неправомерно. *Во-первых*, ресурсы и деструкторы − это, по сути, две стороны одного явления, которые в определённых ситуациях могут компенсировать друг друга, уравновешивать или меняться «ролями». *Во-вторых*, в качестве ресурсов и деструкторов выступают не какие-то определённые характеристики личности или профессиональной деятельности, а *степень их выраженности*, развития или сформированности. Следует уточнить, что в качестве деструктора может выступать не только недостаточная, но также и чрезмерная степень выраженности какой-либо характеристики. Критерием направленности фактора (ресурс или деструктор) выступает его адекватность конкретной ситуации жизнедеятельности. *В-третьих*, ресурсы и деструкторы, характеризуя целостную структуру личности профессионала и профессиональной деятельности, формируют баланс, нарушение которого и приводит к дезорганизации, разрушению личности в процессе освоения ею профессиональной деятельности.

В связи с этим можно предположить, что под влиянием особенностей, присущих профессиональной деятельности, в структуре личности профессионала может сформироваться достаточно сильный и устойчивый комплекс факторов *ресурсного обеспечения*, содержащий компенсаторные по своей природе и функциональной направленности средства, которые в определённой степени позволяют преодолевать деструктивные явления и личности и профессиональной деятельности.

Для определения содержание понятия «*комплекс факторов ресурсного обеспечения*» становления профессионала необходимо обратиться к психологическому анализу особенностей профессиональной деятельности. Прежде всего, следует выделить группу факторов, связанных непосредственно с характеристиками профессиональной деятельности: *статусом, содержанием и организацией*.

Общеизвестно, что профессиональная деятельность − это первая общественно значимая самостоятельно выбранная и самостоятельно реализуемая деятельность, имеющая совершенно иной психологический и социальный статус, чем доминировавшая до неё учебная деятельность [8]. Статус социально самостоятельного и социально ответственного гражданина обусловливает новые *качественные* характеристики и является источником для формирования как ресурсных, так и деструктивных факторов. Однако весь период профессионализации – *формирование специфических видов трудовой активности человека* – включает ряд этапов (стадий): стадия профессионального обучения (от 15–19 до 16–23 лет); стадия профессиональной адаптации (от 17–21 до 24–27 лет); стадия развития профессионала (от 21–27 до 45–50 лет); стадия реализации профессионала (от 46–50 до 60–65 лет); стадия спада (свыше 61–65 лет).

В нашем исследовании становление профессионала рассматривается на примере трёх этапов: *первый* этап – адаптация к профессиональному выбору – начало профессионального обучения (1-й курс); *второй* этап – ориентировочный – окончание профессионального обучения (5-й курс), *третий* этап – формирование профессионализма (стаж – от 5 лет в профессии).

Каждая стадия профессионализации сопровождается характерными психологическими и профессиональными закономерностями развития личности, обстоятельно описанными Э.Ф. Зеером, 2003; Е.А. Климовым, 2003, 2006; А.К. Марковой, 1996; Ю.П. Поварёнковым, 2008; Н.С. Пряжниковым, 1996; А.Р. Фонарёвым, 2005; В.Д. Шадриковым, 1996 и др.

Нашей задачей является выявление и анализ возможных факторов *ресурсного обеспечения становления профессионала на* основных этапах профессионализации, в качестве которых нами определены следующие. *Стадия профессионального обучения*, поскольку именно в этот период начинается знакомство с профессией и осуществляется (часто) окончательный профессиональный выбор и *стадия развития профессионала* − как наиболее продолжительный временной и творческий этап профессионализации.

Профессиональная деятельность, являясь социально значимой, оформленной в определенных организационных рамках, накладывает на личность вместе с правами, свободой и самостоятельностью множество обязанностей, предписывает определенную систему норм и правил. Но чем сложнее профессиональная деятельность, тем длительнее и сложнее период обучения, поэтому уже на этом этапе могут возникнуть как удовольствие и гордость от приобщённости к определённому профессиональному сообществу (*ресурсы*), так и нежелание следовать и подчиняться новым нормам и правилам, их непонимание (*деструкторы*), а следова-

тельно, и непринятие каких-либо аспектов будущей профессиональной деятельности или всей её в целом. Необходимость соблюдения и выполнения режимных норм для человека, с трудом переносящего их в период обучения в общеобразовательной школе, может выступать серьёзным препятствием для учебно-профессиональной и непосредственно профессиональной деятельности.

Несмотря на то что у каждого студента уже есть опыт учебной деятельности, однако, он может столкнуться с рядом трудностей психологического характера в связи с тем, что профессиональное обучение рассчитано, как правило, на осознанный, зрелый, ответственный выбор, опирающийся на определённое знание своих собственных возможностей, способностей и предварительную ориентацию в выбранной профессии. Необходимость преодоления трудностей такого рода незрелой личностью может выступать потенциальным источником возникновения отрицательного отношения к учебно-профессиональной деятельности, деструктурировать личность.

Кроме того, в качестве *деструкторов* могут выступать и *содержательные характеристики этой деятельности*. Так, например, даже высокий уровень познавательной активности при неадекватном профессиональном выборе, который осуществлялся на основании внешних факторов (престижность профессии, возможность последующего трудоустройства, давление родителей и т.д.), может существенно деструктурировать личность вследствие возникающих сложностей в освоении «чуждого» материала, несоразмерности затраченных усилий и получаемого результата.

Известно, что при систематическом неудовлетворении мотивов достижения создаются объективные предпосылки для развития состояния «выученной беспомощности», которое при его фиксации может трансформироваться в личностную черту [7]. Аналогичная ситуация может происходить и с мотивацией избегания неудачи. Если в учебной деятельности человеку, стремящемуся избежать неудачи, удавалось это делать с переменным успехом, то теперь периоды «передышки» (семестры) сменяются активными стрессорами (сессиями). Не имея привычки систематически трудиться, такой студент к сессии подходит неподготовленным, поэтому систематическое неосуществление избегания неудачи ведёт к формированию установки на прогнозируемую неудачу её удовлетворения, которая также может трансформироваться в личностную черту.

Известно также, что массовый, усредненный подход к организации учебного процесса, ориентация на способных студентов и, как следствие, слабая воплощённость принципа индивидуального подхода в целом, а часто и просто невнимание к студенту – всё это «уязвимые места» педагогической практики. Но именно они составляют объективную основу того, что одно из важнейших условий профессиональной успешности – стремление к самореализации и самоактуализации – не получает своего должного удовлетворения [6]. Такой конфликт является ещё одним источником негативного отношения к профессиональному обучению, фактором деструктивного плана, который может привести и к негативному отношению к профессиональной деятельности в целом.

Рассмотренные особенности этапа профессионального обучения связаны с сущностью учебно-профессиональной деятельности и могут выступать источниками возникновения деструкций. Подчеркнём ещё раз, что именно *могут*, т.к. все проанализированные факторы в иных условиях способны выступать и в качестве ресурсов становления профессионала.

Основные трудности этапа *профессиональной адаптации* связаны, в первую очередь, с тем, что молодой специалист, приходя на производство и приступая к осуществлению профессиональной деятельности, сталкивается с некоторым несоответствием собственного теоретико-эмпирического восприятия профессии и практическим её воплощением. Этот период может стать достаточно травматичным для личности вследствие разрушения иллюзий, крушения амбиций, а подчас, и разочарования в профессии. В этом случае ресурсные факторы учебно-профессиональной деятельности: активность, творчество, инновации могут способствовать развитию *деструктивных* явлений, когда молодому специалисту предписывается жёстко следовать определённым регламентам, а не пытаться их адаптировать для себя. Однако необходимо отметить, что именно стадия профессиональной адаптации является своего рода проверкой готовности к профессиональной деятельности.

Стадия *развития профессионала* также характеризуется определёнными особенностями, ряд которых может выступать и в качестве *ресурсов*, и в качестве *деструкторов*, к которым можно отнести основные характеристики профессиональной деятельности: условия труда, организационную культуру предприятия, безопасность и надёжность труда.

Анализ личностных факторов становления профессионала показывает, что мотивация, являясь одним из важнейших факторов эффективности деятельности, также может и препятствовать её эффективности, деструктурировать деятельность, например, недостаточно сформированная или избыточная мотивация.

Качество деятельности и отношение к ней зависят также и от направленности личности – стремления к успеху или избегания неудачи. Важно, что оценивать направленность личности с точки зрения её полезности возможно только в контексте

профессиональной деятельности, в силу того, что чрезмерная осторожность или бездумный риск могут деструктурировать личность профессионала, поэтому с целью самосохранения необходимы умения координировать свои усилия и регулировать собственную активность.

Между тем только рассмотренными причинами общая детерминация формирования ресурсного обеспечения становления профессионала не исчерпывается. Ещё одна категория детерминант связана с причинами социального метаконтекста. Информация негативного плана (ценности и идеалы, нормы и стереотипы поведения «хорошей жизни», квазиобразцы личностного развития, популярные «герои нашего времени», необозримое множество соблазнов и многое другое), обрушивающаяся через СМИ, телевидение и Интернет на формирующуюся личность профессионала, способствует формированию негативного отношения не только к профессиональному обучению, но и к профессиональной деятельности, и к развитию как таковому.

Наконец, следует подчеркнуть, что детерминантами ресурсного обеспечения становления профессионала также могут выступать и возрастные закономерности онтогенетического развития личности.

На этапе юношества, соответствующего периоду учебно-профессиональной деятельности, осуществляется решение так называемых смысложизненных проблем. Свойственные юношам самостоятельность, решительность, критичность выступают в качестве *ресурсов* становления их как профессионалов, тогда как *деструкторами* в данный возрастной период чаще всего становятся особенности учебно-профессиональной или непосредственно профессиональной деятельности. С другой стороны, характерное для юношеского возраста новообразование − *профессиональное самоопределение* также может иметь и некоторую *деструктивную* направленность. В ряде случаев юноши, определившись со своим профессиональным будущим и сконцентрировав внимание и силы на соответствующих сделанному выбору учебных дисциплинах, осознанно и даже активно «отодвигают» на второй план или просто игнорируют все другие – общеобразовательные дисциплины – «ненужные» с их точки зрения для профессионального будущего. Этим самым ослабляется база, сужается спектр профессиональных возможностей, возникают деструктивные тенденции по отношению к «второстепенным» дисциплинам.

Итак, проведенный анализ позволяет заключить, что источники и детерминанты ресурсного обеспечения становления профессионала очень многообразны и носят *принципиальный* характер. *С одной стороны*, они должны быть соотнесены с основными характеристиками личности и профессиональной деятельности, *с другой стороны*, ресурсные факторы формируется как продукт и результат взаимодействия формирующейся личности профессионала и профессиональной деятельности во всём многообразии внутренних и внешних характеристик последней.

Следовательно, понятия «ресурсы» и «деструкторы», как факторы системы ресурсного обеспечения, трактуются достаточно широко, а их состав является довольно гетерогенным. Сами по себе эти термины носят условный характер, ни в коей мере не претендуя на понятийную строгость.

Понятие «*деструктор*» не является обозначением чего-то *абсолютно негативного*. *Деструкторы* − это факторы, чрезмерная или недостаточная выраженность которых деструктурирует процесс становления профессионала. Важно, что таковыми они являются лишь ситуативно, в отношении каких-либо целей, задач профессиональной деятельности или жизнедеятельности в целом. По отношению же к иным формам активности они вполне могут выступать в качестве *ресурсов*.

Объективно развертывающееся (под влиянием очень большого количества причин) формирование ресурсов и деструкторов в профессиональной деятельности, *в сочетании* с необходимостью её реализации, приводит к столкновению двух мощных динамических тенденций: *нежелания* её осуществлять и *долженствования* это делать. Возникает объективное противоречие, которое должно быть каким-то образом преодолено. И оно в той или иной мере преодолевается, выступая тем самым причиной возникновения совершенно иного типа регуляции профессиональной деятельности. Важно отметить, что формирование ресурсов и деструкторов не случайно рассмотрено нами преимущественно на примере учебно-профессиональной деятельности, поскольку в процессе освоения последней личность не только получает новые знания, умения и навыки, социальный опыт и т.д., но и объективно осваивает тот тип организации и регуляции собственной активности, который специфичен для определённого вида профессиональной деятельности. Посредством формирования деструкторов, а также способности к их преодолению и соподчинению другим личностно и социально значимым параметрам обеспечивается восприимчивость, сензитивность *к ресурсному типу* организации и регуляции всех видов собственной активности.

Таким образом, категории «*ресурсов*» и «*деструкторов*» синтезируют в себе совокупность множества образований как позитивного, так и негативного плана. Следует констатировать также факт закономерной связи ресурсов и деструкторов друг с другом, что и придает всей их совокупности черты организованной целостности, т.е. системы. Все входящие в неё отдельные факторы детерминированы как со стороны личностных характеристик, так и со стороны содержания, структуры, ди-

намики и условий, режима и организации самой профессиональной деятельности.

С одной стороны, *профессиональная деятельность* − важнейший комплекс детерминант становления профессионала. Какая-либо сторона профессиональной деятельности, определённый её аспект, представляющий для профессионала наибольший интерес, может выступать в качестве *ресурса*. Так же как и стремление быть успешным в деятельности может являться мощным *ресурсом* её выполнения, что в свою очередь способствует повышению мотивации к дальнейшему профессиональному совершенствованию. Осознание заложенных в профессиональной деятельности возможностей для самореализации и самовыражения также может являться *ресурсом* и пр.

Проводимое нами исследование осуществлялось на примере типов профессиональной деятельности «человек-техника» и «человек-человек» в силу их различий по «отношению субъекта к действительности, которая может выступать для него либо в форме объекта, либо в форме субъекта» (Е.А. Климов). Профессионалы первой группы – это операторы-железнодорожники: поездные диспетчеры и машинисты локомотивов различных отделений Дальневосточной железной дороги; во вторую группу вошли учителя филологи (русский язык и литература) средних общеобразовательных школ Дальнего Востока России. В исследовании также приняли участие студенты (первокурсники и выпускники), будущие представители изучаемых профессиональных сообществ.

Учитывая основополагающие положения теорий личности о её целостности, личность профессионала необходимо рассматривать не как простую совокупность отдельных систем, регулирующих различные виды её социально значимой деятельности, а как их единство, в котором отдельные системы являются её порождением и формой развития [1]. Целостность личности определяет неразрывность, взаимосвязь личностных свойств в процессе индивидуального развития [2], что в свою очередь обусловливает необходимость оценки и учета всей совокупности личностных качеств при анализе процесса становления профессионала, выявление не только ресурсов, способствующих его эффективности, но и факторов, его дестабилизирующих.

В целостной системе личности традиционно выделяют подсистемы или комплексы характеристик, представляющих когнитивную, коммуникативную и регулятивную сферы личности, сферы направленности и самоактуализации, внешнюю и внутреннюю сферы [13]. Применительно к личности профессионала следует выделить и сферу внепрофессиональных видов деятельности. В качестве ресурсов и деструкторов, как было обосновано выше, могут выступать какие-либо характеристики любой из сфер личности в зависимости от социального, личностного или профессионального контекста процесса становления профессионала.

В качестве подтверждения представленного теоретического анализа приведём некоторые факты эмпирического исследования.

Руководствуясь тем, что становление профессионала осуществляется посредством влияния целого ряда метасистем [7]: личности, профессиональной деятельности, социальной макро– и микросреды, было сформулировано предположение, согласно которому все метасистемы одновременно наряду с положительным влиянием содержат в себе мощный деструктивный потенциал, а интегративным эффектом их влияния на становление профессионала выступает формирование в его общей структуре относительно самостоятельной подсистемы – подсистемы деструкторов.

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы.

Динамика развития ресурсной сферы в целом согласуется с уже имеющимися данными: выраженное доминирование ресурсов по отношению к деструкторам у студентов первых курсов независимо от специальности характеризует своего рода эйфорию в связи с поступлением в учебное заведение, освоение новой социальной роли – студент, гордость за себя и т.д., которая к моменту окончания учебного заведения заметно сглаживается и практически уравновешивается (равное соотношение ресурсов и деструкторов) у профессионалов.

Динамика развития деструкторов носит в значительной степени инвертированный характер по отношению к динамике ресурсов.

Динамика развития деструкторов выражена в большей степени, нежели динамика ресурсов.

Динамика развития деструкторов стабильно прогрессирует в профессиональных группах операторов, у педагогов же понижается именно у профессионалов; динамика развития ресурсов имеет свои особенности в каждой профессиональной группе: у педагогов стабильно понижается, у диспетчеров – немного понижается лишь к 5-му курсу и увеличивается у профессионалов; у машинистов аналогично понижается к 5-му курсу и постепенно повышается, начиная от помощников машинистов достигая максимума у машинистов локомотивов.

Характер этих зависимостей неоднозначный: «*зеркальный*» – у поездных диспетчеров: ослабление ресурса сопровождается усилением деструктора, что в итоге приводит к равномерному их распределению; «*прямой*» – у педагогов: понижение ресурса сопровождается понижением деструктора; «*неопределённый*» – у машинистов: некоторое понижение ресурсов у выпускников и помощников сопровождается повышением деструкторов у выпускников и дальнейшей их стабилизацией.

Таким образом, выявлено, что формирование системы деструкторов подчиняется определенным закономерностям, существенное влияние на формирование которых оказывает тип профессиональной деятельности.

Выявлено также, что в структурах личности профессионалов всех *субъективно-благополучных* респондентов ресурсы и деструкторы *сбалансировано* «распределены» в системе направленности личности интеграция-индивидуализация на всех уровнях её структурной организации и в системе всех видов детерминант.

В структурах личности *субъективно-неблагополучных* респондентов распределение ресурсов и деструкторов в системе направленности личности «интеграция-индивидуализация» наблюдаются следующие смещения:

– в профессиональной группе *поездных диспетчеров*: у 1-го курса – в направлении индивидуализации, у выпускников и профессионалов – в направлении интеграции;

– в профессиональной группе *машинистов локомотива* на всех этапах становления профессионала – в направлении индивидуализации;

– в профессиональной группе *педагогов* на всех этапах становления профессионала – в направлении индивидуализации.

Таким образом, неблагополучие профессионала в управленческой деятельности, к которой относится профессиональная деятельность поездного диспетчера, связано с чрезмерной интеграцией, включённостью – поглощённостью профессионала деятельностью.

Неблагополучие респондентов в тех видах профессий, деятельность в которых в большей степени осуществляется персонально (это профессии машиниста локомотива и педагога), связано, наоборот, с чрезмерной индивидуализацией профессионалов, с акцентированностью на себе как на определяющем субъекте деятельности.

Соответственно этому психологическое сопровождение процесса становления профессионала должно обязательно ориентироваться на полученные фактические данные.

Итак, комплексная психологическая характеристика ресурсных и деструктивных факторов становления профессионала, сущностное различие которых заключается в их роли в обеспечении становления профессионала. В качестве *ресурсов* и *деструкторов* выступают как характеристики личности, так и особенности профессиональной деятельности, выраженность, адекватность которых в контексте актуальной ситуации жизнедеятельности личности и является определяющим фактором в их влиянии на становление профессионала (ресурсном или деструктивном). В этой связи данные подсистемы приобретают как бы «распределенный характер», предстают как *инверсионная форма* всех других подсистем. Поэтому ресурсы и деструкторы, характеризуя целостную структуру личности профессионала и являясь неотъемлемой её частью, формируют баланс, нарушение которого может привести к дезорганизации, разрушению профессионала и личности в целом. Следовательно, становление профессионала обеспечивается сбалансированным «распределением» подсистем ресурсов и деструкторов на всех уровнях его структурной организации и в системе всех видов детерминант.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская, К.А.* Личностные механизмы регуляции деятельности / К.А. Абульханова-Славская // Проблемы психологии личности. – М.: Наука, 1982. – С. 92–99.

2. *Ананьев, Б.Г.* Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л., 1969. – 329 с.

3. *Анцыферова, Л.И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1981. – Т. 1. – № 2. – С. 8–18.

4. *Воробьева, К.И.* Совладание как посттравматический рост / К.И. Воробьева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 4 (28). – С. 52–57.

5. *Зеер, Э.Ф.* Психология профессий / Э.Ф. Зеер. – М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.

6. *Карпов, А.В.* Психология профессиональной адаптации / А.В. Карпов, В.Е. Орёл, В.Я. Тернопол. – М.: Ин-т «Открытое Общество», 2003. – 158 с.

7. *Карпов, А.В.* Психология сознания: Метасистемный подход / А.В. Карпов. – М.: РАО, 2011. – 1088 с.

8. *Климов, Е.А.* Психология профессионала: Избранные психологические труды / Е.А. Климов. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 456 с.

9. *Любицкая, О.А.* Структура и содержание профессионального достоинства личности: монография / О.А. Любицкая. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2011. – 184 с.

10. *Маркова, А.К.* Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Знание, 1996. – 308 с/

11. *Поварёнков, Ю.П.* Проблемы психологии профессионального становления личности / Ю.П. Поварёнков. – Ярославль: Канцлер, 2008. – 200 с.

12. *Пряжников, Н.С.* Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. – М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 256 с.

13. *Сокольская, М.В.* Личностное здоровье профессионала: монография / М.В. Сокольская. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – 303 с.

14. *Фонарев, А.Р.* Психологические особенности становления личности профессионала / А.Р. Фонарёв. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. – 560 с.

15. *Шадриков, В.Д.* Психология деятельности и способности человека / В.Д. Шадриков. – М.: Логос, 1996. – 320 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

А.А. Леженина

Леженина Анна Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: Lanna0808@mail.ru

В статье рассматривается значение психологической культуры для профессиональной адаптации. Приводится исторический анализ становления понятия «психологическая культура». Автор отталкивается от понятия «культура», которое понимает как уровень развития творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации его жизни и деятельности. Далее в тексте статьи приводятся существующие в отечественной психологии определения понятия «психологическая культура». Психологическую культуру автор понимает как интегральную характеристику личности, которая проявляется в культурных способах жизнедеятельности и взаимодействия с миром, и включает содержание отношений к другому человеку и самому себе. Структура психологической культуры представлена в виде совокупности когнитивного, аффективного, мотивационного и поведенческого компонентов. Профессиональная адаптация понимается автором как процесс вхождения человека в профессию и гармонизация взаимодействий его с профессиональной средой. В статье рассматривается значение каждого компонента психологической культуры для профессиональной адаптации специалистов. Также в статье представлены результаты эмпирического исследования, рассматривающие психологическую культуру разнотипных специалистов. Результаты эмпирического исследования показывают, что психологическая культура является условием профессиональной адаптации, однако, значение психологической культуры различается в соответствии со спецификой профессиональной деятельности.

Ключевые слова: культура, психологическая культура, профессиональная адаптация.

В современной психологии большое внимание уделяется изучению психологической культуры. Ряд исследователей подчеркивают важность психологической культуры в профессиональной деятельности человека.

При рассмотрении сущности психологической культуры обратимся сначала к представлениям о культуре как общенаучной категории.

Существует множество понятий культуры, определяющих данное явление со стороны человеческой деятельности как результат достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Культура в узком смысле – это уровень развития творческих сил и способностей человека, выраженных в типах и формах организации его жизни и деятельности. Культура определяет уровень развития общества, следовательно, данное явление имеет высокую степень значимости для социума в целом. Первые рассуждения о месте культуры в жизни человека встречаются в работах мыслителей эпохи немецкой классической философии: И.Г. Гердера [8], Г.Ф. Гегеля [7], И. Канта [11].

И.Г. Гердер считал, что именно культура отличает человека от животных и составляет его специфическую сущность. По мнению философа, нет ничего менее определенного, чем понятие культуры. Культуру И.Г. Гердер понимал как порождение человека в историческом процессе и результат этого процесса, не столько разум и мышление, сколько совокупность человеческих умений. Философ считал, что именно культура формирует в человеке человека, человек же культуру создает и преобразует [8].

В своих трудах И. Кант выделял внутри культуры «культуру воспитания», «культуру умений», «культуру общения». Культуру автор рассматривал как средство реализации всего спектра задатков и склонностей человека [11].

На сегодняшний день термин «психологическая культура» прочно занял свое место в отечественной психологии, однако, единого его толкования нет. Рассмотрим некоторые определения этого термина.

Бесспорно, что понятие «психологическая культура» является психологическим, но точками пересечения являются несколько научных областей: философия, культурология и социология, этика и психология.

Первые упоминания о психологических аспектах культуры анализируются в работах Г.В.Ф. Гегеля. Культура в его понимании воплощается в «духе народов», или в «субъективном духе». Философ считал, что индивид, приобщаясь к обществу, становится личностью в меру овладения им накопленной человечеством культуры в сфере духа [7].

В середине XIX в. немецкие ученые М. Лацарус и Х. Штейнталь выдвинули концепцию, суть которой состояла в том, что люди одной национальности наделены особой единой специфической психологической культурой [4].

В русле социально-психологического направления изучением культуры занимались французские ученые Г. Лебон и Г. де Тард. В трудах Г. Лебона впервые была сделана попытка разрешения задачи управления людьми в различных культурах [22]. В своих работах Г. Тард стремился показать, как

появляются изменения в культурах и как они передаются индивидам [22].

В начале XX в. З. Фрейд возглавил новое направление в психологическом изучении культуры, получившее название «психоаналитическая концепция культуры». Зигмунд Фрейд говорил о непримиримости индивидуальности и культуры [23].

В конце XX в. психоаналитическому толкованию взаимоотношений индивида с обществом и культурой противопоставила свои идеи гуманистическая психология, рассматривавшая вопрос о недооценке человеческой личности. В работе «Психология бытия» (1997) А. Маслоу писал о самоактуализирующейся личности. В частности, исследователь отмечал, что человек обладает высшей природой, которая наравне с низшей, включает в себя потребность в значимой деятельности, в ответственности, в творчестве [14]. Понятие самоактуализирующейся личности близко идеям психологической культуры в человеке. Самоактуализирующаяся личность, по Маслоу, – это человек, интегрированный в социум и культуру, находящий себя в ней и ее в себе.

В своей работе В.В. Семикин, дает сведения об антропологическом направлении в исследовании культуры, которое развивали американские ученые А. Кребер и М. Херсковиц [20]. Так, А. Кребер разрабатывал представление о ценностной (идеальной) и реальной составляющих культуры. Ценностный аспект культуры является ее интегрирующим и смысловым началом. Автор назвал его «этосом» и дал ему такое определение «…этос – это система идеалов ценностей, доминирующих в культуре и имеющих тенденцию контролировать поведение ее членов» [20: с. 18].

М. Херсковиц работал в рамках антропологического направления в исследовании культуры. В его трудах высказывалась мысль о неразрывной связи культуры и человека, в которой культура выступает основным способом жизни людей.

В начале XX в. наблюдается тенденция к междисциплинарному подходу в изучении культуры.

Как культурологическую и психологическую проблему одновременно рассматривали культуру Дж. Хонигман, Ф. Хсю. Ученые совершили попытку проанализировать, как действует, мыслит и чувствует индивид в условиях различного культурного окружения [4].

Л.С. Выготский пришел к выводу о том, что культура – это продукт социальной жизни и общественной деятельности человека. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского направлена на обоснование определяющей роли культуры в генезисе личностного развития ребенка: «…Мы склонны поставить знак равенства между личностью ребёнка и его культурным развитием <…> Сущность культурного развития <…> заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для овладения является образование личности» [6: с. 315–316].

И.А. Зимняя под термином подразумевает два понятия: психологическую культуру как внутреннюю культуру человека и психологическую культуру как определенную совокупность явлений творчества и достижений в функционировании психологического сообщества ученых и психологов-практиков [10].

«Внутренняя» психологическая культура представляет собой основу психологической культуры личности. Однако в нашей работе более целесообразно рассматривать понятие *«психологическая культура»* как совокупность проявлений в деятельности. Так как именно в профессиональном поведении раскрываются возможности личности к адекватному взаимодействию с окружающим миром.

Психологическая культура, по мнению А.Г. Асмолова [2], является важной составляющей персональной культуры человека. Особенности психологической культуры, обозначенные А.Г. Асмоловым, показывают, что психологическая культура способствует развитию личности, в том числе и профессиональному.

К проявлениям психологической культуры О.И. Мотков относит следующее:

1) самопознание, самоанализ своих личностных и поведенческих особенностей, в результате которых осознаются жизненные предназначения, поддерживаются конструктивное самоотношение, самооценка, ставятся осуществимые цели и задачи;

2) конструктивное общение с ближними и дальними людьми, помогающее продуктивному разрешению личных, деловых и общественных вопросов;

3) хорошую саморегуляцию эмоций, действий и мыслей; гибкость мышления при решении сложных задач; гармоничный, разнообразный и адаптивно необходимый образ жизни и т.п.;

4) достаточно гармонично организованное творчество;

5) конструктивное ведение своих дел: реалистическое планирование, доведение начатого дела до конца, умение, если это соответствует изменившимся условиям, отказаться от нереальной цели и сформулировать новую, более осуществимую цель, умение работать достаточно систематично, а не импульсивно, с отдыхом и переключением на другие виды деятельности и т.п.;

6) гармонизирующее саморазвитие: наличие целей и деятельности по самовоспитанию личностных установок и поведения, улучшающих весь наш образ жизни и гармонизирующих желания, эмоции, мысли и представления о себе, людях, окружающем мире, Природе, отношение к ним [15].

Психологическая культура, согласно О.И. Моткову, «…это оптимально организованный и протекающий процесс жизни. С помощью развитой психологической культуры человек гармонично учитывает как внутренние требования личности, психики, своего тела, так и внешние требования социальных и природных сред жизни» [15: с. 24]. Наличие психологической культуры подразумевает психологическую образованность человека в сочетании с готовностью и умением использовать ее в жизни, с целью самопознания, повышения профессиональной успешности. Одно из проявлений психологической культуры наблюдается в конструктивном ведении дел: реалистическом планировании, доведении начатого дела до конца, умении, если это соответствует изменившимся условиям, отказаться от нереальной цели и сформулировать новую, более осуществимую цель, умение работать достаточно систематично, а не импульсивно, с отдыхом и переключением на другие виды деятельности и т.п. [12; 15].

Исходя из анализа исследований О.И. Моткова можно утверждать, что психологическая культура личности способствует процессу профессионального становления.

Следуя логике нашей работы, целесообразно изучение работ Л.С. Колмогоровой, которая считает, что психологическая культура является характеристикой личности, определяющей как жизнедеятельность в целом, так и профессиональную деятельность в частности. На основании работ Л.С. Колмогоровой позволительно констатировать, что психологическая культура способствует профессиональной самореализации.

В качестве определенной степени развития личности психологическую культуру рассматривает и В.В. Семикин, отмечая, что высокий уровень психологической культуры соответствует социокультурным нормам общества. В понимании В.В. Семикина, психологическая культура – это интегральная личностная характеристика, которая проявляется в культурных способах жизнедеятельности и взаимодействия с миром [20].

В приведенном определении В.В. Семикина самое важное для нас, что психологическая культура личности определяет способ ее жизнедеятельности. Анализ работ автора позволяет говорить о разных уровнях психологической культуры, причем – и это главное – именно высокая психологическая культура выражает общественные нормы. Так, человек – носитель высокой психологической культуры способен к самоорганизации, саморегуляции любой жизнедеятельности.

Анализируя феномен психологической культуры, Н.Ю. Певзнер так характеризует понятие психологической культуры – это «…интегративное образование личности, которое включает в себя взаимосвязанные психологические свойства, выполняет ценностно-регулятивную функцию психики в профессиональной деятельности и обеспечивает высокий уровень ее эффективности, а также саморазвитие и самореализацию личности как в профессии, так и в рамках жизненной стратегии в целом» [16: с. 9].

В нашей работе используется определение понятия *«психологическая культура»*, представленное в исследованиях В.В. Семикина. ***Психологическая культура*** – это интегральная характеристика личности, которая проявляется в культурных способах жизнедеятельности и взаимодействия с миром и включает содержание отношений к другому человеку и самому себе.

С точки зрения, например, таких исследователей, как О.А. Абдуллина [1], Т.Ю. Базаров [3], З.Ф. Есарева [9], Н.В. Кузьмина [12], Р. Рюттингер [19], психологическая культура связана с профессиональной деятельностью.

На наш взгляд, наиболее целесообразно представить структуру психологической культуры в виде совокупности когнитивного, аффективного, мотивационного и поведенческого компонентов.

Когнитивный компонент подразумевает способность к самопознанию, к самопринятию, к пониманию других людей. Аффективный компонент отражает способность человека к регуляции собственных эмоциональных проявлений. Мотивационный компонент раскрывает совокупность значимых личностных ценностей, позиции в области межличностных отношений с окружающими. Поведенческий компонент выражает процессуально-деятельностный аспект.

Для дальнейшего рассмотрения темы обратимся к понятию профессиональной адаптации.

Профессиональная адаптация – это процесс вхождения человека в профессию и гармонизация взаимодействий его с профессиональной средой [21].

Специфика профессиональной адаптации зависит от внешних и внутренних факторов. На наш взгляд, основными являются личностные характеристики, в частности, психологическая культура. Для детального рассмотрения этого предположения обратимся к структуре психологической культуры, приведенной выше.

Когнитивный компонент, как отмечалось, включает самопознание, понимание других людей.

Одним из основных составляющих психологической культуры является способность к самопознанию. Самопознание подразумевает возможность адекватно оценивать свои склонности, что способствует осознанному выбору профессии. Выбирая профессиональную деятельность, соответствующую интересам личности, человек изначально способствует профессиональной адаптации.

Психологическая направленность ума, как уточняет О.В. Пузикова, формируемая под влиянием психологического знания, сочетается у человека с культивированием в себе высокого уровня терпимости к индивидуальной неповторимости других людей [17], что облегчает взаимодействие личнос-

ти со средой, осуществление защитного адаптационного поведения по снижению дезадаптационного состояния, неизбежного в процессе профессиональной адаптации специалиста.

Аффективный компонент психологической культуры включает сочетание психологической устойчивости и психологической лабильности, самоотношение. Такое сочетание выражается в развитых стремлениях и умениях поддерживать преимущественно положительный эмоциональный тон, гармоничный, разнообразный и адаптивно необходимый образ жизни; создавать позитивные личностные установки и отношения; сохранять здравый смысл и мудрость в конфликте с людьми, в стрессовых ситуациях; проявлять гибкость мышления при решении сложных задач и т.п., что необходимо в процессе профессиональной адаптации.

Самоотношение, в частности характер самооценки, во многом определяет процесс профессиональной адаптации. Уровень самооценки личности влияет преимущественно на направленность её активности, а характер самооценки – на стабильность и динамику поведения и действий личности, на стиль её взаимодействия с окружающей средой, на степень уверенности личности в себе.

Перейдем к анализу **мотивационной составляющей** психологической культуры, которая характеризуется направленностью личности, сформированностью системы ценностей.

Профессиональная адаптация рассматривается и как процесс постепенного совершенствования трудовых способностей работника. Эффективность этого процесса во многом определяется направленностью личности на профессиональную деятельность.

Профессиональную адаптацию специалиста определяет адекватность мотивации. В подготовке современного специалиста акцент должен быть на формировании психологической готовности к профессиональной деятельности [21].

Процесс трудовой адаптации будет тем успешнее, чем в большей степени нормы и ценности коллектива являются или становятся нормами и ценностями отдельного сотрудника.

Поведенческий компонент психологической культуры включает такие составляющие, как коммуникативные умения, саморегуляцию действий и мыслей.

Важнейшим аспектом профессиональной адаптации является профессионально-ролевая социализация личности. Как нами уже отмечалось, психологическая культура способствует эффективному взаимодействию с окружающими, что делает процесс профессиональной социализации эффективнее.

Саморегуляция личности играет исключительно большую роль в успешности профессиональной адаптации. Профессиональная адаптация специалиста – это перманентный процесс преодоления внутренних и внешних трудностей и препятствий, что создаёт стрессовые состояния, преодоление и недопущение которых требует специальной подготовленности. Успешная адаптация невозможна без постоянного самообразования и самовоспитания специалиста. Это предполагает наличие у него навыков саморегулирования и волевой подготовленности. П.А. Просецкий считал, что одной из трудностей адаптации личности является несформированность саморегулирования поведения и деятельности, которая вызвана недостаточной подготовленностью, слабостью воли, неумением самоорганизовываться, управлять собой, своим поведением, неумением составить и выполнить правильный режим дня, организованный личный быт и досуг [5, 18].

Значима для адаптации и система ценностей личности специалиста, которая определяет его ориентации и отношения к самому себе, сотрудникам и руководителям избранной профессии, своим служебным обязанностям. Очевидно, что эти отношения могут быть или позитивными или негативными [21].

Таким образом, мы видим, что сформированность психологической культуры способствует профессиональной адаптации. Проблемы профессиональной адаптации актуальны в современном обществе. Наибольшую значимость они приобретают для профессий типа «человек–человек», прежде всего, это объясняется спецификой этой отрасли, заключающейся в том, что ее объектом является человек.

Нами было проведено эмпирическое исследование, рассматривающее психологическую культуру разнотипных специалистов. В исследовании принимали участие специалисты типов «человек – человек» и «человек – техника».

При рассмотрении результатов исследования установлено следующее. Для специалистов профессиональной деятельности типа «человек–человек» значимы все компонента психологической культуры. Отсутствие сформированности какого-либо компонента приводит к потере эффективности профессиональной деятельности в целом и к снижению эффективности профессиональной адаптации в частности. Наибольшее влияние на профессиональную адаптацию оказывают самопринятие, эмоциональная устойчивость, эмоциональная лабильность, профессиональная направленность.

Для специалистов профессиональной деятельности типа «человек–техника» значимы отдельные компоненты психологической культуры. Исследование показало, что для профессиональной деятельности значимы когнитивный и аффективный компоненты психологической культуры. Наибольшее влияние на профессиональную адаптацию оказывают потребность в получении новых знаний, понимание других людей, самопринятие, эмоциональная устойчивость.

Подводя итоги нашей работе, хочется подчеркнуть, что психологическая культура является основой профессиональной адаптации, однако, значение психологической культуры различается в соответствии со спецификой профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллина, О.А.* Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования / О.А. Абдуллина. – М: Просвещение, 1984. – 207 с.

2. *Асмолов, А.Г.* Психология личности / А.Г. Асмолов. – М. : МГУ, 1990. – 270 с.

3. *Базаров, Т.Ю.* Социально-психологические методы и технологии управления персоналом организации: автореф. дис. … д-ра психол. наук / Т.Ю. Базаров – М.: МГУ, 1999. – 40 с.

4. *Белик, А.А.* Культурология. Антропологические теории культур / А.А. Белик. – М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 1999. – 239 с.

5. *Воробьёва, К.И.* Особенности смысловой сферы педагогов высшей школы / К.И. Воробьёва, Н.М. Опарина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: научно-теоретический журнал. – 2012. – № 2. – С. 119–124.

6. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

7. *Гегель, Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: Субъективный дух (Антропология) / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – 389 с.

8. *Гердер, И.Г.* Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 705 с.

9. *Есарева, З.Ф.* Особенности деятельности преподавателя высшей школы / З.Ф. Есарева. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. – 112 с.

10. *Зимняя, И.А.* Педагогическая психология: учебник для вузов / И.А. Зимняя. – М.: Логос, 1999. – 480 с.

11. *Кант, И.* Сочинения: В 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1996. – Т. 6. – 160 с.

12. *Кузьмина, Н.В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н.В. Кузьмина. – М.: Высш. шк., 1990. – 119 с.

13. *Лазарева, Л.Г.* Смысловые конфликты в структуре личности и деятельности педагога высшей школы / Л.Г. Лазарева, Н.Г. Григорьева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: научно-теоретический журнал – 2012. – № 2. – С. 113–119.

14. *Маслоу, А.* Психология бытия: пер. с англ. / А. Маслоу. – М.: Рефл-бук; – Киев: Ваклер, 1997. – 304 с.

15. *Мотков, О.И.* Психология самосознания личности: практическое пособие / О.И. Мотков. – М., 1993. – 145 с.

16. *Певзнер, Н.Ю.* Психологическая культура педагога и эффективность профессиональной деятельности: автореф. дис. … канд. психол. наук / Н.Ю. Певзнер. – Казань, 2007. – 24 с.

17. *Пузикова, О.В.* Психологическая культура как фактор самореализации личности (на примере личности учителя): дис. … канд. психол. наук / О.В. Пузикова. – СПб.; Хабаровск, 2003. – 210 с.

18. *Просецкий П. А.* Социальное взаимодействие в системе «преподаватель – студент» в период адаптации первокурсников к условиям высшей школы / П.А. Просецкий // Формирование личности учителя в системе учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте. – М.: МГПИ, 1980. – С. 83–84.

19. *Рюттингер, Р.* Культура предпринимательства / Р. Рюттингер. – М.: ЭКОМ, 1992. – 240 с.

20. *Семикин, В.В.* Психологическая культура в образовании человека / В.В. Семикин. – СПб., 2002. – 173 с.

21. *Сластенин, В.А.* Психология и педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Сластенин, В.П. Каширин. – М.: Академия, 2001. – 480 с.

22. *Тард, Г.* Социальная логика / Г. Тард. – СПб.: Соц.-психолог. центр, 1996. – 427 с.

23. *Фрейд, З.* Недовольство культурой / З. Фрейд // Психоанализ. Религия. Культура: сборник. – М.: Ренессанс, 1996. – С. 65–134.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ УСПЕХА РАЗНОТИПНЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ

О.А. Любицкая

К.А. Чиженко

Любицкая Ольга Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: lyubitskaya07@mail.ru

Чиженко Ксения Анатольевна – магистрант кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: chizhenko_ksenia@rambler.ru

В статье раскрывается идея существования профессионально опосредованных образов мира. Акцентируется внимание на то, что профессионалы приобретают специфическое видение окружающего мира. Различия между видением мира разнотипными специалистами позволяет выявить «замещающая реальность» – круг явлений, ситуаций, объектов. В рамках данной статьи рассматриваются результаты эмпирического исследования, в котором в качестве «замещающей реальности» выступила категория «профессиональный успех». Выборку составили представители двух профессиональных групп: специалисты железнодорожного транспорта (30 чел.) и медицинские работники (30 чел.). Процедура эмпирического исследования восприятия профессионального успеха разнотипными специалистами включала два этапа. Первый этап направлен на реконструкцию с помощью психосемантических методов представлений о профессиональном успехе, факторах, влияющих на профессиональный успех, и ситуациях переживания профессионального успеха. На втором этапе проводился сравнительный анализ представлений разнотипных специалистов о профессиональном успехе. На основании результатов эмпирического исследования авторами сформулированы следующие выводы: 1) значимое влияние на восприятие профессионального успеха оказывают как внешние (специфика труда), так и внутренние факторы (значимость профессиональной деятельности, удовлетворённость трудом); 2) психосемантические методы исследования открывают возможность рассмотреть психологические особенности восприятия профессионального успеха в языковых конструктах, характерных для определённой профессиональной группы.

Ключевые слова: профессиональное восприятие, профессиональный успех, разнотипные специалисты, ситуации переживания профессионального успеха, факторы, влияющие на профессиональный успех, психосемантические методы.

В отечественной психологии труда наблюдается тенденция активного исследования взаимосвязи профессиональной деятельности с проблемами психологии личности. В данном случае целесообразно говорить о следующем: с одной стороны, личностные особенности работника оказывают влияние на процессуальные и результативные характеристики труда. С другой стороны – существенную роль в формировании образа мира специалиста играет его профессия. Справедливость последнего положения подтверждается материалами авторитетных исследований: Е.Ю. Артемьевой [1–4], К.И. Воробьевой [5], Е.А. Климовым [6; 7], В.Ф. Петренко [9], В.П. Серкиным [2; 10], М.В. Сокольской [11], Ю.К. Стрелковым [2; 3; 12], И.Б. Ханиной [13] и др.

Результаты прикладных исследований с привлечением разнотипных специалистов указывают на то, что профессионалы приобретают специфическое видение окружающего мира – особую его категоризацию, отношение к ряду объектов, а иногда и особые свойства перцепции, которые оптимизируют взаимодействие с этими объектами. По мнению Е.Ю. Артемьевой и Ю.К. Стрелкова, характерной особенностью восприятия субъекта труда является его предрасположенность «видеть профессиональное в непрофессиональном» [3: с. 53].

Для обозначения специфичных для конкретной профессии акцентов восприятия и отражения объектов, ситуаций и отношений к ним Е.Ю. Артемьева, совместно с Ю.Г. Вяткиным, вводит понятие «мир профессии». Мир профессии является групповым инвариантом субъективного отношения профессионалов к определённым объектам и тесно связан с семантическими характеристиками [4]. Различия между видением мира разнотипными специалистами позволяет выявить «замещающая реальность» – смысловой контекст (например, круг явлений, ситуаций, объектов).

В нашем исследовании в качестве «замещающей реальности» выступила категория «профессиональный успех». Под профессиональным успехом мы понимаем переживание специалистом своей ценности, в основе которого лежат процессуальные и результативные характеристики деятельности.

Организация и методы исследования

В эмпирическом исследовании в качестве испытуемых выступили представители двух профессиональных групп:

1) 30 специалистов Дальневосточной железной дороги (начальники станций, работники вагонных и локомотивных депо, дистанций пути и дистанций сигнализации и связи, инженеры по комплектации оборудования);

2) 30 медицинских работников Консультативно-диагностического центра «Вивея» г. Хабаровска (заместитель главного врача по методической работе, заведующие и старшие медицинские сёстры отдалений, врачи-терапевты, врачи-неврологи, врачи-лаборанты, педиатры, фармацевты-провизоры).

Реконструкция представлений разнотипных специалистов о профессиональном успехе проводилась с помощью психосемантических методов (ассоциативного эксперимента и метода свободного описания). Отметим, что, по мнению Е.Ю. Артемьевой, Ю.К. Стрелкова и В.П. Серкина, построение семантических пространств – это «… по существу единственный подход для описания структур опыта, рассматриваемых в деятельностном, а не когнитивном аспекте» [2: с. 100].

Процедура эмпирического исследования включала ***два этапа***.

1-й этап. ***Изучение представлений о профессиональном успехе разнотипных специалистов.*** В целях выявления категориальной структуры представлений о профессиональном успехе был использован ассоциативный эксперимент и свободное описание ситуаций, в которых испытуемые переживали профессиональный успех. С целью изучения имплицитных представлений респондентов о факторах, влияющих на профессиональный успех, использовалось свободное описание этих факторов. Результаты ассоциативного эксперимента и метода свободного описания были обработаны методом контент-анализа отдельно по каждой профессиональной группе. Обоснованность отнесения ответов испытуемых к определённым категориям и подкатегориям обеспечивалась использованием метода экспертных оценок.

2-й этап. ***Сравнительный анализ представлений разнотипных специалистов о профессиональном успехе.*** Сравнительный анализ категориальных структур представлений о профессиональном успехе, ситуациях переживания профессионального успеха, факторах, влияющих на профессиональный успех, двух профессиональных групп осуществлялся с помощью критерия φ*-угловое преобразование Фишера.

Анализ и интерпретация полученных данных

Контент-анализ полученных ассоциаций позволил реконструировать ***категориальное пространство, отражающее представления о профессиональном успехе***: профессиональная квалификация и компетентность; отношения с коллегами, руководством, потребителями услуг; удовлетворённость трудом; продвижение по службе; личностное и профессиональное развитие; достойное место работы; психофизиологическая готовность к деятельности; личностные качества; деловые качества; моральный фактор; материальный фактор; эмоциональный фактор; влияние случая.

По результатам проведенного сравнительного анализа категориальных структур ***представлений о профессиональном успехе*** двух профессиональных групп с использованием критерия φ*-угловое преобразование Фишера были выявлены значимые статистические различия (табл. 1).

Согласно результатам исследования, представления специалистов железнодорожного транспорта, в отличие от медицинских работников, в большей степени связаны с продвижением по службе ($p \leq 0{,}01$) и моральным фактором ($p \leq 0{,}05$) (табл. 1). Категория «Продвижение по службе» объединила следующие ответы железнодорожников: «карьерный рост», «движение по карьерной лестнице», «успешный карьерный рост», «руководящая должность», «повышение в должности» и др. Категория «Моральный фактор» представлена такими ответами, как «самосознание важности дела», «чувствовать себя нужным предприятию», «благодарность», «благодарность от руководства» и т.д.

Представления медицинских работников о профессиональном успехе, в отличие от железнодорожников, в большей степени связаны с деловыми качествами ($p \leq 0{,}01$). Категория «Деловые качества» объединила такие ответы медицинских работников, как «самодостаточность», «деловитость», «уверенность», «успешность».

В качестве различий в представлениях о профессиональном успехе можно рассматривать отсутствие ассоциаций на понятие-стимул «профессиональный успех» у железнодорожников по категориям «Отношения с потребителями услуг», «Персоналии», «Атрибуты успеха». Отметим, что профессиональный успех ассоциируется у медицинских работников с такими фамилиями, как Г.И. Горин[1], Л.М. Рошаль[2], А.П. Чехов[3] (эти ответы были включены нами в категорию «Персоналии»).

[1] Горин Григорий Израилевич – драматург, писатель-сатирик, сценарист; выпускник 1-го Московского медицинского института им. И.М. Сеченова, несколько лет работал врачом скорой помощи.

[2] Рошаль Леонид Михайлович – доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ неотложной детской хирургии и травматологии, эксперт Всемирной организации здравоохранения.

[3] Чехов Антон Павлович – общепризнанный классик мировой литературы, русский писатель, драматург, по профессии врач.

У медицинских работников, в отличие от специалистов железнодорожного транспорта, не было зафиксировано ответов по таким категориям, как «Влияние случая», «Личностные качества» и «Отношения с руководством».

По результатам проведённого контент-анализа выделены ***три вида ситуаций переживания профессионального успеха***, связанные: 1) с профессиональной деятельностью; 2) профессиональным взаимодействием; 3) повышением профессиональной самооценки. Категория «Ситуации, связанные с профессиональной деятельностью» представлена подкатегориями: «Профессиональная компетентность», «Продвижение по службе», «Профессиональное развитие». Категория «Ситуации, связанные с профессиональным взаимодействием» включает подкатегории: «Отношения с коллегами», «Отношения с руководством», «Отношения с потребителями услуг», «Взаимодействие на научных конференциях», «Взаимодействие с другими организациями». Категория «Ситуации, связанные с повышением профессиональной самооценки» представлена подкатегориями: «Моральное стимулирование», «Материальное стимулирование» и «Умение отстоять свою позицию».

По результатам сравнительного анализа категориальных структур представлений о ситуациях переживания профессионального успеха двух профессиональных групп с помощью критерия φ*-угловое преобразование Фишера были выявлены статистически значимые различия (табл. 2).

Полученные данные (табл. 2) свидетельствуют о том, что по категории «Ситуации, связанные с профессиональной деятельностью» значимых статистических различий не обнаружено. Следует при этом отметить, что железнодорожники чаще, чем медицинские работники упоминали ситуации переживания профессионального успеха, связанные с профессиональной деятельностью.

В рамках категории «Ситуации, связанные с профессиональной деятельностью» статистически достоверные различия в представлениях двух групп выявлены по подкатегории «Продвижение по службе» ($p \leq 0,05$). Согласно результатам исследования для специалистов железнодорожного транспорта более характерно, чем для медицинских работников, ситуации успеха ассоциировать с продвижением по службе. Отметим, что полученные данные согласуются с результатами ассоциативного эксперимента на понятие-стимул «профессиональный успех». В подкатегорию «Продвижение по службе» вошли следующие ответы железнодорожников: «сдача экзаменов на должность», «повышение разряда», «предложение более высокой должности», «повышение в должности», «перевод из одной бригады в другую, сопровождающийся повышением разряда» и т.д.).

Таблица 1

Сравнительный анализ представлений о профессиональном успехе специалистов железнодорожного транспорта и медицинских работников

Категория	Процентная доля		φ-критерий Фишера	Уровень значимости
	железнодорожники	медицинские работники		
Продвижение по службе	28,1	6,0	4,31	$p \leq 0,01$
Отношения с потребителями услуг	–	6,0	3,43	$p \leq 0,01$
Атрибуты успеха	–	4,8	3,06	$p \leq 0,01$
Деловые качества	0,9	9,6	3,04	$p \leq 0,01$
Влияние случая	4,4	–	2,93	$p \leq 0,01$
Персоналии	–	3,6	2,64	$p \leq 0,01$
Личностные качества	3,5	–	2,6	$p \leq 0,01$
Отношения с руководством	1,8	–	1,86	$p \leq 0,05$
Моральный фактор	5,3	1,2	1,69	$p \leq 0,05$
Материальный фактор	18,4	10,8	1,5	–
Личностное и профессиональное развитие	5,3	10,8	1,42	–
Удовлетворённость трудом	4,4	8,4	1,14	–
Эмоциональный фактор	4,4	8,4	1,14	–
Профессиональная квалификация и компетентность	6,1	9,6	0,9	–
Достойное место работы	0,9	2,4	0,83	–
Психофизиологическая готовность к деятельности	2,6	4,8	0,81	–
Отношения с коллегами	13,2	12,0	0,25	–
Морально-нравственные качества	0,9	1,2	0,2	–
Итого:	100	100		

Таблица 2

Сравнительный анализ представлений о ситуациях переживания профессионального успеха специалистов железнодорожного транспорта и медицинских работников

Категория	Подкатегория	Процентная доля		φ-критерий Фишера	Уровень значимости
		железнодорожники	медицинские работники		
Ситуации, связанные с профессиональной деятельностью	Продвижение по службе	30,4	13,2	1,93	$p \leq 0,05$
	Профессиональная компетентность	28,3	28,9	0,05	–
	Профессиональное развитие	13,0	15,8	0,36	–
Итого по категории:		71,7	57,9	1,32	-
Ситуации, связанные с профессиональным взаимодействием	Взаимодействие на научных конференциях	–	5,3	2,07	–
	Отношения с потребителями услуг	–	15,8	3,73	$p \leq 0,01$
	Отношения с руководством	2,2	–	1,35	–
	Отношения с коллегами	2,2	7,9	1,24	–
	Взаимодействие с другими организациями	2,2	–	1,35	–
Итого по категории:		6,6	28,9	2,8	$p \leq 0,01$
Ситуации, связанные с повышением профессиональной самооценки	Моральное стимулирование	6,5	10,5	0,65	–
	Умение отстоять свою позицию	–	2,6	1,47	–
	Материальное стимулирование	15,2	–	3,65	$p \leq 0,01$
Итого по категории:		21,7	13,2	1,02	-

Не выявлено статистически значимых различий в представлениях двух групп по подкатегории «Профессиональная компетентность». Этот эмпирический факт позволяет говорить о том, что оценка профессиональной компетентности – значимая составляющая профессиональной деятельности как для медицинских работников, так и для специалистов железнодорожного транспорта. Необходимо при этом заметить, что ответы, включенные нами в эту категорию, отражают объективные и субъектные критерии успешности деятельности сравниваемых профессиональных групп. Так, в подкатегорию «Профессиональная компетентность» включены такие ответы медицинских работников, как «положительный эффект при лечении сложных больных», «успешные экстренные ситуации», «каждый день, когда видишь результат своего труда», «диагностика болезни ***Бенье–Бека***–Шауманна», «правильно поставленный диагноз», «правильно и своевременно оказанная помощь», «ощущение морального удовлетворения и радости при успешном внедрении новой методики диагностики», «ведение циклов первичной специализации и усовершенствования врачей и лаборантов» и др.).

Подкатегория «Профессиональная компетентность» представлена следующими ответами специалистов железнодорожного транспорта: «выполнение сложных задач, при которых максимально достигнута поставленная цель», «профессиональные трудности», «пропуск путеизмерительного вагона», «успешная сдача экзамена», «грамотное исполнение служебных обязательств», «устранение неисправности при чрезвычайных ситуациях», «нахождение трещин в рельсах, которые угрожают безопасности движения поездов» и т.д.).

Представления медицинских работников о ситуациях переживания профессионального успеха, в отличие от специалистов железнодорожного транспорта, в большей степени связаны с профессиональным взаимодействием ($p \leq 0,01$). В рамках категории «Ситуации, связанные с профессиональным взаимодействием» наиболее значимые статистические различия, выявленные по подкатегории «Отношения с потребителями услуг» ($p \leq 0,01$). Следует отметить, что при анализе полученных данных не было зафиксировано ответов железнодорожников, в которых бы они указывали на ситуации переживания профессионального успеха, связанные с взаимодействием с потребителями услуг. Полученные данные можно объяснить отсутствием непосредственных контактов железнодорожников с потребителями услуг. Необходимо при этом отметить, что ситуации переживания профессионального успеха, связанные с взаимодействием с пациентами упоминались медицинскими работниками чаще, чем взаимоотношения с коллегами по работе.

Ситуации переживания профессионального успеха, связанные с контактами с потребителями услуг, описывались медицинскими работниками через такие ответы, как «хорошие отзывы пациентов, бла-

годарность за правильно поставленный диагноз», «благодарность пациентов», «выздоровевший больной», «когда твои выздоровевшие пациенты советуют тебя своим друзьям и знакомым» и т.д.

Статистически значимых различий в представлениях двух групп не выявлено по подкатегории «Отношения с коллегами». Этот эмпирический факт говорит о том, что взаимодействие и взаимовыручка являются значимыми составляющими профессиональной деятельности как медицинских работников, так и специалистов железнодорожного транспорта.

Статически достоверных различий в представлениях двух профессиональных групп не выявлено по категории «Ситуации, связанные с повышением профессиональной самооценки». Анализ процентных долей позволяет говорить о том, что ситуации, связанные с переживанием профессиональной значимости, в большей степени ассоциируются с представлениями о профессиональном успехе у железнодорожников, чем у медицинских работников.

В рамках этой категории значимые различия выявлены по подкатегории «Материальное стимулирование» ($p \leq 0{,}01$). В структуре представлений о профессиональном успехе медицинских работников эта подкатегория отсутствует. Данный эмпирический факт можно объяснить более развитой системой материального стимулирования в структуре ОАО «РЖД». Подкатегория «Материальное стимулирование» представлена следующими ответами железнодорожников: «награда за многолетний безупречный труд», «премия за безаварийность», «получение материального вознаграждения», «премирование за хорошую работу», «премия за качественную работу», «премия по итогам предупреждения аварийной ситуации» и т.д.

Значимых статистических различий в представлениях двух рассматриваемых групп не выявлено по подкатегории «Моральное стимулирование». Следует при этом отметить, что медицинские работники чаще, чем железнодорожники указывали на ситуации переживания профессионального успеха, связанные с моральным стимулированием. Эта подкатегория представлена следующими ответами медиков: «награждение дипломом 1-й степени «Лучший хирург» в краевом конкурсе «Признание» в 2010 г.», «поощрения (грамота, благодарность) за успехи в трудовой деятельности» и др. Моральное стимулирование специалисты железнодорожного транспорта описывали через следующие ответы: «благодарность от начальника отделения дороги за добросовестное отношение к работе и своим обязанностям», «получение благодарности от руководства ДВЖД за работу», «похвала со стороны начальства» и т.д.

По результатам проведенного контент-анализа выявлены ***факторы, влияющие на профессиональный успех:*** компетентность, удовлетворённость трудом, ценностное отношение к профессии, профессиональная рефлексия, личностно-деловые качества, мотивация, эмоциональный фактор, социальный фактор, влияние случая. Выделены составляющие удовлетворённости трудом, влияющие на профессиональный успех: заработная плата, отношения с коллегами и руководством, условия труда и оснащённость, возможность продвижения по службе, профессиональное развитие, статус организации. Фактор личностно-деловых качеств представлен коммуникативными, морально-нравственными, волевыми, лидерскими, деловыми качествами и особенностями саморегуляции.

Сравнительный анализ категориальных структур ***представлений о факторах, влияющих на профессиональный успех***, с помощью критерия φ*-угловое преобразование Фишера позволил выявить достоверные различия (табл. 3).

Полученные данные (табл. 3) позволяют говорить о том, что представления медицинских работников о факторах, влияющих на профессиональный успех, в большей степени связаны с фактором компетентности ($p \leq 0{,}05$). Необходимо отметить, что профессиональная деятельность медицинского персонала направлена на сохранение и укрепление здоровья людей, а некомпетентные действия этих работников могут привести к летальному исходу. Фактор компетентности объединял такие ответы медиков, как «профессиональные знания», «сформированные умения и навыки», «качественное выполнение работы», «знание своей специальности», «знание основ смежных специальностей», «знание новых препаратов, методик лечения», «знание основных принципов работы на современных аппаратах лабораторной диагностики», «умение работать на современном медицинском оборудовании», «вынесение предложений по улучшению качества работ», «компетентность в профессиональных вопросах», «качественное образование» и т. д.

Согласно полученным данным для работников железнодорожного транспорта компетентность также является значимым фактором профессионального успеха. Следует отметить, что профессиональная деятельность железнодорожников характеризуется, прежде всего, системными мерами, направленными на обеспечение высокого уровня безопасности движения поездов. Непрофессионализм, ошибочные действия могут привести не только к аварийным ситуациям на железной дороге, но и стать причиной гибели людей. Фактор компетентности объединил следующие ответы специалистов железнодорожного транспорта: «профессиональная подготовка», «наличие соответствующего образования», «профессионализм», «знание всех тонкостей своей специальности», «опыт работы», «профессиональная пригодность», «компетентность нижестоящих работников» и др.

Таблица 3

Сравнительный анализ представлений специалистов железнодорожного транспорта и медицинских работников о факторах, влияющих на профессиональный успех

Категория	Подкатегория	Процентная доля		φ-критерий Фишера	Уровень значимости
		железнодорожники	медицинские работники		
Компетентность		11,1	19,2	1,68	p≤0,05
Удовлетворённость трудом	Удовлетворённость заработной платой	6,1	4,2	0,63	–
	Удовлетворённость отношениями с коллегами	14,1	4,2	2,63	p≤0,01
	Удовлетворённость отношениями с руководством	8,1	1,7	2,32	p≤0,01
	Удовлетворённость условиями труда и оснащённостью	4,0	7,5	1,12	–
	Удовлетворённость возможностью продвижения по службе	3,0	–	2,56	p≤0,01
	Удовлетворённость профессиональным развитием	5,1	13,3	2,14	p≤0,05
	Удовлетворённость статусом организации	–	1,7	1,93	p≤0,05
Итого по категории:		40,4	32,5	1,22	–
Личностно-деловые качества	Деловые качества	13,1	15,8	–	-
	Волевые качества	17,2	9,2	1,76	p≤0,05
	Морально-нравственные качества	5,1	1,7	1,43	–
	Коммуникативные качества	4,0	2,5	0,63	–
	Лидерские качества	–	0,8	1,32	–
	Особенности саморегуляции	–	1,7	1,93	p≤0,05
Итого по категории:		39,4	31,7	1,19	–
Ценностное отношение к профессии		3,0	1,7	0,63	–
Эмоциональный фактор		–	2,5	2,34	p≤0,01
Профессиональная рефлексия		–	0,8	1,32	–
Влияние случая		1,0	0,8	0,15	–
Мотивационный фактор		2,0	5,8	1,49	–
Социальный фактор		3,0	5,0	0,76	–
Итого:		100	100		

Статистически значимых различий в представлениях двух групп не выявлено по фактору удовлетворённости трудом. Сравнительный анализ процентных долей показал, что специалисты железнодорожного транспорта чаще, чем медицинские работники упоминали влияние этого фактора на профессиональный успех.

Согласно полученным результатам такие составляющие удовлетворённости трудом, как возможность продвижения по службе (p≤0,01), отношения с коллегами (p≤0,01) и руководством (p≤0,01) в большей степени ассоциируются с факторами, влияющими на профессиональный успех, у железнодорожников, чем у медицинских работников.

Представления медицинских работников, в отличие от специалистов железнодорожного транспорта, в большей степени связаны с удовлетворённостью профессиональным развитием (p≤0,05) и статусом организации (p<0,05). Значимость первой обозначенной составляющей удовлетворённости трудом объясняется тем, что медицинский работник должен постоянно актуализировать свои знания об арсенале средств лечения, знать особенности установления благоприятного психологического контакта с больным. Необходимо отметить, что в исследовании В.А. Москалева выявлена положительная взаимосвязь между формированием психической дезадаптации личности врача и низким уровнем выраженности мотивации профессионального самосовершенствования [8]. Так, подкатегория «Удовлетворённость профессиональным развитием» объединила такие ответы медицинского персонала, как «повышение профессионального уровня», «возможность обучения для подтверждения и совершенствования профессиональных навыков», «повышение своих профессиональных знаний и умений», «возможность повысить свой профессиональный уровень», «регулярное самообразование», «совершенствование своего труда», «работа с периодической печатью, современными изданиями медицинского мира», «постоянное участие в конференциях, циклах повышения квалификации», «участие в научно-исследовательской работе» и т.д.

По результатам проведенного контент-анализа представлений о факторах, влияющих на профессиональный успех, у специалистов железнодорожного транспорта не было зафиксировано ответов по эмоциональному фактору и профессиональной рефлексии. Этот эмпирический факт позволяет сделать вывод о том, что эмоционально-положительное отношение к труду и профессиональная рефлексия являются более значимыми критериями успеха для медицинских работников, чем для специалистов железнодорожного транспорта.

Заключение

Резюмируя результаты эмпирического исследования, сформулируем следующие выводы:

1. Поскольку образ мира формируется в деятельности, значимое влияние на восприятие профессионального успеха оказывает специфика труда:

– специалисты железнодорожного транспорта относятся к профессиям типа «человек – техника», в которых доминируют субъект – объектные взаимодействия, а трудовая деятельность состоит в преобразовании предметного мира;

– медицинские работники относятся к профессиям типа «человек–человек», в которых ведущими являются субъект – субъектные отношения, а практическая деятельность, направлена на сохранение и укрепление здоровья людей.

2. Значимое влияние на восприятие профессионального успеха разнотипными специалистами оказывают внутренние факторы: значимость профессиональной деятельности и удовлетворённость трудом.

3. Психосемантические методы исследования позволяют изучить субъективный опыт переживаний, связанный с профессиональным успехом, и открывают возможность рассмотреть психологические особенности восприятия профессионального успеха в языковых конструктах, характерных для определённой профессиональной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемьева, Е.Ю.* Изучение структуры субъективного опыта в условиях неопределённых инструкций / Е.Ю. Артемьева, Г.А. Урунтаева // Мышление, общение, опыт: межвуз. темат. сб.; под ред. Ю.К. Корнилова. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1983. – С. 108–118.

2. *Артемьева, Е.Ю.* Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи / Е.Ю. Артемьева, Ю.К. Стрелков, В.П. Серкин // Мышление, общение, опыт: межвузов. темат. сб.; под ред. Ю.К. Корнилова. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1983. – С. 99–107.

3. *Артемьева, Е.Ю.* Профессиональная составляющая образа мира / Е.Ю. Артемьева, Ю.К. Стрелков // Мышление и общение: активное взаимодействие с миром: сб. науч. тр. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. – С. 52–65.

4. *Артемьева, Е.Ю.* Психосемантические методы описания профессии / Е.Ю. Артемьева, Ю.Г. Вяткин // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 127–133.

5. *Воробьева, К.И.* Психология успеха: монография / К.И. Воробьева. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2011. – 118 с.

6. *Климов, Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях: учеб. пособие / Е.А. Климов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 224 с.

7. *Климов, Е.А.* Психология профессионала / Е.А. Климов. – М.: Ин-т практич. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – 400 с.

8. *Москалев, В.Л.* Психолого-акмеологическое сопровождение последипломного образования специалистов лечебно-профилактических учреждений: дис. ... канд. психол. наук / В.Л. Москалев. – М., 2001. – 176 с.

9. *Петренко, В.Ф.* Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 208 с.

10. *Серкин, В.П.* Структура и функции образа мира в практической деятельности: дис. ... д-ра психол. наук / В.П. Серкин. – М., 2005. – 356 с.

11. *Сокольская, М.В.* Личностное здоровье профессионала: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / М.В. Сокольская. – Хабаровск, 2012. – 54 с.

12. *Стрелков, Ю.К.* Структуры профессионального опыта / Ю.К. Стрелков // Д.А. Ошанин и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д.А. Ошанина; под общ. ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008. – С. 187–210.

13. *Ханина, И.Б.* К вопросу о профессиональной составляющей в структуре образа мира / И.Б. Ханина // Вестник Московского университета. – 1990. – № 3. – С. 42–49. – (Серия 14 «Психология»).

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ О ТВОРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

И.Г. Юрина

Юрина Ирина Георгиевна – аспирант кафедры филологии, педагогики и психологии Хабаровского государственного института искусств и культуры.

Контактный адрес: yurina_irina@mail.ru

В статье представлены результаты исследования о «творческом возрасте» с позиции психосемантики, изучающей развитие и функционирование системы значений индивидуального сознания в отношении тех или иных феноменов. В ассоциативном эксперименте принимали участие студенты технической и гуманитарной профессиональной направленности в количестве 107 человек. Анализ данных позволил выделить в смысловой структуре представлений такие категории, как темпоральность, деятельностность, предметность, эмоциональность, отражающие многозначность феномена «творчество» и многочисленные параметры категории «возраст», что относит представление о «творческом возрасте» к многоуровневому когнитивному образованию. Наблюдаемое существенное различие в распределении внутри экспериментальных групп по категориям «темпоральность–деятельностность–предметность» подтверждает положения о специфике образа мира разнотипных профессионалов. Определение этих категорий как зависимых переменных позволяет разработать эмпирический инструментарий для операционализации и обоснования психодиагностического потенциала конструкта «творческий возраст», а также создать его теоретическую модель в контексте профессиональной деятельности и развития.

Исследование представлений о творческом возрасте как психологического феномена репрезентации временной перспективы самореализации представляется важным в определении мотивирующей составляющей активности, определении субъективных факторов «продления» творческого возраста, понимании реального жизненного потенциала личности в условиях актуализации творчества и креативности в современном профессиогенезе.

Ключевые слова: творческий возраст, ассоциации, ментальные репрезентации, категориальный анализ представлений, специфика профессионального образа мира.

Исследования феномена творчества в контексте профессиогенеза выходит за рамки традиционно «творческих» профессий и рассматривается как свойство, характер или специфическая особенность, присущие любой деятельности и обусловливающую личную эффективность ее субъекта.

Психологические исследования поиска закономерностей, предикторов, факторов полноценного раскрытия креативного субстантива как рабочего «мускула», обеспечивающего выполнение и реализацию профессиональных задач, во многом преследуют цели «управления» этим ресурсом [10] и должны включать как факторы внешнего «управления», так и внутренние стимулы реализации творческого Я.

В современных психологических исследованиях в качестве внутренних детерминант высоких достижений, активности, творческой реализации рассматриваются как личностные феномены, так и мотивационные факторы (уверенность в себе и своей эффективности, вера в собственный потенциал, наличие в основе деятельности глубокого личностного смысла и др.). Внутренняя мотивация становится ключом к пониманию жизненных устремлений и достижений в силу того, что в ней опосредуются личностные смыслы – корневая система, из которой произрастают эмоции, представления, достижения, цели. К. Роджерс подчеркивал, имеющееся в каждом человеке стремление к самоактуализации, которое разворачивается при условии наличия внутренних стандартов самооценивания, что в определенной мере связано с влиянием сформированной системы установок в отношении себя как творческой (или нетворческой) личности.

Немаловажное значение в системе ценностей и смыслов приобретает взаимовлияние установок в отношении личностных ресурсов, самооценки творческого потенциала на определенном этапе жизни и временных установок как относительно позитивной или негативной настроенности субъекта по отношению к своему прошлому, настоящему и будущему [3; 7]. Более того, как подчеркивал Г. Элленберг, независимо от чувства переживания времени невозможно понять и сам смысл жизни. «…Искажение чувства времени – это естественный результат искажения смысла жизни» [11: с. 216].

Мотивирующее влияние временных установок во многом определяется отношением личности к возрастным периодам наиболее полной реализации своего творческого потенциала, представлениями о возможной длительности (перспективе) творческой активности, оценок и переживаний своей реализованности в возрастном процессе. Творческая составляющая как показатель продуктивности и профессиональных достижений и ее зависимость от возраста включена в качестве объекта в различные исследования. В частности, к важному аспекту проблемы относится выявление закономерностей в

соотношении хронологического возраста и пика творческих достижений в различных областях деятельности (Р. Вудвортс, Э. Нельсон, И. Перн, Р. Стивенс, А. Бодалев, Л. Рудкевич, М. Зощенко, Г. Леман, М. Ранк, Д. Симонтон и др.).

Следует подчеркнуть что в современной психологии, наряду с изучением биологических, социальных, психических аспектов возрастной категоризации, предполагающих объективную (внешнюю) оценку, все больший интерес вызывает феномен субъективной оценки индивидом времени своей жизни и своего возраста (А. Кроник, Р. Ахмеров, В. Ковалев, К. Альбуханова, Т. Березина, А. Болотова, М. Аксенов, М. Чиксентмихайли и др.). В контексте активизации исследований субъективного переживания временных модусов жизни, интересна проблема взаимосвязи творческой продуктивности и субъективной оценки своего творческого возраста. На наш взгляд, каждое из составляющих конструкт-понятий – «творческий» и «возраст» – может быть представлено как соотношения социально-объективных и субъективно-личностных характеристик:

– творческий возраст как характеристика определенного возрастного требования к профессии (балет, спорт, авиация и т.д.), его нельзя измерить, только констатировать;

– творческий возраст как показатель качества мышления, креативной способности, которые можно измерить и которые определяют продуктивность профессионала вне жесткой зависимости от возраста хронологического;

– творческий возраст как возраст, наполненный смыслом, фактическое ощущения своего возраста (любого) как творческого, «творческий» как «интересный», «осмысленный», «развивающийся», «обновленный» [12].

Учитывая, что профессиональный мир – сложившаяся система генеративных правил, в структуре которой представления о возрастной продуктивности и трудоспособности часто жестко предписаны, оценочно-рефлексивные переживания в отношении возрастных возможностей творчества могут становиться причиной внутреннего конфликта. Глубина и последствия внутреннего конфликта могут быть усилены объективно существующими и субъективно переживаемыми барьерами творчества (например, В.М. Воскобойников, выделяет такие барьеры творчества, как предубеждение, неверие в свои силы, недоверие к коллегам, ригидность взглядов и установок, приспособленчество) [5: с. 35].

Анализ проблемы в тематическом пространстве понятия «творческий возраст» актуализирует ряд вопросов: что представляет сам субъект творчества под этим понятием, как соотносятся его представления о творчестве с жизнедеятельностью в целом и профессиогенезом, с разными возрастными периодами, считает ли он, что в его жизни творчеству есть место (часто можно услышать, что я не творческий человек – так как не могу играть на скрипке) и т.д.

Реконструкция системы различных представлений личности о мире – это, прежде всего, реконструкция системы индивидуальных значений и личностных смыслов [2; 9]. Субъективное пространство представлений личности о творчестве и его возрастных пределах (или их отсутствии) включается в той или иной мере глубины в общую мотивационную систему профессиональной самореализации.

Проведенный нами ассоциативный эксперимент позволил выявить содержание представлений о «творческом возрасте» и выделить четыре основные группы представлений:

1. *Темпоральные* представления о «творческом возрасте»: с четкой временной локализацией, без дополнительных ассоциаций (20, 40, 30–45, 35–50 лет, детство, юность, средний возраст, зрелость; без ограниченной временной локализации (вся жизнь, творчеству все возрасты покорны, безграничный процесс, этап жизни, жизнь целиком; временная локализация в контексте социальных факторов (карьера, общность интересов разных жизненных возрастов, ступени роста, возрастная лестница успеха; временная локализация в свете субъективных ощущений и представлений (период взросления и творческого потенциала, многолетняя любимая деятельность; временная локализация, окрашенная эмоциональными переживаниями (17–25 лет – внезапная любовь).

2. *Субъективные* смыслы и переживания творческого возраста (представления с ярко выраженной эмоциональной окраской (полет, романтика, любовь, желание, феерия, ощущения чуда); репрезентации, отражающие представления о качественных личных состояниях (вдохновение, опыт познания, зрелость видения мира, мудрость, мировоззрение, скорость, мечта, время воплощения невиданных фантазий, удовлетворение); представления, отражающие эмоционально окрашенные субъективные состояния (черная дыра, необитаемый остров, кризис жанра, бессонница, бесстрашие, отсутствие страха неудач).

3. *Деятельностный* аспект творческого возраста включает следующие представления: творческий возраст как движение, развитие (рост творческого потенциала, развитие в творческом направлении, саморазвитие, проявление инициативы, достижение целей, творческие успехи, время воплощений, энтузиазм, результат, активность,); творческий возраст как опыт и игра (познание, смена старых навыков на новые, приход нестандартных, оригинальных идей, стремление узнать что-то новое, поиски нового, уровень профессиональной деятельности); творческий возраст как вдохновение (полет, крылья, переполнение замыслами).

4. *Предметный* аспект творческого возраста (пианино, книга, певица, актриса, театр, роль, музей, дети, ребенок, муза, малыш в песочнице, зрелая женщина, гора, ступени и т.д.) [11].

Ассоциативный эксперимент показал, что в структуре представлений о творческом возрасте тесно взаимосвязаны темпоральные и ценностные (субъективно-эмоциональные) составляющие категории времени как длительности и времени, так и ценности. Представляется важным факт, что большинство представлений о творческом возрасте несут положительную эмоциональную окраску. В определенной мере это отражает понимание субъектом мотивирующего потенциала творчества и представления о творческом возрасте как желательном самоощущении.

В исследовании системы представлений человека о его внешнем пространстве и внутреннем мире необходимо учитывать специфику той деятельности, которая является наиболее значимой в его образе жизни. Влияние специфики профессиональной деятельности на семантическое оценивание объектов мира были зафиксированы в ходе экспериментов Е.Ю. Артемьевой и представителями школы субъективной семантики (М.М. Абдулаева, В.П. Серкин, Ю.К. Стрелков, И.Б. Ханина и др.). При этом, как отмечает Е.Ю. Артемьева, «…профессиональные различия имеют проекцию и в особенностях принятия объектов мира, не являющимися непосредственно профессионально значимыми…» [2: с. 265]. Априори наличие таких связей объяснимо сложностью психических образований, реализующих принцип реципрокности.

В работах Е.А. Климова показана детерминация образа мира спецификой профессиональной деятельности, которая может определять особенности представлений о мире, отражающихся в характере практической и познавательной активности [6].

Как показывают исследования, временной фактор относится к важной составляющей образа мира профессионала. В частности, в исследованиях подтверждают различный тип организации времени у разнотипных профессионалов. Образ времени, временные представления, переживание времени, временные установки, ценностно-смысловое содержание времени являются значимыми факторами организации жизни и профессиональной деятельности (В.П. Серкин, Ю.К. Стрелков, О.А. Гаранина, И.И. Черемискина и др.).

Ассоциативный эксперимент позволил нам определить конвенциональное значение (максимально общее) понятия «творческий возраст». Основываясь на полученных данных, мы провели эмпирическое исследование, с целью выявления возможных различий в категориальной структуре представлений, определяемых профессиональной ориентацией. Мы предположили, что структура организации ассоциативного поля на стимул «творческий возраст» у представителей различной профессиональной направленности имеет особенности и отражается в специфике смыслового содержания ассоциаций. Дополнительными целями исследования было определение взаимосвязи между представлениями о творческом возрасте, длительностью жизни и творческой самооценке.

Выборку составили 57 студентов инженерно-технических (ИТС) и 51 студент гуманитарных специальностей (ГС). В качестве методов сбора эмпирических данных были использованы: ассоциативный эксперимент на стимул «творческий возраст»; модифицированный метод незаконченных предложений (представляет собой вариант незаконченных предложений для получения репрезентативного набора мотивационных объектов, характеризующих творческую «Я-концепцию» и протяженность временной перспективы личности;

Систематизация данных ассоциативного эксперимента на понятие «творческий возраст» позволила выявить соотношение категорий в структуре представлений двух экспериментальных групп: ИТС: деятельностный – 36 %; эмоциональный – 24 %; предметный – 16 %; темпоральный – 23 %; ГС: деятельностный – 23 %; эмоциональный – 30 %; предметный – 38 %; темпоральный – 9 %.

Общее количество лексических единиц-ассоциаций – 680. Выявлено 90 слов и выражений – ассоциаций повторяющихся 2 и более раза (498). Например: «творчество-творить» (32), «новое» (16), самовыражение (10), молодость (7), опыт (3), энергия (2) и т.д. Следует отметить, что количество слов-ассоциаций на стимул «творческий возраст» у студентов гуманитариев значительно больше (в соотношение – 256 (ИТС); 424 (ГС). Ассоциации студентов ИТС более идентичны, чем у студентов гуманитарных специальностей.

Творческий возраст в совокупной структуре представлений будущих инженеров – это определенная структурированная деятельность, направленная на конкретный результат, создание нового (доминирует деятельностная коннотаци). Так, особенностью представлений у студентов инженерных специальностей является указание на спортивную деятельность, что не характерно для студентов гуманитариев.

В структуре представлений студентов гуманитарных специальностей доминирует предметно-образный и эмоциональный аспект, традиционно ассоциируемые с каким либо творчеством, или состояниями, атрибутирующими творчество.

Для выявления специфики представлений о «творческом возрасте» и взаимосвязи с творческой «Я-концепцией» был использован проективный метод «Незаконченные предложения» и произведено сопос-

тавление результатов ассоциативного эксперимента с показателями фактора «Я-творческий»: «*Если рассуждать творческий ли я человек – то…*», «*Самый выдающийся мой талант….*».

Полученные данные по группам показывают практически равное долевое распределение студентов с творческой самооценкой как среди студентов инженерно-технических специальностей, так и среди студентов гуманитариев (рис. 1, 2).

На сравнительных графиках видно, что творческая самооценка пропорциональна наличию у молодых людей определенных талантов и умений. Умение играть на музыкальных инструментах, сочинение стихов, пение, рисование, вязание, рукоделие, занятие спортом, наличие увлечения является фактором, определяющим субъективную оценку себя как творческого человека. С другой стороны, практически у всех испытуемых, кто ответил «нет» на предложение «Если рассуждать творческий ли я человек – то…», в пункте «Самый выдающийся мой талант….» запись отсутствовала. Высокую личностную ценность практических умений подтверждают окончания предложения – «*Я бы хотел научиться…* ». Первое место по частоте (80 %) занимают самые разнообразные инструментальные, прикладные навыки: «прыгнуть с парашютом», «учиться водить», «готовить», «петь», «рисовать», «плотничать», «иностранные языки» и так далее. Лишь 20 % высказываний содержат поведенческие модели («не нервничать», «любить», «доверять») и диффузные намерения «всему, многому» и т.д.

Анализ категориального содержания ассоциаций во взаимосвязи с фактором «творческая самооценка» показал следующее распределение ассоциаций:

- «творческие инженеры» (деятельностный – 32 %; эмоциональный – 27 %; темпоральный – 24 %; предметный – 17 %;);
- «творческие гуманитарии» (предметный – 40 %; эмоциональный 30 %; деятельностный – 22 %; темпоральный – 8 %).
- «нетворческие инженеры» (деятельностный аспект – 44 % темпоральный – 21 %; эмоциональный – 21 %;предметный – 14 %).
- «нетворческие гуманитарии» (предметный – 33 %; эмоциональный – 30 %; деятельностный – 25 %; темпоральный – 12 %).

Распределение ассоциаций внутри групп показало, что структура представлений о «творческом возрасте» определяется не столько фактором «Я-творческий», сколько спецификой профессиональной направленности. Так, распределение в структуре представлений ассоциаций у студентов разных специальностей дифференцируется по полюсам «деятельностного» и «предметного» содержания.

Результаты выборки слов-ассоциаций, имеющих наибольший удельный вес в групповых массивах представлений, показали, что во всех четырех группах наблюдается достаточно специфическая лексическая комбинация, однако, ассоциация *«способности»* является своего рода универсалией, устойчиво представленной в пятерке самых употребляемых ассоциаций у студентов всех групп, причем у творческих студентов данная ассоциация занимает более высокую позицию. Осознание личностью обладания способностями, творческими умениями значительно повышает самооценку и включается в процесс формирование Я-образа, во многом определяя направление активности, когда не только опыт, но и субъективное переживание наличия или возможности творчества служит источником внутренних мотиваций.

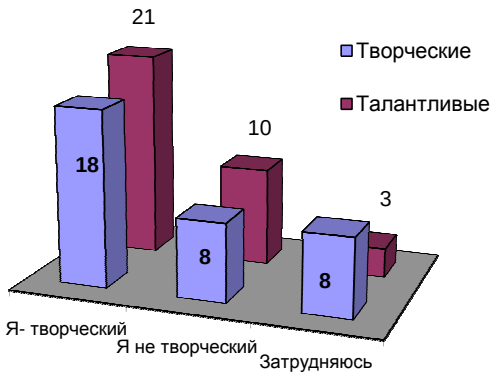

Рис. 1. Соотношение «талантливых» и «творческих» (гуманитарии)

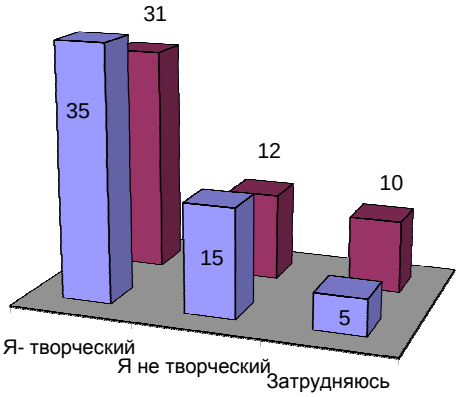

Рис. 2. Соотношение «талантливых» и «творческих» (инженеры)

Анализ предложений, отражающих отношение к долговременной перспективе – старости («*когда я буду старым…*», «*когда я выйду на пенсию…*», выявил следующее распределение по частоте высказываний: позитивные ассоциации («буду счастливой бабушкой», «буду веселить внуков», «буду молодой», «буду радоваться последним дням», «буду работать») – 50 %; («буду сидеть на пенсии», «буду отдыхать») – 30 %; негативные ассоциации («буду слабым», «буду немощным» 10 %); («не хочу об этом думать», «не знаю») – 10 %

Как показано на рис. 3, «творческие» студенты инженерно-технических специальностей в большей степени видят себя активными и деятельными в старости, чем остальные студенты.

В долгосрочной перспективе будущего (пенсия, старость) были выделены три позиции, отраженные в представлениях о старости и пенсионном возрасте – активно-деятельностная, пассивно-созерцательная и избегания. В некоторой степени эти компоненты согласуются с типологическим принципом изучения жизненных перспектив, предложенным К.А. Абульхановой, Т.Н. Березиной когнитивная (теоретизирование будущего), личностно-мотивационная (целостная/мотивационная/готовность к будущему), жизненная перспектива – как реальный жизненный потенциал [1: с. 39]. Этот аспект проблемы представляется важным, так как выявление связи творческой самооценки, творческой «Я-концепции» с репрезентацией будущего позволяет личности глубже понять жизненную перспективу, свой реальный потенциал.

Психодиагностический потенциал конструкта «творческий возраст» может содержаться в индивидуальном анализе ассоциативного ряда, позволяющем определить, какая смысловая категория доминирует в представлениях субъекта, как организованно ассоциативное поле. Например, в тексте «творчество, умный, сообразительный в чем-либо, хоть и в возрасте, достигший чего-либо, общительность» доминирует деятельностный аспект; «состояние души – душа поет, порхает, цветет, творит» – эмоциональный; «рисунок, живопись, музыка, краски, опыт, время, способности, счастье, интерес, солнце» – предметный; «вся жизнь», «время от рождения до смерти», «старость» – темпоральный.

Следует при этом подчеркнуть, что процедура выделения доминирующего смыслового значения непроста, так как сам ассоциативный текст представляет собой совокупность категорий с различными коэффициентами веса. Как отмечает Е.И. Горошко, исследователи сталкиваются с проблемой классификации ассоциаций, т.е. распределения их по группам, согласно некоторым непротиворечивым основаниям. Выбор основания классификации, как правило, определяется теми целями и задачами, которые стоят перед исследователями, использующих САЭ (свободный ассоциативный эксперимент), её основной принцип зависит напрямую от того, что исследователь хочет найти, соответственно этому обычно и выстраивается его система классификации [4].

Предлагаемая нами категоризации ассоциативного ряда на стимул «творческий возраст» по четырем основным группам не исчерпывает возможность других классификационных схем, однако, дает некоторую общую направленность выделения доминирующего ассоциативного поля в индивидуальной аспекте.

Диагностическая ценность таких данных о личности определяется тем, что «…представление мира является фундаментальным условием психической жизни субъекта. Изучение и описание структурных и функциональных единиц представления состоит в выделении тех феноменов и процессов, которые являются (или становятся) психологическими опорами, способами представления мира» [8].

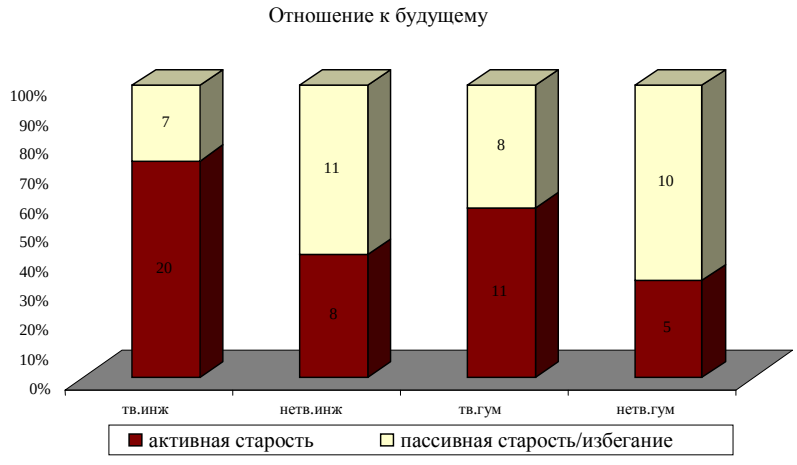

Рис. 3. Активная и пассивная старость в представлениях «творческих» и «нетворческих» студентов ИТС и ГС

Реконструкция систем значений и личностных смыслов, на основе которого строится образ мира человека, является важным этапом в понимании детерминант, обусловливающих активность человека, так как позволяет выделить ту часть жизненного мира человека, с которой он наиболее связан, и выявить влияние тех составляющих, которые включены в жизненное пространство личности. Одной из важных в практическом направлении задач может быть определение характера и степени интериоризации категорий (образов) «творчество», «время», «возраст» в системе представлений личности.

Полученные в нашем исследовании эмпирические данные показали взаимосвязь субъективной оценки своих творческих способностей и представлений о творческом возрасте в контексте профессиональной специализации. В профессиональной деятельности представление о творческом возрасте как о продуктивном и трудоспособном периоде жизни человека вне зависимости от его хронологического возраста может быть сильным мотивирующим фактором для людей, стремящихся к самореализации. Личность, ориентированная на творчество, обладающая творческой «Я концепцией», имеет более выраженную перспективу будущего.

Активность исследовательского интереса к проблематике творчества определяется все более расширяющим пониманием творчества как личностной ценности. В современных представлениях креативность, талант, творческие способности все устойчивее занимают место в системе образов, символизирующих социальную успешность и профессиональную, и личностную самореализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова, К.А.* Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.

2. *Артемьева, Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.

3. *Воробьёва, К.И.* Временная транспектива как моделирование жизненного пути К.И. Воробьёва // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2 (34). – С. 23–26.

4. *Горошко, Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] / Е.М. Горошко. – Режим доступа: http://www.textology.ru/.

5. *Ильин, Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.

6. *Климов, Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях / Е.А. Климов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 224 с.

7. *Нюттен, Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен; под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.

8. *Петухов, В. В.* Образ мира и психологическое изучение мышления / В.В. Петухов // Вестник московского университета. – 1984. – № 4. –С. 13–20. – (Серия 14 «Психология»).

9. *Серкин, В.П.* Методы психологии субъективной семантики / В.П. Серкин. – М.: ПЧЕЛА, 2008. – 378 с.

10. *Флорида, Р.* Креативный класс: люди которые меняют будущее: пер.с англ. / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2007. – 421 с.

11. *Элленберг, Г.* Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и клинический анализ / Г. Элленберг // Экзистенциальная психология. Экзистенция. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 201–237.

12. *Юрина, И.Г.* Представления о «творческом возрасте» как психологический фактор профессионального развития личности / И.Г. Юрина // Карминские чтения: материалы Всероссийской науч. конф., 15–17 ноября 2011 г. – СПб.: ПГУПС, 2011. – С. 280–284.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДОВЫХ ДИНАСТИЙ В КОНТЕКСТЕ АДАПТАЦИИ

Е.А. Зиброва

Зиброва Екатерина Александровна – кандидат психологических наук, заведующая научно-практической лабораторией психологии профессиональной деятельности Хабаровского краевого института переподготовки и повышения квалификации в сфере профессионального образования.

Контактный адрес: optima1984@mail.ru

В данной работе автор рассматривает понятие «адаптация» как процесс и результат на примере формирования трудовых династий. Адаптация как активное (осознанное или неосознаваемое) формирование субъектом стратегий и способов овладения ситуацией на разных уровнях регуляции деятельности, состояния, поведения, необходима для достижения состояния стабильности человека в изменяющемся мире. В этом контексте обращение науки и практики к психологическому феномену «династийности», включающего в себя психологические закономерности формирования профессионального самосознания, профессионального опыта и профессиональной установки, позволяет изучить адаптационный опыт, накапливаемый поколениями представителей трудовых династий, и проследить возникновение стабильности в профессиональном выборе ряда потомков.

В статье автор делает анализ адаптационных стратегий представителей трудовых династий железнодорожников и работников, не принадлежащих к трудовым династиям, раскрывает процесс накопления и передачи адаптационного опыта от поколения к поколению. Автором рассматривается как позитивный, так и негативный аспект психологического феномена «династийности» в контексте адаптации. Приводится пример адаптационного потенциала представителей трудовых династий железнодорожников, прослежена взаимосвязь адаптивности и профессиональной успешности. Автор делает попытку проанализировать трудовые династии как процесс и результат адаптации, где человек не только приспосабливается к изменяющейся профессиональной среде, но и приспосабливает эту среду к своим нуждам и потребностям, создает условия развития последующих поколений.

Ключевые слова: психология трудовых династий, адаптационные стратегии трудовых династий, адаптационный опыт трудовых династий, адаптационный потенциал трудовых династий.

«Человек в изменяющемся мире» – одна из сложнейших проблем, которую поставила современная действительность перед человечеством. Реальность предъявляет высокие требования к психическому и физическому здоровью человека. Многие глобальные процессы и явления, которые мы наблюдаем, например, формирование единой мировой сетевой рыночной экономики и ее инфраструктуры (глобализация), переход человечества к информационной цивилизации, модификация системы ценностей и моделей поведения, а также социальных институтов, регулирующих взаимодействие, порождают поиск наиболее эффективных механизмов адаптации человека в различных сферах его деятельности.

Адаптация как активное (осознанное или неосознаваемое) формирование субъектом стратегий и способов овладения ситуацией на разных уровнях регуляции деятельности, состояния, поведения необходима для достижения состояния стабильности человека в изменяющемся мире (Л.Г. Дикая, 2008). В этом контексте обращение науки и практики к психологическому феномену «династийности», включающего в себя психологические закономерности формирования профессионального самосознания, профессионального опыта, профессиональной установки, позволит изучить адаптационный опыт, накапливаемый поколениями представителей трудовых династий, и проследить возникновение стабильности в профессиональном выборе ряда потомков.

В данной работе мы сделаем попытку проанализировать возникновение трудовых династий как процесса адаптации и как ее результата.

В самом общем виде адаптация означает приспособление к изменяющейся внешней среде, этим понятием охватывается несколько аспектов. Адаптация рассматривается и как процесс приспособления некоего объекта к изменяющимся условиям внешней среды, и как результат приспособления, и как свойство, способность к приспособлению, сохранению устойчивости в изменяющихся средовых понятиях (обозначаемых самостоятельным понятием «адаптивность»).

Обращение к трудовым династиям и психологическому феномену «династийности» в контексте социально-психологической адаптации обусловлено рядом причин.

Во-первых, многие ученые (А.В. Брушлинский, К.А. Альбуханова, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.), говоря об адаптации, имеют в виду не столько приспособление к стабильным характеристикам жизнедеятельности, сколько усвоение особенностей образа жизни человека, которые являются основой его эмоционального благополучия и прогрессивного развития, основой

принятия активной жизненной позиции в процессе социального самоопределения. Здесь нельзя не сказать об образе жизни представителей трудовых династий, где передача и усвоение особенностей образа жизни напрямую связаны с образом профессии, и свидетельствует о накоплении, и, что может быть даже важнее передачи адаптационного опыта.

Во-вторых, успешность представителей трудовых династий подтверждают многие исследователи, например ряд авторов (Ю.Г. Семенов, К.И. Воробьева, Т.Х. Невструева, В.С. Паршина, и др.), занимающиеся изучением профессиональной деятельности специалистов железнодорожного транспорта, приводят данные о высокой результативности, быстром карьерном росте и удовлетворенности трудом сотрудников, продолжающих трудовые династии. Это говорит о совершенствовании представителями трудовых династий адаптационного опыта от поколения к поколению и наличию у них высокого адаптационного потенциала.

В-третьих, пример трудовых династий позволяет проследить эффективные адаптационные стратегии приспособления к изменяющейся среде, выбираемые их представителями, а также увидеть процесс приспособления трудовыми династиями самой среды к их требованиям и нуждам. Яркое тому доказательство – создание многоступенчатого отраслевого образования – от детского сада, начальной школы, лицея – до университетов. Такая организационная структура, по сути, детерминирует профессиональный выбор и формирует высокую организационную лояльность представителей династий, что в свою очередь облегчает процесс адаптации на производстве.

Таким образом, при изучении трудовых династий в контексте адаптации как процесса и результата центральными понятиями становятся: «адаптационный опыт представителей трудовых династий», «адаптационный потенциал представителей трудовых династий», «адаптационные стратегии представителей трудовых династий».

Адаптационный опыт представителей трудовых династий, процессы его накопления и передачи играет важную роль в формировании преемственности в профессии. В явлении преемственности отчетливо проявляет себя специфика передачи информации от поколения к поколению, при этом информация о профессии, ее особенностях и т.д. становится неотъемлемой частью внутреннего мира представителей династий, его психики. Раннее включение детей представителей династий в информационную среду, ранее профессиональное просвещение через накапливание знаний обо всех тонкостях и нюансах работы, касающихся как технической, так и социально-психологической сфер, формирует достаточно полноценный образ профессии. Уже с детства у них складываются первые представления о профессии, возникает оценочное отношение субъекта труда к себе относительно профессиональной деятельности. На ранних этапах начинают формироваться представления о характере, предмете и продуктах деятельности труда, формируется профессиональное сознание будущего специалиста. Адаптационный опыт, переданный еще в детстве, продолжает оказывать влияние в процессе профессиональной жизни.

В качестве примера, здесь и далее, мы будем приводить исследование трудовых династий железнодорожников [4]. По мнению Е.А. Рослякова, выбор профессии железнодорожника связан в большей степени с биографическими особенностями, чем с интеллектуальной успешностью и личностными свойствами [7]. Адаптационный опыт, сложившийся у нескольких поколений отдельной семьи, передается следующему представителю, что существенно оказывает влияние на адаптационные свойства личности такие, как: способность к приспособлению человека к существующим в профессиональном сообществе требованиям, самосознание и ролевое поведение, способности к самоконтролю, адекватные связи с окружающими, собственный стиль поведения; готовность к активной деятельности, успешность овладения профессиональными знаниями и навыками.

Анализируя оценку профессиональных представлений испытуемых, мы предполагали, что длительный стаж и опыт работы оказывают влияние на содержание представлений. Был проведен сопоставительный анализ факторных структур оценки (методы Специализированных семантических дифференциалов В.П. Серкина) представлений о профессии, профессионале и работе у студентов железнодорожных специальностей и молодых специалистов, стаж которых не превышает трех лет и стажистов, работников со стажем работы в среднем 17 лет (табл. 1, 2, 3).

Сравнительный анализ профессиональных представлений групп исследуемых, продолжающих профессиональные династии, и испытуемых, не принадлежащих к трудовым династиям, выявил отличия как в показателях «династийность – нединастийность», так и в показателях изменения стажа работы. С течением времени и накоплением опыта работы содержание представлений, а значит, убеждений и мнений о профессии железнодорожника, его работе и о личности профессионала у «нединастийников» изменяются, но не становятся идентичными. В ходе анализа профессиональных представлений «династийников» (о работе, профессии, профессионале) на разных этапах профессионализации (студенты, молодые специалисты, «стажисты») выявилась схожесть в оценке представлений стажистов и студентов [4].

С передачей адаптационного опыта и формированием такого аспекта преемственности в профессии как ее наследование, человечеством преодолевается течение времени и достигается ста-

бильность общества, но вместе с тем это может привести к крайней форме консерватизма, когда с целью удержания и сохранения достигнутого не совершенствуются старые и не развиваются новые способы деятельности [1].

Адаптационный потенциал представителей трудовых династий прослеживается через анализ профессиональной успешности представителей трудовых династий. Здесь мы говорим как о внешней стороне успешности – результативности, так и об удовлетворенности трудом представителей трудовых династий.

Результативность деятельности прослеживается с начала профессионального обучения. Интересно отметить, что студенты, продолжающие трудовые династии железнодорожников, имеют высокое качество успеваемости именно по специальным дисциплинам, т.е. они уделяют внимание тем предметам, которые будут необходимы на производстве, и они об этом информированы (табл. 4).

У представителей трудовых династий отмечается довольно быстрый старт и последующая центростремительная карьера. Было бы умозрительным заключение, что здесь имеют место явления протекционизма и группового профессионального фаворитизма, скорее это умелое использование социального капитала и проявление адаптивных способностей. Высокий уровень информированности «династийников» о своей предполагаемой карьере способствует более высокому уровню ожиданий от текущего социального статуса и занимаемой должности. Данная группа испытуемых, очевидно, желает больших возможностей и знает, что может их реализовать. «Династийники» находятся в состоянии готовности к ключевым/руководящим должностям с самого начала профессиональной карьеры. Родители информируют о возможных карьерных перемещениях, о том, какие должности способствуют карьерному росту, а какие, наоборот, препятствуют.

Таблица 1

Факторная структура представлений студентов о «профессии железнодорожник»

Номер факторной структуры	«Династийники»		«Нединастийники»	
	Название	Вклад фактора общей дисперсии, %	Название	Вклад фактора общей дисперсии, %
1	Востребованная	13,9	Удовлетворяющая	12,8
2	Значимая	11,9	Престижная	11,6
3	Интересная	11,8	Освоенная	10,2
4	Комфортная	10,7	Напряженная	8,0
5	Техническая	9,2	Техническая	7,9
6	Многосторонняя	8,6	Неэкологичная	7,6
7	Нормальная	8,3	Коллективная	5,3

Таблица 2

Факторная структура представлений молодых специалистов о «профессии железнодорожник»

Номер факторной структуры	«Династийники»		«Нединастийники»	
	Название	Вклад фактора общей дисперсии, %	Название	Вклад фактора общей дисперсии, %
1	Нервная	18,6	Техническая	14,8
2	Многосторонняя	17,4	Сложная	14,5
3	Связанная с людьми	14,2	Перспективная	14,3
4	Высокоответственная	12,2	Интересная	14,0
5	Тяжелая	7,9	Инструментальная	12,0

Таблица 3

Факторная структура представлений стажистов о «профессии железнодорожник

Номер факторной структуры	«Династийники»		«Нединастийники»	
	Название	Вклад фактора общей дисперсии, %		Название
1	Высокоответственная	18,9	Сложная	22,8
2	Творческая	14,1	Человечная	13,7
3	Освоенная	8,6	Перспективная	12,6
4	Комфортная	7,8	Творческая	8,8
5	Интересная	7,5	Комфортная	8,0
6	Человечная	7,2	Многообразная	7,2
7	Высокооплачиваемая	6,1	Безопасная	5,7

Таблица 4

Соотношение показателей результативности испытуемых «династийников» и «нединастийников»»

Наименование	«Династийники»	«Нединастийники»	φ-критерий Фишера	Значимость
Студенты				
Качество успеваемости по общим дисциплинам	57 %	62 %	–0,4	–
Качество успеваемости по специальным дисциплинам	69 %	45 %	2,0	0,05
Молодые специалисты				
Карьерные перемещения	53 %	7 %	4,4	0,001
Награждения	Не зафиксированы	Не зафиксированы	0,0	–
Стажисты				
Карьерные перемещения	53 %	14 %	3,5	0,001
Награждения	32 %	7 %	2,7	0,01

Проведенное нами исследование результативности и удовлетворенности трудом (В.А. Розанова) показало, что специалисты, продолжающие трудовые династии, имеют в своей биографии частые карьерные перемещения, в среднем должностные перемещения происходят каждые 1,5–2 года. Хотя карьера на предприятиях железнодорожного транспорта носит поступательный характер и исключает необоснованные скачки и взлеты. Высокая удовлетворенность по показателю «организация рабочего процесса» в условиях предприятий железнодорожного транспорта отражает высокий уровень адаптивности специалистов, продолжающих трудовые династии, к достаточно жестким условиям работы. Представители трудовых династий отличаются высоким уровнем проявления организационной лояльности, которая в свою очередь формируется на основании субъективного восприятия индивидом различных ситуаций, включая организационные, отсюда следует высокая поведенческая готовность прикладывать усилия в интересах организации [4].

Стоит отметить, что явления организационной лояльности рассматривают как установку, характеризующую связь субъекта (кандидат, работник) с организацией, включающую в себя эмоциональную (чувства и эмоции, испытываемые к организации), когнитивную (разделение и принятие организационных ценностей, целей, норм и т.д.) и поведенческую, интенациональную (готовность прикладывать усилия в интересах организации) составляющие. В.И. Доминяк в своём исследовании организационной лояльности сделал вывод, что существует нелинейная связь организационной лояльности со стажем работы организации. Автор связал организационную лояльность с реализацией ожиданий, т.е. расхождением между ожиданиями работника от организации и его субъективной оценкой действительности. Восприятие возможностей реализации ожиданий в целом является более значимым для формирования организационной лояльности, чем сама реализация. По мнению В.И. Доминяка, более лояльными являются сотрудники, направленные на саму деятельность, на социальную компенсацию и/или самомотивацию [3]. Применительно к нашему исследованию, представители трудовых династий являются носителями родовой лояльности к организации, при этом, согласно типологизации В.И. Доминяка, это проявление воспринятой лояльности. Этот тип лояльности развивается с момента «входа» в организацию за счет оценки работником возможностей, перспектив реализации ожиданий, которая осуществляется на основе реального опыта в организации. Сопричастность семьи к профессии помогает быть всем ее членам более адаптивными к профессиональной деятельности, а значит более успешными по сравнению с другими работниками, которые значительную часть времени, особенно в начале своей карьеры, тратят на приспособление к особенностям организационной среды, ее привычек и гласных и негласных правил.

Адаптационные стратегии представителей трудовых династий вырабатываются в течение длительного времени и характерны не только приспособлением к изменяющейся среде, но и приспособлением самой среды к требованиям и нуждам представителей трудовых династий.

Так, изучение профессионального поведения представителей трудовых династий железнодорожников показало ряд адаптационных стратегий.

Например, адаптационная стратегия приспособления – низкая инициативность. Опыт организации работы предприятий железной дороги, история возникновения как военной организации и функционирование, ограниченное жесткими временными рамками, способствовали возрастанию мощности административно-финансового ресурса и становлению иерархичности структурно-функциональной системы железнодорожного транспорта. Жесткая функциональная взаимосвязь (информационная, материальная) всех подструктур железной дороги обеспечивает сквозную непрерывность перевозочного процесса. Рычаги управления железной дорогой основывались на использовании властного ресурса. Поэтому исторически сложилось,

что инициативность долгое время не поощрялось. Работники, как бы подтверждая это, употребляют в своей речи такие приговорки, как «инициатива наказуема», «не высовывайся» и т.д.

Коллективизм, как еще одна адаптационная стратегия приспособления, объясняется коллективистским укладом организационной культуры предприятий железнодорожного транспорта. Хотя, с одной стороны, это способствует командной, слаженной работе, с другой стороны, влечет безынициативность и размывание границ ответственности за достижение результата.

Высокую исполнительскую дисциплину железнодорожников, продолжающих трудовые династии, можно также отнести к адаптационной стратегии приспособления. «Династийники» работают с более высоким качеством, показывают высокий уровень самоорганизации и в большей степени соблюдают установленные сроки выполнения работ, чем «нединастийники». Оперативность деятельности всегда была отличительной чертой организации деятельности, но зачастую быстрота действий оборачивается огромными трудозатратами. «Династийники» показывают более высокий уровень работоспособности и готовности к тяжелому труду, нацеленности на результат чем «нединастийники», и более стрессоустойчивы [4].

Адаптационная стратегия приспособления проявляется в профессиональном внутригрупповом фаворитизме и заключается в стремлении принадлежать к определенной профессиональной группе, например, династии машинистов, династии движенцев и т.д. Если человек принадлежит к ней и опознается ею как «свой», то можно четко проследить, как члены группы осуществляют по отношению к нему психологический протекционизм. Если у членов такой группы есть выбор, кому помочь и т.п., они однозначно начнут со «своего». Феномен межгрупповой дискриминации – оборотная сторона медали. Если человек по каким-то признакам определяется группой как представитель другой группы (не обязательно противоположной), то его профессиональное поведение будет более негативно интерпретироваться, а его успехи никто из членов группы не воспримет положительно.

Семейственность, соблюдение традиций, институт наставничества выступают в качестве адаптационных стратегий приспособления (изменения) «династийниками» окружающей среды. Так, на примере железнодорожных династий, можно проследить, что, особую роль в процессе подготовки специалиста железнодорожного транспорта играет высокая интегрированность профессиональной среды в процесс обучения и традиционно крепкие связи предприятий железнодорожного транспорта и вуза. Необходимо отметить, что система отраслевого образования, созданная еще в начале XIX в. и характеризующаяся своей локализованностью и целенаправленностью, по праву может считаться уникальной. В настоящее время в железнодорожной отрасли действует система подготовки кадров всех уровней, включающая 10 высших учебных заведений, 49 техникумов и колледжей, 12 медицинских училищ, детские образовательные и дошкольные учреждения, 25 детских железных дорог [5; 6]. Указанная организационная структура, по своей сути, детерминирует профессиональный выбор. Даже при наличии возможности накопления профессионального опыта на других предприятиях или в других отраслях, феномен «династийности» предопределяет профессиональный выбор.

Помимо этого, в тех отраслях, где формируются династии, хорошо развит институт наставничества. Здесь в роли наставников выступают родственники, которые сочетают в себе все требования к наставничеству и реализуют все наставнические функции: обучение, пример (эталон) и адаптация молодого специалиста (обеспечение преемственности поколений). Согласно исследованиям Е.В. Чариной наставник является «значимым другим» для специалиста. Отношения с наставником имеют личностный, а не формально-ролевой характер, в них наставник выполняет функции, аналогичные функциям «общественного взрослого», т.е. является носителем способов ориентации в действительности. Отношения с наставником оказывают влияние на формирование у молодого специалиста личностного смысла профессии [8].

Создаваемая веками организационная структура «династийности», элементами которой являются семья, отраслевые образовательные учреждения, предприятия железнодорожного транспорта – это весьма эффективная адаптационная стратегия сохранения и передачи профессионального опыта, профессиональных установок и профессионального самосознания, что важно для стабильности общества в таком подчас мгновенно изменяющемся мире.

Для определенных профессий «династийность» и клановость становятся неотъемлемой частью организации профессиональной деятельности. Трудовые династии встречаются в различных сферах профессиональной деятельности: в сфере образования, медицины, спорта, искусства, военного дела и т.д., и всегда привлекали внимание науки и практики. Психологическая наука сравнительно недавно обратилась к «династийности» и еще только набирает опыт исследования этого психологического феномена. В данной работе были проанализированы трудовые династии в контексте адаптации только одной профессиональной группы – железнодорожников. Дальнейшим предметом изучения должны стать общие и специфические закономерности формиро-

вания трудовых династий по всем типам профессий в контексте адаптации, мотивации, ценностного анализа и профессиональных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондырева, С.К.* Традиции. Стабильность и преемственность в жизни общества / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2004.

2. *Дикая, Л.Г.* Субъектная регуляция в деятельности профессионала как основа формирования адаптационных стратегий / Л.Г. Дикая; под ред. В.А. Бодрова и А.Л. Журавлева // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности /. – М.: Изд-во ИП РАН, 2008. – С. 222–243.

3. *Доминяк, В.И.* Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: авторефер. дис. … канд. психол. наук / В.И. Доминяк. – СПб., 2006.

4. *Зиброва, Е.А.* Профессиональные установки трудовых династий как фактор успешности профессиональной деятельности специалистов железнодорожного транспорта: дисс. … канд. психол. наук / Е.А. Зиброва. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012.

5. История железнодорожного транспорта России. Т. I: 1836–1917 гг. – СПб., 1994. – 336 с.

6. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. – СПб., 1997. – 416 с.

7. *Росляков, А.Е.* Социально-психологическая адаптация студентов в условиях вуза МПС: автореф. дис. … канд. психол. наук / *А.Е. Росляков*. – Ярославль, 2003.

8. *Чарина, Е.В.* Отношения в системе «наставник-молодой специалист» в процессе профессионализации: автореф. дис. … канд. психол. наук / Е.В. Чарина. – М., 2006.

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Н.Г. Григорьева

Григорьева Надежда Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по воспитательной работе и работе со студентами Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: pvr@festu.khv.ru

В статье анализируется роль профессиональной идентификации в адаптации студентов вуза. Способность адаптироваться к обучению в вузе не является главным показателем эффективного профессионального становления будущего специалиста. Необходимо рассматривать адаптацию студентов в ракурсе их профессиональной идентификации, так как интерес к выбранной профессии, инициативность в самосовершенствовании, потребность в развитии необходимых для профессионала личностных качеств, способствуют мотивации учебной деятельности и становлению специалиста с высшим образованием.

Система профессиональной идентификации начинается с профессионального самоопределения в предвузовский период обучения молодых людей. Поэтому актуально ругулировать рынок специальностей не только централизованными методами путем государственного заказа, но и средствами учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной школе. Так как воспитывать интерес к необходимым для промышленно-экономического комплекса специальностям надо не во время получения профессионального образования, а в преддверии выбора профессии. Технолого-педагогическая активизация процесса профессиональной идентификации в период профессионального обучения может как усиливать и развивать мотивацию студентов в получении выбранной профессии, так и «открыть» глаза студентов на то, что он выбрал профессию неправильно, ошибочно и она ему не подходит и не интересна. И как показывают исследования, третья часть студентов во время обучения в вузе не удовлетворена своим выбором профессии.

Молодые люди, с успешной профессиональной идентификацией по направлению выбранной специальности, бесконфликтно преодолевают период адаптации в вузе и продолжают эффективно личностно-профессионально развиваться во время обучения.

Ключевые слова: профессиональная идентификация, адаптация, адаптационный ресурс, социализация, практическое мышление, деятельность, немотивированное обучение.

Рассматривая адаптацию студентов в вузе, многие исследователи связывают этот процесс с адаптацией первокурсников. Однако адаптация сопровождает человека на протяжении всей его жизни, а в учебном заведении связана с изменением организационных, методических, психологических составляющих. Поэтому для студентов всех курсов существуют как общие адаптационные трудности, так и частного характера. Например, для многих первокурсников наступает адаптационный шок в связи с переходом к другой форме обучения в вузе по сравнению со школьной. Исследователи выделяют различные этапы адаптации студентов [3; 4; 7]. Считают, что физиологическая адаптация к учебному процессу может занять около двух недель, психологическая может длиться до двух месяцев, социальная может растянуться до трех лет. Также выделяют множество факторов, влияющих на адаптацию к обучению в высшем учебном заведении. Во-первых, социологические факторы: возраст студента, материальное положение семьи, место проживания, тип образовательного учреждения, в котором обучался школьник и его уровень знаний, социальное самочувствие и т.д. Во-вторых, психологические факторы: личностный адаптационный ресурс, интеллект, направленность и т.д. В-третьих, педагогические факторы: педагогическая грамотность и мастерство преподавателей, профессионализм, организационная культура, материально-техническая база и другие. Однако существуют факторы интегративного характера, которые решающим образом влияют на процесс адаптации студентов в аспекте успешного развития молодых людей как будущих специалистов, профессионалов. Таким интегративным фактором является профессиональная идентификация, которая, вбирая педагогические и психологические составляющие, непосредственно соотносится с процессом социализации.

Процесс социализации обладает однобокой, корыстной заинтересованностью в том, чтобы сформировать из индивида такую личность, которая будет его порождением и продолжением. Современная технократическая цивилизация, специализируясь на создании антропосоциотехнонатурного комплекса, чаще всего человека, принимает за узкоспециализированный компонент своей системы. Профессиональное образование, являясь неотъемлемым звеном существующей технократической культуры, также сначала обращает внимание на состояние профессиональной образованности и обученности молодых людей, забывая, что время юности – наиболее благоприятный период становления лично-

сти человека. Личность, по выражению знаменитого русского философа Н. Бердяева, является той болью, которая постоянно присутствует в человеке и проявляется в тревоге человека за благополучие окружающего мира [1].

Современному профессионалу чаще всего и недостает этой «боли», которая возникает при интеграции профессиональных знаний с нравственными ценностями человека и его личностными целями. А этот процесс – не что иное, как профессиональная идентификация человека. В настоящее время ученый мир отмечает кризисные явления в процессах профессиональной идентификации молодых людей. Процессы социализации бесцеремонно вторгаются в личностно-индивидуальную активность юношей и девушек и стараются диктовать свои условия: «…Хочешь материально благополучно жить – осваивай профессии наиболее высокооплачиваемые или же позволяющие получить выгоду от сложившихся ситуаций». И под давлением этого прессинга молодые люди совершают свой профессиональный выбор.

Однако с течением времени закономерности развития человека все расставляют по своим местам. Начинает проявляться закон, сущность которого С. Френе выразил следующим образом: «Никто не любит … совершать действия и подчиняться замыслам, которые ему чужды и непонятны» [6]. Размышляя о важности самоосуществления, В. Франкл подчеркивал, что «…осуществляя смысл, человек реализует сам себя», в противном случае человек «…не только не счастлив, но и вряд ли жизнеспособен» [5]. Действительно мотивация творчества как имманентная черта юности возникает только в единстве с потребностью осуществления своего собственного смысла жизни, реализации своих собственных замыслов, достижения самовыражения. Многие виды деятельности в профессиональном учебном заведении становятся для студентов неинтересными, а порой и отвратительными, именно потому, что они навязаны сверху. Особенно это касается интеллектуальных видов деятельности.

Причем исследование специфики развития современных молодых людей приводит к выводу, что у большинства студентов первого курса вуза превалирует практический вид мышления. Следовательно, при активизации личностно-профессионального развития молодых людей необходимо учитывать эту особенность, включая в процесс обучения и воспитания элементы практико-ориентированных видов деятельности. Хотя Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования предполагают сочетание практических и теоретических видов деятельности, однако, особенно на первых двух курсах, господствует теоретическая подготовка. Например, ФГОС по направлению подготовки «Эксплуатация железных дорог» (специалист) предусматривает общую трудоемкость основной образовательной программы – 300 зачетных единиц, из них на учебную, производственную практику и научно-исследовательскую работу отводится 18 зачетных единиц, что составляет всего лишь 6 % от трудоемкости всего курса обучения. ФГОС по направлению подготовки «Социальная работа» (бакалавр) при общей трудоемкости основной образовательной программы в 240 зачетных единиц, на учебную и производственную практику отводится 12–15 зачетных единиц, что также составляет 5–6 % от трудоемкости всего курса обучения. Поэтому важно для успешного формирования профессиональной идентификации в процессе адаптации первокурсников в вузе сочетать различные виды учебной и внеучебной деятельности, учитывая особенности воспитанности, обученности и образованности вновь пришедших студентов.

Выбор оптимальной для развития молодого человека деятельности в вузе, особенно на первом этапе социальной адаптации, который называют адаптационным шоком – главный фактор бесконфликтной идентификации, в том числе профессиональной. Психологи связывают деятельность с непосредственными эволюционными процессами, происходящими с человеческим организмом, с физиологическими и психологическими изменениями в личности человека. Для каждого возрастного периода имеется ведущий вид деятельности, который отличается тем, что при исполнении этой деятельности, кроме изменения внешних видов активности личности, закладываются глубинные изменения в психических процессах индивидуума. Такая деятельность способствует позитивному развитию человека, если она педагогически целесообразно организована.

В процессе «деятельностной» активности личности складываются и ее субъектно-субъектные перспективы воспитания, поскольку деятельность вбирает в себя и подразумевает активность и творчество участвующей в ней личности. А «деятельная» личность может быть только субъектным элементом в системе воспитания и образования, что является одним из условий успешной идентификации молодого человека. Особенно это имеет значение в юношеском возрасте, когда личность, находясь на определенном этапе профессиональной идентификации, от самоопределения путем саморегуляции переходит к самореализации, которая непосредственно связана с повышением продуктивности собственной деятельности.

Очевидно, что выбор вида деятельности, формы организации и исполнения деятельности, контроля продуктов деятельности определяют процесс профессиональной идентификации личности. Только в

образовательном учреждении, где теоретические и практические виды обучения находятся на равных позициях, существует уникальная возможность в подборе оптимального сочетания практических и теоретических видов активности для студентов.

Проводя экспериментальное исследование, мы выявили, что студент вуза, получивший самостоятельность неорганизованного типа, в большей степени подвержен включению в неофициальную массовую коммуникацию. Рассогласованность ориентиров всех видов культур, в диалог с которыми вступает студент в период социальной адаптации, придает его жизни особый динамизм и сильно драматизирует его духовный мир. Стихийная, нескоординированная самостоятельность не превращается в главный фактор идентификации, а вызывает в развитии молодых людей появление регрессивных, разрушительных сил, которые ставят человека в позицию «несостоявшегося творца собственной судьбы» или уводят в мир «грез» различных сектантских направлений, или толкают на путь саморазрушения (алкоголизм, наркомания, проституция и пр.)

Продолжительность адаптационного периода у первокурсников, напрямую зависит от качества знаний, с которыми они пришли из общеобразовательной школы. Чем выше интеллектуальные способности студентов, тем быстрее происходит вхождение их в специальность, быстрее формируется профессиональная увлеченность, осознанно протекает профессиональная идентификация.

Однако большая степень осознанного вхождения в профессию влечет за собой определенные, объяснимые издержки. Студент может довольно быстро как полюбить выбранную специальность, так и разочароваться в ней, если он ошибся в выборе профессии на этапе профориентации.

Изучение личностно-профессиональных особенностей преподавателя вуза выявило некоторую характерную закрытость от воздействий извне, высокую самооценку, выпяченную автономность, переходящую в скептицизм, искусственную изолированность в одной области науки или практики (на фоне пренебрежительное отношение к педагогическим знаниям), технократическое мышление и пр. Однако нельзя не отметить и положительные качества преподавателя высшей школы – сенситивность к процессу познания (самообразования), способность к исследовательской деятельности, обладание определенным объемом неявных знаний по педагогике, что отчасти компенсирует его негативное отношение к педагогическим знаниям.

Очевидно, что менее жесткая специализация преподавателей вуза позволила бы обогатить межпредметную связь и более ярко высветить все грани, интегративную целостность и перспективы той профессии, которой пришли обучаться молодые люди. Только открытость и доступность в мир профессии будет способствовать ищущей личности в более короткий срок определиться со своими профессиональными потребностями, склонностями и способностями. А это очень важно в период наблюдаемого массового кризиса профессиональной идентификации, так как одной, наиболее яркой характерологической чертой этого кризиса является удлинение периода поиска молодыми людьми своей профессиональной склонности.

В экономически и социально благополучных странах молодые люди в период поиска своей профессиональной принадлежности пользуются реальными возможностями удлинения времени этого поиска – 12-летнее среднее общее образование, временная работа, путешествия, творческие изыскания и пр. В России наиболее приемлемым первичным средством профессионального самоопределения может служить предвузовское профессиональное образование (общеобразовательная школа, начальное и среднее профессиональное образование), которое наделяет процесс идентификации молодых людей вариативностью, мобильностью и даже экономической доступностью. Поэтому претензия такого рода, как, например, прозвучала от Министра РФ по развитию Дальнего Востока – полпреда президента в ДФО Виктора Ишаева: «…Вузы должны готовить востребованных экономикой специалистов, а не выпускать держателей дипломов, которые сегодня работают обычными продавцами на рынках» [2] – относится ко всей системе профессиональной идентификации, существующей в регионе и в стране, а не только к вузам. Если абитуриент подает заявления в несколько, причем разнопрофильных вузов, следовательно, он профессионально не определился. В крайнем случае, он стоит на начальном этапе профессиональной идентификации. Поэтому вуз, помогая молодому человеку в профессиональной идентификации, может при эффективно проведенной работе получить разный результат: молодой человек может понять, что выбранная им наугад профессия – его, и он психологически готов к работе в данной профессии. Или, наоборот, молодой человек может понять, что он не правильно выбрал себе профессию, и в дальнейшем не будет работать по специальности. Поэтому он прерывает обучение, чтобы на следующий год поступать в другое учебное заведение, или продолжает немотивированно учиться (чтобы не забрали в армию) с мыслью, что после окончания вуза будет решать проблему: идти работать по специальности, устроиться на работу не по специальности или получать второе профессиональное образование. Немотивированное обучение, т.е. незаинтересованность в профессиональном обучении, порождает вторую проблему – молодой

человек становится посредственным специалистом. А ставшее крылатым выражение утверждает, что невежественные люди не так опасны для окружающего мира, как полуобразованные. Следовательно, изначальная неэффективная профессиональная идентификация, как снежный ком, порождает массу проблем не только для молодого человека, но и для социума.

Как показывают исследования, на вопрос: «Если бы вам пришлось выбирать специальность снова, как бы вы поступили?». Около 33 % студентов ответили, что выбрали бы другую специальность, 63 % – не изменили решение, и 4% выбрали эту специальность, но в другом вузе. Данные результаты подтверждают, что молодые люди, а их – третья часть (33 %), не осознанно или ошибочно выбирают специальность при поступлении в вуз. Следовательно, довузовский этап профессиональной идентификации не эффективен, поэтому актуальной остается проблема оптимизации профессионального самоопределения старшеклассников в процессе обучения и воспитания в общеобразовательной школе.

В настоящее время в вузе важное значение имеет профессиональная идентификация не узкоспециализированного смысла, ориентированная на путь профессионального самоутверждения за счет преобразующей деятельности, а большой акцент делается на решение воспитательных задач в процессе профессиональной идентификации, а именно на личностном развитии студентов. Главное «разбудить» природный потенциал профессиональной активности человека и направить личность на путь гармоничного соразвития с окружающим миром. Экоцентрическая направленность в обучении и воспитании подрастающего поколения – это не дань моде, это имманентная необходимость, порожденная нашей действительностью. Премьер-министр России Дмитрий Медведев заявил о том, что 2013 г. будет объявлен Годом охраны окружающей среды. Любая профессия, даже на начальном этапе личностного становления – профессиональной идентификации, должна иметь социальную и экологическую ориентацию.

Узкоориентированная профессиональная идентификация порождает градацию обучаемых дисциплин на важные для профессии и неважные, бесполезные дисциплины. В результате, студент начинает избирательно подходить к изучению дисциплин, что в целом отрицательно сказывается на качестве его обучения и на процессе его адаптации в вузе. Поэтому при введении первокурсников в профессию необходимо актуализировать значимость межпредметных связей для высокой квалифицированной профессиональной подготовки с акцентом на то, что узкая специализация – не показатель образованности специалиста.

Эффективно структурированный процесс профессиональной идентификации молодых людей в вузе позволяет им адаптационный период пройти бесконфликтно и в кратчайшие сроки, в противном случае адаптационный период может иметь затяжной вариант и продолжаться до второго, третьего курса, что подтверждается рядом исследований.

Следовательно, начиная с первого дня обучения в вузе, необходимо активно включать в образовательный процесс технологии формирования профессиональной идентификации: посвящение в студенты, лекции о введении в профессию, конкурс талантов первокурсников, тренинги на командообразование и т.д. Такие мероприятия повышают адаптационные ресурсы студента, инициируют профессиональную идентификацию, которые, в свою очередь, позволят студенту найти свое место в жизненном пространстве, успешно обучаться по выбранной специальности, а в дальнейшем успешно работать на производстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев, Н.А.* Мое философское миросозерцание / Н.А. Бердяев // Русский путь. Т. 1. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. – С. 23–29.

2. *Ишаев, В.И.* Нам не нужны держатели дипломов, которые работают продавцами на рынках / В.И. Ишаев // Комсомольская правда (на Дальнем Востоке). – 2012. – № 1. – С.10

3. *Седин, В.И.* Адаптация студента к обучению в вузе: психологические аспекты / В.И. Седин, Е.В. Леонова // Высшее образование в России. – 2009. – № 7. – С. 83–89.

4. *Соловьев, А.* Абитуриент – студент: проблемы адаптации / А. Соловьев, Е. Макаренко // Высшее образование в России. – 2007. – № 4. – С. 54–56.

5. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с

6. *Френе, С.* Избранные педагогические сочинения / С. Френе. – М.: Прогресс, 1990. – 301 с.

7. *Чикина, Т.Е.* Адаптивное обучение первокурсников / Т.Е. Чикина // Высшее образование в России. – 2009. – № 6. – С. 143–145.

ЛИДЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА КАК КРИТЕРИЙ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Я.В. Примаченко

Примаченко Янина Витальевна – кандидат психологических наук, начальник Управления стандартизации и качества, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: yanina-75@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, направленного на решение проблемы успешной адаптации и подготовку руководителя-лидера в условиях постоянной реорганизации предприятий; обоснование использования оценки сформированности лидерского потенциала как критерия оценки и прогнозирования дальнейшей эффективной работы и адаптации руководителей на железнодорожном транспорте.

По данным руководителей и студентов определена структура и составляющие лидерского потенциала руководителя: построена идеальная модель лидерского потенциала перспективного руководителя, обоснована модель лидерского потенциала реального перспективного руководителя, определены основные качества и ресурсы лидерского потенциала руководителя-лидера.

Лидерский потенциал автор рассматривает как метакачество, интегрирующим субъектные, профессиональные и личностные качества руководителя, которые дополняются социально ориентированными, волевыми, интеллектуальными и морально-нравственными личностными ресурсами.

Ключевые слова: реорганизация, лидерство, руководство, лидерский потенциал, модель.

К важнейшим изменениям за последние два десятилетия следует отнести смену общественной формации, произошедшую в нашей стране за сравнительно небольшой исторический промежуток времени и включающую радикальное изменение системы политических и правовых, экономических и социальных, в том числе трудовых отношений в российском обществе (появление различных форм собственности, резкая трансформация государственного регулирования экономики, принципиальное изменение ее структуры, формирование новых социально-экономических групп, новых типов управленческой деятельности).

И вполне очевидно, что перечисленные выше социальные, экономические и организационные процессы в настоящее время определяют новый характер руководителя как субъекта труда, который должен активно участвовать в новых видах трудовых сообществ и взаимоотношений в них. На рынок труда выходит молодое поколение руководителей, большая часть жизни которых прошла в нестабильных социально-экономических условиях. Трудовое поведение и трудовые отношения, карьерные и профессиональные стратегии молодежи, формировавшейся в таких жизненных условиях, характеризуются «антикризисными» свойствами. Для руководителей этого поколения характерно стремление к получению качественного образования и карьерному росту, высокая мобильность и др.

В настоящий момент с целью реформирования холдинга ОАО «Российские железные дороги» («РЖД») в компании завершен проект «Построение системы управления ОАО «РЖД» в условиях реформирования», который в первую очередь коснулся системы управления [12].

В результате реорганизации произошли изменения в организационной культуре [9], введена новая система управления ОАО «РЖД», соответствующая целевой модели рынка железнодорожных перевозок и хозяйственного комплекса холдинга РЖД (*под холдингом* в данном случае понимается группа компаний, централизованно управляемых ОАО «РЖД»). По мнению В.Н. Морозова (первый вице-президент), Ф.Б. Андреева (старший вице-президент) и др., данная концепция реорганизации учитывает целевую модель рынка железнодорожных транспортных услуг, позволяет повысить их качество, способствует поддержанию конкурентоспособности компании в условиях рыночной экономики.

Так, реорганизация, согласно плану мероприятий, проходила в пять этапов [12].

1-й этап: подготовка к изменению системы управления, с этой целью была проведена детализация концепции, разработка регламентной и нормативно-методической базы, обеспечивающей эффективное управление по функциональным вертикалям и выстраивание горизонтальных связей, определение механизмов функционирования системы управления на период реорганизации системы. Главной его особенностью является определение временного регламента, описывающего дополнения и ограничения на период до завершения тиражирования на всю сеть и началом одновременного функционирования в составе как реорганизованных, так и нереорганизованных служб в различных регионах.

2-й этап: предварительные мероприятия по реорганизации системы управления ОАО «РЖД», в результате чего в структуре центрального аппарата ОАО «РЖД» был сформирован центр и блок управления бизнесом железнодорожных перевозок, проведены организационные изменения на территории пилотных железных дорог. В частности передача соответствующих служб пилотных железных дорог в прямое подчинение Дирекции по управлению движением, Дирекции инфраструктуры, ремонтным дирекциям в составе блока управления; разделение локомотивных депо на эксплуатационные и ремонтные; реорганизация отделений в территориальные филиалы дирекции инфраструктуры.

3-й этап: параллельное функционирование двух систем управления (старая и новая) на территории пилотных железных дорог. На данном этапе характерен регулярный (ежемесячно) сбор данных о состоянии комплекса инфраструктуры железнодорожных перевозок и осуществляемых мероприятий реорганизации системы управления. Данные для анализа должны предоставляться дирекциями и территориальными филиалами по согласованной форме. Результатами работ стали обновленные версии регламентирующих документов.

4-й этап: последовательный переход на новую схему управления на территории пилотных железных дорог. С этой целью проходило юридическое и организационное оформление произведенных изменений в системе управления пилотных железных дорог, разработка плана по «тиражированию» мероприятий реорганизации в других филиалах ОАО «РЖД».

5-й этап: внедрение новой системы управления в масштабах всей сети.

В результате основные ключевые изменения в системе управления выражаются в более четком распределении функций (с упором на контроль и мотивацию), полномочий и ответственности между подразделениями ОАО «РЖД», введением основ нового качества целеполагания и контроля, значительным усилением регионального аспекта корпоративного управления. В результате целевой организационно-функциональной структуры ОАО «РЖД» (департаменты, управления, дирекции, отделы, сектора и т.д.) сокращен аппарат управленцев и за счет этого компенсирован дефицит квалифицированных управленческих кадров, от которых будет требоваться повышенная оперативность принятия управленческих решений и их доведение до исполнителей.

Кроме этого, данная реорганизация предполагает возросшую значимость инновационных проектов. Так, в процессе дальнейшей реорганизации планируется ликвидация технико-технологического отставания, формирование управленческого блока в составе: департамента технической политики; инновационного центра; отраслевых научно-исследовательских институтов и проектно-конструкторских бюро. Эти подразделения и организации должны обеспечить проведение во всех бизнес-единицах холдинга единой сбалансированной технической политики, разработку и реализацию стратегии в области технико-технологического развития. Для этого им передаются функции по управлению научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами в области разработки новой техники и технологий, а также функции формирования технической политики и нормативов и предполагает соответствующую перегруппировку функций действующих подразделений центрального аппарата ОАО «РЖД». Так, функции департаментов центрального аппарата по технической политике, развитию новых техник и технологии передаются в департамент технической политики и инновационный центр, а функции по реализации единой технико-технологической политики, регламентации и нормативно-методическому обеспечению технологических процессов, а также контролю за их соблюдением – технико-технологические подразделения бизнес-единиц (технические отделы и т.п.). Что еще раз свидетельствует о четком разграничении функций и снижении загруженности руководителей разносторонними задачами. При этом руководители других структурных бизнес-единиц должны быть готовы к инновациям и их реализации.

Таким образом, полагаясь на принципы совершенствования системы управления ОАО «РЖД», мы можем предположить, что: (1) основная специфика реорганизации системы управления состоит в разъединении совмещенных в одном подразделении функций руководителя, полномочий и ответственности по управлению разными типами объектов, сконцентрировав их на одной производственной единице (отдельном предприятии) [12]. Это позволит более четко сформулировать ключевые компетенции управленческого персонала, освободит в какой-то мере руководителей от разномасштабных задач и повысит оперативность управления, границы ответственности и полномочий будут более четкие, снизится несогласованность принимаемых решений; (2) за счет обособления видов деятельности в бизнес-единицы предоставлена большая самостоятельность руководителям в плане принятия решений, так как отдельное подразделение наделяется функциями, полномочиями, имуществом, технологиями, человеческими и прочими видами ресурсов, достаточными для самостоятельного осуществления своей деятельности. Однако с предоставлением чуть большей самостоятельности в плане принятия решений по управлению ресурсами, возрастает требование повышенной ответственности; повышение оперативности и качества управления деятельностью; (3) переход от четырехуровневой схемы

управления деятельностью по содержанию объектов инфраструктуры (Центральный аппарат – Н (управление дороги) – НОД (отделение дороги) – ЛП (линейные предприятия) на трехуровневую схему (Дирекция инфраструктуры – территориальный филиал – ЛП), позволяет оптимизировать количество управляющих органов, укрупнение НОДов и создание региональных корпоративных центров с учетом необходимости обеспечения эффективного взаимодействия участников холдинга «РЖД» с местными органами власти, представителями крупного бизнеса и других критериев оптимизации территориальной структуры управления. Что в целом будет требовать от руководителей высокого уровня развития коммуникаций; (4) отмечается необходимость готовности руководителей к инновациям и их реализации; (5) предпочтение проектного управления обусловливает необходимость навыков командной работы и формирование проектной команды из ведущих руководителей компании.

В настоящее время для психологической диагностики руководящих кадров и специалистов железных дорог применяют автоматизированную систему АСП РК [11]. Её используют при назначении специалиста или руководителя на должность, формировании резерва руководящих кадров, планировании деловой карьеры работников, при направлении руководителя на специализированное обучение (использование данной методики в отношении молодых специалистов предполагает наличие стажа работы не менее года). Психологическая оценка проводится с заполнением библиографических данных о кандидате, видеоинтервью (с выбором темы) и основного тестового цикла, включающего 13 психологических тестов [11]: (1) с акцентом на волевые и мотивационные качества (их рассматривают как управленческий компонент деятельности руководителя); (2) сочетание коммуникативных качеств (определяют характер руководства персоналом); (3) определение уровня интеллектуальных качеств. И достаточно широкий спектр психологической информации, получаемой при использовании АСП РК на потенциального или работающего руководителя, позволяет выбрать для принятия решения, отвечающие требованиям должностной позиции, конкретным целям и задачам организации, ее культуре в целом.

Одновременно с этим в процессе психологической оценки не учитывается в должной мере лидерский потенциал, склонность к инновациям, навыки работы в команде, не исследуется морально-нравственные качества, творчество, активность, которые, согласно ранее сделанным выводам, являются необходимым условием развития профессионала и успешного профессионального становления. Таким образом, личностная зрелость при отборе и оценке руководителей в системе ОАО «РЖД» не рассматривается, не достаточно уделяется внимания диагностике лидерства, и модель руководителя, используемая при проведении отбора, не соответствует новым требованиям, которые предъявляются к руководителю в условиях реорганизации.

В связи с этим актуальным является необходимость пересмотра критериев оценки руководителя в системе железнодорожного транспорта, используемых при отборе, и доказывает актуальность нашего исследования.

Анализ исследований последних лет, посвященных руководителям железнодорожной отрасли [5; 10], показал, что, наряду с профессионально-важными качествами (ответственность, обязательность, наличие организаторских способностей, собранность, готовность к риску), в дальнейшем «оптимальным» и перспективным руководителям ОАО «РЖД» свойственны повышенная мотивация к деятельности, энергичность, целеустремленность, настойчивость, выраженное стремление к успеху, социальная смелость, конструктивная агрессивность, что в целом свидетельствует о необходимости наличия *лидерской позиции* у руководителя в сфере железнодорожного транспорта. Исследования, проведенные Центром молодежных проектов ОАО «РЖД» [13], выявили, что на настоящий момент будущего руководителя в этой системе рассматривают с позиции наличия у него *лидерских качеств*, к которым, наряду с организаторскими способностями, отношением к труду (ответственность, трудолюбие, личная дисциплинированность и т.д.), социально-ориентированными качествами, относят значимость общественно-гражданской позиции, способность поддерживать инновации и морально-этические стороны характера, включающие морально-нравственные качества (честность, добросовестность, порядочность) и эмоциональную зрелостью (уравновешенность, выдержанность). Таким образом, в ОАО «РЖД» будут создаваться условия для развития потенциалов своих сотрудников и формирования у них готовности к инновационной деятельности [7].

Однако, подчеркивая значимость лидерских характеристик для эффективного руководства, остается проблематичным возможность определения универсальных индивидуальных характеристик, соотношение которых однозначно свидетельствовало об успешности руководителя, как лидера. Также необходимо отметить широту представления о качествах личностного потенциала и недостаточность исследований феномена и структуры лидерского потенциала. Между возрастающей социальной востребованностью лидерских качеств и ресурсов руководителя в условиях рыночных отношений, с одной стороны, и ограниченностью научного поиска в

исследовании феномена лидерского потенциала личности руководителя, являющегося одним из значимых качеств субъектов любой организации – с другой, существует явное противоречие.

Так, в самом общем понимании, *потенциал* представляют как совокупность имеющихся средств, возможностей в некоторой области, некотором отношении [8], позволяющих перейти от исследования каков есть человек, к изучению того, каким он может стать, так как личностные качества развиваются и проявляются в динамическом взаимодействии человека и его социокультурного окружения [6]. С этой позиции «потенциал», как система, имеет две составляющие: 1) существующее (потенциальное) состояние системы (природные особенности, присущие человеку; особенности индивида; способности, социальные возможности общества, которые могут быть использованы личностью для своего развития); 2) перспективное (актуальное) состояние – «возможность» (качественно новоприобретенное потенциальное, внешние проявления и актуального, и неизолированного), которые можно рассматривать как ресурсы, мобилизация которых реализует программы и способы (стратегии) оптимального поведения [2].

В понятие «ресурсы» вкладывается различный смысл: объективно регистрируемое материальное явление, возможности регуляции функций организма и психики человека или рассматривают его как теоретический конструкт, отражающий некоторое системное (т.е. идеальное) качество, присущее системе преобразования информации и энергии и характеризующее ее свойство ограниченности и распределяемости средств функционирования этой системы [3]. Последнее мы взяли за основу, так как выделение объективно существующего качества позволит подойти к принципиальной возможности оценивать количественную меру «вовлеченности» различных средств обеспечения этой системы в решаемую задачу (задачи).

Необходимо отметить проработанность вопроса развития лидерского потенциала В. Коттером [8]. Он предположил, что существует четыре основных источника лидерского потенциала: 1) врожденные способности; 2) воспитание в раннем детстве, опирающееся на врожденные способности и способствующие успешности воспитательного процесса; 3) базовое образование, успешность которого основывается на источниках [1; 2]; 4) опыт, приобретаемый в ходе карьерного роста и напрямую связанный с возможностями, заложенными в источниках [1–3]. И на его взгляд, формирование лидерского потенциала оказывают как индивидуальные, так и приобретенные «ситуационные» факторы.

С другой стороны, если в рамках культурно-исторической концепции появление новообразований рассматривать как направления реализации потенциала [4], то имеющиеся знания, способности, характерологические особенности выступают как потенциальный багаж и характеризуют уровень актуального развития, позволяют осуществить прогноз активации имеющихся ресурсов в складывающейся ситуации, т.е. определить своеобразную лидерскую «зону ближайшего развития». Включенные в процесс деятельности формы поведения могут рассматриваться в качестве новообразований личности. При этом хотелось бы подчеркнуть, что лидерский потенциал не может рассматриваться вне ситуационного контекста, и необходимо учитывать особенности группы последователей (подчиненных) и внешние условия деятельности [3]. Поэтому для достоверного представления о «лидерской зоне ближайшего развития» необходимо поставить человека в ситуации «сотрудничества со взрослыми» [1], т.е. в ситуации межличностного взаимодействия. Лидерский потенциал может увеличиваться, нарастать с каждым новым успешным опытом осуществления лидерского поведения и в него могут входить: 1) наличие успешного опыта лидерства; 2) особенности решаемых задач; 3) социально-психологические характеристики группы подчиненных [3].

Теоретический анализ также показал, что эффективный руководитель как субъект профессии, как субъект коллектива, как субъект, наделенный властью и влиянием (т.е. лидер), должен иметь интегративное (множественное) качество, которое обеспечит ему эффективное выполнение профессиональной деятельности на высшем уровне профессионализма. Оно будет синтезировать в себе все важнейшие качества перспективного руководителя как лидера, как субъекта профессиональной деятельности, как субъекта коллектива и организации, получая в содержании субъективности перспективного руководителя свое «второе существование».

Мы предполагаем, что *лидерский потенциал руководителя* является показателем субъектной активности и представляет собой самоуправляемую интегральную уровневую системную характеристику внутренних возобновляемых ресурсов личности руководителя (знания, лидерские способности, характерологические особенности), которые развиваются и проявляются в динамическом взаимодействии руководителя и его социокультурного окружения. Лидерский потенциал может быть основой способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности, сохранять стабильность управленческой деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Таким образом, сформированность лидерского потенциала может быть взята в качестве критерия оценки дальнейшей эффективной деятельности и успешной адаптации в условиях постоянных реорганизаций внутри предприятия.

С целью построения идеальной модели лидерского потенциала перспективного руководителя в конкретной производственной сфере, нами проведено исследование представлений о личностных качествах, составляющих лидерский потенциал перспективного руководителя, проводимое в два этапа.

На *первом этапе* был проведен ассоциативный эксперимент на понятия-стимулы: «перспективный руководитель в системе железнодорожного транспорта» и «лидер», в котором приняли участие современные успешные, руководители «РЖД», составляющие резерв перспективных руководителей (46 среднего и 14 высшего звена), и 55 студентов ДВГУПС. На основе полученных ассоциаций была построена таблица частотного распределения слов-реакций на каждое понятие-стимул.

Перечисленные респондентами качества, необходимые, по их мнению, перспективному руководителю, были классифицированы в соответствии с теоретическими выводами по категориям, представленным в табл. 1.

Как наиболее значимые для перспективного руководителя качества студенты и руководители выделяют высокую профессиональную грамотность и компетентность, лидерские качества и интеллектуальные способности. Эти данные подтверждают, что респонденты осознают значимость лидерских качеств для работы руководителя в системе железнодорожного транспорта.

На *втором этапе* нами были привлечены студенты (560 чел.), обучающиеся по целевым направлениям филиалов ОАО «РЖД». Им предлагалось перечислить качества лидера, необходимые руководителю в системе железнодорожного транспорта. В результате ранжирования данных ассоциативного эксперимента с помощью метода контент-анализа были определены двадцать наиболее значимых качеств лидера.

Эти качества были вновь проранжированы руководителями (29 чел.) среднего и высшего звена, работающими в сфере железнодорожного транспорта, включая начальников служб и их заместителей, которые выступили в качестве экспертов.

Сравнительный анализ содержания категориальных пространств, отражающих имплицитные представления руководителей и студентов о перспективном руководителе в системе железнодорожного транспорта, с представлениями о наиболее значимых качествах лидера показал:

1) коэффициент пересечения семантических полей понятий «перспективный руководитель» и «лидер» Е равен 99 и 68 % соответственно. Это подтверждает нашу гипотезу, что современный перспективный руководитель на ж.-д. транспорте должен быть руководителем-лидером;

2) лидерские качества личности были включены в представления о перспективном руководителе в качестве основных, что позволяет отнести их к профессионально-важным качествам перспективного руководителя, способствующим эффективности его управленческой деятельности на ж.-д. транспорте.

В результате иерархического кластерного анализа полученных оценок в двух группах респондентов (руководителей разного уровня и студентов) были определены качества, входящие в кластер 1 (объединяет два кластера – 1.1 и 1.2) и кластер 2 (рисунок). Расстояние S между объединенными объектами $S_{1.1}$ = 11,683, $S_{1.2}$ = 11,901, S_1 = = $S_{\text{близости между 1.1 и 1.2}}$ = 13,65, S_2 = 16,28.

Сравнение расстояний близости нахождения объектов, входящих в кластеры 1 и 2, подтвердило результаты экспертной оценки ($S_{1.1} < S_{1.2}$) и показало, что переменные в кластере 1.1 расположены более близко. Из этого следует, что кластер 1 и качества, его составляющие являются основой лидерского потенциала руководителя (1-й уровень), переменные кластера 2 являются дополнительными, т.е. качествами 2-го уровня.

Исходя из полученных данных была разработана идеальная модель лидерского потенциала перспективного руководителя (табл. 2), наиболее полно соответствующая современным требованиям, предъявляемым к руководителю в сфере железнодорожного транспорта после реорганизации, ядро в модели составляют деятельностно-ориентированные и лидерские качества личности.

Таблица 1

Результаты ранжирования выделенных категориальных пространств понятия «перспективный руководитель» студентами и руководителями железнодорожного транспорта (качества представлены по степени значимости)

Студенты	Перспективные руководители
Категории /удельный вес в общем массиве ассоциаций, %	
Высокая профессиональная грамотность и компетентность (34,31)	***Высокая профессиональная грамотность и компетентность (28,97)***
Лидерские качества (16,06)	***Лидерские качества (23,83)***
Интеллектуальные способности (15,33)	***Интеллектуальные способности (14,49)***
Морально-нравственные качества (10,28)	*Личностные социально-ориентированные качества (10,22)*
Личностные социально-ориентированные качества (8,88)	*Волевые качества (8,76)*
Волевые качества (4,21)	*Морально-нравственные качества (8,76)*

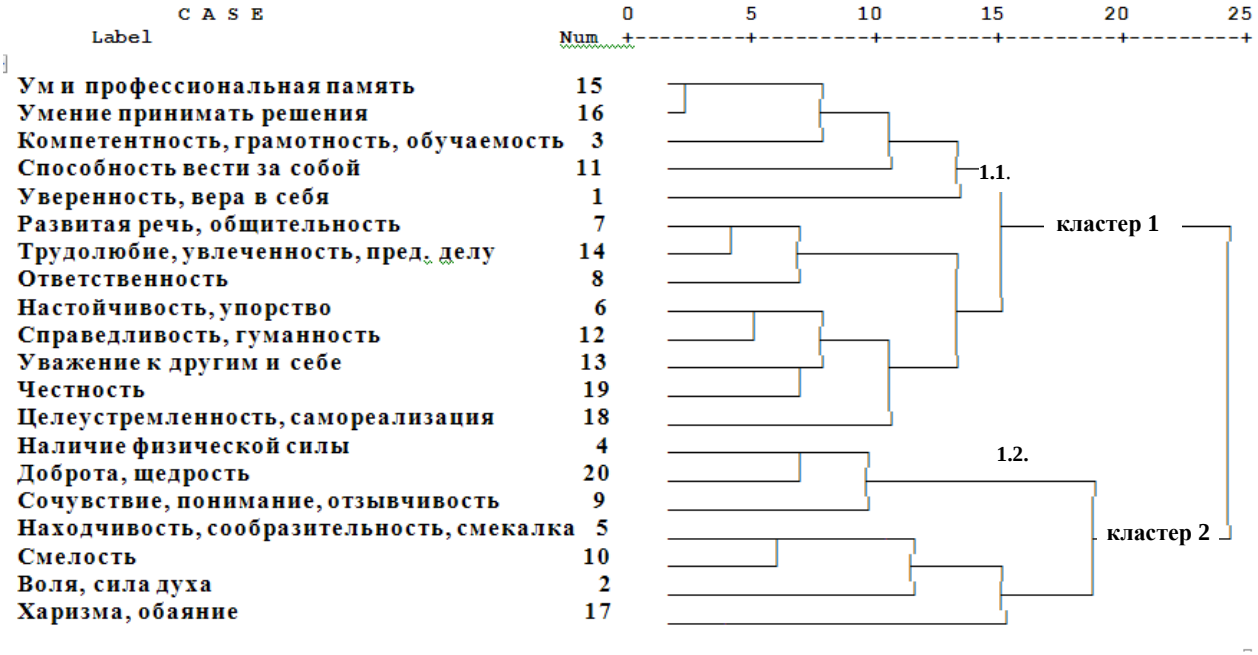

Рисунок. Дендрограмма качеств, входящих в лидерский потенциал

Таблица 2

Модель лидерского потенциала перспективного руководителя в системе железнодорожного транспорта

Составляющие лидерского потенциала	Содержание
ЯДРО (основные качества)	
Деятельностно-ориентированные качества	Деятельностные: компетентность, грамотность, способность к обучению, профессионализм, образованность. Интеллектуальные: ум, умение быстро принимать решения, способность ставить цели, видеть главное в проблеме. Волевые: уверенность в себе и в своих силах, способность к саморегуляции (спокойствие)
Лидерские качества	Способность вести за собой, успешность в начинаниях, обладание властью
РЕСУРСЫ 1-го УРОВНЯ (основные)	
Социально-ориентированные качества	Развитая речь, общительность, умение работать с людьми, коммуникабельность, гибкость в общении
Волевые качества	Настойчивость, упорство, целеустремленность, дисциплинированность, трудолюбие, ответственность, пунктуальность, работоспособность
Морально-нравственные качества	Справедливость, гуманность, уважение к другим и к себе, честность, преданность делу
Лидерские качества	Самореализация
РЕСУРСЫ 2-го УРОВНЯ (дополнительные)	
Морально-нравственные качества	Щедрость, доброта, понимание, сочувствие, отзывчивость, требовательность
Волевые качества	Воля, сила духа, смелость, решительность
Интеллектуальные качества	Находчивость, сообразительность, смекалка
Лидерские качества	Харизма и обаяние

Эти данные показали, что одни социально-ориентированные, волевые, морально-нравственные и некоторые лидерские качества личности могут быть основными ресурсами, а другие – дополнительными ресурсами лидерского потенциала, развитие которых позволит усилить и обогатить лидерский потенциал. Объединение и взаимодополнение этих качеств личности позволяют перспективному руководителю успешно решать те или другие проблемы, возникающие в его деятельности, организовывать, регулировать деятельность и обеспечивать ее перспективность.

Это позволило нам определить данную структуру лидерского потенциала как ***метакачество руководителя-лидера***, обеспечивающее его деятельность и перспективы.

В результате эмпирического исследования личностных качеств составляющих лидерский потенциал современных руководителей железнодорожного транспорта, определена структура лидерского потенциала этих руководителей. В исследовании приняли участие руководители среднего и высшего звена, включенные в резерв перспективных руководителей по результатам профессионального отбора и успешной управленческой деятельности.

Для психодиагностики личностных качеств использовались стандартизованные методики: «Оценка выраженности лидерских тенденций» (С.И. Ерина, П.Н. Иванов), «Эмоционального интеллекта» (Н. Холл), «Определение стиля саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова, Е.М. Коноз); модифицированная методика качественно-количественного анализа личных стремлений (Р. Эммонс); тесты: смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев), «Жизнестойкость» (С. Мадди).

Анализ результатов оценки личностных качеств, образующих лидерский потенциал современных руководителей, выявил, что они отличаются от образа идеального лидерского потенциала:

1) высоким уровнем сформированности *деятельностно-ориентированных качеств личности* (высокий уровень способности мотивировать себя на выполнение дел, хорошая способность осуществлять контроль по мере выполнения деятельности, убежденность, что все происходящее способствует их развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, выше среднего уровень вовлеченности и жизнестойкости);

2) высоким уровнем *развития интеллектуальных качеств и ресурсов* (способность ставить цели, видеть главное в проблеме, хорошая способность к моделированию, способность выделять значимые условия достижения целей, хорошая способность осознанного программирования своих действий, развитость и адекватность оценки результатов своей деятельности и поведения);

3) *средним уровнем* развития *волевых качеств и ресурсов* (средняя способность к саморегуляции и управлению эмоциями, способность перестраивать систему саморегуляции);

4) низким уровнем *социально-ориентированных ресурсов* (средний уровень эмпатии). Так, качества эмоционального интеллекта – способность распознавать эмоции других людей и эмоциональная осведомленность – не выявлены, что может мешать реальным руководителям в их коммуникативной и управленческой деятельности;

5) средними лидерскими способностями.

На основе результатов иерархического кластерного анализа корреляций и факторного анализа показателей личностных характеристик руководителей по методу главных компонент: вращения Варимакс с нормализацией Кайзера (кумулятивный процент объясненной дисперсии 63,025) были выделены факторы, позволившие интерпретировать их как новые интегральные качества.

Всего было выделено 6 факторов, содержание которых соотносимо с содержанием кластеров, выделенных в результате кластерного анализа корреляций (интервальные данные обрабатывались с помощью корреляции Пирсона).

Факторы не имеют значимых корреляционных связей друг с другом ($r = 0{,}132$, $p > 0{,}5$ так как $r_{кр} = 0{,}308$ при $p \le 0{,}05$ для $n = 41$) и выступают как независимые составляющие.

В результате рассмотрения факторов было установлено следующее:

1. *Фактор 1* является доминирующим в иерархии взаимосвязанных факторов, имеет наибольший вес (21,109 % объясненной дисперсии, включает три кластера). В него вошли (на уровне значимости 5 %, $r = 0{,}416$) наиболее значимые личностные особенности реальных перспективных руководителей. Кластер 2.1 объединяет переменные: вовлеченность, жизнестойкость, контроль, принятие риска, управление эмоциями, самомотивацию, моделирование. Кластер 2.2 – эмпатию, распознавание эмоций, трудность удовлетворения личностные стремлений категории «творческая продуктивность», кластер 2.3 – гибкость, общий уровень саморегуляции.

2. Кластеры 2.1 и 2.2 образованы на 11-м и 20-м шаге, кластер 2.3 – на 22-м шаге. Наиболее тесно взаимосвязаны кластеры 2.1 и 2.2, по сравнению с кластером 2.3 ($r = 0{,}5$, $p \le 0{,}01$ и $r = 0{,}416$, $p \le 0{,}01$ соответственно). Переменные, входящие в кластер 2.1, имеют более тесные связи между составляющими его переменными ($r = 0{,}605$ и $r = 0{,}572$ при $p \le 0{,}001$ соответственно). Поэтому переменные, входящие в его состав, можно отнести к основным качествам ЛПРР, переменные, входящие в кластер 2.2, – к ресурсам 1-го уровня, а переменные, входящие в кластер 2.3, к ресурсам 2-го уровня.

3. Объединение переменных в один общий кластер, соотносимый по содержанию с содержа-

нием фактора 1, происходит на 32-м шаге, где переменная «лидерские тенденции» завершает объединение переменных, составляющих кластеры 2.1, 2.2, 2.3. В связи с этим мы рассматриваем ее так же, как основное качество, входящее в ядро модели ЛПРР, без которой переменные, составляющие фактор 1, не будут взаимосвязаны между собой.

После анализа объединений остальных кластеров структура и составляющие модели ЛПРР были представлены в виде модели (табл. 3).

Как описано ранее, при отборе руководителей мы исходили из того, что каждый из включенных в выборку руководитель обладает достаточно высоким уровнем профессиональных знаний, компетентности, профессиональной грамотности, предопределяющими успешные показатели их управленческой деятельности. Это позволило рассматривать эти качества как входящие в ядро современных успешных руководителей.

Сопоставление качеств личности показало, что у современного руководителя:

1) слабо представлены лидерские качества и отсутствуют лидерские ресурсы, что свидетельствует о низкой значимости лидерских качеств реальных руководителей и доминировании деятельностно-ориентированных качеств;

2) отсутствуют морально-нравственные ресурсы, которые должны быть обязательными качествами руководителя-лидера и являющиеся в модели ЛППР ресурсами 1-го и 2-го уровней. Это означает, что реальные руководители не придают значения в своей деятельности морально-нравственным качествам;

3) в число ресурсов 1-го уровня у реальных руководителей не входят волевые ресурсы, что может отрицательно сказываться на эффективности деятельности;

4) дополняют модель ЛПРР в сравнении с моделью ЛППР творческие ресурсы, что говорит о наличии стремления к творческой работе.

В число составляющих ЛПРР в сравнении с ЛППР не вошли уверенность, успешность, морально-нравственные характеристики (рассматривались нами через личностные стремления категории «духовная трансценденция», «интраперсональное», «интимность»), самореализация (рассматривалась нами через личностные стремления категории «достижение»). Это обосновывает необходимость целенаправленно развивать данные качества у реальных руководителей в процессе профессиональной переподготовки.

Учитывая тот факт, что в исследовании принимали участие руководители, имеющие опыт работы управленческой деятельности в системе железнодорожного транспорта и до реорганизации, выявленные различия составляющих лидерский потенциал идеального и реального перспективного руководителя обусловлены, в первую очередь, структурой и функциональной организацией. Таким образом, чтобы успешно адаптироваться к новым условиям, необходимо развивать у них отсутствующие или недостаточно сформированные личностные качества, входящие в структуру лидерского потенциала.

Таблица 3

Модель лидерского потенциала современного руководителя в системе ж.-д. транспорта

Составляющие лидерского потенциала	Содержание
ЯДРО (основные качества)	
Деятельностно ориентированные качества	Деятельностные: профессионализм, компетентность, грамотность, жизнестойкость, самомотивация, контроль Интеллектуальные: моделирование Волевые: способность управлять эмоциями
Лидерские качества	Лидерские способности
РЕСУРСЫ 1-го УРОВНЯ (основные)	
Социально-ориентированные качества	Эмпатия, способность распознавать эмоции других людей, эмоциональная осведомленность
Творческие характеристики	Трудность реализации стремления категории «творческая продуктивность»
РЕСУРСЫ 2-го УРОВНЯ (дополнительные)	
Волевые качества	Гибкость, общий уровень саморегуляции
Интеллектуальные качества	Программирование, оценка результатов

Резюмируя вышеперечисленное, необходимо отметить, что действующая модель руководителя, используемая при проведении отбора перспективных руководителей в системе железнодорожного транспорта не в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к руководителю после реорганизации системы управления в этой сфере. В частности, лидерский потенциал современных руководителей в системе железнодорожного транспорта реализуется не полностью: социально-ориентированные, волевые качества и ресурсы, входящие в его структуру, развиты недостаточно. В структуре ЛП реального руководителя отсутствуют морально-нравственные и лидерские ресурсы, хотя именно эти качества являются важными для адаптации руководителя новой формации и при проведении профотбора не учитываются.

Так как лидерский потенциал является основой способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности, сохранять стабильность управленческой деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий (т.е. постоянных изменений), предлагаемая по итогам анализа результатов исследования модель лидерского потенциала перспективных руководителей, наиболее полно отражает современные требования, предъявляемые к руководителям ОАО «РЖД». Ее использование и анализ сформированности лидерского потенциала как основной критерий при оценке эффективности управленческой деятельности позволит делать прогноз успешности управленческой деятельности и адаптации в новых условиях. Проведение сравнительного анализа личностных качеств реальных руководителей с качествами, составляющими структуру лидерского потенциала, позволит также подобрать эффективную программу психологической подготовки руководителей на ж.-д. транспорте и разрабатывать обучающие и развивающие программы подготовки руководителей ОАО «РЖД» в послереорганизационный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова, К.А.* Сознание как жизненная способность личности / К.А. Абульханова // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 32–43.

2. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1 / ред. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1969. – (Серия «Философское наследие»)

3. *Бодров, В.А.* Современные исследования фундаментальных и прикладных проблем психологии профессиональной деятельности. В 2 ч. Ч. 1 / В.А. Бодров // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 5. – С. 83–90.

4. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4 / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984.

5. *Грязнова, Т.В.* Психологические механизмы готовности к социальному риску в профессиональной деятельности руководителя (на примере руководителей высшего звена ж.-д. транспорта: дис. … канд. психол. наук / Т.В. Грязнова. – Хабаровск, 2007.

6. *Дикая, Л.Г.* Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации / Л.Г. Дикая // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 3. – С. 29–44.

7. *Дынькин Б.Е.* Системная детерминация инновационного потенциала личности / Б.Е. Дынькин, И.В. Пахно // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2 (34). – С. 45–52.

8. *Ермолаева, Е.П.* Социальная реализация профессионала как феномен действительности и научная категория / Е.П. Ермолаева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4 (24). – С. 17–25.

9. *Ефрюшкина, О.В.* Я-концепция личности как субъекта труда в контексте организационной культуры: монография / О.В. Ефрюшкина, Т.Х. Невструева. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010. – 154 с.

10. *Максимов, А.К.* Личностные особенности эффективного руководителя в контексте организационной культуры предприятия железнодорожного транспорта: дис... канд. психол. наук / А.К. Максимов. – Хабаровск, 2006. – 152 с.

11. Методические рекомендации по использованию автоматизированной системы психологической диагностики руководящих кадров и специалистов железных дорог. – М.: МПС ДКиУЗ ОЦПИ, 2002.

12. Пояснительная записка «Концепция системы управления компании холдингового типа, образованной в результате реформирования ОАО «РЖД». – М., 2007.

13. Путеводитель молодого специалиста. – М.: Центр молодежных проектов ОАО «РЖД» , 2009.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИМПЛИЦИТНОЙ СТРУКТУРЫ СТРАХА БЕЗРАБОТИЦЫ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-ИНЖЕНЕРОВ)

Т.Х. Невструева

О.Р. Мурзина

Невструева Тамара Хасьямовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: tamaranevst@mail.ru

Мурзина Олеся Руслановна – студентка 757 группы Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

В статье рассмотрены теоретические и эмпирические аспекты страха безработицы как одного из видов социальных страхов. Акцент сделан на актуальном и латентном кризисах занятости. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи трех типов страха (страх безработицы, потеря работы и не найти другую), имплицитной структуры представлений о страхе безработицы и копинг-стратегий преодоления кризиса занятости. Методы исследования: ассоциативный эксперимент, авторский вариант методики «Незаконченные предложения» шкала самооценки Дембо-Рубинштейна, методика «Стратегии преодоления кризиса занятости» Н.С. Савриловой. Выборка составила 42 человека (от 22 до 41 года), имеющих образование инженер по специальностям: «инженер-логист», «инженер-строитель», «инженер-системотехник»). При этом 20 инженеров работали по специальности (из них 11 с латентным кризисом занятости), 22 состояли на учете в службе занятости.

Исследование показало различия в категориальной структуре имплицитных представлений о страхе безработицы в группе работающих с актуальным и латентным кризисом занятости и работающих без кризиса занятости. Не выявлены значимые различия в выраженности типов страхов у безработных и работающих с латентной формой кризиса занятости. Исследование показало, что работающие с кризисом занятости и безработные используют одинаковые копинг стратегии. При этом у работающих с латентным кризисом занятости более сильные проявления эмоционально негативных переживаний ситуации возможной безработицы. Именно страх является базовым переживанием и в актуальной или латентной форме кризиса занятости, что определяет особенности адаптивного поведения и выбор способов совладания в ситуации актуальной безработицы. Изучение имплицитной структуры страха безработицы может быть одним из прогностических показателей выбора ситуационно-специфических копинг-стратегий, связанных с реальной или вероятной безработицей.

Ключевые слова: социальные страхи, страх безработицы, актуальный и латентный кризис занятости, копинг-стратегии, психосемантический подход.

В современной отечественной психологии проблема безработицы имеет относительно небольшой период активных исследований в силу появления этого социального феномена в российской действительности уже в постсоветский период. Учитывая, что гарантированность занятости при социализме имела статус закона – эта гарантия стала одним из социальных стереотипов сознания советского человека. Разрушение этого важного социального стереотипа, поддерживающего чувство безопасности и обеспечивающего низкий уровень тревожности, привело к появлению страха безработицы, который включен сегодня в качестве фактора, активно воздействующего на многие составляющие адаптивного поведения личности и уровень субъективного благополучия.

Результаты социологического опроса, проведенного ВЦИО в январе 2009 г., показали, что в условиях экономического кризиса лидирующие позиции в «репертуаре» социальных страхов россиян стали занимать безработица, рост цен (по 61 %), алкоголизм и наркомания (53 %). По данные Центра трудовых исследований (ЦеТИ) ВШЭ, по 4-балльной шкале страха безработицы Россия находится на уровне 2,5 – это является очень высоким показателем, который объективно не связан с текущим уровнем безработицы.

Проблема трудовой занятости носит междисциплинарный характер, так как особенности возникновения и преодоления ситуаций безработицы прямо связаны с социально-экономическими, технологическими и политическими сферами жизнедеятельности человека, обеспечивающими объективный и субъективный уровни безопасности. Связь безработицы с переживанием безопасности определяет возможность ее анализа в контексте феноменологии страха, как «…эмоционального состояния, возникающего в присутствии и предвосхищении опасного или вредного стимула» [6: с. 322]. Причем, в отличие от аффективного страха, страх безработицы может носить пролонгированный характер тревоги в отношении настоящего и будущего. Тревога как «смутное неприят-

ное эмоциональное состояние, характеризующееся наличием дурных предчувствий, страха, напряжения и беспокойства [6: с. 377], включает сложный комплекс переживаний в отношении возможных или уже существующих ситуаций трудовой занятости.

Фактор безработицы детерминирует общий уровень тревожности социума, определенных социальных групп, личности. Степень выраженности тревоги связана с переживанием своей защищенности, и «зараженность» страхом безработицы как определенным социальным вирусом может иметь как эпидемический, так и локальный характер.

Безработица относится к социальным страхам, но имеет общие характеристики с другими страхами. Собственно психологические аспекты страхов выделены в концепции Ф. Римана, который классифицировал страхи по 4-м формам: страх перед самоотвержением, переживаемый как утрата «Я» и зависимость; страх перед самостановлением (стагнацией «Я»), переживаемый как беззащитность и изоляция; страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность; страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и несвобода. По его мнению, каждому стремлению свойственен страх перед противоположным стремлением [6: с. 8].

Термин «социальный страх» введен в науку работами Джозефа Вольпе как страх социальных объектов или ситуаций социального взаимодействия. В концепции Д. Вольпе рассматривается «страх критики», «страх неудачи», «страх успеха», «страх ответственности», «страх быть отвергнутым», «страх новых ситуаций» и др. В исследованиях подчеркивают ряд важных особенностей социальных страхов (в отличие от фобий): множественный характер и их взаимосвязь; распространенность на смежные социальные ситуации и схожие социальные объекты; устойчивость ассоциативных связей страха с определенными социальными ситуациями; самоподкрепление страха; переживание страха как угрозы (безопасность), утраты (контроль над ситуацией) и как неуверенности (в настоящем, будущем, в своих возможностях и т.д.). Модели поведения, связанные со страхами, автоматизируются, поддерживаются, воспроизводятся и распространяются на различные сферы социальной жизни человека [6].

Аналитический обзор исследований по проблеме социальных страхов дан в диссертационном исследовании Л.Н. Грошевой. В работе выделено 46 социальных страхов, которые методом контент-анализа разделены на пять групп: страх неудачи и поражения; страх непринятия и подавления; страх потери; страх самостоятельности; страх коммуникации (социального контакта с людьми). Страх безработицы отнесен к группе «страх потери» [2].

Авторы современных отечественных обзоров проблемы безработицы опираются на исследовательскую базу, накопленную в зарубежной психологии с начала XX в. Изучение проблем безработицы в зарубежной психологии сконцентрировано, прежде всего, на анализе индивидуальных психологических реакций на безработицу как процессуальном явлении, имеющем фазовую структуру переживания ситуации (П. Лазарсфельд, Х. Кауфман, П. Эйзенберг и др.). Этот подход позволяет оценивать степень негативного воздействия ситуации и ресурсы для ее преодоления в зависимости от суммы факторов, в том числе временных (длительность безработицы), адаптационных возможностей личности, субъектной активности / пассивности в разрешении трудной ситуации.

Среди круга проблем, которые актуализированы в современной психологии, можно выделить два направления, значимых в практическом аспекте. Во-первых, это исследования, связанные с последствиями безработицы в социальном и психологическом аспектах (собственно диагностический срез). Второй блок исследований включает вопросы психологической помощи личности в преодолении страха безработицы, определения ресурсного потенциала человека и поиска оптимальных стратегий выхода из кризиса занятости.

Исследования показывают значимые корреляционные связи безработицы с различными параметрами жизнедеятельности личности, его поведения, личностными и психологическими деформациями, преступностью и суицидами. По данным В.В. Лунеева, повышение уровня безработицы на 1 % приводит к росту преступности на 7–8 %. В ситуации безработицы начинают действовать саморазрушающие стратегии ухода от проблемы (пьянство, наркомания, суициды) [4]. Выявлены устойчивые связи между безработицей и ухудшением семейных и супружеских отношений, жестоким обращением с детьми, повторением негативных профессиональных сценариев членами семьи безработного (К.Х. Брайер). Среди эмоциональных последствий безработицы отмечают прямую зависимость между наличием/отсутствием работы и депрессией, уровнем стресса, фрустрацией. Безработица сопровождается трудными эмоциональными состояниями, переживаемыми как безнадежность, безысходность, апатия, тревога, чувство вины, неуверенность, тоска, растерянность, усталость от жизни, шок, обида и т.д. (А. Гордиенко, Ю.М. Плюснин, Г.С. Пошевнев и др.). Личностные деформации включают влияние безработицы на уровень притязаний, самооценку, локус-контроля, структуры трудовой мотивации, появления комплекса «неудачника». Существенные изменения происходят в оценке своей компетентности, прояв-

ляются «функциональные сдвиги» в системе личностной саморегуляции социального поведения, достаточно глубоко изменяются ценностно-смысловые координаты жизни и временные модусы, особенно перспективы будущего (И.М. Городецкая, И.В. Пахно, А.О. Прохоров, Л.Ю. Субботина и др.)

Изучение проблем практической помощи безработным включает круг вопросов, связанных с преодолением кризиса занятости и страха безработицы. К таким исследованиям относятся разработки типологических моделей поведения безработных на основе различных критериев (стиль поведения, стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций, личностные особенности и т.д.). Такие модели позволяют дифференцировать психологическую помощь и акцентировать внимание на группах безработных, требующих поддержки в выработке более адекватных «техник» жизни (Л.И. Анцыферова, А.А. Гордиенко, К. Реана, Г.С. Пошевнев, Ю.М. Плюснин, Н.С. Саврилова, И.В. Шавгарова и др.). Как показывают исследования, успешная или неуспешная адаптация личности во многом определяется включением психологических механизмов совладания (копинг-стратегий) поведенческих, эмоциональных и когнитивных усилий, необходимых для продуктивного разрешения проблемы (Р. Лазарус, С. Фолькман, Э. Фрайденберг и др.).

Важно подчеркнуть, что безработицу относят к ненормативному кризису (является следствием случайных, непредвиденных событий), который может проявляться в двух формах: актуальной (наличие ситуации потери работы и поиска нового места) и латентной (состояние страха и неуверенность у работающих, переживание возможности безработицы в краткосрочном и отдаленном будущем [1; 3].

В этом контексте представляют интерес исследования, позволяющие определить характер взаимосвязи между актуальной и латентной формами кризиса, представлениями о страхе (его имплицитной структурой) и доминирующими копинг-стратегиями в ситуации кризиса занятности.

Проведенное нами эмпирическое исследование позволило выявить особенности этих взаимосвязей. В исследовании приняли участие 42 инженера, в возрасте от 22 до 41 года (специальности «инженер-логист», «инженер-строитель», «инженер-системотехник»). На момент исследования 20 инженеров работали по специальности; 22 состояли на учете в службе занятости в статусе безработных.

Для изучения имплицитной структуры страха безработицы мы использовали свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) и модифицированную нами проективную методику «Незаконченные предложения». Для определения выраженности страха безработицы была выбрана методика диагностики самооценки Дембо-Рубенштейна, на шкалах которой испытуемые должны были зафиксировать субъективное отношение к выраженности у них двух типов страха (страх потерять работу, страх не найти работу), а также включили в методику шкалу «Страх безработицы», так как в индивидуальном понимании понятие «безработица» имеет значимо различное определение. По результатам субъективной оценки было определено, что в группе безработных страх безработицы выражен у всех испытуемых, а в группе работающих инженеров – у 11 был выявлен латентный кризис занятости с субъективным переживанием страха безработицы.

Сравнение графиков показывает, что среднестатистическая выраженность страхов в группе работающих с латентным кризисом занятости в целом выше, чем у безработных, однако, статистический анализ данных с использование U-критерия Манна-Уитни показал отсутствие значимых различий между изучаемыми группами (рис. 1). Насколько устойчива данная тенденция, может показать дальнейшее исследование на других выборках.

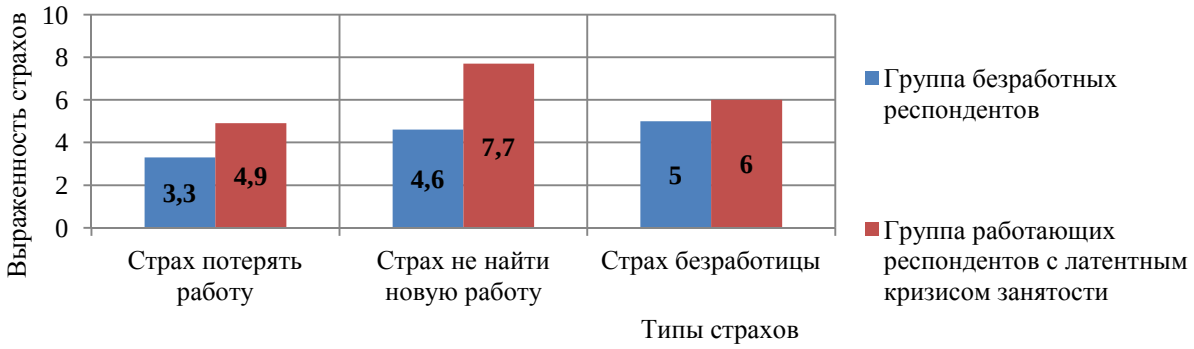

Рис. 1. Среднестатистическая выраженность страхов безработицы

В качестве стимула в ассоциативном эксперименте выступало понятие «страх безработицы». Данные ассоциативного эксперимента были обработаны методом контент-анализа. Анализ полученных данных позволил определить содержание категориального пространства, отражающего особенности имплицитной структуры страха безработицы по всем трем группам (по степени частоты ассоциативного ряда).

Безработные: «Психофизиологическая реакция» (депрессия, беспокойство, паника, стресс, тревога, усталость, нервные срывы, дрожь, слезы, неуверенность в себе); «Потери» (семьи, голод, нет удовольствия, денег, жилья); «Трудная жизненная ситуация» (кризис, застой, проблема); «Действие» (поиск, безделье, борьба с зависимостью от других); «Индивидуальные ассоциации» (Греция, плохая одежда, засуха); «Норма».

Работающие с кризисом занятости: «Психофизиологическая реакция» (дискомфорт, неуверенность, стресс, депрессия, печаль, скука, слезы, ужас, тревога, паника, боязнь, незащищенность, неуверенность); «Действие» (безделье, отдых, поиск); «Трудная жизненная ситуация» (сокращение, увольнение); «Положительная реакция» (свобода, ночная жизнь); «Потеря» (нет денег); «Цветовая ассоциация» (черный цвет).

Работающие без кризиса занятости: «Личностные недостатки» (ерунда, глупость, отговорки, слабость, удел пролетариата); «Психофизиологическая реакция» (тревога, нервы, стресс, потеря концентрации); «Действие» (безделье, отдых, попытка суицида).

Категориальная структура ассоциативного эксперимента представлена в таблице.

Таблица

Категориальная структура представлений о страхе безработицы

Категория	Частота встречаемости, %
Безработные	
1. Психофизиологическая реакция	35
3. Потери	22,5
3. Трудная жизненная ситуация	16,5
4. Действие	9,75
5. Индивидуальная ассоциация	9,75
6. Норма	6,5
Работающие с кризисом занятости	
1. Психофизиологическая реакция	56,5
2. Действие	13,5
3. Трудная жизненная ситуация	8,5
4. Положительная реакция	8,5
5. Потеря	8,5
6. Цветовая ассоциация	4,5
Работающие без кризиса занятости	
1. Личностные недостатки	41,5
2. Психофизиологическая реакция	33,5
3. Действие	25

Анализ ассоциативного эксперимента безработных и работающих с латентным кризисом занятости выявил сходство ассоциаций и их категориальной структуры. Причем в группе с латентным кризисом занятости наибольший удельный вес в общем массиве ассоциаций занимает категория ««Психофизиологическая реакция», отражающая негативные эмоциональные состояния. В группе работающих инженеров без кризиса занятости доминируют категории «личностные недостатки», они считают, что страх безработицы не может быть объектом исследования, так как формируется лишь у немногих людей со специфическим набором негативных характеристик.

Данные, полученные по методике «Незаконченные предложения», позволили выявить более детальную категориальную структуру представлений респондентов о страхе безработицы. На примере некоторых незавершенных предложений (всего их было 30) рассмотрим распределение категорий в целом по выборке:

1. «Безработица и социальные страхи связаны, так как…» – категории: «Социальный статус» (54 % опрошенных считают, что безработица снижает социальный статус и вызывает страх); «Единая структура» (для 13 % испытуемых безработица – это и есть страх); «Личные потребности» (26 % связывают данные понятия с невозможностью удовлетворять собственные потребности); «Психологический дискомфорт» (7 %).

2. «Страх безработицы…» – категории: «Профессиональные и личные страхи» (у 72 % респондентов категория включает различные типы страхов, таких как потеря работы, страх остаться без обеспечения, страх потерять статус и т.п.); «Психологический дискомфорт» (16 %); Отсутствие гарантированной занятости» (22 % считают, что страх возникает вследствие необходимости самостоятельного и зачастую неудачного поиска работы).

3. «Страх безработицы возникает у людей, которые…» – категории: «Неуверенность» – (28 % респондентов описывают личностную неуверенность людей как в своих силах, так и в ситуации на рынке труда); «Бездеятельность» – (24 % отмечают отсутствие активности по поиску работы у безработных); «Профессионально важные качества» (19 % опрошенных отмечают, что страх возникает у людей, не имеющих ПВК для выполнения профессиональной деятельности); «Опыт» – (для 14 % опрошенных страх возникает у людей, которые в прошлом сталкивались с ситуацией безработицы, увольнения, сокращения и т.п.). По 5 % выражены категории: «Высокая значимость труда», «Отсутствие обеспечения» и «Социальные группы» (страх выражен у студентов, безработных, инвалидов и т.п.).

4. «Причины возникновения страха безработицы…» – категории: «Личностные особенности» (45 % респондентов отмечают личные недостатки, такие как

лень, низкие самооценка и уровень развития и т.п.); «Материальные потребности и обязательства» (20 %); «Опыт» (20 % опрошенных отмечают негативный прошлый опыт, как причину страха) «Ситуация на рынке труда» (15 % описывают плохую социальную обстановку на российском рынке).

5. «Страх безработицы оставляет такие негативные последствия…» – категории: «Психологическое состояние и здоровье» (45 % опрошенных подчеркивают негативное влияние страха на жизнь человека); «Социальный и материальный статус» (30 % считают, что страх влияет на изменение статуса); «Формирование зависимости» (20 % отмечают, что страх может повлиять на возникновение отрицательных привычек); «Негативные профессиональные изменения» (5 % считают, что под воздействием страха человек может начать заниматься неподходящей работой).

6. «Страх безработицы оставляет такие позитивные последствия…» – категории: «Мотивация» (33 % опрошенных описали побудительную функцию страха); «Проба нового» (23 % считают, что страх открывает возможности для самосовершенствования); «Спрос» (22 % указали, что у людей со страхом безработицы выражена привязанность к существующему месту, когда не самые престижные профессии начинают пользоваться спросом); «Развлечения» (11 % опрошенных указали, что при борьбе со страхом люди прибегают к позитивному времяпрепровождению); «Работа над собой» (11 %).

7. «Чтобы справиться со страхом безработицы, необходимо…» – категории: «Поиск работы» (50% считают, что для борьбы со страхом необходим постоянный поиск трудового места); «Личностное и профессиональное развитие» (для 32 % испытуемых способ справиться со страхом – постоянное развитие); «Борьба со страхом/избегание» (13 %); «Накопление стажа» (5 %).

Анализ полученных данных по группам показал, что есть существенные различия в структуре категорий страха безработицы в трех группах. Так, например, вопрос «Если меня сегодня уволят…» – показал следующее распределение категорий:

– работающие без кризиса занятости: категории – «Агрессия» (все выскажу начальнику, разгромлю рабочее место); «Отдых» (отдохну, развлекусь); «Нереальная ситуация» (меня не могут уволить, я сам себе начальник);

– работающие с латентным кризисом занятости: категории – «Уход от проблемы» (напьюсь, куплю алкоголь); «Поиск новой работы»; «Смена деятельности» (высплюсь); «Реакции» (расплачусь);

– безработные: категории – «Отдых» (отдыхаю ничем не занимаюсь); «Развитие» (учусь, развиваюсь); «Альтернативы» (региструю ИП, занимаюсь другими делами (семьей), состою на учете в центре занятости).

Таким образом, по результатам данных ассоциативного эксперимента и проективной методике «Незавершенные предложение» выявлены значительные различия в категориальной структуре имплицитных представлений о страхе безработицы в группе работающих с актуальным и латентным кризисом занятости и работающих без кризиса занятости.

Для изучения копинг-стратегий была использована методика «Стратегии преодоления кризиса занятости» Савриловой Н.С, в которой даны пять стратегий: «Невротический ответ», «Отрицание-рационализация», «Актуализация социальной сети», «Актуализация внутренних ресурсов», «Атрибуция ответственности за восстановление занятости». Методика была использована только на группах с актуальным и латентным кризисом занятости (рис. 2).

Сравнение графиков показывает определенные различия используемых копинг-стратегий у безработных и работающих инженеров с латентным кризисом занятости, однако, статистическая процедура с использованием U-критерий Манна-Уитни показала, что эти различия в данной выборке не носят значимый характер.

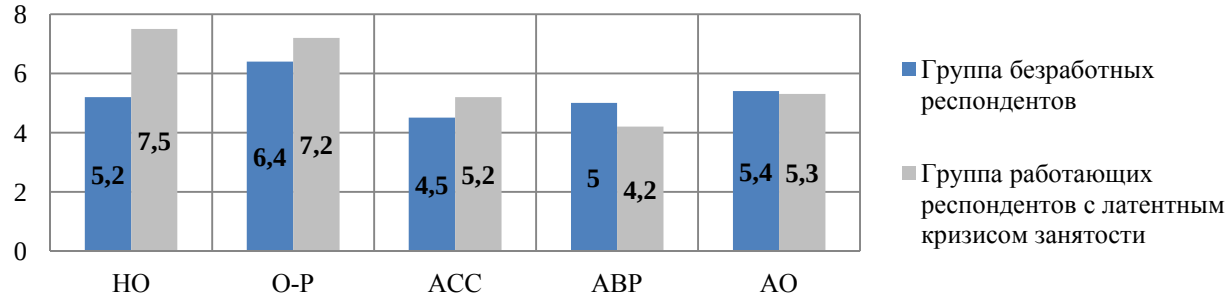

Рис. 2. Среднестатистические данные используемых копинг-стратегий преодоления кризиса занятости: НО – невротический ответ; О-Р – отрицание-рационализация; АСС – актуализация социальной сети; АВР – актуализация внутренних ресурсов; АО – атрибуция ответственности

Для определения взаимосвязи выраженности страха безработицы и копинг-стратегий преодолевающего поведения у инженеров с латентным и актуальным кризисом занятости был проведен корреляционный анализ результатов исследования. Было выявлено, что страх не найти новую работу имеет значимые положительные связи с копинг стратегиями «отрицание-рационализация» (r = 0,45) и «атрибуцией ответственности (r = 0,49). Страх безработицы также положительно коррелирует с копинг-стратегиями «отрицание–рационализация» (r = 0,46) и «атрибуция ответственности» (r = 0,56).

Стратегия «отрицание–рационализация» включает комплекс защитных реакций, ограждающих личность от неприятных, травмирующих переживаний, сопряженных с ситуацией безработицы. Стратегия «атрибуция ответственности за восстановление занятости» описывает внешнюю атрибуцию ответственности, перенос вины на социум.

Исследование показало, что работающие и безработные с кризисом занятости используют одинаковые модели преодолевающего поведения. При этом у работающих с латентным кризисом занятости (как показал САЭ и методика «Незаконченные предложения более сильные проявления эмоционально негативных переживаний ситуации возможной безработицы. Именно страх является базовым переживанием и в актуальной или латентной форме кризиса занятости, что определяет особенности адаптивного поведения и выбора способов совладания в ситуации актуальной безработицей.

Изучение имплицитной структуры страха безработицы может быть одним из прогностических показателей выбора ситуационно-специфических копинг-стратегий, связанных с реальной или вероятной безработицей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бендюков, М.А.* Кризисы профессионального развития личности, обусловленные негарантированностью трудовой занятости / М.А. Бендюков // Образ российской психологии в регионах страны и в мире: международный форум (24–28 сентября 2006 г.). – М.: ИПРАН, 2006. – С. 67–70.

2. *Грошева, Л.Н.* Социальные страхи и их преодоление у верующих и атеистов: автореф. дис. … канд. психол. наук / Л.Н. Грошева. – М., 2004. –30 с.

3. *Демин, А.Н.* Особенности переживания личностью кризисов своей занятости / А.Н. Демин // Вопросы психологии. – № 3. – 2006. – С. 87–96.

4. *Лунеев, В.В.* Преступность в XXI веке: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

5. *Невструева Т.Х.* Переживание времени в кризисных ситуациях / Т.Х. Невструева, И.В. Пахно // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2005. – № 2. – С. 51–56.

6. *Ребер, А.* Большой толковый психологичский словарь: пер. с англ. Т. 2 / А. Ребер. – М.: ООО «АСТ»; Вече, 2001. – 560 с.

7. *Риман, Ф.* Основные формы страха: пер. с нем. / Ф. Риман. – М.: Алетейа, 1999. – 336 с.

8. *Ромек, В.Г.* Поведенческая психотерапия: учеб. пособие / В.Г. Ромек. – М.: Академия, 2002. – 192 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ОПЕРАТОРА ПОДВИЖНОГО СОСТАВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРЕНАЖЕРНЫХ МЕТОДОВ

Б.Е. Дынькин

Т.Н. Соболева

Дынькин Борис Евгеньевич – доктор технических наук, профессор, ректор Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: root@festu.khv.ru

Соболева Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: t.sobol.n.25@rambler.ru

В статье рассматривается проблема профессиональной психологической подготовки оператора подвижного состава. Предлагаются два направления подготовки: первое – совершенствование управляющей деятельности методом тренажерного обучения; второе – восстановление и укрепление психофизиологических качеств оператора методом стабилографического тренажера с биологически обратной связью. Рациональность и эффективность используемых методов будет достигнута с учетом индивидуальных особенностей операторов, находящихся на различных стадиях профессионализации. По результатам проведенного исследования по совершенствованию управляющих действий установлено, что тренажерная подготовка машиниста-оператора, с учетом стадий профессионализации, занимает важное место в системе профессиональной подготовки и позволяет сформировать управляющие действия до автоматизма, т.е. управляющие навыки. При всех недостатках тренажера, особенно отсутствие поездной обстановки, главное его достоинство – возможность отработки управляющих навыков, которые оператор может перенести в реальную поездную обстановку, т.е. применительно к реальным ситуациям неисправности, где на этот навык наращивается уже отработка специфических операций, отвечающих требованиям поездной обстановки. По результатам проведенного формирующего эксперимента по восстановлению и укреплению психофизиологических качеств установлено, что стабилографическое тренажерное обучение повышает эффективность произвольного управления движениями оператора в условиях достижения устойчивости центра давления стоп в сагиттальном и фронтальном отклонении тела, а следовательно, и функциональное состояние в целом. В произвольном управлении движениями в условиях достижения устойчивости центра давления стоп в сагиттальном и фронтальном отклонениях тела выявлены определенные различия, характерные для каждого этапа профессионализации машиниста-оператора, что и послужило основанием для разработки методики стабилографических тренажеров, причем для каждого этапа профессионализации отдельно, с преследованием цели эффективности тренировки. В Учебном центре безопасности движения при Институте дополнительного образования ДВГУПС с 2010 г. (по указанным выше направлениям) ведется подготовка операторов подвижного состава, с применением тренажерных методов, зарекомендовавших себя только с положительно стороны.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, управляющие действия, восстановление и укрепление психофизиологических качеств, эффективность деятельности, тренажер управляющих действий; стабилографический тренажер; произвольное управление движениями.

Машинист-оператор подвижного состава, численность которого составляет почти половину работников всей эксплуатационной службы железных дорог, является одной из важнейших квалификационных профессий железнодорожного транспорта. Безопасность движения на транспорте во многом зависит от надежности и устойчивости профессиональной деятельности машиниста-оператора. В последние годы труд машиниста-оператора (локомотивной бригады) характеризуется усложнившимися условиями эксплуатации тягового подвижного состава: удлинение тяговых плеч работы локомотивов, а также участков работы локомотивных бригад, введение унифицированной повышенной массы и длины поездов на полигоне дорог. В связи с этим становится сложным процесс управления подвижным составом в совершенно различных режимах работы: от монотонного до нестандартного, а также аварийного и экстремального [5; 9].

Кроме того, исследование, проведенное нами раннее, показало, что машинист находится в довольно сложных условиях согласования режима труда и отдыха, а именно: непрерывная работа до 12 часов, сокращение предрейсового отдыха в домашних условиях, переотдых в пункте оборота, сверхурочные – более 24 часов в месяц. Все вышеперечисленные факторы, безусловно, оказывают значительное влияние на надежность и устойчивость машиниста-оператора, что снижает, а порой и нарушает, его психофизиологические качества, функциональные состояния, а самое главное – сказывается на эффективности труда. По напряженности трудового процесса условия труда локомотивных бригад относятся к классу – вредный 2-й степени [5; 9].

Исходя из этого мы полагаем, что профессиональная психологическая подготовка машиниста-оператора должна включать два ведущих направления: первое – совершенствование управляющей деятельности; второе – восстановление и укрепление психофизиологических качеств. Эти ведущие направления подготовки должны реализоваться таким комплексом методов, которые логически взаимосвязаны и отвечают специфике операторской деятельности. Исследования, проведенные Ю.К. Стрелковым, Н.М. Опариной в области профессиональной подготовки оператора, позволяют отметить, что качественное обучение оператора возможно посредством моделирования деятельности в целом и отдельных управляющих действий, которое отвечает «…принципу близости к реальной транспортной обстановке», а также для организации эффективного обучения оператора необходимо учитывать его психофизиологические и личностные качества [7; 10]. Кроме того, Н.М. Опарина пишет, что оптимизация отношений в системе «обучаемый – технические средства» должна предусматривать возможность получения контрольной информации, т.е. используемые технические методы обучения должны давать возможность оценить эффективность деятельности в конкретных показателях, в целях ее дальнейшего совершенствования [7: с. 52].

Учебный центр безопасности движения поездов при Институте дополнительного образования ДВГУПС, созданный в 2003 г., имеет основательную техническую базу для эффективной подготовки, наряду с рабочими профессиями и инженерно-техническими работниками, операторов подвижного состава. В обучении операторов используются тренажерные комплексы: ТЭП60, действующий фрагмент электровоза ВЛ85 и тепловоза 2ТЭ136, стабилографический тренажер с биологической обратной связью «Стабилан-01» и тренажерный комплекс «Торвест-видео». Помимо этого, в рамках профессиональной подготовки операторов осуществляется тесное сотрудничество с Хабаровским учебным центром ДВЖД, где, наряду с реальным локомотивным парком, специализированными техническими устройствами и оборудованием, имеется тренажерный зал, в котором имеются компьютерные тренажерные комплексы типа «Торвест-Видео» в моделях «ВЛ80^{С}», «ЭП1», «Ермак», «3ТЭ10М».

Совершенствование управляющей деятельности оператора, на наш взгляд, возможно осуществлять методом тренажерного обучения. Одно из основных преимуществ использования тренажерной подготовки заключается, с одной стороны, в возможности осваивать и закреплять навыки управляющих действий в задачах, адекватных реальным ситуациям, с другой – оперативно оценивать успешность подготовки по прямым показателям надежности и производительности деятельности. Восстановление и укрепление психофизиологических качеств оператора возможно посредством стабилографического тренажерного метода с биологически обратной связью. Преимуществом использования этого метода является процесс корректировки, отработки произвольного управления движениями в целях достижения вертикального равновесия позы (функции равновесия). На равновесие позы влияет функционирование многих систем организма (вестибулярной, зрительной, опорно-двигательной и др.) [1; 6; 11; 12]. Расстройство каждой из этих систем ведет не только к нарушению функции равновесия, но и психофизиологических качеств [1; 6; 11; 12].

Компьютерные тренажерные комплексы типа «Торвест-Видео», наряду с достоинствами в обучении и тренировками операторов, обладают и недостатками. К достоинствам относятся: 1) отработка навыков правильного выбора режима ведения поезда с учетом профиля, плана пути, режима работы локомотива и допустимого уровня продольных динамических сил; 2) отработка навыков автоматического обращения с органами управления; 3) отработка навыков оперативного мыслительного анализа и принятия неординарного решения в условиях неисправности и дефицита времени. К недостаткам следует отнести: 1) отсутствие поездной обстановки; 2) невозможность предусмотреть время появления ситуации неисправности и те временные границы, в которые будет поставлен машинист при выполнении необходимого алгоритма деятельности, а также все возможные влияния на деятельность, возникающие в результате дефицита времени; 3) невозможность предусмотреть тип ситуации неисправности и мгновенно определить, встречался ли он раньше в практической деятельности конкретного машиниста [2; 4].

В целях реализации профессиональной психологической подготовки по совершенствованию управляющей деятельности оператора нами проведены научно-исследовательские мероприятия по выявлению отличий в тренажерной подготовке между молодыми специалистами и машинистами профессионалами. Исходя из того, что на сегодняшний момент нет методических разработок по обучению на тренажере различных групп специалистов, нами решено восполнить этот пробел путем исследования различий в ходе обучения операторов на тренажере, находящихся на различных этапах профессионализации.

В этих целях проведенное нами научное исследование на базе Учебного центра безопасности движения поездов в ИДО ДВГУПС и Хабаровского учебного центра ДВЖД было направлено на изучение эффективности управляющих действий молодых специалистов (помощники машиниста) и машинистов-профессионалов.

При проведении исследования были соблюдены следующие условия. Первое, к исследованию были допущены молодые специалисты (помощники машиниста), не имеющие опыта тренажерной подготовки на момент принятия участия в исследовании, и машинисты-профессионалы, уже имевшие ситуативный опыт управления на тренажере в депо (примерно 2 раза в год по одной поездке). Второе, для всех участников исследования задавался маршрут «Кноринг – Мучная», протяженностью в 24 км, с двумя ограничениями (V = 40 км/ч). При этом для участвующих в исследовании этот маршрут был новым. За исключением четырех человек, которые когда-то (3–5 лет назад) работали на этом участке пути, но это в рамках нашего исследования считается допустимым. Третье, задавалась ситуация неисправности «Главный выключатель отключается сразу же после включения», которую необходимо было установить и исходя из этого выбрать причину неисправности: «Срабатывание реле перегрузки КА1–КА6, КА7, КА12, К2». Четвертое, принять следующие параметры: электровоз ЭП1, вес 1200 тонн, количество осей 80.

По результатам проведенного исследования установлены различия в эффективности управляющих действий между молодыми специалистами (помощниками машинистов) и машинистами-профессионалами по таким показателям, как «Количество нарушений безопасности движения» и «Управление автотормозами» в пользу профессионалов; используемый нами строгий параметрический t-критерий Стьюдента для независимых выборок показал различия по этим показателям, которые статистически значимы на высоком уровне достоверности (табл. 1), а по таким показателям, как «Продолжительность поездки» и «Время устранения причин неисправностей» – значимых различий не выявлено. Между тем необходимо отметить эффективность некоторых показателей на основе средних значений $X_{ср}$ и стандартного отклонения σ (табл. 1).

Молодые специалисты (помощники машиниста) проявляют наибольшую эффективность, в отличие от машинистов-профессионалов, по показателю «Время устранения неисправности». Молодые специалисты более эффективно решают ситуации неисправности на основе нейрофизиологической быстроты протекания скорости реакции и используемого метода «проб и ошибок». Машинисты-профессионалы решают ситуации неисправностей дольше, поскольку с возрастом происходит увеличение времени протекания нейрофизиологических реакций [3] и времени на анализ накопленного опыта, когда мгновенно нужно «прокрутить» все идентичные или подобные ситуации, чтобы выбрать правильное решение. Однако, наряду с этим, машинисты-профессионалы обладают более высоким индивидуальным разнообразием алгоритмов решения неисправностей. Что касается количества нарушений безопасности движения, то машинисты-профессионалы более эффективны, чем молодые специалисты, последние к тому же склонны более чаще совершать нарушения.

Предлагаем на основании проведенного исследования в отношении значимых различий по таким показателям, как «Количество нарушений безопасности движения» и «Управление автотормозами» использовать следующую стратегию тренажерной подготовки (табл. 2).

Таким образом, тренажерная подготовка машиниста-оператора с учетом стадий профессионализации занимает существенное место в системе профессиональной подготовки и позволяет сформировать управляющие действия до автоматизма, т.е. управляющие навыки. При всех недостатках тренажера – особенно отсутствие поездной обстановки – главное его достоинство – возможность отработки управляющих навыков, которые оператор может перенести в реальную поездную обстановку, к реальным ситуациям неисправности, где на этот навык наращиваются уже специфические операции, отвечающие требованиям поездной обстановки. В психологии такой механизм переноса навыка к различному материалу и различным ситуациям, с последующим превращением его в обобщенное умение, называется «генерализацией».

Следующее направление в области профессиональной психологической подготовки оператора – восстановление и укрепление психофизиологических качеств. В решении этого направления нами проведено научное исследование на базе Учебного центра безопасности движения поездов ДВГУПС с использованием стабилографических тренажеров с биологически обратной связью (производство ЗАО «ОКБ "РИТМ"» г. Таганрог) [8]. Выбор стабилографического метода с биологически обратной связью для обучения произвольному управлению движениями (функции равновесия) операторов подвижного состава обоснован следующими факторами.

1. Обучение оператора произвольному управлению движениями позволяет корректировать нарушения, а также восстанавливать вестибулярный, зрительный, опорно-двигательный функциональные аппараты, которые обеспечивают ему выполнение управляющих действий подвижным составом.

2. Обучение оператора произвольному управлению движениями позволяет сформировать произвольный навык саморегуляции восстановления после утомления.

3. Обучение оператора произвольному управлению движениями позволяет совершенствовать быстроту формирования оперативной мыслительной модели, отвечающей задачам и условиям конкретной поездной обстановки, а также оперативной скоординированности управляющих действий.

Проведенное нами стабилографическое исследование операторов подвижного состава в целях доказательства необходимости обучения машиниста подвижного состава на стабилографических тренажерах в системе профессиональной психологической подготовки построено по схеме формирующего эксперимента. Для этого были выбраны и проанализированы отдельные стабилографические показатели, в частности, мы основывались на исследованиях, выполненных под руководством В.И. Усачева [1; 6; 8; 11]. Приведенные в табл. 3 результаты показывают, что в процессе стабилографического тренажерного обучения происходит улучшение устойчивости и увеличение процентного выражения качества функции равновесия.

Как видим из табл. 3, до тренировки результаты стабилографических показателей на этапах профессионализации свидетельствуют о неравномерном характере их проявления. На момент предварительной диагностической оценки «Тест на устойчивость» (запас устойчивости человека при отклонении вправо, влево, вперед, назад) серьезных нарушений в устойчивости позы при выполнении произвольных движений в заданных траекториях не обнаружено. Об этом факте свидетельствует спектральный анализ стабилографического сигнала, частота которого измеряется в герцах. У здорового человека частотный диапазон представлен от 0,2 до 2 Гц, но у больных, особенно с различными типами нарушений нервной системы, могут присутствовать значительные компоненты с частотой выше 3 Гц. В нашем исследовании частотный диапазон у испытуемых представлен в рамках здорового человека.

Таблица 1

Эффективность управляющих действий и значимость различий в выборках молодых специалистов и машинистов-профессионалов

Показатели эффективности управляющих действий на тренажере	Эффективность управляющих действий в выборках испытуемых				Значимость различий между выборками	
	1-я выборка (молодые специалисты) n = 21		2-я выборка (машинисты-профессионалы) n = 22			
	$X_{ср}$	σ	$X_{ср}$	σ	t-Стьюд.	2-я
1. Продолжительность поездки, с	2694,51	428,72	2507,83	381,53	1,506	–
2. Время устранения неисправностей, с	268,65	124,82	290,7	157,34	0,510	–
3. Количество нарушений безопасности движения	4,10	2,663	2,18	2,174	2,574	0,05
4. Управление автотормозами	1,52	0,750	2,18	0,588	3,192	0,01

Таблица 2

Стратегии тренажерной подготовки, повышающие эффективность управляющих действий молодых специалистов и машинистов-профессионалов

Показатели эффективности управляющих действий	1-я группа: молодые специалисты (помощники машиниста)	2-я группа: машинисты-профессионалы
	Стратегии тренажерной подготовки	
1. Нарушение безопасности движения	1.1. Отработка управляющих действий на время следования поезда по простому профилю пути, с учетом массы состава. 1.2. Отработка управляющих действий на время следования поезда с учетом: 1) профиля пути (спуски, подъемы средней сложности); 2) массы и длины состава. 1.3. То же, но с учетом: 1) профиля пути (спуски, подъемы высокой сложности); 2) массы и длины состава. 1.4. То же но, с учетом: 1) профиля пути (спуски, подъемы высокой сложности); 2) кривых малого радиуса; 3) массы и длины состава. 1.5. Совместный анализ протокола поездки инструктора и молодого специалиста, в целях установления причин нарушений, с последующей вербальной корректировкой управляющих действий, и повтор езды по заданному участку на тренажере до полного искоренения	1.1. Отработка управляющих действий на время следования поезда с учетом: 1) незнакомого профиля пути (спуски, подъемы высокой сложности); 2) кривых малого радиуса; 3) массы и длины состава
2. Управление автотормозами	2.1. На перегон примерно в 25 км. Установить одно ограничение: V = 25–40 км/ч. 2.2. То же, но уже с двумя ограничениями. 2.3. То же, но уже с тремя ограничениями. 2.4. То же, но уже с четырьмя ограничениями	2.1. На перегоне (25 км) на знакомом профиле пути установить три – четыре ограничения. 2.2. То же самое, только уже на незнакомом профиле пути

Таблица 3

Средние арифметические значения стабилографических показателей в группах испытуемых на разных этапах профессионализации

Стабилографические показатели устойчивости	1-я группа стаж 1–3 года, n = 9		2-я группа стаж 4–10 лет, n = 9		3-я группа стаж свыше 10 лет, n = 9	
	до тренировки	после тренировки	до тренировки	после тренировки	до тренировки	после тренировки
1. LX, мм	955	822,55	1047,2	677,18	1118,07	908,93
2. LY, мм	1134,05	993,27	1488,6	1193,5	1624,4	1451,5
3. QX, мм	19,06	19,32	17,47	12,19	11,03	7,22
4. QY, мм	20,19	18,76	24,43	20,79	17,11	13,39
5.Vср, мм/с	26,59	23,05	31,10	23,11	31,24	26,79
6. Ωср, град/с	17,57	19,2	17,68	16,72	20,27	20,31
7. КФР, %	39,03	47,33	37,72	47,65	36,82	39,98

Примечание: 1) длина траектории центра давления стоп по фронтали LX, мм; 2) длина траектории центра давления стоп по сагиттали LY, мм; 3) разброс QX (среднеквадратическое отклонение центра давления стоп по фронтали, мм; 4) разброс QY (среднеквадратическое отклонение центра давления стоп по сагиттали), мм; 5) средняя линейная скорость перемещения центра давления стоп Vср, мм/с; 6) средняя угловая скорость перемещения центра давления стоп Ωср, град/с; 7) качество функции равновесия – КФР, %.

Как следует из табл. 3, качество функции равновесия во всех группах испытуемых выражено довольно слабо (норма 86,86 % – для здорового человека). Имеет небольшое преимущество первая группа, где КФР выше (39,03 %), чем во второй (37,72 %) и третьей (36,82 %) группах на момент предварительной оценки.

Такой стабилографический показатель, как «Длина траектории центра давления» по сагиттальной координате (вперед, назад) преобладает над фронтальной (влево, вправо) во всех трех группах. Также разброс выше по сагиттали QY, чем по фронтали QX, что подтверждает большую степень индивидуальности в произвольном управлении движениями вперед и назад на всех этапах профессионализации. На основе разброса и длины центра давления можно провести совместный их анализ с учетом изменения результатов до и после обучения во фронтальном и сагиттальном направлениях соответственно (табл. 4, 5).

Приведенные характеристики (табл. 4) указывают, что на первом этапе профессионализации (стаж 1–3) произвольное управление движениями по фронтальному направлению до и после обучения характеризуется замедлением колебаний в движениях, хотя амплитуда остается неизменной. На втором (стаж 4–10) и третьем (стаж свыше 10) этапах профессионализации происходит увеличение устойчивости в процессе произвольного управления движениями.

Как видим, устойчивость в произвольном управлении движениями по сагиттали – вперед, назад увеличивается (табл. 5). Вероятнее всего, в сагиттальном направлении произвольное управление движениями для всех групп профессионалов является наиболее эффективным результатом обучения. Возможно, это связано со спецификой управляющих действий машиниста во время движения поезда.

Что касается показателей, как средняя линейная скорость и средняя угловая скорость перемещения центра давления, то чем меньше эти величины, тем выше устойчивость. На момент предварительной оценки средняя линейная скорость наименьшая в первой группе (26,59 мм/с), что свидетельствует о большей эффективности в произвольном управлении движениями в обоих направлениях (фронтальном и сагиттальном) (см. табл. 3). Во второй (31,10 мм/с) и третьей (31,24 мм/с) группах средняя линейная скорость практически одинакова. До обучения для первой (17,57 град/с) и второй (17,68 град/с) групп средняя угловая скорость выражена одинаково, в отличие от третьей группы (20,27 град/с), где она достаточно высокая. Средняя линейная скорость – это вектор направления и перемещения центра давления на определенное расстояние за единицу времени [9]. Очевидно, она напрямую зависит от скорости протекания нервных процессов, которая с возрастом снижается, поэтому быстроту движений по перемещению центра давления мы наблюдаем на первом этапе профессионализации. Средняя угловая скорость – это изменение направления векторов скорости перемещения центра давления, т.е. угловая скорость каждого последующего вектора смещена относительно предыдущего [9]. Эффективность средней угловой скорости сохраняется дольше, в отличие от линейной, на этапах профессионализации; по-видимому, она напрямую зависит от опыта выполнения управляющих действий машиниста, поскольку в структуру управляющих действий включены векторно-угловые движения. В то же время на этапе профессионализации свыше 10 лет средняя угловая скорость растет, что связано с возрастными изменениями и нарушениями функциональных состояний машиниста.

Таблица 4

Стабилографическая характеристика изменения результатов устойчивости по фронтали QX (влево, вправо) до и после обучения на этапах профессионализации

Группы	Стабилографическая характеристика изменения результатов устойчивости по фронтали QX (влево, вправо) до и после обучения		
	Разброс	Длина	Комментарий
1-я группа стаж 1–3 года, n = 9	Стабилен	Уменьшение	Замедление колебаний со стабильной их амплитудой
2-я группа стаж 4–10 лет, n = 9	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение устойчивости
3-я группа стаж свыше 10 лет, n = 9	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение устойчивости

Таблица 5

Стабилографическая характеристика изменения результатов устойчивости по сагиттали QY (вперед, назад) до и после обучения на этапах профессионализации

Группы	Стабилографическая характеристика изменения результатов устойчивости по сагиттали QY (вперед, назад) до и после обучения		
	Разброс	Длина	Комментарий
1-я группа стаж 1–3 года, n = 9	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение устойчивости
2-я группа стаж 4–10 лет, n = 9	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение устойчивости
3-я группа стаж свыше 10 лет, n = 9	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение устойчивости

После тренировки средняя линейная скорость значительно снижается, эффективность возрастает на всех этапах профессионализации. Средняя угловая скорость незначительно снизилась только на втором этапе профессионализации, на первом она увеличилась, на третьем – осталась без изменений. Нам представляется, что это следует рассматривать как еще один аргумент, подтверждающий, что средняя угловая скорость перемещения центра давления у операторов обеспечивается более специфичными движениями в структуре управляющих действий, которые формируются непосредственно в процессе выполнения профессиональной деятельности.

Полученные результаты формирующего эксперимента являются надежными, поскольку используемый t-критерий Стьюдента показал значимость различий на высоком уровне достоверности по четырем показателям из семи.

По результатам эмпирического исследования методом стабилографического обучения можно сделать следующие выводы.

1. Стабилографическое тренажерное обучение повышает эффективность произвольного управления движениями оператора в условиях достижения устойчивости центра давления стоп в сагиттальном и фронтальном отклонении тела, а следовательно, и функциональное состояние в целом.

2. В произвольном управлении движениями в условиях достижения устойчивости центра давления стоп в сагиттальном и фронтальном отклонениях тела выявлены различия, характерные для каждого этапа профессионализации машиниста-оператора, что и является основанием для разработки методики стабилографических тренажеров, причем для каждого этапа профессионализации отдельно, преследуя цель эффективной тренировки.

3. Теоретический анализ и проведенное эмпирическое исследование позволили нам установить связь между произвольным управлением движениями и управляющими действиями машиниста, но это уже тема дальнейшего исследования, к которому мы приступили.

Рассмотрев обоснование вопроса с теоретических и практических позиций, можно заключить, что в обучении машиниста подвижного состава, наряду с методами профессиональной психологической подготовки, необходимо включить стабилографические тренажеры.

Таким образом, профессиональная психологическая подготовка оператора подвижного состава, на наш взгляд, должна включать два ведущих направления: первое – совершенствование управляющей деятельности методом тренажерного обучения; второе – восстановление и укрепление психофизиологических качеств оператора методом стабилографического тренажера с биологически обратной связью. Рациональность и эффективность используемых методов будет достигнута при строгом учете индивидуальных особенностей операторов, находящихся на различных стадиях профессионализации.

В учебном центре безопасности движения при Институте дополнительного образования ДВГУПС

с 2010 г. на практике реализуются указанные выше направления подготовки операторов подвижного состава, а используемые тренажерные методы зарекомендовали себя только с положительной стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердичевская, Е.М.* Компьютерная стабилография в исследовании функциональных асимметрий в стрелковом спорте / Е.М. Бердичевская // Известия ЮФУ. Технические науки. Тематический выпуск «Медицинские информационные системы». – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. – № 6 (83). – С. 129–132.

2. *Бодров, В.А.* Психология и надежность: человек в системах управления техникой / В.А. Бодров, В.Я. Орлов. – М.: Ин-т психологии РАН, 1998. –288 с.

3. *Ильин, Е.П.* Психология индивидуальных различий / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с.

4. *Козубенко, В.Г.* Безопасное управление поездом: вопросы и ответы / В.Г. Козубенко. – М.: Маршрут, 2005. – 320 с.

5. *Кравчук, В.В.* Управление безопасностью движения поездов: монография / В.В. Кравчук, В.К. Верхотуров, Ю.В. Никулин. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010. – 257 с.

6. *Левик, Ю.С.* Стабилография в исследованиях управления позой // Известия ЮФУ. Технические науки. Тематический выпуск. «Медицинские информационные системы». – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. – № 6 (83). – С. 116–119.

7. *Опарина, Н.М.* Методология, критерии оценки эффективности и организация обучения в человеко-машинных системах: дис. … д-ра техн. наук / Н.М. Опарина. – СПб.: Изд-во ЛЭТИ, 2005. – 269 с.

8. Программно-методическое обеспечение компьютерного стабилографического комплекса ««Стабилан-01» с биологической обратной связью». – Таганрог: ЗАО «ОКБ «Ритм»», 2007. – С. 37; 166–175; 179.

9. *Соболева, Т.Н.* Профессиональные способности оператора железнодорожного транспорта: монография / Т.Н. Соболева. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. – 138 с.

10. *Стрелков, Ю.К.* Инженерная и профессиональная психология: учеб. для вузов / Ю.К. Стрелков. – М.: Академия, 2001. – 360 с.

11. *Усачев, В.И.* Оценка динамической стабилизации центра давления стоп по данным анализа векторов статокинезиграммы / В.И. Усачев // Известия ЮФУ. Технические науки. Тематический выпуск «Медицинские информационные системы». – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. – № 6 (83). – С. 133–137.

12. *Шестаков, М.П.* Использование стабилометрии в спорте: монография / М.П. Шестаков. – М.: ТВТ Дивизион, 2007. – 112 с.

МЕТАИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТОРА В УСЛОВИЯХ ТРЕНАЖЕРА

Т.Н. Соболева

Соболева Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: t.sobol.n.25@rambler.ru

В статье рассматривается проблема управляющей деятельности на тренажере в сочетании с целенаправленным обучением метаинтеллектуальным операциям машиниста-оператора с опытом поездной работы. Решение данной проблемы позволит реализовать одно из основных требований психологической профессиональной подготовки – учет индивидуальных различий профессионалов и стадий профессионализации. Основываясь на функционально-генетическом подходе В.Д. Шадрикова, следует отметить, что метаинтеллектуальные операции – это функционально-структурное образование и взаимодействие каждого компонента, подчиняющегося принципу гибкого взаимосодействия. Метаинтеллектуальные операции включают в свою структуру функциональные, операционные и регулирующие компоненты. Функциональные компоненты – это природная основа процессов создания индивидуального опыта субъекта. Операционные компоненты – это интеллектуальные операции, которые являются результатом обучения, основой накопления и преобразования опыта субъекта. Регулирующие компоненты – это интеллектуальные операции, реализующиеся через призму личности, качеств, ценностей и смыслов. На основании проведенных экспериментов можно сделать заключение, что такие метаинтеллектуальные операции, как восприятие, понимание, моделирование могут выступать в качестве психологических подсистем управляющей деятельности, при условии целенаправленного, осознанного их применения, то, следовательно, они могут выступать и в качестве регуляторов управляющей деятельности, повышающих ее эффективность. Когда оператор целенаправленно применяет такие метаинтеллектуальные операции, как восприятие, понимание, моделирование при решении управляющих задач, то метаинтеллектуальные операции, включаясь в структуру управляющей деятельности, начинают проявляться разными гранями. Требования и условия деятельности определяют проявление той или иной грани метаинтеллектуальных операций, которая повышает эффективность деятельности.

Ключевые слова: эффективность деятельности, метаинтеллектуальные операции, функциональные, операционные, регулирующие компоненты, управляющая деятельность; тренажер.

Проблема управляющей деятельности машиниста-оператора с опытом поездной работы в условиях тренажера является актуальной в сложившихся условиях. В настоящее время усложнились условия эксплуатации тягового подвижного состава: удлинение тяговых плеч работы локомотивов, введение унифицированной повышенной массы и длины поездов на полигоне дорог, а также динамизм транспортных ситуаций, постоянная готовность к экстренным действиям, т.е. «…психологической готовности не столько к самому действию, сколько к возможному противодействию прогнозируемой опасности» [3: с. 162], осознание персональной ответственности за обеспечение безопасности движения.

Машинист-оператор с опытом работы от 5 лет и более характеризуется одновременно высшим профессионализмом и снижением психофизиологических и эмоциональных возможностей, что не может не сказаться на ограниченном проявлении профессиональных способностей в целом. Становится востребованным поддержание профессионального тонуса готовности к экстренному «противодействию прогнозируемой опасности» [3: с. 162], и одним из методов решения этого вопроса является тренажерная подготовка. Безусловно, «…экстремальные ситуации чрезвычайно редки, поэтому не может быть речи о накоплении опыта действий» [5: с. 25]. Однако, несмотря на это, тренажер становится актуальным средством для отработки управляющих действий на предполагаемом участке пути, на котором должны быть проработаны действия по устранению определенного типа возникших неисправностей, во избежание ошибок в реальной поездной обстановке. Кроме того, профессионалу тренажерная подготовка нужна для мысленного воспроизведения накопленного опыта, поскольку очень многое забывается. И здесь нельзя руководствоваться только тем, что нестандартные ситуации или неисправности встречаются крайне редко, это отнюдь не гарантирует, что в дальнейшем их не будет.

Вместе с тем психологическая практика, изобилующая обучающими программами, не позволяет учитывать индивидуальные различия профессионалов и стадии профессионализации, что снижает эффективность деятельности субъекта в условиях профессиональной подготовки с использованием технических средств, и как пишет Т.Х. Невструева, что реализация психотехнических прикладных программ, основанных на дифференциальной психологии, психометрических теориях и техниках, показала низкую эффективность в реальных условиях производства по параметрам индивидуальных различий и комплексных психических функций [2: с. 163–164]. Системогенетический подход, разрабатываемый В.Д. Шадриковым, позволяет исследовать профессиональную деятель-

ность с точки зрения компонентного состава, характера функциональных связей между компонентами на различных этапах профессионализации, а также в показателях продуктивности индивидуального развития компонентов, что в полной мере удовлетворяет требования новых профессиональных стандартов.

В рамках школы психологии способностей, руководимой В.Д. Шадриковым, на протяжении пяти лет проводится исследование профессиональных способностей оператора подвижного состава [4]. Под профессиональными способностями субъекта деятельности мы понимаем познавательные способности, которые приобрели черты оперативности, тонкой сонастроенности под влиянием требований деятельности [7]. В исследованиях, проведенных Г.А. Стюхиной, О.В. Лаврик, Т.Х. Хасаевой, Т.Н. Соболевой, посвященных развитию мнемических, перцептивных, познавательных способностей, отмечается факт универсальности мыслительных операций на субъектном уровне преобразования полученной информации. На более поздних этапах онтогенеза, например, когда речь идет о профессионалах, способности интеллектуализируются за счет большего веса интеллектуальных операций мышления, поскольку обеспечивается формирование сложной информационной базы деятельности, программы деятельности, процессов принятия решений. В этой связи В.Д. Шадриков выделяет интеллектуальные операции «второго порядка» и рассматривает их в качестве метаинтеллектуальных операций, регулирующих деятельность и поведение, к которым относятся понимание, принятие решений, целеполагание, моделирование, планирование, программирование, антиципация, контроль и др. [6].

Исследование метаинтеллектуальных операций (по В.Д. Шадрикову) профессиональных способностей, как представляется, является перспективным направлением, актуальность которого связана с их значимостью: 1) они регулируют деятельность и поведение; 2) интегрируют способности в одаренность; 3) интегрируются с устойчивыми мотивами, формируют личностные качества [5]. Основываясь на функционально-генетической концепции познавательных способностей В.Д. Шадрикова, можно констатировать, что метаинтеллектуальные операции – это функционально-структурное образование, в котором взаимодействие каждого компонента подчиняется принципу гибкого взаимосодействия. Метаинтеллектуальные операции включают в свою структуру функциональные, операционные и регулирующие компоненты. Функциональные компоненты представлены генотипически и врожденно обусловленными свойствами функциональных систем мозга анализировать, синтезировать, сличать, идентифицировать, кодировать, декодировать информацию, которые имеют индивидуальную меру выраженности и проявляются в эффективности метаинтеллектуальных операций. Функциональные компоненты – это природная основа процессов создания индивидуального опыта субъекта. Операционные компоненты представлены интеллектуальными операциями основных познавательных процессов таких, как перекодирование, структурирование, классификация, систематизация, ассоциирование и другие, которые являются результатом обучения, основой накопления и преобразования опыта субъекта. Хотя регулирующие компоненты представлены интеллектуальными операциями, которые были рассмотрены выше, однако, к этому следует добавить, что они реализуются через призму личности, со своей системой отношений, личностных качеств, ценностей и смыслов. В процессе освоения и реализации деятельности компоненты метаинтеллектуальных операций интегрируются, что приводит к высокому уровню продуктивности деятельности.

Исходя из вышеизложенного полагаем, что метаинтеллектуальные операции следует рассматривать как регуляторы управляющей деятельности на тренажере машиниста-оператора, имеющего уже опыт поездной работы. Были организованы и проведены две серии экспериментов в целях проверки предположения о том, что такие метаинтеллектуальные операции, как восприятие, понимание, моделирование, могут выступать в качестве психологических подсистем управляющей деятельности, обеспечивающих ее эффективность. Первая и вторая серии проводились по плану формирующего эксперимента. Отличие между сериями заключалось в том, что в первой серии – экспериментальная группа № 1 (n = 9) – проходила обучение (индивидуальное), направленное на осознанное использование таких метаинтеллектуальных операций, как восприятие, понимание, моделирование в условиях решения технических задач проблемного характера, а во второй серии – экспериментальная группа № 2 (n = 6) – проходила обучение на тренажере по отработке навыков управления. В обеих сериях контрольные измерения проводились до и после воздействия по двум видам деятельности: 1) просмотр учебного фильма, после которого регистрировались такие показатели, как «Восприятие/понимание», «Понимание/моделирование»; 2) управляющая деятельность на тренажере, после которой регистрировались такие показатели, как «Устранение причин неисправностей», «Количество нарушений безопасности движения», «Продолжительность поездки» (табл. 1 и 2).

Представим в табличной форме полученные результаты первой серии экспериментов по изучению эффективности деятельности до и после обучения метаинтеллектуальным операциям: восприятию, пониманию, моделированию (табл. 1).

Как видим (табл. 1), рост эффективности обоих видов деятельности свидетельствует о влиянии на них целенаправленного обучения метаинтеллек-

туальным операциям: восприятие, понимание, моделирование в условиях решения технических задач проблемного характера. В этой связи отметим основные тенденции.

1. Показатели деятельности по просмотру учебного фильма «Восприятие/понимание» и «Понимание/моделирование» характеризуются значимостью различий на высоком уровне достоверности до и после обучения метаинтеллектуальным операциям, что свидетельствует о качественно спланированном формирующем эксперименте, а именно: о валидном и надежном обучающем материале, а также об адекватной форме организации обучения.

2. Показатель управляющей деятельности «Продолжительность поездки» оказался независимым от осознанного использования метаинтеллектуальных операций при обработке информации на тренажере после обучения, это означает, что управляющие действия, обеспечивающие эффективность продолжительности поездки, включают в свою структуру операции-автоматизмы, природной основой которых выступает скорость протекания нервных процессов, т.е. функциональные компоненты. Метаинтеллектуальные операции также включают в свою структуру функциональные компоненты, на которые воздействия не осуществлялось в отличие от операционных и регулирующих компонентов.

3. Показатели управляющей деятельности – «Время устранения причин неисправностей» и «Количество нарушений безопасности движения» – характеризуются значимостью различий на высоком и низком уровнях достоверности до и после обучения метаинтеллектуальным операциям. Данный факт означает, что управляющие действия, обеспечивающие эффективность устранения причин неисправностей и безопасность движения, включают в свою структуру и интеллектуальные операции (перекодирование, структурирование, схематизация и т.п.), которые осознанно и целенаправленно используются оператором в решении неисправностей в условиях управления на тренажере.

4. Стандартные отклонения показателей «Понимание/моделирование», «Время устранения причин неисправности», «Количество нарушений безопасности движения» свидетельствуют о снижении изменчивости под влиянием целенаправленного использования метаинтеллектуальных операций в процессе просмотра учебного фильма и управляющей деятельности на тренажере после обучения. Данный факт можно объяснить тем, что индивидуальное своеобразие снижается по этим показателям благодаря выработке основной метаинтеллектуальной стратегии обработки информации. Полученные нами факты вполне согласуются с закономерностями, выявленными Д.Н. Завалишиной, а именно: «…с ростом стажа специалист не просто работает с каждой отдельной ситуацией, но начинает активно типологизировать эти ситуации, переходя от «штучного» к «типовому» способу действий в них» [1: с. 241]. Таким образом, обучение метаинтеллектуальным операциям, таким, как восприятие, понимание, моделирование позволяет оператору с опытом поездной работы вырабатывать на этой основе новые метаинтеллектуальные стратегии обработки информации, «типичные» [1: с. 241] для многих ситуаций управления техникой.

Приведем полученные результаты второй серии экспериментов по изучению эффективности деятельности до и после обучения на тренажере, исключая целенаправленное формирование метаинтеллектуальных операций (табл. 2).

Таблица 1

Средние арифметические оценки, стандартные отклонения, значимость различий в экспериментальной группе № 1 испытуемых до и после обучения метаинтеллектуальным операциям восприятия, понимания, моделирования для различных видов деятельности

Вид деятельности	Парные выборки	Эффективность деятельности до n = 9, после n = 9				Значимость различий	
		до обучения ВПМ		после обучения ВПМ		t-Стью-дент	двух-стороняя
		$X_{ср}$	σ	$X_{ср}$	σ		
Просмотр учеб. фильма	Пара 1. ВП до и после обучения	3	1	5,555	1,130	14,546	0,001
	Пара 2. ПМ до и после обучения	3,666	1,322	6,222	0,971	6,782	0,001
Управляющие действия в условиях тренажера	Пара 3. ВУПН до и после обучения	464,888	115,723	193,333	44,821	9,492	0,001
	Пара 4. КНБД до и после обучения	5,555	2,833	3,222	1,64148	2,600	0,05
	Пара 5. ПрП до и после обучения	3088,5	379,752	2982,6	345,033	1,259	–

Примечание: ВПМ – восприятие, понимание, моделирование; ВП – восприятие/понимание; ПМ – понимание/моделирование; ВУПН – время устранение причин неисправностей; КНБД – количество нарушений безопасности движения; ПрП – продолжительность поездки.

Таблица 2

Средние арифметические оценки, стандартные отклонения, значимость различий в экспериментальной группе № 2 испытуемых до и после обучения на тренажере для различных видов деятельности

Вид деятельности	Парные выборки	Эффективность деятельности до n = 6, после n = 6				Значимость различий	
		до обучения ВПМ		после обучения ВПМ		t-Стьюдент	двухстороняя
		$X_{ср}$	σ	$X_{ср}$	σ		
Просмотр учеб. фильма	Пара 1. ВП до и после обучения	3,17	1,169	2,67	0,516	1,168	–
	Пара 2. ПМ до и после обучения	3,83	0,983	4,17	0,753	1,000	–
Управляющие действия в условиях тренажера	Пара 3. ВУПН до и после обучения	285,83	168,943	243,67	124,550	2,208	–
	Пара 4. КНБД до и после обучения	3,83	2,137	0,50	0,837	4,663	0,01
	Пара 5. ПрП до и после обучения	2911,17	484,897	2105,33	80,279	4,348	0,01

Примечание: ВПМ – восприятие, понимание, моделирование; ВП – восприятие/понимание; ПМ – понимание/моделирование; ВУПН – время устранение причин неисправностей; КНБД – количество нарушений безопасности движения; ПрП – продолжительность поездки.

Как следует из табл. 2, рост эффективности деятельности наблюдается только по показателям «Количество нарушений безопасности движения» и «Продолжительности поездки» при выполнении управляющей деятельности на тренажере. В этой связи отметим основные тенденции.

1. Отработка управляющих навыков на тренажере не позволяет формировать целенаправленное использование оператором таких метаинтеллектуальных операций, как восприятие, понимание, моделирование при выполнении деятельности по просмотру учебного фильма, о чем свидетельствует отсутствие значимости различий по следующим показателям: «Восприятие/понимание», «Понимание/моделирование» до и после обучения на тренажере.

2. Такой показатель управляющей деятельности на тренажере, как «Время устранения причин неисправностей», не поддается отработке на тренажере. Об этом свидетельствует отсутствие значимости различий до и после тренажерного обучения. Данный факт можно объяснить тем, что управляющие действия, направленные на устранение причин неисправностей, основаны на прочном знании различных алгоритмов решения ситуаций неисправностей, техническом мышлении и на том, как это знание человек-оператор может применить в условиях тренажера или в условиях реальной поездной обстановки. В данном случае также следует отметить, что управляющие действия, направленные на устранение причин неисправностей, могут отрабатываться на тренажере в условиях более длительного периода времени. Заметим, что отработке будут подвержены главным образом функциональные компоненты метаинтеллектуальных операций, основой которых выступает время мыслительной реакции.

3. Такие показатели управляющей деятельности на тренажере, как «Количество нарушений безопасности движения» и «Продолжительность поездки» характеризуются значимостью различий на почти высоком уровне достоверности до и после обучения на тренажере. Данный факт означает, что управляющие действия по выполнению мер предотвращения нарушения безопасности движения включают в свою структуру, кроме операционных компонентов, и функциональные компоненты, которые и отрабатываются под влиянием обучения на тренажере.

Полученные результаты в первой и второй сериях экспериментов можно считать надежными, вследствие отсутствия значимости различий между выборками почти по всем показателям на момент контрольного среза до этапа воздействия (табл. 3).

По показателю «Время устранения причин неисправностей» (табл. 3) между экспериментальными группами выявлены значимые различия на низком уровне достоверности в условиях предполагаемого равенства дисперсий. До этапа воздействия экспериментальная группа № 2 проявила наибольшую эффективность в скорости устранения причин неисправностей, в отличие от группы № 2. Это является дополнительным доказательством того, что управляющие действия по устранению причин неисправностей характеризуются индивидуальным своеобразием, включают в свою структуру операционные и регулирующие компоненты, которые формируются у оператора в результате прочного технического знания, складывающегося благодаря обучению, переосмыслению накопленного опыта.

Итак, на основании проведенных экспериментов можно констатировать, что такие метаинтеллектуальные операции, как восприятие, понимание, моделирование могут выступать не только в качестве психологических подсистем управляющей деятельности, при условии целенаправленного, осознанного их применения, но и в качестве регуляторов управляющей деятельности, повышающих ее эффективность. Когда оператор целенаправленно применяет

такие метаинтеллектуальные операции, как восприятие, понимание, моделирование при решении управляющих задач, то они, включаясь в структуру управляющей деятельности, начинают проявляться отдельными гранями. Проведенные две серии экспериментов наглядно свидетельствуют о проявлении функциональных, операционных, регулирующих компонентов метаинтеллектуальных операций восприятия, понимания, моделирования в условиях управляющей деятельности на тренажере (табл. 4).

Появление отдельных граней метаинтеллектуальных операций в структуре управляющей деятельности в условиях тренажера, безусловно, не отменяет их тесную взаимосвязь и взаимосодействие. Требования, условия деятельности определяют проявление той или иной грани метаинтеллектуальных операций, которая повышает эффективность деятельности.

На основании практического эффекта, полученного по результатам проведенного исследования, предлагается использовать идею о целенаправленном обучении метаинтеллектуальным операциям в согласовании с обучением на тренажере машиниста-оператора, имеющего опыт поездной работы, что отвечает одному из основных требований психологической практики в области профессиональной подготовки – учету индивидуальных различий профессионалов и стадий профессионализации.

Таблица 3

Значимость различий по показателям эффективности деятельности между выборками экспериментальной группой № 1 и экспериментальной группой № 2 до этапа воздействия

Показатели эффективности деятельности	Средние значения в выборках до воздействия		Значимость различий для независимых выборок	
	ЭГ № 1 n = 9	ЭГ № 2 n = 6	t-Стьюдент	2-стороняя
ВП – предполагается равенство дисперсий	3	3,17	0,296	–
ВП – равенство дисперсий не предполагается			0,286	–
ПМ – предполагается равенство дисперсий	3,666	3,83	0,263	–
ПМ – равенство дисперсий не предполагается			0,280	–
ВУПН – предполагается равенство дисперсий	464,888	285,83	2,451	0,05
ВУПН – равенство дисперсий не предполагается			2,266	–
КНБД – предполагается равенство дисперсий	5,555	3,83	1,263	–
КНБД – равенство дисперсий не предполагается			1,339	–
ПрП – предполагается равенство дисперсий	3088,5	2911,17	0,793	–
ПрП – равенство дисперсий не предполагается			0,753	–

Примечание. ВП – восприятие понимание; ПМ – понимание моделирование; ВУПН – время устранения причин неисправностей; КНБД – количество нарушений безопасности движения; ПрП – продолжительность поездки.

Таблица 4

Проявление отдельных граней метаинтеллектуальных операций – восприятие, понимание, моделирование как регуляторов эффективности деятельности в условиях тренажера

Показатели эффективности деятельности в условиях тренажера	Проявление отдельных граней МО – восприятие, понимание, моделирование как регуляторов эффективности деятельности в условиях тренажера		
	функциональные компоненты	операционные компоненты	регулирующие компоненты
Время устранения причин неисправностей		+	+
Количество нарушений безопасности движения	+	+	
Продолжительность поездки	+		

ЛИТЕРАТУРА

1. *Завалишина, Д.Н.* Практическое мышление: Специфика и проблемы развития / Д.Н. Завалишина. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 241.

2. *Невструева, Т.Х.* Психотехника: проблемы становления научной дисциплины психологической практики / Т.Х. Невструева. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС; КНОТОК, 1999. – С. 163–164.

3. *Пономаренко, В.А.* Созидательная психология / В.А. Пономаренко. – М.: Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2000. – С. 162.

4. *Соболева, Т.Н.* Профессиональные способности оператора железнодорожного транспорта: монография / Т.Н. Соболева. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. – С. 93–99.

5. *Стрелков, Ю.К.* Инженерная и профессиональная психология: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / Ю.К. Стрелков. – М.: Академия; Высш. шк., 2001. – С. 25.

6. *Шадриков, В.Д.* Ментальное развитие человека / В.Д. Шадриков. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 158–183.

7. *Шадриков, В.Д.* Профессиональные способности / В.Д. Шадриков. – М.: Университетская книга, 2010. – С. 134–143; 173–175; 290–297.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА

Е.А. Левкова

К.И. Воробьева

О.Ю. Кошман

Левкова Елена Анатольевна – доктор медицинских наук, профессор РАН, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения, ведущий научный сотрудник лаборатории медицинской информатики ВЦ ДВО РАН (г. Хабаровск).

Контактный адрес: e.levkova@rambler.ru

Воробьева Клариса Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: psy@festu.khv.ru

Кошман Ольга Юрьевна – старший лаборант Центральной научно-исследовательской лаборатории Института повышения квалификации специалистов здравоохранения Министерства здравоохранения Хабаровского края (г. Хабаровск).

Контактный адрес: cnil@ipksz.khv.ru

В статье представлен анализ факторов, формирующихся профессиональный стресс у среднего медицинского персонала. Диагностико-оценочная часть комплексной системы «Интегральная диагностика и коррекция стресса (ИДИКС)» А.Б. Леоновой позволила оценить уровень стресса. Показано, что медсестры имеют выраженный уровень стресса. Выявленные закономерности и негативные последствия стресса позволили разработать рекомендации для их устранения. Основные направления рекомендаций включают предоставление сотрудникам возможность работать по гибкому графику при возникновении у них отягчающих жизненных обстоятельств или личных проблем. Продемонстрирована необходимость предоставления сотрудникам информации об успешности выполненной работы и введение дополнительных мер по оптимальной организации рабочих мест, когда рабочее место закрепляется персонально за определенным сотрудником и имеет четко обозначенные пространственные границы и удобно спланированные функциональные зоны. В проведенном исследовании обосновывается предоставление дополнительного времени для отдыха в течение рабочего дня. Помимо основных факторов анализа профессиональной деятельности, в статье выделены аспекты оборудования зон для отдыха, рядом с рабочими помещениями, а также необходимость приглашения специалистов (психологи, эргономисты) для проведения групповых консультаций и обучения персонала организации приемам снятия стресса на рабочем месте. Доказана необходимость создания рабочей группы (из служащих, представителей администрации и специалистов по организационному консультированию) по разработке комплексной программы борьбы со стрессом с учетом специфических особенностей организации.

Ключевые слова: система здравоохранения, медицинские работники, медицинские сестры, стресс, профили тестовых индексов.

Актуальность. Эффективность учреждений здравоохранения в значительной степени определяется состоянием здоровья его сотрудников, от которого в немалой степени зависит мотивация, эмпатия и качество оказания медицинской помощи [1; 3]. Наличие способных, ответственных, внимательных, доброжелательных специалистов-профессионалов для организации, осуществляющей медицинскую деятельность ценно, чем стремление угодить пациенту. Медицинские учреждения могут оказывать качественные медицинские услуги и делать пациента счастливым только тогда, если их персонал окружен заботой и уважением. По статистическим данным, люди с крепким здоровьем в среднем на 25 % эффективнее, чем люди со слабым здоровьем. К последним можно отнести до 40 % медицинских работников среднего звена, которые испытывают профессиональный стресс [5].

Развитие стресса в профессиональной деятельности среднего медицинского персонала связано с интенсивными рабочими нагрузками разного типа, в частности, обслуживанием непрерывного потока пациентов и переработкой больших объемов разнородной информации, высокой ценой внутренних

затрат, требуемых при решении трудовых задач, профессиональной, социальной и юридической ответственностью за результаты своей работы [1; 4].

Зная особенности формирования профессионального стресса в полном цикле его развития, – от причин, определяемых условиями деятельности медицинской сестры, до фиксации негативных переживаний стресса в виде хронических неблагоприятных состояний и нарушений здоровья, можно провести комплексный анализ профессионального стресса в деятельности среднего медицинского персонала и оказать качественную медицинскую и психологическую помощь.

Для комплексного анализа профессионального стресса у медицинских специалистов среднего звена мы провели исследование с использованием диагностико-превентивной системы «Интегральная диагностика и коррекция стресса» [1; 2; 6], которая позволила получить информацию как об основных источниках стресса в профессиональной среде, так и информацию об ответных «острых» стрессовых реакциях и накопленных негативных последствиях стрессовых переживаний.

Цель исследования состояла в изучении особенностей формирования профессионального стресса среднего медицинского персонала и его влияния на некоторые аспекты эффективности трудовой деятельности.

Описание выборки респондентов. Исследование было проведено на выборке медицинских сестер терапевтического профиля, поликлиники города Хабаровска. Выборку составили 45 женщин, в возрасте от 39 до 65 лет. Средний возраст обследованных респондентов составил 48 лет, стаж работы по специальности в среднем 26 лет.

Материалы и методы. Диагностико-оценочная часть комплексной системы «Интегральная диагностика и коррекция стресса (ИДИКС)» А.Б. Леоновой использовалась как основной метод сбора и анализа данных о степени выраженности и качественном своеобразии синдрома профессионального стресса у среднего медицинского персонала [1; 2].

С помощью указанной выше методики можно оценить следующие показатели:

– условия и организация труда;

– субъективная оценка профессиональной ситуации;

– вознаграждение за труд и социальный климат;

– переживание острого стресса;

– переживание хронического стресса;

– личностные и профессиональные деформации;

– общий индекс стресса (идикс);

– индекс социальной желательности.

Интерпретация данных проводилась, согласно Т-баллам: значения от 30 до 40 баллов трактовались, согласно оценке методики как низкие, 41 до 45 баллов – как умеренно выраженные изменения, с 46 до 50 баллов – выраженные изменения, свыше указанных значений (баллов) – как резко выраженные изменения.

При оценке индекса «социальной желательности» значения 40 и более трактовались как достоверные.

Результаты исследования. В соответствии с результатами исследования полученные данные в доминирующем своем большинстве трактовались как умеренно-выраженные, выраженные и предельно выраженные изменения. Совокупность представленных параметров характеризовали общий уровень развития стресса как *выраженный*, что составляло потенциальную угрозу для успешности профессиональной деятельности и состояния здоровья обследуемого персонала (таблица).

Программа статистической обработки по методике указанных авторов [1; 2] позволила интерпретировать полученные Т-баллы как статистически значимые и достоверные. В ответах респондентов не зафиксировано каких-либо несоответствий или искажений.

Описание наиболее существенных рисков, причин и форм проявления стресса по основным блокам показателей позволили персонифицированно охарактеризовать выбранную группу респондентов – средний медицинский персонал.

Таблица

Показатели синдрома профессионального стресса у среднего медицинского персонала

Основные шкалы	Т-баллы	Уровень стресса
Условия и организация труда	35,93	Низкий
Субъективная оценка профессиональной ситуации	71,03	Предельно высокий
Вознаграждение за труд и социальный климат	55,06	Высокий
Переживание острого стресса	51,56	Выраженный
Переживание хронического стресса	49,73	Выраженный
Личностные и поведенческие деформации	43,38	Умеренный
Общий индекс стресса ИДИКС	**51,82**	**Выраженный**
Индекс социальной желательности	46,22	Достоверная оценка

Наличие риск-факторов в производственной среде существенным образом *не влияют на общий уровень стресса*. Среди них особое значение имеют:

– повышенная интенсивность трудовых нагрузок (сверхурочная работа, жесткий график исполнения заданий, отсутствие времени на отдых и пр.);

– недостатки в организации труда (нечеткое распределение функций между персоналом, дефицит времени, срывы плана исполнения работ и пр.).

Полученные данные по факторам риска в проведенном исследовании указывают на их наличие, но незначимое влияние на персонал. При этом некоторые отечественные авторы [1; 5] считают, что совокупность таких факторов, как выраженность трудовых нагрузок, особенно сверхурочная работа, недостатки в организации труда в виде дефицита времени являются основными факторами риска для возникновения острого стресса. При длительном существовании и влиянии на индивидуум способствуют переходу острого стресса в хронический.

Наиболее субъективно значимые профессиональные стрессоры с максимальной выраженностью *влияют на общий уровень стресса*. Среди них особое значение имеют:

– недостаточная самостоятельность/автономия в работе (отсутствие возможности проявить инициативу, самостоятельно планировать выполнение порученной работы, необходимость жестко следовать предписанным правилам и инструкциям, и пр.);

– отсутствие разнообразия в работе (преобладание в работе повседневной рутины, исполнение частных и малосвязанных между собой поручений, частая повторяемость одних и тех же операций и пр.).

Основными стрессогенными факторами, полученными в проведенном исследовании, были две группы стрессоров. Первая группа недостаточная самостоятельность и вторая – монотонность профессиональной деятельности персонала.

Выявленные факторы несколько отличаются от доминирующих в отечественных источниках литературы, где отсутствие самостоятельности и перенос ответственности является протективным фактором, уменьшающим стрессорную составляющую в профессиональной деятельности человека [6].

Вторая группа стрессоров совпадает с данными профессиональной литературы по оценке стрессогенных факторов на профессиональную деятельность человека. Монотонным труд, отсутствие разнообразия является основными предикторами эмоционального выгорания [2; 5].

Вознаграждение за труд и социальный климат *оказывают сильное влияние на уровень развития стресса*. Среди них особое значение имеют:

– отсутствие адекватной обратной связи (несвоевременность или полное отсутствие информации о качестве проделанной работы, получение сведений только о допущенных ошибках и просчетах, отсутствие возможности отслеживать результаты своей работы по ходу ее выполнения и пр.);

– контроль за исполнением (пошаговый контроль за выполнением каждого элементарного задания, наблюдение за поведением на рабочем месте в процессе работы, наказание за любое нарушение графика работы, неожиданные проверки и срочные востребования отчетной документации и пр.).

Данные полученные по блоку исследования «Вознаграждение за труд и социальный климат» совпадают с результатами Т.С. Кабаченко [3]. Доминанта конечного результата в виде поощрения является одним из значимых факторов, уменьшающих стрессорные проявления у персонала и повышающих эффективность труда.

Проявления острого стресса оказывают *выраженное влияние на общий уровень стресса*. Среди них особое значение имеют:

– сниженное общее самочувствие (общая слабость, вялость, плохое настроение, отсутствие желания что-либо делать и пр.);

– затруднения в протекании психических процессов (трудности в сосредоточении внимания, вспоминании нужной информации, принятии решений и пр.).

Проявления острого стресса – как психологической составляющей является одной из значимых причин нарушения профессиональной деятельности среднего медицинского персонала. При этом необходимо отметить, что если переход острой фазы в хроническую стадию стресса не происходит, может наступить компенсация или субкомпенсация, что в дальнейшем позволит сохранить параметры профессиональной деятельности на значительно-высоком уровне.

В проведенном исследовании, по изучению влияния профессионального стресса на эффективность труда среднего медицинского персонала, проявления острого стресса формировали основу для хронического стресса. Компенсация у респондентов и/или субкомпенсация не наступала.

Проявления хронического стресса оказывают *выраженное влияние на общий уровень стресса*. Среди них особое значение имеют:

– депрессивные тенденции (подавленное настроение, хандра, мрачные предчувствия, ощущение безнадежности происходящего, беззащитность и пр.);

– нарастание общей тревожности (постоянное беспокойство, волнение, тревога о будущем, чувство неуверенности в себе и пр.).

Хронический стресс является доминирующим показателем при формировании профессионального стресса у среднего медицинского персонала, имеет четко очерченные фазы от стадии тревоги – резистентности и срыва адаптации в виде личностных и поведенческих деформаций.

Необходимо отметить, что сфера медицинской деятельности в 95–98 % случаях характеризуется как стресс-неустойчивая с быстрым формированием хронического эмоционального компонента в стадии декомпенсации [5].

Личностные и поведенческие деформации оказывают *умеренное влияние на общий уровень стресса*. Среди них особое значение имеют:

– невротические сдвиги (беспричинные страхи, непреходящая тревога, ипохондрические тенденции, навязчивые состояния и пр.);

– признаки синдрома «выгорания» (чувство опустошенности, разочарование в работе, раздражение по поводу даже обычных производственных ситуаций, неприязнь при общении с коллегами или клиентами и пр.).

Несмотря на то что личностные и поведенческие деформации оказывают умеренное влияние на общий уровень стресса, они являются основной для психосоматических сдвигов в здоровье респондентов, проявляясь разнообразным симптомокомплексом «синдрома выгорания» [4].

Заключение. Полученные результаты исследований убедительны с точки зрения доказательности и с позиций многофакторного анализа, продемонстрировали разнообразие факторов, влияющих на формирование профессионального стресса у среднего медицинского персонала.

Диагностико-оценочная часть комплексной системы «Интегральная диагностика и коррекция стресса (ИДИКС)» А.Б. Леоновой позволила выявить степени выраженности и качественного своеобразия синдрома профессионального стресса у среднего медицинского персонала.

Профессиональный стресс является гетерогенным понятием, в котором различные составляющие имеют свое индивидуальное влияние на работающего индивидуума.

Общепринятая концепция адаптационного синдрома, позволяет высказаться в пользу отсутствия значимого влияния острого стресса на трудовую деятельность человека. Обязательным условием при этом считается эпизодичность стрессорных влияний, их минимальное и/или умеренное действие на организм [4; 5; 7]. При частых и длительных эпизодах острого стресса наступает стадия декомпенсации с переходом в хронических стресс.

В проведенном исследовании составляющими острого стресса являлись недостаточная самостоятельность в работе и/или автономность, отсутствие разнообразия в профессиональной деятельности, адекватности системы поощрения и неблагоприятный социальный климат.

Факторы, способствующие проявлению острого стресса и переходу его в хроническую составляющую, представляют собой два компонента. Первый из них – это повышенная интенсивность трудовых нагрузок (сверхурочная работа, жесткий график исполнения заданий, отсутствие времени на отдых и пр.), второй – разнообразные недостатки в организации труда (нечеткое распределение функций между персоналом, дефицит времени, срывы плана исполнения работ, и пр.

Совокупность представленных данных позволила разработать рекомендации по устранению негативных последствий стресса, которые оказывали неблагоприятное влияние на трудовую деятельность среднего медицинского персонала. Поскольку у сотрудников поликлиники обнаружен *выраженный уровень стресса*, то необходимо внедрение целого комплекса мер по его нивелированию или снижению с восстановлением оптимального состояния индивидуума.

Разработанный комплекс мероприятий включает в себя следующие составляющие:

1. Предоставление сотрудникам возможности работать по гибкому графику при возникновении у них отягчающих жизненных обстоятельств или личных проблем.

2. Поддержка коллег и административного аппарата, особенно при возникновении затруднений или срывов в работе – в форме советов, совместных обсуждений и даже непосредственной помощи при исполнении заданий, обязательно с элементами эмоционального участия и сопереживания.

3. Предоставление сотрудникам информации об успешности выполненной работы.

4. Дополнительные меры по оптимальной организации рабочих мест – рабочее место должно персонально закреплено за определенным сотрудником, иметь четко обозначенные пространственные границы и удобно спланированные функциональные зоны.

5. Предоставление дополнительного времени для отдыха в течение рабочего дня: помимо обеденного перерыва, включить в ежедневный рабочий график несколько 10–15-минутных перерывов (через каждые 1,5–2 часа работы) с обязательным выходом из-за рабочего места.

6. Оборудование зон для отдыха рядом с рабочими помещениями (по возможности – оснащение специализированных релаксационных зон, локальных фитнес-центров и др.).

7. Приглашение специалистов (психологов, эргономистов) для проведения групповых консультаций и обучения персонала организации приемам снятия стресса на рабочем месте.

Создание рабочей группы (из служащих, представителей администрации и специалистов по организационному консультированию) по разработке комплексной программы борьбы со стрессом с учетом специфических особенностей организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багрий, М.А.* Сравнительный анализ проявлений профессионального стресса у врачей разных специализаций / М.А. Багрий // Вестник Московского университета. – 2005. – № 1. – С. 71. – (Серия 14 «Психология»).

2. *Багрий, М.А.* Особенности развития профессионального стресса у врачей разных специализаций / М.А. Багрий, А.Б. Леонова // Российский научный журнал. – 2009. – № 1. – С. 92–105.

3. *Кабаченко, Т.С.* Психология в управлении человеческими ресурсами: учеб. пособие / Т.С. Кабаченко. – СПб.: Питер, 2003. – 245 с.

4. *Носкова, О.Г.* Психология труда: учеб. пособие / О.Г. Носкова. – М.: Академия, 2004. – 293 с.

5. *Полякова, О.Н.* Стресс: причина, последствия, преодоление / О.Н. Полякова; под ред. А.С. Батуева. – СПб.: Речь, 2008. – 144 с.

6. *Толочек, В.А.* Современная психология труда: учеб. пособие / В.А. Толочек. – СПб.: Питер, 2005. – 320 с.

7. *Lou H.C.* Prenatal stressor of human life affect fetal brain development / H.C. Lou, D. Hanses, M. Nordentoft et al // Dev. Med. and Child Neurol. –1994. – Vol. 36. – № 9. – P. 826–832.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БИЗНЕС-ТРЕНЕРОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ)

Н.И. Анчукова

Анчукова Нелли Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: nian@mail.kht.ru

В статье приведены результаты исследования, посвященного анализу психологических факторов профессиональной дезадаптации бизнес-тренеров одного из коммерческих банков.

Автор рассматривает проблему профессиональной дезадаптации как результат взаимодействия двух субъектов профессиональной деятельности – организации и сотрудника. Роль организации должна реализовываться в выявлении психологических особенностей персонала, построении адекватной системы подбора и мотивации персонала, внесении позитивных стимулов в содержание труда, улучшении его условий. Роль сотрудника в данном процессе также не должна ограничиваться выполнением своих профессиональных функций, а дополняться некоторыми рефлексивными действиями, постоянным самоанализом, саморазвитием. Согласно приведенным эмпирическим данным, первые симптомы профессиональной дезадаптации могут проявиться уже в особенностях субъективного восприятия организационной культуры и стиля руководства. Зачастую специфика этого восприятия не связана с уровнем квалификации специалиста, а порой даже имеет обратную корреляцию: чем выше профессиональный уровень – тем негативнее восприятие организации. Автор пытается найти причины дискомфорта, который испытывают сотрудники как в их собственных психологических характеристиках, так и в имеющих место несоответствиях между их потребностями и тем, что предлагает им организационная культура данного учреждения. В связи с полученными выводами исследования подчеркивается потенциальная возможность решения основной проблемы профессиональной дезадаптации, проявляющейся в текучести кадров. Для этого необходимы изменения как в процедуре подбора персонала, так и в самой системе нематериального стимулирования труда.

Ключевые слова: адаптация, организационная культура, профессионализм, психологические факторы, текучесть персонала, мотиваторы, демотиваторы, стиль руководства, карьерные ориентации, субъективная оценка, удовлетворенность трудом, условия труда, содержание деятельности, уровень притязаний.

Адаптация – это взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постепенной «врабатываемости» сотрудника в новых профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда [1].

Когда человек поступает на работу, он включается в систему внутриорганизационных отношений, занимая в ней одновременно несколько позиций. Каждой позиции соответствует совокупность требований, норм, правил поведения, определяющих социальную роль человека в коллективе как работника, коллеги, подчиненного, руководителя, члена коллективного органа управления, общественной организации и т.п. От человека, занимающего каждую из названных позиций, ожидается соответствующее ей поведение. Поступая на работу в ту или иную организацию, человек имеет определенные цели, потребности, нормы поведения. В соответствии с ними сотрудник предъявляет определенные требования к организации: к условиям труда и его мотивации [3].

Для того чтобы решить проблему адаптации работника к новому месту работы, необходимо ответить на следующие вопросы. Какими чертами обладает тот коллектив, к которому должен адаптироваться работник? Как происходит адаптация работника к разным типам организаций? Существуют ли универсальные качества, позволяющие повысить адаптацию работника к разным коллективам? Как эти качества могут выявлять и развивать? От каких качеств личности руководителя зависит развитие организации по тому или иному типу?

Игнорирование всех этих вопросов еще на этапе подбора персонала может стать основной причиной профессиональной дезадаптации и текучести кадров. На наш взгляд, было бы ошибочно увязывать уровень профессионализма и степень адаптированности специалистов, поскольку понятие адаптации включает в себя больше психологических компонентов, нежели профессиональных характеристик готовности к деятельности.

В одном из ведущих коммерческих банков Дальневосточного региона было проведено исследование, целью которого стало выявление психологических факторов профессиональной адаптации бизнес-тренеров, поскольку одна из основных проблем этой должностной позиции заключалась в очень непродолжительном пребывании на рабочем месте, независимо от квалификационных характеристик специалистов. Как правило, учреждение покидали более опытные и компетентные тренеры, максимальный срок стажа на данной должности варьировался от 3 месяцев до 1,5 лет.

Такая текучесть персонала могла быть результатом внешних и внутренних факторов, но главным симптомом все-таки являлась неспособность адаптироваться сотрудников к организации, а организации – к сотрудникам.

Факторы, вызывающие текучесть персонала, разнообразны, имеют разные источники, сила их влияния различна, изменчива и зачастую трудно поддается количественной оценке. Условно все факторы можно разделить на три группы: внутренние, внешние и личностные.

А. *Внутренние факторы*:

1) низкая заработная плата. Неконкурентоспособные ставки оплаты труда не способствуют привлечению новых специалистов и вынуждают сотрудников искать более выгодные предложения. При этом на текучесть может влиять не только размер оплаты, но и ее постоянные задержки. В такой ситуации стоимость зарплаты фактически снижается, какой бы высокой и конкурентной она не была. Иногда низкая зарплата и, как следствие, увольнение специалистов бывает связано с невозможностью заработать больше. Например, для менеджеров по продажам это завышенный план выработки, что означает неполучение процентов от сделок;

2) зачастую работники недовольны не столько величиной, сколько несправедливостью зарплаты, т.е. отсутствием ее связи с результатами труда, хаосом в соотношении зарплат специалистов разных подразделений, резкой разницей зарплат однородных специалистов на предприятиях одного региона;

3) отсутствие карьерного роста, приобретение опыта, возможности обучения или повышения квалификации – одна из самых распространенных причин ухода сотрудников. Часто сотрудник, проработав в компании около года, уже ожидает повышения, в то время как работодатель не имеет реальной возможности продвинуть его по служебной лестнице, даже если по результатам аттестации сотрудник этого заслуживает. Простое повышение заработной платы в таком случае устроит его лишь ненадолго – не более чем на полгода;

5) однообразное содержание работы – частая причина высокой текучести персонала. Монотонность, скука, равно как и неопределенность, постоянный стресс приводят к быстрому профессиональному выгоранию, усталости, депрессии. Человек, работающий на одном и том же месте длительное время, постепенно теряет интерес к делу, его производительность падает, и, в конце концов, у него возникает желание сменить место деятельности [3].

Данная проблема может быть решена с помощью ротации персонала, обогащения труда, побуждения к творчеству. Так, кто-то из сотрудников может стать наставником для новичков, проводить занятия, семинары. Кто-то ощутит интерес к общественной деятельности и станет автором раздела на корпоративном сайте или редактором корпоративной газеты. При этом повышается результативность, однако, в случае увольнения сотрудника увеличиваются и потери компании.

Б. *Внешние факторы* включают демографическую и экономическую ситуацию в регионе.

В. К *личностным факторам* относятся возраст работников, уровень их образования и квалификации, опыт работы, специфика мотивации. Структура мотивов ухода квалифицированных специалистов и руководителей сотрудников имеет свою специфику, отличную от специфики ухода рядового персонала. Эта категория сотрудников оказывается чувствительна к более широкому спектру демотиваторов, среди которых отношения с топ-менеджментом и возможности профессионального развития.

Таким образом, причин, порождающих текучесть персонала, довольно много. Сами работники наиболее часто называют такие:

– отсутствие возможности профессионального роста;

– снижение уровня заработной платы вследствие инфляции;

– социальная незащищенность;

– проблемы с корпоративной дисциплиной;

– отсутствие перспектив карьерного роста;

– оторванность руководства от рядовых работников;

– отсутствие прозрачной, понятной, эффективной системы мотивации;

– деление людей на «старых» и «новых», «своих» и «остальных»;

– установление зарплат не по вкладу, а по приближенности к руководству;

– отсутствие заинтересованности у руководства в сохранении персонала;

– несоответствие профессионального уровня выполняемым должностным обязанностям;

– несложившиеся отношения в коллективе, с руководством.

Основные вопросы в этой ситуации можно было сформулировать следующим образом: почему профессионалов не устраивает работа в нашем учреждении? Какие психологические особенности бизнес-тренеров подходят или не подходят к данной организационной культуре? Что можно было бы поменять в организации для решения проблемы текучести?

В ходе исследования были использованы следующие методики [4]:

– экспертная оценка стилей руководства;

– ценностные ориентации в карьере «Якоря карьеры» Э. Шейна;

– методика на построение мотивационного профиля В.И. Герчикова;

– тест на определение типа организационной культуры» (Ч. Хэнди);

– тест «Интегральная удовлетворенность работой».

Базой исследования является выборка, сформированная из бизнес-тренеров коммерческого банка. Общее количество респондентов составило 10 человек – из них 1 мужчина в возрасте 29 лет и 9 женщин в возрасте от 25 до 32 лет. Стаж работы испытуемых варьируется от 3 месяцев до 2 лет.

Результаты экспертной оценки стилей руководства

По результатам экспертной диагностики стиля руководства, группа из десяти бизнес-тренеров разделилась на две группы. Первая группа считает, что их руководителю присущ демократический стиль управления – 60 % респондентов, вторая группа считает, что преобладает авторитарный стиль руководства – 40 % респондентов. Исходя из этого мы видим, что восприятие руководства сотрудниками субъективно, а это, в свою очередь, может быть связано с множеством внутренних факторов. Чтобы выяснить, по какой причине результаты определения стиля руководства получились столь различными, мы сравним полученные результаты других методик. Субъективное восприятие руководства как авторитарного, возможно, является одним из психологических компонентов дискомфорта и дезадаптации работников, поэтому мы можем поместить таких специалистов в «группу риска» и рассмотреть, чем они отличаются от первой группы – «адаптированных».

По результатам методики Э.Шейна «Якоря карьеры» в «группе риска» бизнес-тренеров ярко выражены такие ориентации, как «предпринимательство», «вызов», «стабильность работы» и «менеджмент».

В другой группе бизнес-тренеров – «адаптированных» ярко выражены такие ориентации, как «интеграция стилей жизни», «вызов», «служение», «стабильность работы», «профессиональная компетентность».

Качественный анализ результатов методики показал, что в «группе риска» (далее – группа 2) преобладали такие ориентации, как представление о себе как о создателе чего-то нового; потребность преодолевать препятствия; желание интегрировать работу в повседневную жизнь; желание и способность управлять другими. Стиль руководства данные респонденты воспринимают как подавляющий их инициативу, не дающий возможности реализовать свой творческий потенциал и самостоятельность.

Результаты методики «Тип рабочей мотивации» В.И. Герчикова

На основании полученных данных мы пришли к выводу, что, несмотря на доминирование профессионального типа мотивации в обеих группах, существуют свои особенности в мотивации (группы 1 и 2).

Так, группа 1 в большей степени ориентируется на самореализацию через содержание труда, используя возможности проявить себя; также делает акцент на собственную автономность, при этом, взваливая на себя дополнительную ответственность как за себя, так и за окружающих.

Для группы 2 также имеет значение содержание работы, однако, главным стимулом в работе остаются материальные денежные или не денежные вознаграждения. В отличие от группы 1, вторая группа не выделяется стремлением к максимальной личной ответственности, сотрудники скорее ориентированы на принадлежность к коллективу, разделяя с ним общую ответственность, тем самым минимизируя личные усилия.

Однако данный вывод противоречит результатам исследования карьерных ориентаций, по которым у группы 2 выявлено стремление к предпринимательству и автономии, желание принятия вызова и стремление к руководству. Сопоставляя полученные данные, можно сделать вывод о когнитивном диссонансе, который испытывают члены 2-й группы. Содержание и организация их деятельности не соответствует их карьерным ориентациям и формирует демотиваторы, которые выражаются в выявленных характеристиках трудовой мотивации.

Результаты методики на определение типа организационной культуры

Согласно используемой методике по выявлению преобладающего типа организационной культуры, мы выяснили, что в исследуемой организации в восприятии респондентов преобладает культура, ориентированная на задачу, но имеются количественные различия в показаниях двух групп.

Вторая группа делает акцент на то, что в их организации имеет место быть жесткая структура, высокая степень централизации управления. Таким образом, выполнение задач, быстрое решение проблем (культура задачи) осуществляется посредством подавления инициативы у работников и осуществления достаточно жесткого контроля над всем (культура власти). В то время как группа 1, если и признает некоторые проявления авторитарности в культуре, то лишь в незначительной степени.

Таким образом, оценки группы 2 по типу организационной культуры носят более пессимистичный характер в сравнении с группой 1, т.е. во второй группе культура менее ориентирована на человека, более авторитарна и имеет признаки бюрократизма. Это позволяет сделать вывод, что успех принятия и реализации решений поставленных задач, на что в основном направлена культура организации, предопределяется квалификацией руководителя. То есть, несмотря на то, что существует должностная иерархия, где распределены обязанности и ответственность, руководство подавляет

инициативу работников, в результате принимая решение самостоятельно.

Результаты методики «Интегральная удовлетворенность работой»

Рассмотрим шкалы удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками и удовлетворенность взаимоотношениями с руководством. Показатель взаимоотношений с коллегами и руководством у первой группы равен 50 %, что говорит о среднем уровне удовлетворенности; в то время как у второй группы показатели удовлетворенности взаимоотношениями с сотрудниками и удовлетворенности взаимоотношениями с руководством равны 20,78 % и 16,6 % соответственно. Оба этих показателя говорят нам о низком уровне удовлетворенности как во взаимоотношении с коллегами, так и с руководством. Сравнивая значения двух групп по такой составляющей удовлетворенности труда, как взаимоотношения с коллегами, мы видим, что группа 1 значительно больше удовлетворена своим коллективом и взаимоотношением с ним, чем группа 2. Анализируя числовые показатели обеих групп по удовлетворенности взаимоотношениями с руководством, можно сказать, что ситуация идентична. Разница более чем в три раза (группа 1 = 50 %, группа 2 = 16,6 %) также указывает нам на то, что у второй группы сложились неблагоприятные отношения не только со своими коллегами, как мы выяснили раннее, но и с руководством.

Обратим внимание на уровень притязаний в профессиональной деятельности – у обеих групп он высокий – как в целом, так и у каждого тренера в отдельности. Высокий уровень притязаний в профессиональной деятельности указывает нам на то, что сотрудники хотят многого достичь в своей профессии, подняться по карьерной лестнице. Результаты методики показали, что у группы 2 испытуемых более ярко выражен уровень притязаний в профессиональной деятельности, а это, в свою очередь, свидетельствует о возможном конфликте между содержанием и уровнем притязаний. Несоответствие оценки своих возможностей в профессии и фактических результатов в выполняемой деятельности может сыграть как один из факторов, способствующих возникновению эмоционального стресса. Так, при высоком уровне притязаний и ограниченной возможности их реализации возникает конфликт личности с коллективом или с самим собой. Наличие конфликта в коллективе подтверждают и низкие показатели шкалы «удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками». Таким образом, высокий уровень притязаний в данном случае является одним из факторов более высокой неудовлетворенности.

Рассмотрим такой компонент труда, как предпочтение выполняемой работы высокому заработку. Это ещё одна составляющая удовлетворенности трудом, по которой видна достаточно очевидная разница в числовых показателях между двумя группами. Итак, сравнивая две группы, мы видим, что в настоящий момент сотрудники второй группы («группы риска») не стремятся к достижению более сложных целей в своей профессиональной деятельности, а также они выполняют данную работу в основном для получения материального вознаграждения. Таким образом, мы можем предположить, что для группы 2 материальное вознаграждение стало главным мотиватором лишь потому, что остальные составляющие труда не удовлетворяют бизнес-тренеров. Если отсутствует интерес к содержанию работы, не складываются отношения с коллегами и руководством, т.е. социально-психологический климат находится на низком уровне, а также работа не удовлетворяет амбиции, то единственное, что может стимулировать рабочий процесс, так это материальный аспект, что подтверждают результаты методики.

Рассмотрим следующую составляющую удовлетворённости труда – интерес к работе.

У группы 1 интерес к работе равен 38,78 %, у группы 2 интерес к работе равен 20,87 %. Несмотря на то, что разница между двумя средними числовыми показателями равна 17,91 %, обе группы бизнес-тренеров имеют низкий уровень интереса в отношении той профессиональной деятельности, которой они занимаются в данный период времени. Однако мы должны сделать акцент на большую выраженность равнодушия к своей работе у группы 2, так как разница в числовых значениях довольно значимая. Следовательно, можно предположить, что низкий показатель связан с тем, что сотрудникам изначально не была интересна деятельность, которой они сейчас занимаются (или же она разочаровала в последующем), либо это может быть связано с отсутствием возможности обучения чему-либо новому, или же из-за несовпадения интересов сотрудника и интересов организации. В то же время это может быть связано с оценкой стиля руководства группы 2 как авторитарного. Отсюда вытекают низкие проценты по таким компонентам удовлетворенности трудовой деятельности, как удовлетворенность достижениями в работе и предпочтение выполняемой работы высокому заработку.

Профессиональная ответственность группы 1 и группы 2 находится на критично низком уровне и составляет в среднем 0 %. Это может быть связано с тем, что бизнес-тренеры в данной организации имеют своё непосредственное руководство и, как мы предполагаем, у них всегда потенциально существует возможность переложить свою ответственность. Поэтому полученные результаты позволяют нам охарактеризовать поведение тренеров как

несколько легкомысленное и пренебрежительное в отношении своей профессиональной деятельности. Скорее всего, характер выполняемой деятельности таков: выполнение заданного алгоритма и отсутствие какой-либо самостоятельности и творчества порождает формальное отношение к работе и убивает мотивацию, особенно у тех сотрудников, чей уровень притязаний находится на высоком уровне.

При анализе шкалы «Удовлетворенность в отношении условий труда» у второй группы бизнес-тренеров ярче выражена неудовлетворенность условиями, которые предоставляет им организация. Как следствие, бизнес-тренеры второй группы менее удовлетворены своей профессиональной деятельностью, они также испытывают внутренние конфликты, связанные не только с неудовлетворенностью организацией труда, но и с нереализованными амбициями, незаинтересованностью в содержании труда и неблагоприятными отношениями с руководством, которые, в свою очередь, сказываются на взаимоотношениях в коллективе.

Итак, рассмотрев две группы бизнес-тренеров с точки зрения каждого параметра удовлетворенности трудом, можно сделать вывод, что существуют вполне конкретные причины, которые повлияли на субъективную оценку стиля руководства. Эти же причины могут стать факторами профессиональной дезадаптации.

Согласно цели нашего исследования были выявлены следующие несоответствия (таблица).

Проведенное исследование показывает, что мотиваторы и демотиваторы у группы 2 («группа риска») можно рассматривать с двух позиций:

1. Учет мотиваторов данной категории при отборе на работу может способствовать прогнозированию будущих проблем и совершенствованию системы управления персоналом.

2. Формирование демотиваторов, которые во многом противоречивы в сопоставлении с мотиваторами, происходит в процессе работы в данной организации в течение некоторого периода времени, что порождает у респондентов когнитивный диссонанс и фрустрацию. Исходя из этого мы полагаем, что именно эти сотрудники скорее проявят симптомы дезадаптации и выразят желание покинуть предприятие.

Таким образом, необходимо смоделировать структуру, учитывающую естественную потребность работника в профессиональном и личностном росте, которая бы работала максимально эффективно. Возможна разработка соответствующих тренингов для работников и руководителей, методических рекомендаций для директоров и служб менеджмента персонала. Учет особенностей коллектива поможет при конкурсных отборах сотрудников, будет способствовать более успешной адаптации человека в организации и расширении возможностей его личностного роста через конкретную профессиональную деятельность.

Таблица

Психологические факторы	Организационные условия деятельности и стиль управления
Мотиваторы: карьерные ориентации с преобладанием ценностей «предпринимательство», «вызов», «менеджмент», желание быть патриотом своей организации, стремление к стабильности, высокий уровень притязаний. Демотиваторы: материальная заинтересованность, избегание повышенной ответственности, неудовлетворенность достижениями и низкий интерес к работе	Низкая степень автономии деятельности, готовые технологии, алгоритмизированный характер работы, отсутствие соревновательности и признания индивидуальных достижений, высокий уровень контроля, ориентация на задачу, но при этом – игнорирование командообразования. Недостаточное внимание формированию сотрудничества, отсутствие взаимодействия в коллективе, низкая степень информированности. Недостаток информации по достижениям коллег, не разработана система морального и материального стимулирования

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базаров, Т.Ю.* Управление персоналом: учеб. для вузов / Т.Ю. Базаров, Б.Л. Еремин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: ЮНИТИ, 2002. –560 с.

2. *Лукашевич, В.В.* Основы управления персоналом / В.В. Лукашевич. – М.: КноРус, 2007. – 232 с.

3. *Максимцов, М.М.* Менеджмент / М.М. Максимцов, А.В. Игнатьева. – М.: ЮНИТИ, 2001. – 343 с.

4. *Фетискин, Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Ин-т психотерапии, 2005. – 379 с.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОМПЛЕКСА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Ю.В. Потайчук

Потайчук Юлия Валентиновна – аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: yascorp@bk.ru

В настоящее время есть необходимость в качественно новом типе работника для производства и рынка труда, который должен обладать высоким уровнем социальной компетентности, профессиональной адаптации и мобильности. Поэтому одной из ключевых является проблема профессионального становления специалистов среднего звена, обеспечения их профессионального роста, стимулирования качества и эффективности труда.

С целью изучения процессов профессиональной социализации будущих специалистов железнодорожного транспорта и оправданности практико-ориентированного подхода в обучении автором были проведены социологические исследования в виде анкетных опросов (2009–2012 гг.). Исследования показали, что практико-ориентированный подход в системе среднего профессионального образования оправдывает себя высокой подготовленностью студентов к трудовой деятельности. В целом же профессиональная социализация студентов среднего профессионального образования в рамках университетского комплекса имеет ряд проблем, требующих решения.

Ключевые слова: профессиональная социализация, университетский комплекс, формирование профессиональных качеств, мотивационная основа, перспективы развития ссуз, модернизация образования.

Инновационная деятельность университетских комплексов, в состав которых входят средние профессиональные учебные заведения, является важным фактором развития как самих университетов, так и их структурных подразделений. Система базовых целей деятельности образовательного учреждения сферы среднего профессионального образования приобретает социально-экономическую специфику – повышение социальной и профессиональной конкурентоспособности молодых специалистов, качества выполнения ими своих социально-профессиональных ролей, формирование позитивного потенциала карьерного роста [3].

Реформа государственного управления транспортной отраслью поставила под угрозу будущее отраслевого образования. Первоначально лишь высшие учебные заведения получили новых учредителей – федеральные транспортные агентства, а ссузы и ПТУ должны были перейти в ведомство региональных (муниципальных) властей. Вертикальная интеграция вузов и ссузов транспорта началась в структуре Росморречфлота, где к 2007 г. были сформированы два университетских и пять академических образовательных комплексов. Впоследствии настала очередь учебных заведений Росжелдора.

В настоящий момент юридический статус комплекса имеют железнодорожные вузы в Москве, на Дальнем Востоке, Урале, в Сибири и Поволжье, которые уже имеют опыт работы в формате объединенной структуры [2].

На Дальнем Востоке ДВГУПС является единственным университетским комплексом, объединившим в себе транспортные учебные заведения разных уровней. На сегодняшний день университетский комплекс ДВГУПС – это инновационное учебное заведение, которое обеспечивает соответствующий современным требованиям уровень подготовки кадров, обладает широкими возможностями диверсификации непрерывного образования, создаёт необходимые условия для применения передовых педагогических технологий и решения проблемы гуманизации и гуманитаризации социально-профессионального образования. В ДВГУПС сложилась структура организации и управления образовательной деятельностью, предусматривающая объединение студентов по факультетам, соответствующим уровню образовательных программ: лицей, факультеты среднего и высшего профессионального образования (СПО и ВПО).

На каждом уровне по отраслям знаний образовательную деятельность осуществляют разные профессорско-преподавательские составы. Переработанная с учетом соответствующих регламентирующих документов СПО и ВПО нормативно-правовая документация обеспечивает преемственность и в какой-то мере единство требований к обучающимся вне зависимости от уровня образования.

На основе научных прогнозов можно сделать вывод, что в ближайшем будущем произойдёт увеличение спроса на специалистов среднего звена, поскольку промышленность восстанавливается и возрождается. Обучение их стоит дешевле, сроки учёбы короче, а возможности использования в силу практико-ориентированного характера образования шире.

Анализ трудоустройства выпускников железнодорожных техникумов, входящих в состав университетского комплекса ДВГУПС, по данным, предоставленным службой по работе с кадрами Дальневосточной железной дороги – филиала ОАО «РЖД», показывает, что ежегодно на предприятия железнодорожного транспорта идут работать не более 30 % выпускников профессиональных специализированных учебных заведений. В итоге на сегодняшний день дефицит специалистов со среднеспециальным образованием составляет в отрасли около 80 тыс. человек по всей России, а по Дальневосточной железной дороге – более 5 тыс. незакрытых вакансий. Это обстоятельство имеет много причин макро- и микросоциального уровня, прежде всего, экономического характера. Однако существенным следует считать и фактор профессиональной социализации выпускников СПО.

Практика в железнодорожных техникумах предусмотрена по программе сроком 6 месяцев после третьего курса обучения.

С целью выявить отношение студентов к практике и проблемы, возникающие в ходе её прохождения, был проведен анкетный опрос, в котором приняли участие 147 студентов ФСПО-ХТЖТ.

Из 147 опрошенных 88 человек проходили практику на предприятиях Хабаровского отделения Дальневосточной железной дороги, 16 человек – Комсомольского, 20 – Владивостокского, 14 человек на предприятиях Байкало-Амурской магистрали, на других предприятиях ДВЖД – 9 человек (табл. 1).

Таблица 1

Распределение студентов по местам практик, чел.

Наименование	ТПС	ВХ	ЭХ	ОПУ	АТМ	СЖД	РС	Всего
Хабаровское отделение	10	10	6	27	7	12	16	88
Комсомольское отделение	1	2	0	5	3	3	2	16
Владивостокское отделение	9	0	1	1	3	6	0	20
БАМ	9	0	1	1	3	0	0	14
Другие	0	0	6	1	0	0	2	9
Всего	29	12	14	35	16	21	20	147

Примечание: ЭХ – электроснабжение на железнодорожном транспорте; ВХ – техническая эксплуатация подвижного состава железных дорог (вагоны); ТПС – техническая эксплуатация подвижного состава железных дорог (локомотивы); ОПУ – организация перевозок и управление на железнодорожном транспорте; РС – эксплуатация средств связи; АТМ – автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте; СЖД – строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство.

Источник: составлено автором.

Немаловажное значение на формирование профессиональных качеств и жизненной траектории будущего специалиста оказывает профессиональная среда. Однако при прохождении производственной практики во время обучения, руководители практики от предприятия уделяют недостаточно внимания профессиональной социализации студентов. Как отмечают сами практиканты, на производстве наставники относятся к практикантам как к обузе и подходят к вопросам профессионального воспитания весьма формализовано. Существующая в данный момент система не отвечает в полной мере требованиям практико-ориентированной направленности. На рис. 1 отражены ответы студентов на вопрос об отношении к практикантам на производстве.

На вопрос о том, было ли на предприятии предоставлено место прохождения практики по специальности, большинство респондентов ответили утвердительно. Однако более 40 % опрошенных отметили, что такого места предоставлено не было. Соотношение ответов представлено на рис. 2.

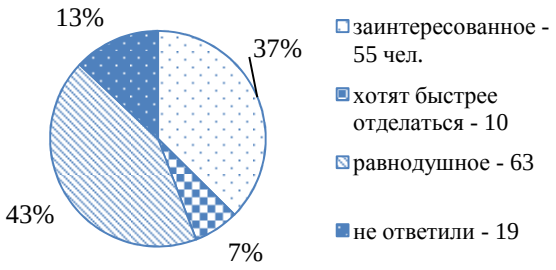

Рис. 1. Соотношение ответов на вопрос: «Какое отношение, на Ваш взгляд, к практикантам на предприятиях?»

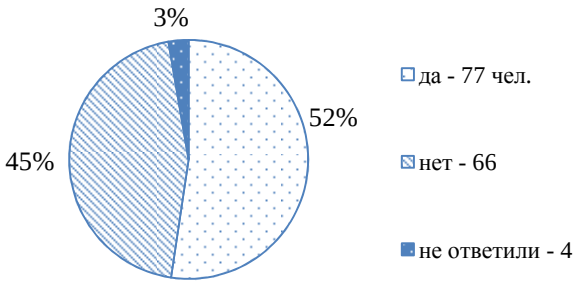

Рис. 2. Соотношение ответов на вопрос: «Было ли Вам предоставлено место практики по специальности?»

На вопрос о том, довольны ли в целом практиканты организацией практики, количество ответов распределилось примерно поровну: 50 человек считают, что практика организована хорошо, 49 человек недовольны организацией практики и 48 респондентов затруднились с ответом. Примерно также распределились ответы на вопрос о том, пригодились ли на практике знания, которые студенты получали в техникуме: 51 человек – пригодились, 47 – не пригодились и 49 затруднились с ответом.

Большинство студентов после прохождения практики стали более уверены в выборе профессии, однако, немногие хотят работать на маленьких станциях и линейных предприятиях. Ответы на вопросы сведены в табл. 2.

Вполне очевидно стремление большинства выпускников строить профессиональную карьеру в городе, отказываясь от работы на небольших станциях. Жизнь и работа в городе для выпускников имеет ряд преимуществ, это, прежде всего, широкий выбор профессий на рынке труда, перспективы карьерного роста, более высокий уровень доходов, более комфортные условия жизни и т.д. При этом абсолютное большинство выпускников устраивается работать не по своей специальности, что приводит к девальвации знаний, полученных студентами в техникуме, и безвозвратной потере молодых специалистов для железной дороги.

Совокупность вышеперечисленных факторов ставят труд специалиста со среднеспециальным образованием в разряд непрестижных направлений профессиональной деятельности среди молодежи, что непременно приводит к отклонениям в процессе профессиональной социализации студентов СПО, которая на сегодняшний день носит неоднозначный характер.

В ходе исследования была предпринята попытка получить ответ, как отразилось слияние высшего и среднего профессионального образования на студентах, на их статусно-ролевом восприятии. С этой целью было опрошено 732 студента с 1-го по 4-й курс.

Изучая ориентационную основу действия потребности молодежи, было выявлено, что неоднозначные мотивы, идеалы и ценностные ориентации студентов определяют их неодинаковый подход к построению жизненных планов и влияют на будущий выбор своей специальности. Так, 44 % важно иметь диплом об образовании; 36 % – хотят получить специальность, которая нравится; 21 % – продолжают династию железнодорожников; 13 % – все равно, где учится; 10 % – не поступили в другие учебные заведения (не сдали экзамены, высокая оплата или не прошли по конкурсу). Результаты представлены в форме диаграммы на рис. 3.

Факты, полученные в результате исследований, свидетельствуют, с одной стороны, о возросшем уровне притязаний молодежи, а с другой стороны, об их неготовности приложить максимум усилий для осуществления своих целей, поэтому они возлагают большие надежды на окружающих.

Таблица 2

Результаты опроса, кол-во

Вопрос	Ответы			Не ответили
	«Да»	«Нет»	«Не знаю»	
Довольны ли Вы в целом организацией прохождения практики?	50	49	48	0
Пригодились ли на практике знания, полученные в процессе обучения в техникуме?	51	47	49	0
Пройдя практику, уверены ли Вы в правильности выбора профессии?	75	28	12	32
Хотите ли Вы работать на том же месте, где проходили практику?	15	117	13	2

Источник: составлено автором.

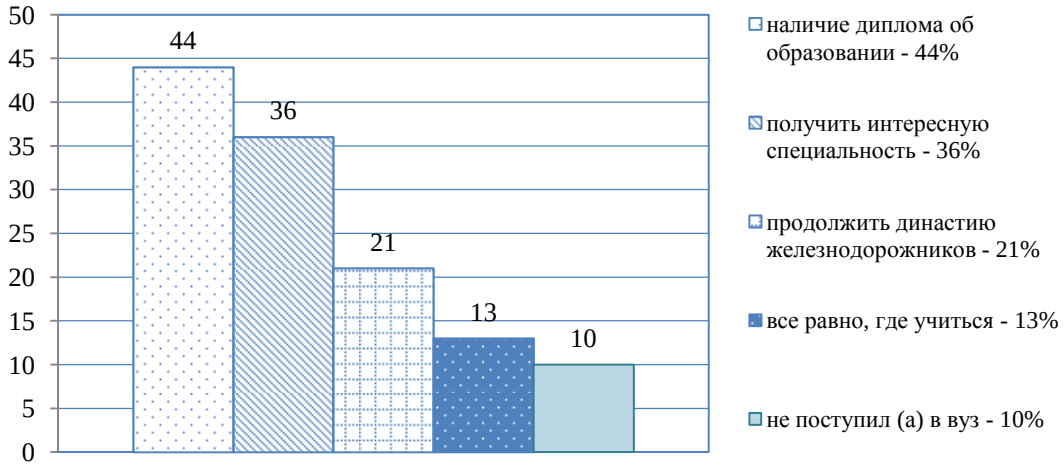

Рис. 3. Мотивационная основа обучения студентов на ФСПО-ХТЖТ ДВГУПС

Проанализировав данные исследования, можно выявить тенденцию – по каким причинам студент оказался именно в этом учебном заведении. Лишь 7 %, поступая в техникум, имели представление, какую именно профессию они выбрали и целенаправленно шли получать среднее специальное образование. Так, 23 % опрошенных подавали заявление в ДВГУПС для получения высшего образования, но, не пройдя по конкурсу результатов ЕГЭ, поступили на факультет СПО–ХТЖТ. Еще 30 % опрошенных – целевой набор, из них большинство поступили в техникум по настоянию родителей, работающих на железной дороге. Единичные ответы: за компанию с подругой, получить отсрочку от службы в армии, на железной дороге платят много. Результаты представлены в форме диаграммы на рис. 4.

Анализ ответов на вопрос о том, устраивает ли организация учебного процесса, позволяет сделать вывод, что учащиеся первого курса не имеют четкого представления о возможности организации учебного процесса и не прослеживается особого желания что-либо изменить в его организации, в то время как второкурсники наиболее активны в участии и обсуждении этой проблемы. Их волнует то, что мало экскурсий на производство, проблемы студентов практически не обсуждаются на уровне администрации, студенческого актива.

Из опрошенных студентов 1-го и 2-го курсов 47 % признались, что учеба в техникуме оказалась гораздо сложнее, чем они ожидали. Многие отметили, что объем получаемых знаний в несколько раз больше, чем в школе и домашние задания им даются гораздо сложнее. Большинство студентов являются иногородними и проживают в общежитии, либо снимают жилье. Оторвавшись от родительской опеки, ребята сталкиваются с трудностями в быту и неумении правильно распределять свое время.

Конечно, необходимо учитывать, что студенты техникума в большинстве своем в школе не были отличниками и усердными учениками.

В сознании молодых людей существуют достаточно устойчивые стереотипы относительно как самих по себе профессиональных сфер деятельности, так и возможностей карьерного роста, что, с одной стороны, облегчает им процесс профессиональной социализации, а с другой – выстраивает новые барьеры этого восприятия, что в свою очередь нередко ведет к развитию апатии, индифферентного отношения и к профессиональным, и жизненным перспективам.

Между тем необходимо выделить и преимущества, которые получили студенты и преподаватели техникума, войдя в состав университетского комплекса:

1. Для студентов СПО:

а) пользование библиотекой ДВГУПС;

б) проведение совместных мероприятий (КВН, конференции);

в) престижность образования (по окончании обучения они получают диплом ДВГУПС).

2. Для преподавателей СПО:

а) обучение в аспирантуре ДВГУПС и пользование библиотекой;

б) получение 2-го высшего образования за счет работодателя;

в) пользоваться базой отдыха;

г) повышение квалификации и стажировки на кафедрах.

Опрос студентов 4-го курса показал, что около 20 % опрошенных изъявляют желание продолжить обучение после окончания техникума (15 % респондентов будут поступать в ДВГУПС на обучение по программам высшего профессионального образования по специальности и 5 % отдают предпочтение другим вузам), а более 18 % – не имеют такого желания; 17 % серьезно относятся к изучению только специальных дисциплин, которые пригодятся им для дальнейшего обучения в вузе; и столько же студентов – 17 % – игнорируют все дисциплины. Большое количество опрошенных вообще воздержалось от ответа на вопрос об отношении к учебе в вузе. Результаты исследования представлены в виде диаграммы на рис. 5.

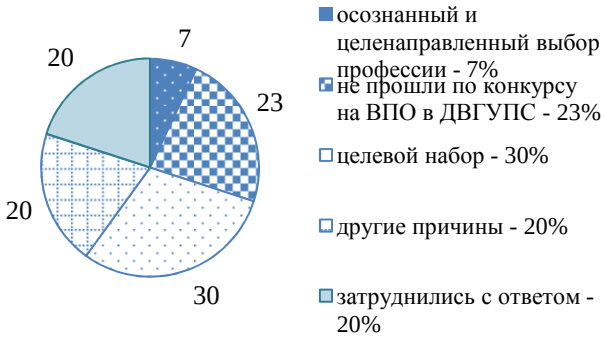

Рис. 4. Причины поступления на ФСПО-ХТЖТ

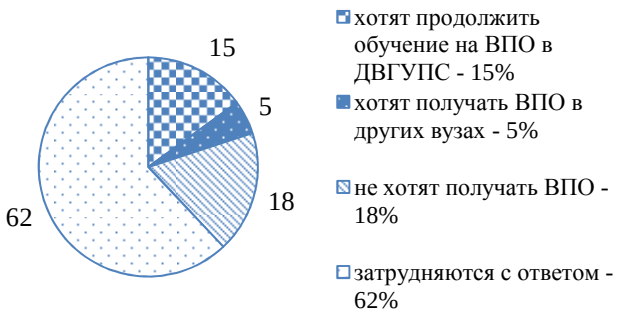

Рис. 5. Соотношение ответов на вопрос: Планируете ли вы получать высшее образование после окончания техникума?

Преимущества университетских комплексов в том, что они позволяют сделать профессиональное образование непрерывным и реально многоуровневым.

Необходимо сделать акцент на отдельных моментах:

1) на *формировании содержания образования*. Осуществляется на основе дидактической целесообразности и концентрации вокруг узловых проблем специальности. Это достигается за счет рационального отбора содержания и оптимизации объема учебной информации;

2) *содержательно-структурном подходе* к построению модели системы непрерывного профессионального образования. Это означает приоритетность построения содержания непрерывного образования перед его организационными формами. Образовательный процесс должен, помимо образования в классическом понимании, выступить в новом качестве, обеспечивая развитие системы образования в соответствии с требованиями времени [4];

3) *интеграции*. На содержательном уровне предполагает подготовку специалистов с более высоким профессиональным образованием на базе программ профессионального образования, которые содержат часть программ более высокого профессионального образования. Возможность такой интеграции предусмотрена ст. 23 Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1. Однако на практике пока не определена нормативно-правовая база, а главное – не разработаны концептуальные подходы к формированию содержания СПО, ВПО на базе имеющегося НПО, СПО. Перед разработчиком соответствующей учебно-программной документации «встает» проблема методологии формирования содержания СПО, ВПО на базе НПО, СПО по родственным профессиям и специальностям [1].

И хотя этот закон с 1 сентября 2013 г. утратит свою силу в связи с принятием Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», но так и не устранено главное противоречие, которое состоит в том, что содержание высшего, среднего и начального профобразования по родственным профессиям и специальностям имеет весьма заметное сходство. Это относится к наименованию не только учебных дисциплин, но и учебных элементов, дидактических единиц. Кроме того, имеются достаточно близкие показатели учебного времени, отводимого на сходные дисциплины. В этом случае существует задача адекватности содержания изученных дисциплин, исключения прямого дублирования ранее изученного материала, методически грамотного формирования необходимой учебно-программной документации, так как при внешнем сходстве состава и содержания учебных дисциплин существуют значительные различия, поскольку осуществляется ориентация на разные классы профессиональных задач.

Перспективы развития ссуза в рамках университетского комплекса как многоуровневого, многофункционального учебного заведения заключаются в следующем:

1) в дальнейшем развитии процессов интеграции учебной и научной деятельности высшего и среднего профессионального образования в рамках университетского комплекса;

2) преемственности в подготовке кадров – увеличение числа сотрудников ссуз, обучающихся в аспирантуре;

3) организации совместной исследовательской деятельности в рамках лабораторий, кафедр, творческих групп, в том числе и по проблемам работы и подготовке специалистов в системе непрерывного образования;

4) подготовке к изданию совместных сборников научных и научно-методических трудов.

5) создании общих экспериментальных площадок.

Принципы, задающие ориентиры на новом этапе:

- принципы сочетания традиционного и инновационного в организации педагогического процесса;
- принцип лидирующего положения в подготовке специалистов для железнодорожного транспорта.

Полученные в результате исследования данные могут быть использованы для углубления знаний и представлений о работе с молодежью с целью повышения качества ее профессиональной социализации. Необходимо продолжать подобные исследования, что позволит корректировать учебно-воспитательный процесс, более полно использовать возможности и творческий потенциал учащихся ссузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Легенчук, Д.В.* Методологические основы преемственности среднего и высшего профессионального образования / Д.В. Легенчук // Вестник Челябинского государственного пед.унив-та. – 2010. – № 8. – С. 118–126.

2. *Лёвин, Б.А.* Университетский комплекс: проблемы и решения / Б.А. Лёвин // Железнодорожный транспорт [Электронный ресурс] / Онлайн-версия журнала – Режим доступа: http://www.zdt-magazine.ru, свободный – Загл. с экрана (дата обращения: 03.06.2013).

3. *Морозова, А.В.* Профессиональная социализация студентов ссузов в условиях модернизации институтов образования: автореф. дис. ….. канд социол. наук / А.В. Морозова. – Тула, 2004. – 32 с.

4. *Распопова, И.М.* Актуальные проблемы образовательного пространства среднего профессионального учебного заведения: социологический аспект / И.М. Распопова // Социальная политика в ДВ регионах России: опыт, проблемы, решения. – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2001. – С. 185–189.

ЖАНРОВЫЕ ПОИСКИ В ПРОЗЕ РУССКОГО ХАРБИНА: ПРОПАГАНДА, «НЕПРЕОДОЛЕННАЯ БИОГРАФИЯ» ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭПОСА?[1]

А.А. Забияко

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: sciencia@yandex.ru

Проза русского Харбина – феномен, отразивший специфику социокультурного, общественно-политического и собственно литературного развития дальневосточной эмиграции. Харбинские писатели практически не имели дореволюционного опыта сочинительства, зато прошли фронты Первой мировой и Гражданской войн. Начало динамическому развитию харбинской прозы было положено после 20-х гг. XX в., когда в Харбин хлынул поток литературы из метрополии, западной эмиграции и Европы, а харбинский читатель ощутил интерес к беллетристическим жанрам. Харбинский читатель в своем большинстве состоял из домохозяек, средней руки чиновников и учащейся молодежи. Поэтому жанровые поиски харбинских прозаиков проходили на стыке пропагандистских посылов и художественных устремлений русской прозы первой половины XX в. и европейской беллетристики. В еженедельном журнале «Рубеж» под броскими названиями печатались произведения самого разного идейно-художественного наполнения: от «бульварных» рассказов до новелл и повестей, имеющих многоуровневое смысловое наполнение. Повесть Арсения Несмелова «Ледяная гибель» (1929) представляет один из лучших образцов жанрового эксперимента в харбинской литературе. С одной стороны, в ней обнаруживаются следы пропагандистской прозы Советской России 20-х гг. (А. Чаянова, В. Кириллова, Я.М. Окунева), контрпропагандистской прозы эмиграции (П. Краснова, П. Тутковского). Однако открытость А. Несмелова разным художественным системам и склонность к художественной универсализации сформировали совершенно уникальное в жанровом отношении образование. Эсхатология и антиутопия соединились в нем с метапоэтической и фельетонной рамкой. Символистский текст с пропагандистским. Авантюрная повесть с притчей. К сожалению, журнальный формат публикации и уровень читательской аудитории русского Харбина не способствовали полноценному восприятию авторской стратегии Несмелова. Время адекватной рефлексии несмеловской прозы наступает сегодня. Впервые осуществлена и публикация повести в России[2].

Ключевые слова: дальневосточная эмиграция, русский Харбин, жанровые поиски, пропаганда, массовый читатель, читательские стратегии, эпос, рассказ, повесть, роман, «Рубеж», беллетристика, эсхатология, антиутопия, притча, анекдот, аллюзии.

Как правило, развитие идей и политических взглядов всегда связано с пропагандой той или иной точки зрения, утверждения единственно верного подхода определенной социальной группы и развенчания заведомо ошибочных установок ее противников. И литература в этом процессе играет не последнюю роль. А в периоды смены ценностных систем роль словесного искусства в продвижении той или иной социально-политической установки возрастает с невиданной силой [25: с. 494–594].

В конце XIX в. А.Н. Веселовский задавался вопросом: «Почему известного рода сюжеты популярны, почему одни из них падают, сменяясь новыми? Иногда вопрос решается просто, стоит только признать, что *между сюжетом и течением идей есть внутренняя связь*, что *и в литературе играют роль спрос и предложение*», «очевидно, мода имела свои причины, действительно, она была результатом душевной борьбы, наполнявшей общество...» [4: с. 652] (курсив мой. – *А.З.*). Обратим внимание на то, что в понятие «мода» А.Н. Веселовский вкладывал не столько значение коммерческой реализуемости литературного труда, сколько его «идеологическую» наполненность, отражение в произведении «течения идей», «душевной борьбы, наполнявшей общество». Веселовский обобщает свои наблюдения в конкретный исторический период (1897–1903), и присущий его научному мышлению универсализм не может не проецироваться на политико-социальные и литературные реалии того дня. Именно в эти годы интенсивнее всего общественно-политическая мысль внедряется в литературу, меняется социальный портрет читателя, трансформируется система жанровых предпочтений и читательских ожиданий. «Знаньевцы» соперничают с «новым религиозным сознанием», символистской прозе противостоят пролетарские писатели, с одной стороны, и «бульварные» авторы – с другой. В связи с общей демократизацией про-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта НИР № 6 1075. 2011 «Литература и культура русских эмигрантов в Маньчжурии в социокультурном, общественно-политическом и этнокультурном контексте».

[2] Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия. В 4 т. Т. 1. Проза. В 3 ч. Ч. 2 / сост., общ. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; вступ. ст. А.А. Забияко; библиограф. ст. Г.В. Эфендиевоцй; подгот. Текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянской, Р.В. Поливан, Г. Эфендиевой, А.А. Юрьевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. – 350 с.

цессов образования адресатом художественной литературы, начиная с 10-х гг. прошлого века, становится широкая студенческая аудитория, ремесленники, гувернантки, рабочие, крестьяне [2: с. 5–77; 7: с. 543–588][3]. Эти читатели вместо многотомных изданий и толстых литературно-художественных альманахов привыкают к журналам для домохозяек и бесплатным приложениям к еженедельникам. Им становятся доступными «пересказанные» простым и ясным языком, «спрямленные» идеи Фрейда, Ницше, Джемса, воплощенные в сюжетах Вербицкой, Арцыбашева, Каменского и т.д. Многие из них, получившие образование в рабочих кружках, могут воспринимать только поверхностный уровень смыслового поля произведения. И поэтому такие «адресаты», «неготовые к осмыслению сложных философских и психологических проблем, <…> воспринимали произведение только в одной плоскости, видя, например, в "Евгении Онегине" обличение праздности помещиков, живущих за счет эксплуатации крепостных» [25: с. 500].

В этой ситуации проблема адресации литературы («спроса» и «предложения») также приобрела особое разрешение. В 20-е гг. XX в. тектонические изменения постигли и читательскую аудиторию, и формат книжной продукции, и писательскую среду, и саму стратегию чтения-писания: «…Новая стратегия чтения, рожденная в революционном котле, явилась результатом культурного коллапса, когда "старая культура" получила нового адресата. Новый читатель, зритель, слушатель формирует оптику своего восприятия в самом процессе "приобщения к культуре". Это исключительно сложный и болезненный процесс. Он сопровождается резкой ломкой сложившегося эстетического опыта масс и, как следствие, массовым негативизмом к культуре вообще: и к "старой культуре", и к восставшей на ее развалинах культуре авангардной. Процесс этот приводит к отказу от потребления искусства и стремлению создавать искусство самим, к отказу от сотворчества и желанию творчества: *реципиент перерождается в автора*» [8: с. 3–78].

Революционный слом в России 1917 –1918 гг. и последующий за ним раскол нации на метрополию и эмиграцию внес существенные акценты в понимание пропагандистских задач литературного творчества. Разделенные политическими границами и географическими расстояниями, русские писатели – независимо от политических установок, принадлежности к определенной партии и личного опыта, приведшего в эмиграцию или оставившего в метрополии – разделились на «своих» и «чужих». Каждое слово, сказанное писателем, могло неожиданно превратиться в орудие борьбы – и порою даже однозначные политические установки писателей превращались в орудие борьбы с их же соратниками[4].

Несмотря на сложную политическую обстановку внутри страны, задачи идеологического противостояния, в первую очередь, распространяются на явных врагов – тех, кто по своей воле или при активной помощи самой власти оказывается в так называемом зарубежье. Но и эмиграция, вынужденная выживать в отрыве от родины и привычных условий, понимает, что одним из условий этого выживания должна быть активная политическая пропаганда. Хотя онтологические и идеологические основания формирования литературы «по ту сторону границы и по эту сторону границы» были совершенно полярны, писателей-эмигрантов, как и их собратьев в метрополии, волновали не только проблемы «как быть писателем?» и «литературного быта» [42: с. 51]. Одним из важнейших критериев их писательского бытия становится вопрос, возможно, не так формулируемый в эмиграции, но именно так понимаемый: «С кем вы, деятели культуры?».

Однако ярые антибольшевистские настроения не могли стать единственной идеологической опорой бытия в эмиграции. Равно, как и писателей метрополии, для русских эмигрантов выработка нового социального поведения была важна в той же мере, что и «постановка (и решение) определенных литературных задач» [40]. Особенно актуально это было для литературного процесса в восточной ветви русской эмиграции [11].

Новоявленные харбинские писатели представляли собой разнородное в социокультурном измерении сообщество. У одних за плечами – Геттингенский университет (Вс.Н. Иванов), у других – незаконченная Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия (А. Ачаир). Кто-то уже до Первой мировой попробовал себя в писательском ремесле (Н.А. Байков, А.И. Несмелов, П.В. Шкуркин), к кому-то вдохновение стало приходить в период «омского сидения» (Вс.Н. Иванов) и дни страшного Ледяного похода (А. Ачаир), кто-то начинает творить во Владивостоке (В. Март, М. Щербаков).

Гражданская война для многих стала водоразделом, прервавшим учебу в университетах, либо поставившем крест на уже намечавшейся карьере ученого, путешественника, офицера. Воистину, те, кто был призван начать практически с нуля развитие харбинской литературы, были «детьми восем-

[3] Об этом: А. Вербицкая. Писатель, критик и читатель // Утро России. 1910. № 99–66. 6 февраля. С. 3; Книга в России, 1881–1895. СПб., 1997. С. 305; В.Р. Лейкина-Свирская. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.

[4] Например, Ленин предлагал использовать в качестве контрпропаганды рассказы А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», а эмигранты воспринимали как «антисоветские» произведения Булгакова, Зощенко, Ильфа и Петрова.

надцатого года» (А. Несмелов «Встреча первая») [24; т. 1; с. 97]. И все они, раньше или позже, оказались связаны одной судьбою в русском городке по линии КВЖД.

Те веяния, что определяли развитие культуры России в 1910-е гг., продолжали свое инерционное существование в Харбине и в начале 1920-х гг. [10; 11]. Пока торжествовали революционная неразбериха и постреволюционная сумятица, культура русского Харбина словно выпала из исторического времени почти на десятилетие. «Харбин не читает! Харбину нужно все, кроме книг!» – в 1923 г. ругали недавнее прошлое харбинские журналисты. «…С 1918 по 1920 Харбин жил без книг. Читатели, по привычке приходившие в книжный магазин, смотрели на пожелтевшие корки случайных изданий, помеченных "1912", "1910" и даже "1906" год, вздыхали и уходили. Медленный процесс отвыкания от книги усиливался» [23: с. 18–20]. «Первыми ласточками» «пестрого каскада книг», характеризующего подъем издательского дела, стали берлинские книжные издания: «…Весь 1922 год – сплошной медовый месяц берлинской книги и харбинского читателя. Харбинцы поглощали сотнями толстовские "Любовь – книгу золотую" и "Хождение по мукам". Раскупали "Театр и жизнь". Расхватывали "Жар-птицу"... Харбин вдруг оказался культурным и великолепно поглощал и нового, испытанного Амфитеатрова, и неведомых для Харбина Ремизова с Пильняком».

В первой половине 20-х гг. харбинские издатели и сочинители словно с «чистого листа» начинают наверстывать потерянное время: они «сближаются с культурой новой эпохи. Они держат в руках С. Есенина, … Пильняка, … Лидина, Ал. Толстого, … Эренбурга. Их не отпугивает масютинский рисунок, название "Серапионовы братья", ремизовская вязь словами» [23].

Как видно, харбинский читатель совершенно индифферентен к партийной и «классовой» принадлежности тех или иных произведений. Уже к середине 20-х гг. он адекватно воспринимает и «всеядно» поглощает прозу Ал. Толстого, авангардистский сказ Пильняка, орнаментальную вязь Ремизова – все то, что составляет богатое новациями пространство советской беллетристики и новообразованной эмигрантской литературы. Почему? И читательская аудитория провинциального Харбина, и новоявленные писатели нуждаются в новых образцах, лишенных «налета обветшалости и старья» (М. Зощенко), нуждаются в подпитке нового художественного сознания, жаждут новых сюжетов.

Несмотря на общий рост интереса к книге и знакомство с лучшими образцами прозы метрополии и эмиграции, 20-е гг. прошли для харбинцев в творческих поисках. В 1929 г. Вс.Н. Иванов, чей литературный багаж успел стать довольно весомым, а авторитет – солидным, обрушивается на прозаиков дальневосточной эмиграции с провокационными попреками: «…Харбинские эмигрантские беллетристы и иже с ними, которые в своих рассказиках помещают то лирические переживания при встрече с некоей обворожительной девушкой, то копаются в воспоминаниях, расплываясь в сладкой и теплой водице, не подозревают, в каких возможностях сюжетов они пребывают» [14: с. 239–243].

В этой статье прозвучала достаточно трезвая оценка литературной ситуации тех лет. Но проблема харбинской прозы состояла не в отсутствии талантов. Суровая беженская действительность подвигала русских сочинителей к стремлению применять свои художественные амбиции к жестким условиям рыночных отношений, соотносить меру собственного эстетического вкуса с запросами читающей публики, сопрягать талант с его «реализуемостью». Первостепенную роль в литературном обеспечении широких кругов харбинской публики играл иллюстрированный, многоцветный альманах «Рубеж»[5]. Он имел большую читательскую аудиторию (в лучшие годы тираж составлял около двух с половиной тысяч). Главными адресатами журнала являлись средней руки чиновники, служащие, домохозяйки. Реноме «глянцевого журнала» определяло тематический, проблемный и стилистический облик «рубежных» материалов. Как правило, они были представлены стихотворением местного поэта, рассказом общим объемом 2–5 страниц, растянутым на 8–16 из-за рекламы, многочисленных фотографий, развлекательных статей на разные темы. Казалось бы, многие из них сегодня могут представлять интерес лишь в качестве культурных фоновых знаний (разнообразные психологические тесты, модные анонсы, кулинарные рецепты, перепечатки зарубежной прозы и т.д.). Но именно эти материалы создают портрет целой эпохи. Каждый номер «Рубежа» является миниатюрным слепком недельной жизни читающего среднего харбинца.

Главный контингент сотрудников журнала составляли харбинцы-беллетристы и целая армия поэтов и поэтесс [18: с. 94–97], авторы самых разных художественных дарований и эстетических ориентиров. Их творчество обеспечивало читательской аудитории доступ к литературе, чтению как способу организовать свою жизнь в отрыве от родины, оставленных там близких людях, разрушенного привычного уклада жизни.

[5] В Харбине выходило огромное количество периодических изданий, на страницах которых публиковались художественные произведения; наиболее известные – газета «Заря», «Рупор», «Гун Бао», журнал «Луч Азии». Весьма содержательной в художественно-эстетическом отношении была «Чураевка» (поначалу – «Молодая Чураевка»), орган одноименного литературного объединения.

Еженедельный выпуск «Рубежа» предполагал появление, как минимум, двух рассказов местных авторов. Как правило, с такого рассказа журнал открывался – соответственно, требовался и заголовок, который привлечет внимание потенциального читателя еще на стадии покупки и пролистывания «Рубежа». Название выполняло функцию манкой афиши (К. Чуковский). Достаточно перечислить их наугад: «Портсигар желтой кожи» (Ю. Крузенштерн), «Поэтический жулик», «Трагедия одного дня», «Чужая жена», «Честный муж»; «Кисть женской руки» (Я. Лович), «Банкротство» (Н. Резникова) и т.д., и т.п. Особенно преуспел в «номинативной броскости» Н. Никитин[6]: «Тень отравительницы», «Неужели я развратна», «Ценой своего тела», «Почему я убил свою жену? Дневник инженера Петрова», «Филе из человечины» и т.д. Очень часто в основу произведений с «бьющими не в бровь, а в глаз» названиями были положены немудреные истории с мелодраматической завязкой, «неожиданными» перипетиями и, как правило, «хэппи-эндом». «Сколько было в нем пустячного, легкого!», – писала позднее об этой стороне любимого «безалаберного "Рубежа"» одна из его сотрудниц и авторов-беллетристок Ю.В. Крузенштерн-Петерец [18: с. 96].

Основатели «Рубежа» считали, что «…держа русскую читательскую аудиторию в курсе событий, происходящих в мире, "Рубеж" призван теснее связать читательскую массу с русской культурой, русским литературным творчеством <…>, дать пишущей братии возможность проявить свои дарования, а с другой стороны, дать *читательской массе* хороший литературный журнал» [43: с. 1]. Поэтому на страницах самого популярного в дальневосточном зарубежье издания печатались произведения самого разного художественного уровня.

Публикация в «Рубеже» становилась наиболее верным способом не только заработать на «хлеб насущный», но и вообще – найти читательскую аудиторию. Напечататься в отдельном издании, несмотря на более благоприятные, чем в Европе условия, было все-таки дороговато, сложно обстояло дело и с реализацией книжной продукции. Работа в «Рубеже» давала поденный шанс не остаться голодным. Благодаря «Рубежу» и его редактору М.С. Рокотову в читающей среде русского Китая, а с 30-х гг. и – русской Европы стали известны имена самого Вс.Н. Иванова, А. Несмелова, А. Хейдока, Я. Ловича, Б. Юльского и многих других прозаиков.

В своей статье Иванов призывал «беллетристов» отрешиться от старого мира воспоминаний и обратиться к «тяготам настоящих дней», потому что до сих пор «…в них упорно не видят ни человеческой воли, ни человеческой правоты, ни острых тех переживаний, которые заставляют поставить на карту все – жизнь, близких и так далее и брести проводником, а часто и так, по компасу, взыскуя лишь одного – воли, воли, воли от невыносимого гнета во что бы то ни стало» [14: с. 240] . Но к концу 20-х гг. эти тенденции уже вызревали в сознании многих дальневосточных писателей. Едва-едва обустроившись в своем эмигрантском бытии, отойдя от тягот бесконечных переходов и переездов, воспрянувшие от былого и новоиспеченные, харбинские сочинители, наконец, почувствовали скрытые толчки литературных импульсов [11; 21; 35]. Но много богаче литературности была сама дальневосточная реальность и тот опыт, что получили русские эмигранты в долгой дороге в изгнание. Трагедия Ледяного похода, тяжелейшие невзгоды, сопровождавшие семьи дальневосточных беженцев на пути в эмиграцию, экзотика русского города посреди маньчжурских болот, процветающий на почве многовластия бандитизм и хунхузничество провоцировали и продуцировали особые темы и сюжеты. Именно «непреодоленность биографии» (Б. Эйхенбаум) становится для харбинских беллетристов мощным источником вдохновения. Кроме того, дальневосточные эмигранты весьма органично усваивают призывы, звучащие со стороны писателей и метрополии, и эмиграции (Е. Замятин, О. Мандельштам, Б. Эйхенбаум, В. Шкловский, М. Осинский, Н. Чужак, В. Перцов) – искать увлекательные сюжеты, рассчитывая на нового читателя. В эти годы беллетристика начинает занимать лидирующие позиции в харбинском литературном контексте. И, несмотря на гневные инвективы Вс. Иванова, харбинским сочинителям было что предъявить своему читателю в качестве чтения не просто развлекательного, но и «раздумчивого».

О том, что разнородная литературная среда русского Харбина именно к тому времени созрела для появления новых художественных стратегий, свидетельствует публикация в журнале «Рубеж» повести Арсения Несмелова «Ледяная гибель» [30–33]. Это произведение А. Несмелова заслуживает сегодня пристального внимания, так как в нем любопытным образом соединилось, казалось бы, несоединимое: явный пропагандистский посыл, художественный эксперимент и метапоэтическая рефлексия харбинского писателя.

Само объявление о новом произведении А. Несмелова было весьма примечательно: «…Со следующего номера в журнале "Рубеж" начнет печататься исключительно интересная по замыслу повесть Арсения Несмелова "Ледяная гибель. Искусно связав

[6] Н. Никитин – псевдоним Людмилы Николаевны Никифоровой, супруги Н.В. Никифорова, известного харбинского архитектора и издателя журнала «Архитектура и жизнь». Об этом: Н.П. Крадин. Н.В. Никифоров – издатель архитектурного журнала в Харбине // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 5. Благовещенск, 2003. С. 268–274.

реальную жизнь современной России со *смелыми, фантастическими,* но научно возможными построениями, *автор рисует любовь последней человеческой пары* – женщины, в борьбе за право наслаждаться не останавливающейся перед любым преступлением, ибо самое слово "преступление" уже стало бессмысленным в обстановке близкой гибели земли, и мужчины, который все же не в силах перешагнуть за последнюю черту морали. Ряд жутких картин гибели огромного города, веяние ледяной смерти и над всем этим – *черные крылья последней испепеляющей любви*. Арсений Несмелов, известный, как один из наиболее талантливых поэтов Зарубежья, сумел и в области беллетристики создать сильную, яркую вещь, – его повесть "Ледяная гибель" читается с исключительным интересом» [29; курсив мой. – *А.З.*]. Для издателей «Рубежа», заинтересованных в широком круге читателей и его стабильности, такое объявление было хорошим рекламным ходом: каждый читатель в меру развитости своего художественного вкуса и литературных претензий мог ожидать от обещанного чтения либо потрафления своей жажды любовной интриги в ее предельных формах, либо увлекательной фантастики…

Повесть публиковалась не частями, а порциями (столько, сколько предполагалось выделить для прозаического произведения на журнальной полосе). При этом издатели выдерживали интригу: каждая такая «порция» заканчивалась на самом интересном месте. Например, первый отрывок в «Рубеже»: «Солнце исчезло; может быть, земля через несколько дней превратится в стальной от мороза кусок льда, но пока в городе ничего не изменилось и, следовательно, надо было подумать об обеде. Улицы принимали нормальный вид; казалось, наступил обыкновенный вечер, *и только башенные часы на здании комхоза, словно издеваясь, показывали половину второго часа дня*» [30; курсив мой. – *А.З.*]. Таким образом, «рубежный формат» публикации именно *повести* – произведения более крупного размера, нежели привычный рассказ – имел большое значение для привлечения читателя.

Обращение же самого А. Несмелова к жанру *повести* весьма органично для его художественного мира, предстоящего на стыке с литературой метрополии. По мнению исследователей, в 1920-е гг. одним из распространенных жанров советской литературы становится повесть [3: с. 281–292]. С «возрождением русской повести» советская критика связывает развитие литературы [27: с. 15]. Популярность жанра у писателей новорожденной республики объясняется становлением их «эпического сознания»[7]. Облик «новой русской повести» в литературном процессе метрополии начала 1920-х гг. определяет тема революции, воплощаемая с точки зрения еще двух противоположных мировоззренческих полюсов. Эсхатология и космогония – так в обобщенном виде можно охарактеризовать эти полярные «видения» продолжающихся в стране и мире социально-нравственных потрясений. Но, невзирая на разность мироощущения, писатели того и другого лагеря ищут новые формы для самовыражения. Их уже не может устроить бытовой реализм «знаньевской» прозы, хроникально-описательный способ организации сюжета («пешеходность фантазии», по определению Е. Замятина) [12: с. 422–433]. Меняется и отношение к повествованию – либо голос повествователя и голос народа сливается и возникает сказ, либо появляется орнаментальная проза (ср., например, «Падение Даира» А. Малышкина; «Ветер. Повесть о днях Василия Гулявина» Б. Лавренева; «Солнце мертвых» И. Шмелева; «Былье», «Голый год» Б. Пильняка; «Пещера», «Рассказ о самом главном» Е. Замятина и т.д.).

Но на фоне борьбы с культурным наследием прошлого и влиянием буржуазной литературы рождается и призыв дать «красного Пинкертона» [17; 25; 26]. Начинается дискуссия об авантюрной литературе. Владивостокский приятель Несмелова Н. Асеев к этому времени вернется в Москву и начнет печатать политически ангажированные рецензии – в частности, на «Серапионовых братьев» [1: с. 73–74], выделяя такие черты их «эклектизма», как «анекдотичность фабулы», «вялость языка» и «явную эротоманию, исступленно выпирающую через каждые пять-шесть страниц». Анализируя складывающиеся и декретируемые читательские стратегии тех лет, Н.В. Корниенко пишет: «…авантюрный роман, можно сказать, стал масштабным социальным заказом новой власти – литературе и критике <…> Начинается бум авантюрной, фантастической и приключенческой прозы» [17: с. 99] .

«Ледяная гибель» А. Несмелова предстоит на стыке всех этих сюжетообразующих и стилевых тенденций, но не укладывается ни в одну из сложившихся форм. Переклички харбинского беллетриста с перечисленными авторами носят разный характер: от сугубо литературного «перекликанья» (мол, читал и читаю, мне все это близко) до глубинной, не до конца самому ясной стратегии художественного осмысления недавнего прошлого и настоящего.

Событийное время в повести – декабрь 1922 г. Место действия – Владивосток, город, в котором Несмелов провел почти четыре года своей предизгнаннической жизни. Обратим внимание на фак-

[7]«Это тип художественного сознания отличается восприятием событий во взаимосвязи с "целостным бытием", бытием природы и общества, "миром нации и эпохи". Человеческая личность осмысляется в широких связях с жизнью народа и воспринимается как выражение субстанциональных сил народа» // Н.И. Великая. Указ. соч. С. 282.

тографизм повести. В отличие от авторов революционной неоромантической повести, Несмелов не случайно выбирает конкретное место и дату для своего повествования, увидевшего свет в 1929 г. Однако этот фактографизм довольно специфический: он не привязан ни к реальным людям, ни к реальным историческим событиям.

1922 г. – это время *биографическое*. 1922 г. – переломный год в несмеловском бытии (несмотря на то, что эмигрантом он стал в 1924 г. после бегства в Китай). В октябре Красная армия под командованием Уборевича вступает во Владивосток. Бывший белопоходник, укрывшийся в редакции «Владиво-Ниппо» – газеты прояпонского толка – не мог рассчитывать на долгое отсутствие внимания к себе со стороны большевиков. Он мог только ждать, и только плохого. Поэтому эсхатологическая фантастика повести может быть интерпретирована как материализация самых мрачных предчувствий А. Несмелова тех дней.

1922 г. – это еще и один из самых тревожных периодов в культурной жизни послереволюционной России. В Политбюро во главе с В. Лениным организована отправка так называемого «философского парохода» – таким власть избавилась от неугодных ей мыслителей, писателей, ученых. В мае 1922 г. партия принимает решение «О белогвардейской литературе», Л. Троцкий разворачивает масштабную работу по организации, контролю и регулированию литературного и читательского процесса [17: с. 9–71]. Образован Главлит. Выражаясь словами М. Пришвина, начинается «время садического совокупления власти с литературой» [28: с. 260].

Потому, очевидно, А. Несмелов и выбирает архетипическую ситуацию для завязки: конец света. Земля по неизвестным причинам выходит из солнечной орбиты. Мир стоит на грани *«ледяной гибели»*. В людях просыпаются звериные инстинкты, недавней революцией подогретые, но на время забытые: «вспомнилась вражда, еще не изжитая в сердцах» [30].

Пропавшее ни с того, ни сего солнце вызывает прямые аллюзии, как ни странно, на «Краденое солнце» (1927) К. Чуковского (он печатался в Харбине). Название этой детской сказки, сюжет которой практически реализует архетипический мотив борьбы со змеем, почти буквально всплывает в «Ледяной гибели»: «Лобастый и широкоскулый Зыбин, в резиновом дождевике, несмотря на декабрь…, уже пьяный до покраснения глаз, декламировал стихи "Об украденном солнце"» (кстати, портрет владивостокского поэта полностью совпадает с портретом В. Ленина из стихотворения «Две тени», сб. «Без России», 1931) [24: с. 119–122]. Плакатно-шаржевая «крокодиловость» Ленина, возможно, не была столь ясна современникам Несмелова, но очевидна для сегодняшнего читателя, имеющего возможность соотнести разные его тексты и дискурсивные формы выражения.

Апокалипсическая *ситуация* повести «Ледяная гибель» соотносима с «Рассказом о самом главном» (1923) Е. Замятина. Этому рассказу, как и многим другим произведениям Замятина той поры, присущи, по мнению критика-современника, «крайний импрессионизм, символизм, полустихийная орнаментальная проза», «крайнего предела разорванная, полубредовая, полная скрытых смыслов новая манера письма» [6: с. 27]. Мифологический мотив конца света подан Замятиным в высокотрагедийном ключе. Надвигающаяся катастрофа (падающая звезда) неизбежна потому, что друга убивает друг – комиссар белогвардейца [13] . Это – словно кара Провидения за попрание человеческих законов, однако, ее наступление остается за рамками сюжета. Крушение микрокосма для писателя важнее макрокосмических катаклизмов.

У Несмелова нарушение нормального течения жизни – завязка сюжета. Фабульное время повести необыкновенно уплотнено – всего четыре дня. Поступательно и детально, описывая надвигающийся холод, писатель показывает и убыстряющееся разложение, озверение общества. Повествователь лаконичен и деловит. Его стиль лишен мифологических аллюзий и высокой трагедийности. В ярких, порой грубонатуралистических красках он рисует постепенное наступление «…бездыханной тишины ледяной смерти»: «…На улице было достаточно светло от мигающих зарев, настолько светло, что путники не спотыкались о валявшиеся вокруг трупы замерзших. Мертвецы лежали в самых неожиданных позах, как застала их смерть. Те, что погибли от пули, были особенно страшны. Поднятые и сжатые в кулаки руки говорили о бессильной злобе; открытые рты словно не вытолкнули последнего крика и одеревенели в судороге» [31].

Каждый борется за свою жизнь, как может. Действительность предстает как «обезбоженный» мир, в котором царит абсурд, а не логика божественной гармонии. Чтобы спастись от наступающего холода, люди создают «дома-термосы», мародерствуют, убивают друг друга ради еды и угля.

В центре всех этих событий судьба *художника* Александра Петровича Сормова и его спутницы Раисы Николаевны. Сормов знакомится с женщиной случайно, в кабачке «Утиная голова», куда она зашла погреться в самом начале трагических событий. Эта *роковая встреча* во многом определит судьбу художника. Раиса завладевает сознанием и волей Сормова, это – настоящая Леди Макбет эпохи социальных разломов. Сначала они пытаются жить по определенной системе, ведь «…даже здесь, в подвале, жизнь требовала определенной организованности, иначе подземелье грозило превратиться в зловонную звериную конуру» [32].

Спасаясь от холода, герои идут на первое преступление, затем – на второе. Именно женщина ради получения мехов и грелок сначала толкает Сормова на убийство соседа-бухгалтера. Но деградация людей, однажды преступивших черту, неизбежна. Уже по инерции преступлений и следуя инстинкту самосохранения – герои решаются на убийство грузина Сократия Димитрадзе, хозяина кабачка «Утиная голова», где они нашли приют и спасение от холода.

Когда женщина настаивает на убийстве грузина Сормов пытается возражать:

«– Но, Раиса, мы же перестанем быть людьми.

– Неправда! Мы без него забудем то, что превращает нас в животных, – страх перед гибелью» [32].

Образ женщины демонизирован: «…женщина, любящая и безжалостная, как дьявол». Явленными признаками этого демонизма становится ее гипертрофированная сексуальность: «Раиса Николаевна казалась Сормову ведьмой: но черные глаза, уже глубоко запавшие в синеву, приближались, нагое, красное в отблесках печи, тело двигалось нежными округленностями, и страсть, казалось, утоленная, опять требовала того, что казалось до дна не исчерпанным». Она, «как инкуба, глотала зеленое пламя ликера, чтобы быть опять неутомимой». Подобный образ женщины-дьяволицы-искусительницы – возвращает к архетипическим представлениям о женской природе, вновь напоминая об особом отношении А. Несмелова к психоанализу и аналитической психологии (он учился в Психо-неврологическом институте им. Бехтерева).

Но, возможно, в таком сугубо эротизированном образе, лишенном каких-либо этических табу, Несмелов запечатлел и свою психосексуальную установку. «Женщины живут, как прежде, телом …» (одноименное стихотворение, сб. «Без России») – несмеловская формула женской природы. В понимании *женского* для Несмелова доминантой становится *телесность*. Она понимается как *хтоническая*, *темная* сила, несущая в себе разрушающее начало. Помимо личного – мужского опыта в такой трактовке «женского» (неоднократно воспроизводимой в прозе писателя), Несмелов, очевидно, более ориентирован на западно-европейскую культурную традицию. В отличие от русской традиции, где женщина – в первую очередь мать, помощница, подвижница, европейской модели мира издревле присуще видеть в женщине соблазняющего начало. Греховность в сочетании с демонизмом присущи женским образам во многих антиутопиях, рожденных в европейской литературе. По мнению Б. Ланина, это обусловлено жанровой природой антиутопий [20: с. 150–158]. Женщины «…сбивают героев с равновесной устойчивости в антиутопическом мире. Но именно благодаря женщинам герой антиутопии начинает свой центробежный путь из ритуализированного мира антиутопии» [20: с. 154]. Вспомним «хищный облик» I-330 из романа «Мы» Замятина, воплощающий все запретное, женское: она пользуется косметикой, меняет одежды, пьет дурманящие напитки. I-330 одновременно и пугает, и прельщает Д-503. Своей сексуальной активностью она побуждает героя к полнокровной телесной и духовной жизни. Она толкает его на нарушение запретов Единого Государства.

Но если в антиутопии Замятина телесность, эротизм пробуждают в человеке возрожденческую жажду гармонии, то у Несмелова, наоборот, сексуальность и провокативная активность женщины разрушают духовные импульсы, приводят героя к утрате человеческого облика. Раиса Николаевна толкает Сормова на преступления, своей безудержной страстью сводит его с ума: «Он верит в Бога, а я – ведьма. Он не догадывался об этом…» [33].

Страсть, провоцируемая неутомимой женщиной, затмевает все остальные чувства: «Два тела, крутясь, полетели в лишенный времени провал. В нем – испепеляющие ощущения, острые, как глубоко вонзающиеся иглы; и – душная тьма.

А потом что?..» [33].

В данном фрагменте проявляется еще одна, уже литературная грань, концепции страсти – любовь несмотря ни на что, любовь вопреки всему. Различные проявления страсти, в том числе, и любовь как пытка, любовь среди палачей, костров, смертей отразились в поэзии «серебряного века» – особенно ярко в творчестве Брюсова. Недаром строки из его стихотворения о помпеянке, в объятиях возлюбленного забывшей о гибели города, неточно цитируются в повести: «Пусть не угаснет память во вселенной о страсти, перешедшей за пределы».

Эти строки «своей жестокой приложимостью» соответствуют и сюжету самой повести: «Перед великолепием наслаждения – чем была эта глупая гора с ее огнем и пеплом?» [33]. Неутолимое влечение становится спасением, единственным противостоянием смерти. Именно Брюсов, в отличие от других символистов, сопрягает любовь с миром не божественным, а демоническим, миром Дьявола (роман «Огненный ангел», 1907–1908 гг.). Но если для Брюсова страсть имморальна, вне добра и зла, то для Несмелова страсть без духовных оснований разрушительна. Художник сходит с ума, превращается в зверя («волчий взгляд его был жалок и затравлен»), а Раиса находится на грани безумия. Таким образом, концепция телесного вбирает у харбинского писателя и символистские, и неонатуралистические, и традиционно-реалистические мотивы. И при этом – содержит индивидуально-авторскую трактовку.

Если апокалипсические настроения рубежа веков были вызваны ощущением неизбежности социального кризиса, «чрезвычайности» времени, то в

произведении А. Несмелова ситуация «конца света» вызвана именно последствиями перемен, произошедших в обществе после революции. И в этом – лежащий на поверхности пропагандистский смысл повести. Несмотря на то, что природная катастрофа поразила всю Землю, ее чудовищные следствия мы наблюдаем в «отдельно взятой стране», и даже – городе. Виновником «светопреставления» народ считает советскую власть: «– Какой там переворот! Светопреставление! *Довели большевики… богохулили, церковь Божию позорили,* вот, оно и отпелось, – солнышко-то сегодня и не взошло?!» [30]. Воззвание Совнаркома «Пусть рабоче-крестьянская власть покажет вселенной свою железную волю к жизни» – пустой звук для людей, когда в комнате «градусник показывал –26˚»; в данной ситуации оно звучит гротескно. Ожидаемой «героической борьбы пролетариата» с последствиями катастрофы Несмелов противопоставляет всеобщий хаос и анархию, когда перед лицом гибели человек забывает все нравственные законы, все идеологические установки. *Антиутопические мотивы* сближают повесть Несмелова с другим замятинским произведением – романом «Мы» (1920) и повестью М. Булгакова «Роковые яйца» (1925). Писатель обнажает несостоятельность любой утопической идеологии с ее рецептами спасения от социальных и нравственных бед. В мире невозможно «равенство и братство» – люди, завладевшие «домами-термосами», убивают других ради спасения своей жизни.

Умозрительные апокалипсические пророчества «серебряного века» не выдерживают конкуренции с апокалиптикой реальности, которой Несмелов был живой свидетель и участник. Автор стремится к постижению природно-зоологического («звериного»), инстинктивно-бессознательного начала в человеке и в жизни, вскрытого экстремальной ситуацией, грозящей гибелью всей цивилизации. С одной стороны, ему близок Б. Пильняк, в 1920-е гг. осмысливающий революцию как бунт, вскрывающий недра стихийных сил. Кровь, насилие, жертвы, разруха и распад – все это для него неминуемая данность, порыв долго сдерживаемой органической силы жизни, торжество инстинктов. Но, в отличие от Б. Пильняка, который радуется распаду, гротескно рисуя уходящий дворянский мир и ожидая, что из этой огненной, вихревой, метельной купели появится на свет иная, «корневая», «изначальная» Русь, Несмелов отнюдь не оптимистичен. Мысль о новом человеке, о мирном будущем существовании остается за пределами повествования.

Правда, Несмелов все-таки спасает «свою» землю: «…Земля, пролетев огромное пространство, нашла новое солнце и уже вращалась вокруг него… Лето ли было, или зима, спасшиеся еще не знали, но светило правильно всходило и заходило; только сутки стали теперь короче» [34] . Однако у его героев, спасшихся от «ледяной гибели», нет перспектив – катастрофа, вскрывшая в людях все самое темное, бессознательное начало, не прошла бесследно. Неизвестно, к чему приведет «естественный отбор», так безжалостно распорядившийся человеческими судьбами.

Вернемся к жанровой характеристике, данной самим автором своему произведению. По большому счету, ни хроникальность, ни описательность как видовые критерии не являются характерными признаками «Ледяной гибели» [16: с. 271–272]. Сюжет в «Ледяной гибели» развивается стремительно, а сама композиция событий выстроена необыкновенно кинематографично, с применением приемов монтажа. В произведении два пуанта: неожиданное избавление полуобезумевших любовников и «превращение» событий в «выдуманную» историю. Сомнению может быть предан и «эпический дух» события, ограничившего «бытие» двух преступников забвением всех мыслимых законов. Можно сказать, что перед нами – один из образцов новеллистического жанра, где «эмпирика события» (Н.Д. Тамарченко) обобщается выдумавшим его рассказчиком. Лишь в самом конце мы узнаем, что жуткие события «глобального похолодания», оставившие в живых нескольких человек – это онейрические фантомы журналиста с весьма узнаваемым «харбинским именем» Алеша Грызин[8]. И, вернувшись к началу публикации повести, мы действительно вспоминаем, что в ее первой главе «Разговор на льду» приятели Грызин и Сормов («первый – репортер Владивостокской газеты, другой – художник, работающий при Помголе»), под впечатлением от надвигающейся непогоды («Багровое солнце, опускавшееся на вершины скалистого хребта, протянувшего за бухтой свою драконью спину, предвещало на завтра тайфун»), оказываются во власти эсхатологических предчувствий:

«…Прикрыв глаза черными, побелевшими теперь ресницами, похожими на обмотанные ватой проволочки с загнутыми вверх концами, Сормов, любуясь солнцем, сказал:

[8] Любовь к настоящим именам в отношении своих персонажей, зачастую мало привязанным к конкретным характеристикам – отличительная черта «гиперреалистической» поэтики Арсения Несмелова. В его текстах многократно фигурируют его однофамильцы, однофамильцы его матери, Леонид Ещин и др. «Алеша Грызин» – почти буквальное совпадение с именем Алексея Грызова (Алексея Ачаира). Кроме указания на его «бездарность» (известно, что Несмелов невысоко ценил способности организатора «Чураевки»), образ не содержит никаких биографических схождений с реальным Ачаиром, кроме того, что Ачаир работал в одной из владивостокских газет. Более того, Несмелов «дарит» Ачаиру авторство действительно талантливой повести.

– Посмотри, словно чужая планета восходит над землей.

Грызин молча смотрел на светило, которое, коснувшись круглой вершины черной горы, тихо поползло по ее склону, растворяясь в аспидно-синей мгле долины и заливая эту мглу потоками багрового огня <…>

– А представь себе, что солнце завтра не взойдет, – сказал Сормов, карабкаясь на оледенелые камни.

– То есть как? – удивился Алеша.

– А так. Не взойдет да и только. Вот бы рассказ написать. Занятно!» [30]

Такова вершина повествовательной рамы, погружающей читателя в мир реального Владивостока 1922 г., с присущей ему культурной и общественной жизнью, соцзаказом в литературе, стремлением к «литературе факта», холодными ветрами и вечными тайфунами. А в финале мы вдруг понимаем, что само событие рассказывания – результат чтения Грызиным своей неопубликованной рукописи, которая подвергается двойной (вслух и «про себя») оценке со стороны слушателя, его же – главного героя написанной повести, художника Сормова. Диалог Грызина и Сормова (параллельно с внутренней и несобственно-прямой речью) – еще одна композиционная форма, носящая явный метапоэтический характер. Редактор «Красного знамени», которому Грызин показал свое сочинение, забраковал повесть: «Вы, говорит, центром повествования сделали эротические переживания этой дамы и Сормова… <…>, а о героизме рабочих, об их организованности, несомненно, проявленной в эти минуты, вы почему-то ни слова не сказали» [33]. Сормов, несмотря на свою скупую похвалу, «Грызина считал бездарным, и рассказ ему не понравился». А сам Грызин, получивший пусть небольшое, но все же – признание своего приятеля-художника, просто счастлив: «повесть его уже не интересовала, да и знал он, что не сумеет ее переделать так, как ему советовали».

И все-таки перед нами – именно повесть в ее первоначальном бытовании как «поведание», «повествование», «душеполезное чтение». Искусство писателя состоит в том, что он не отделяет событие рассказывания от повествовательной рамки. Дух «эпического сознания» эпохи также сближает «Ледяную гибель» с самыми разными формами повестей начала 1920-х гг., особенно – с «российскими фантасмагориями», их «фантастикой, врастающей в быт» (Е. Замятин о М. Булгакове) [15: с. 3–16]. Несмотря на игру композиционными формами, основным содержательным компонентом «Ледяной гибели» остается фантасмагорическая история «ледяной гибели» и ее неординарная трактовка автором. С композиционной точки зрения – это «повесть в рассказе». Несмотря на синтез разных жанровых признаков и их низведение повествовательной игрой по своему пафосу – это повесть-притча, близкая к апологу [19; 39]. Начавшись с анекдота («А представь себе, что солнце завтра не взойдет, – сказал Сормов, карабкаясь на обледенелые камни»), повесть развивается как ряд испытаний героя демонической силой. Испытаний, которых он не выдерживает.

Но обратим внимание на финал «повести Грызина»: «И все-таки земля была пустынна. Погибли звери и птицы: уцелело лишь несколько пар овец и коров. Они спаслись в глубокой каменно-угольной шахте, в 20 верстах за городом, куда их затащили люди. Шахта сохранила жизнь большей половине спасшихся.

Впрочем, остались и птицы, – голубь и голубка: *ребенок на своей груди пронес их в шахту*» [33; курсив мой. – *А.З.*]. Библейские реминисценции, заканчивающие повесть Грызина, легитимируют ее притчевый характер и одновременно обусловливают ее невозможность быть напечатанной в большевистском «Красном знамени». В повести Грызина (Несмелова) Земля не умерла, выжили герои, в которых мы угадываем биографические черты. Катастрофой стала сама продолжающаяся жизнь – ясно, что стало с теми художником и писателем в советском Владивостоке, если они своевременно, как сам Несмелов, не пересекли границу соседнего Китая. Наверное потому, так скомкан финал повести самого Несмелова. Метафора «ледяной гибели» реализовалась для Несмелова и его собратьев-изгнанников своей реальной жизненной трагедийностью.

Но все-таки – почему, несмотря на громкую заявку и публикацию в самом читаемом в Харбине журнале, повесть Несмелова прошла незамеченной – ни в одном из периодических изданий эмиграции отклика на «Ледяную гибель» не появилось? В этом факте тоже есть почва для раздумий.

В «Ледяной гибели» Арсений Несмелов продемонстрировал совершенно новую модель сообщения с читателем, при этом – с читателем, готовым к многоуровневому смысловому наполнению произведения, к игре с читательским ожиданием. Он, этот чаемый Несмеловым читатель, должен был быть «проницательным» – хотя сам автор и не знал этой формулы В. Набокова. Но сами читатели новоиспеченного центра восточной ветви эмиграции еще не были готовы к такой литературе – несмотря на инвективы Вс.Н. Иванова, обращенные к харбинским сочинителям. С другой стороны, на серьезную волну их никто и не настраивал: анонс «Ледяной гибели» обещал им, в первую очередь, занимательное чтение. Словно в противовес осмеиваемым в повести «производственным темам» и «соцзаказу», редакция «Рубежа» сфокусировала свое внимание на авантюрном духе и гривуазных мотивах повести – всех необходимых атрибутах массовой беллетристики.

Несмелов, таким образом, опередил свое «харбинское время», органично вписавшись в литературное время советской России и западно-европейской литературы. «Ледяная гибель» – именно «новая повесть», которую так ждали советские критики: с установкой на фантастику, авантюрность и приключение, относительно благополучно завершившееся, с фактографичностью, использованием публицистических, пропагандистских и плакатных форм. Только воплотилась такая повесть не в советской России, а вышла из-под пера эмигранта-антисоветчика со всеми вытекающими отсюда последствиями для ее героев: пропагандистский запал повести был нацелен на ее эстетических вдохновителей.

Но пропагандистская подоплека не была сверхзадачей писателя. В «Ледяной гибели» ярко запечатлелись характерные черты новой жанрологии несмеловской прозы: сюжетный динамизм, метаморфность жанра анекдота и притчи, автобиографичность повествования (несмотря на фантастические события). Жанрообразующим стержнем несмеловской прозы становится *событие рассказывания*, особая организация которого позволяет писателю балансировать на разных уровнях художественной иерархии: от сенсационного или «экранно-модного» сюжета до трагедии античного масштаба (например, рассказ «Золото») [34]. В то время, когда парижские критики недоумевали по поводу явления Набокова и не могли подобрать ключ к загадке его поэтики, в далеком провинциальном Харбине бывший белопоходник Арсений Несмелов искал свой особый путь в прозе, не совпадающий ни с одной из проторенных дорог.

Именно 1929 г. становится для А. Несмелова временем отсчета жанрово-стилистических исканий в прозе. Границы его опытов пересекаются с самыми распространенными в это время в Европе беллетристическими жанрами – фантастикой, детективом и фельетоном-анекдотом [38: с. 4]. Естественность, с которой Несмелов это осуществляет, объясняется органичным сопряжением его индивидуального стиля и основных тенденций прозы 1920–1950-х гг. В один ряд с «Ледяной гибелью» можно поставить написанные позднее «Шпионские истории», «Контрразведчик», «Золотой зуб», «Встреча на мосту», его харбинскую быль «Сторублевка», беллетризованные мемуары «Наш тигр».

В «Ледяной гибели» А. Несмелова, до конца своей жизни мечтавшего о романе [9; 37], но так его и не написавшего, мы обнаруживаем сегодня то «возрождение эпоса», о котором мечтали и критики метрополии, и критики эмиграции [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асеев, Н.* Художественная литература / Н. Асеев // Печать и революция. – 1922. – № 7. – С. 73–74.

2. Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX – начала XX века / С.Н. Бройтман, Д.М. Магомедова, И.С. Приходько, Н.Д Тамарченко // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 832 с.

3. *Великая, Н.И.* Особенности художественного сознания и модификация жанра повести начала 1920-х гг. / Н.И. Великая // Русская повесть как форма времени: сб. статей. – Томск, 2002. – 306 с.

4. *Веселовский, А.Н.* Поэтика сюжетов // А.Н. Веселовский. Мерлин и Соломон: Избранные работы. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. – 864 с.

5. *Голенищев-Кутузов, И.Н.* Русская литература на Дальнем Востоке / И.Н. Голенищев-Кутузов // Возрождение. – 1932.

6. *Горбачев, Г.* Современная русская литература / Г. Горбачев. – М.–Л.: Прибой, 1931. – 256 с.

7. *Грачева, А.М.* Русская беллетристика 1900–1910 гг.: идеи и жанровые формы / А.М. Грачева // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 832 с.

8. *Добренко, Е.* Искусство принадлежать народу. Формовка советского читателя / Е. Добренко // Новый мир. – 1994. – № 12. – С. 3–7.

9. *Забияко, А.А.* «Ледяная гибель» Арсения Несмелова: между «молотом» пропаганды и «наковальней» искусства / А.А. Забияко // Русский Харбин, запечатленный в слове. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: сб. науч. работ; под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Вып. 6. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 132–148.

10. *Забияко А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира: научное издание / А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005. – 286 с.

11. *Забияко, А.А.* «Четверть века беженской судьбы…» (художественный мир лирики русского Харбина): научное издание / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – 434 с.

12. *Замятин, Е.* Новая русская проза (1923) / Е. Замятин // Сочинения. – М.: Художественная литература, 1991. – 587 с.

13. *Замятин Е.* Рассказ о самом главном / Е. Замятин // Избранные произведения. – М.: Советский писатель, 1989. – 264 с.

14. *Иванов, Вс.Н.* Об эмигрантской литературе / Вс.Н. Иванов // Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. – М.: Советский писатель, 1991. – 384 с.

15. *Ковский, В.* «Ирреальное, полуфантастическое, дьявольски русское…» / В. Ковский // Российские фантасмагории: Русская советская проза 20–30 гг. – М.: Автор, 1992.

16. *Кожинов, В.В.* Повесть / В.В. Кожинов // Краткий словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1972. – 151 с.

17. *Корниенко, Н.В.* «Нэповская оттепель»: Становление института литературной критики / Н.В. Корниенко. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 504 с.

18. *Крузенштерн-Петерец, Ю.В.* О «Рубеже» / Ю.В. Крузенштерн-Петерец // Русский Харбин; сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. –2-е изд.. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – С. 94–97.

19. *Кузнецов, И.В.* Жанровая модель притчи и тип героя в русской литературе XVII–XVIII вв. / И.В. Кузнецов // Молодая филология. – Вып. 2. – Новосибирск, 1998. – 268 с.

20. *Ланин, Б.* Мир без женщины, или Целомудренность разврата / *Б. Ланин* // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 150–158.

21. *Ли Мэн*. Харбинская «Чураевка» / *Мэн Ли* // Русский Харбин, запечатленный в слове. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: сб. науч. работ; под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Вып. 6. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 167–182.

22. Литературная жизнь России 1920-х гг. События. Отзывы современников. Библиография. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922. 704 с.

23. *Менестрель*. После разлуки // Гонг. – 1923. – № 1. – С. 18–20.

24. *Несмелов, А*. Собрание сочинений. В 2 т. / А. Несмелов. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.

25. *Николаев, Д.Д.* Литература как пропаганда / Д.Д Николаев // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов; отв. ред. О.А. Казнина. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 608 с.

26. *Николаев, Д.Д.* Русская проза 1920–1930 гг.: авантюрная, фантастическая и историческая проза / Д.Д. Николаев. – М.: Наука, 2006. – 688 с.

27. *Оксенов, И.* Художественная литература и история литературы / И. Оксенов // Книги и революция. – 1923. – № 1.

28. *Пришвин, М.М.* Дневники. 1920–1922 / М.М. Пришвин. – М.: Московский рабочий, 1995. – 334 с.

29. *Рубеж*. – 1929. – № 34.

30. *Рубеж*. – 1929. – № 35.

31. *Рубеж*. – 1929. – № 36.

32. *Рубеж*. – 1929. – № 37.

33. *Рубеж*. – 1929. – № 38.

34. *Рубеж*. – 1929. – № 39.

35. *Рубеж*. – 1932. – № 2.

36. *Рубеж*. – 1935. – № 35.

37. *Слободчиков, В.А.* «Чураевка» / В.А. Слободчиков // Русский Харбин; сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – 2-е изд.. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – С. 65–84.

38. *Солодкая, М.Б.* «Бессмертна вещая созвучность…» (Письма А.И. Несмелова к Л. Ю. Хаиндровой) / М.Б. Солодкая // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар: Краснодарский государственный ун-т культуры и искусств, 2003. – С. 37–67.

39. *Тодоров, Ц.* Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. – М.: Дом интеллектуальной книги; Рус. феноменологическое общ-во, 1997. – 144 с.

40. *Тюпа, В.И.* Новелла и аполог / В.И. Тюпа // Русская новелла: проблемы теории и истории. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1993. – 274 с.

41. *Чудакова М.О.* Опыт историко-социологического анализа художественных текстов / М.О. Чудакова // Литература советского прошлого. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 471 с.

42. *Эйхенбаум Б.* Литературный быт / Б. Эйхенбаум // Мой временник. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. – 136 с.

43. *500 «Рубежей»* // Рубеж. – 1937. – № 35. – С. 1.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно

5.Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5» и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается расширенная аннотация (1500 – 2000 знаков), ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

PROBLEMS OF ADAPTATION OF PERSONALITY IN THE CHANGING WORLD

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY ADAPTATION

PERSONALITY AND ADAPTATION LAWS

A.A. Aldasheva

Aigul Abdulhaevna Aldasheva is Doctor of Psychology, Senior Research Assistant, Laboratory of Psychology of Labour at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: aigulmama@mail.ru

Research of the personal adaptation shows that this process advances within the frame of the general theory of adaptation as a process designed to empower people in their interaction with the environment. From this perspective adaptation is viewed as its active form. The human adaptation with the focus on attaining behavioral balance is doomed to being the passive form of adaptation. Adaptation, as well as all other life events, is characterized by certain rules, defining the organism and its activity, from both positive and negative perspective. Summarizing the existing rules and laws, V.I. Medvedev shows that there is no adaptation of the functions by and in itself, but there is, ultimately, the adaptation of man. The basis for the formation of the adaptation response on the personal level is primarily the peculiarities of person's self-regulation, which reflect Medvedev's general laws of adaptation, as has been empirically verified. This approach allows us to compare the elected behavioral strategy with the conditions dictated by professional activity. It has been demonstrated that harmonization of relations with the environment requirements can result in an adaptation strategy which will be of a short-term nature, as well as the active one aimed at creating individual ways of coping with the situation. Empirical studies of professional adaptation of specialists engaged in life-threatening activities shed light upon the following laws: "priority", "reciprocal change", "removal of constraints", "anticipation of the worst", "reversibility of adaptation", and "conceptual model".

Key words: adaptation, adaptive response, the laws of adaptation, high mountain areas, personality, conceptual model, strategies, mobilization, social isolation, cyclical activity.

ADAPTIVE PARADIGM IN POST-NON-CLASSICAL METHODOLOGY OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH OF PERSONAL DEVELOPMENT

M.S. Yanitsky

A.G. Portnova

A.M. Bogomolov

Mikhail Sergeevich Yanitsky is Doctor of Psychology, Professor, Dean of Social and Psychological Faculty, Head of the Department of Social Psychology and Psychological and Social Technologies at Kemerovo State University.

E-mail: dekanspf@kemsu.ru

Alla Georgievna Portnova is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of Department of General Psychology and Psychological Development at Kemerovo State University.

E-mail: portall@kemtel.ru

Alexandr Mikhailovich Bogomolov is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of Department of General Psychology and Psychological Development at Kemerovo State University.

E-mail: meabam@inbox.ru

This article provides an overview of the directions of the scientific research undertaken by psychologists, research fellows at Kemerovo State University, in the context of the state-of-the-art methodologies for the psychological study of personality development.

The authors have attempted to implement adaptive approach to the description of the determinants of personal development at the post-non-classical stage of development of psychology.

Resorting to the adaptation paradigm in terms of predicting patterns of personal development provides a wide range of various prognostic criteria and complex indicators such as capacities and resources, system structure of the subject of adaptation, cross-linking, adaptive and personal maturity, axiological and semantic regulation of behavior, plurality of adaptive behavioral effects, and diversity of individual adaptation factors.

Key words: methodology of psychology, post-non-classical psychology, adaptive paradigm, resources, adaptive capacity, development, personality, axiological and semantic sphere, personal maturity, prognosis of personality development.

THEORETICAL UNDERPINNINGS FOR RESEARCH OF PSYCHICAL REGULATION OF BEHAVIOR AND ACTIVITY

A.N. Kostin

Yu.Ya. Golikov

Anatoly Nikolaevich Kostin is Doctor of Psychology, Leading Research Officer at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: anatolykostin@gmail.com

Yury Yakovlevich Golikov is Doctor of Psychology, Leading Research Officer at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

This article analyzes the state of the Russian and foreign studies of mental/psychical regulation of behavior and activity. Five main tendencies of research have been identified; those are based on various theoretical premises: the description of regulation as a feedback mechanism, the structural-functional representation of regulation, the study of mentation, images, and conceptual models as determinants of regulation, self-regulation and metacognition. Each of these trends tends to demonstrate both their advantages and limitations.

The paper shows that the major problems of research in the sphere of regulation are as follows: the lack of a generally accepted definition of mental regulation and the need for a unified methodology of studying regulation which would be based on the definition in question. The authors propose a broad definition which takes into account several approaches to defining regulation: mental/psychical regulation is a continuous process of the organization of mental activity in terms of the content and time which depend on the fluctuating objective and subjective conditions.

On the basis of the introduced definition of regulation, there has been established a new organizational-procedural approach to its analysis: mental regulation is to be seen as a heterogeneous complex psychological process of organizing activity. The main tenets of the recommended approach dictate the requirements for the development of conceptual representations of regulation.

The first position of this approach presupposes the requirement to describe regulation as organization of mental/psychical activity. The second position determines the need to consider regulation qua process. The third provision consists in the necessity to consider the heterogeneous content of activity organization. The fourth premise dictates that it is essential to designate the diverse levels of activity organization which reflect its heterogeneity. The fifth position of the specified approach postulates the need to reveal the heterogeneous nature of the process of organizing activity which is determined by the alteration in the quality of its content over time.

Key words: behavior, activity, psychical regulation, feedback, self-regulation, metacognition, organizing activities, organizational-procedural approach.

COGNITIVE ACTIVITY AS PREREQUISITE FOR PERSONAL SELF-IDENTIFICATION AND PROFESSIONAL GROWTH

Ye.M. Ivanova

Yelena Mikhailovna Ivanova is Doctor of Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology of Labour and Engineering Psychology at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: e.m.ivanova@mail.ru

The article presents the results of the study of development dynamics of cognitive activity characteristic of students of Psychology which is typical of their pre-professional stage which, in its turn, is viewed as the foundation of formation of professional self-identification. Self-identification was viewed as a dynamic process and as a form of person's active interaction with objective reality which tend to shed light upon the individual modes of perception of the surrounding world as well as understanding, awareness, outlook and experience; it reveals the dynamics of behavioral strategies' formation, alongside communicative interaction and overcoming challenges.

The aim of the given study consisted in evaluating the hypothesis which posits that the transformation dynamics of interrelation of various spheres of cognitive activity (axiological-semantic, cognitive-imaginative, operational-orientational, motivational, sensory and emotional, communicative and social, motivational-emotional and regulatory-volitional) will unveil both its shared and singular regularities, as well as conditions of life activity which either promote or oppose professional self-identification and growth.

The undertaken research has helped define: 1) three type of interrelation between development of the students' cognitive activity and objective life conditions which reveal differentiation of transformation characteristic of person's individual advancement (viewed also as subject of labour) in the period preceding higher education and which subsequently determine the success of professional training and ultimately, the choice of career; 2) four types of tendencies characterizing personal direction of development in its correlation with development of cognitive activity spheres which can be seen as criteria defining professional fulfillment prognosis.

Key words: man, person, subject of labour, self-assessment, professional self-identification, cognitive activity, dynamics, development, direction of development, objective reality.

SOCIAL MODEL QUA CONTEMPORARY PARADIGM OF RESEARCH OF PERSONAL RESILIENCE

A.V. Makhnach

Alexandr Valentinovich Makhnach is Candidate of Science (Psychology), Leading Research Officer at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: amak@inbox.ru

The medical and social models are compared; the legitimacy of the paradigm shift studies and the emergence of the social model in the majority of social sciences and medicine are justified. Model of health (social model) is based on the principle of equality of all: people with the special needs and the ordinary people. The coexistence of two approaches: from the perspective of the deficit (medical model) and health (social model) – is considered on the example of the phenomenology and discourse of the orphanhood. Orphanhood in the medical model describes the environment of the orphans themselves in terms of "syndromes" and "symptoms" of unfavorable life situations, which leads to the reproduction of the circle of disadvantage. The shift away from the medical model in favor of the social one relates to a certain degree to phenomenology of the orphanhood. The emergence of health psychology is regarded as a departure from the medical model to the research and treatment of human resilience. The social model as a precursor of the resilience research was analyzed. The operationalization of the "resilience" concept was made. There have been presented four aspects of the ecological model which provide the results of the undertaken research. Factor structure of resilience is described within the framework of four factors: "Relationships", "Subculture", "Community", "and Personality characteristics". Relationships are considered as the most important resource for the resilience of teenage orphans.

Key words: medical model vs social model, operationalization of the "human resilience" concept, resilience of the orphans, the factor structure of resilience.

INFORMATION MODELS OF PERSONALITY ADAPTATION IN THE SOCIETY

E.A. Levkova

N.E. Posvalyuk

S.Z. Savin

L.S. Turkov

Elena Anatolievna Levkova is Doctor of Medicine, Professor of the Russian Academy of Natural History, Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University, Leading Research Officer of Medical Information Laboratory of Computer Center at Far East Division of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: e.levkova@rambler.ru

Nataliya Eduardovna Posvalyuk is Candidate of Science (Medicine), Senior Researcher of Medical Information Laboratory of Computer Center of FEB RAS.

E-mail: nposvaluy@mail.ru

Sergey Zinovievich Savin is Candidate of Science (Engineering), Head of Medical Information Laboratory of Computer Center of FEB RAS.

E-mail: savin.sergei@mail.ru

Sergey Leonidovich Turkov is Candidate of Science (Economics), Senior Researcher of Medical Information Laboratory of Computer Center of FEB RAS.

E-mail: savin.sergei@mail.ru

The paper presents the system analysis and mathematical modeling methods in psychology. This approach is a significant part of system analysis applied to problems of psychological and sociological research; it is one of the most indispensable tools of the models and methods of social dynamics, discrete mathematics, and bioinformatics. The authors have presented their work in mathematical models of psychological and social systems based on game-theoretic methods and developed the basic concepts for their formation. Based on the combination of game-theoretic approach and multivariate statistical methods (cluster, regression, etc.) analysis there has been interpreted the contribution of each of the neurophysiological, psycho-emotional, environmental and socio-economic factors into the dynamics of the adaptive behavior of the individual in the society.

Key words: methods of system analysis, mathematical modeling, models of psycho-social systems, game-theoretic methods, personality, personality behavior, society.

THE PROBLEM OF ADAPTATION IN PIAGET'S GENETIC EPISTEMOLOGY

N.Yu. Yakusheva

Natalia Yurievna Yakusheva is Postgraduate Student of Philosophy Department at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: kotuh@inbox.ru

The article deals with the problem of adaptation in the genetic epistemology of Piaget. The research is mainly based on the work of the French scientist. Attention is given to the general presentation of the model of the cognitive development of the subject, developed by Piaget as well as to the phenomena of development and reality. The latter serves as the focus of the adaptive mechanisms.

Key words: genetic epistemology, model of cognitive development, adaptation of intellect, intellectual development, assimilation, accommodation.

SOCIAL ADAPTATION OF PERSONALITY

THE ROLE OF IDENTITY IN A SUBJECT'S ADAPTATION TO SOCIAL CHANGES

C.I. Vorobyeva

Clarissa Ivanovna Vorobyeva is Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: psy@festu.khv.ru

The article is devoted to the understanding of social and psychological adaptation according to subjective approach, in which a personality serves as a subject and a creator of his own life. This approach allows determining the qualitative characteristics of identity as an important factor that largely predetermines a person's choice of the strategy of adaptation. The most important characteristic of identity is stability-dynamism. Personal identity is the source of internal stability and allows a person to be himself in the most intense external changes, providing the efficiency of the process of social adaptation. Personality as a subject of adaptation, possessing a high level of internal identity, has a powerful adaptive resource, consisting in succession of goals and ways of life, communication reliability and stability of self-esteem and evaluation system of the outside world, maintaining social interaction skills.

The crisis of identity appears under conditions of radical and social changes, the destructive nature of which manifests itself in the loss of positive personal identity; negative evaluation of in-group; false identity (for example, social mimicry, simulation of the activity are widely spread in modern Russia). However, the level of the crisis of identity, its depth, and peculiarities of surmounting the crisis depend on the level of a person's subjectivity. The reduction of the level of social identity, increased choice of various social categories and the growth of personal, individual characteristics for identify increase the chances of a mature personality in ego-identity, in the choice of the most accurate, true social categories for identification. These factors increase the efficiency of personality's adaptation and strengthen the feeling of control over life.

Key words: the subject of adaptation, personal and social identity, stability dynamism of identity, destructive and constructive identity crises, social mimicry, simulation of the activity.

ADAPTATION OF A PERSON TO THE CHANGING WORLD AS A MEASURE OF PERSONAL MATURITY

L.V. Yassman

Ludmila Victorovna Yassman is Doctor of Psychology, Professor of Department of Psychology at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: yassman@yandex.ru

The author of the article develops an idea that adaptive mental activity is an important factor which provides a person with a state of psychological health, which is understood as "a set of physical and mental abilities that the body, the living human being has". In modern psychology, the problem of adapting of the individual literally "impregnates" contemporary theories of the individual, which postulate that his/her inner world is in the direct contact with the external social world. The main objective of the present work is to identify the relation of adaptability to maturity of the semantic sphere of an individual and to show that the adapted mental activity is a major factor that contributes to the health of a person, which is a combination of physical and spiritual abilities. Our study showed that among the indicators of mental health are the activity response and pro-social aspirations which is a sign of personal maturity, which, in its turn, contributes to successful adaptation of a person in the changing world. The norm of mental health involves not only successful adaptation but productive development of a person for the benefit of himself/herself and the society one lives in. Psychological health and maturity of the individual are two major indispensable issues of psychological counseling in matters related to the problems of human adaptation in the changing world.

Key words: adaptation, psychological health, semantic sphere, norm, levels of mental health, self-centered focus, group-oriented direction, maturity, structure of the semantic sphere of an individual.

PERSONAL ADAPTABILITY AS DETERMINANT OF MENTAL HEALTH

L.P. Lazareva

Larisa Petrovna Lazareva is Doctor of Pedagogy, Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: Larisa-mich@list.ru

The paper examines the problem of correlation of the terms “personal adaptability” as the ability to adapt to social requirements and evaluation criteria by accepting social norms and values and “mental health”, which reflects the ability to work, to take a positive view of the world in all its contradictory diversity, to love, and to overcome stress with relative ease. Adaptability is considered as a generator of health of a socialized personality with its own complex structure each element of which executes a health saving function. Mental health, in its turn, is a state of equilibrium, adequate human relationship with the environment manifested in people’s life style, optimistic thinking, living in harmony with age and understanding the value of life. Personal sustainability is conceptualized as a system factor which reflects the quality of mental health. The author interprets the semantic constructs of personal sustainability through actual indicators of mental health.

Key words: adaptability, mental health, the acceptance of social standards, adaptability to change, individual’s subjective time, lifestyle, sustainability as a systemic factor of mental health.

RESENTMENT AS A FACTOR DEFINING THE MALADAPTIVE BEHAVIOR AND PERSONALITY OF THE MODERN YOUNG MAN

N.G. Grigorieva

S.M. Dryutskaya

Y.A. Tyurina

Nadezhda Georgievna Grigorieva is Doctor of Pedagogy, Professor, and Vice-Rector for Educational Affairs at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: pvr@festu.khv.ru

Svetlana Mikhailovna Dryutskaya is Candidate of Science (Biology), Associate Professor of the Chemistry Department at Far Eastern State Medical University (Khabarovsk).

E-mail: pvr@festu.khv.ru

Yulia Alexandrovna Tyurina is Doctor of Sociology, Professor of Sociology and Social Work Department, Director of the Institute of Economics at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: jultur2005@yandex.ru

The article discusses the features of manifestation of resentment in the behavior of maladaptive personality. For many contemporary young people the processes of social adaptation pose challenges and are psychologically painful. This results not only from the devaluation of values of modern society, but also from the ultimate complexity of the social situations which are constantly emerging, as well as their diversity and mobility.

Young people, while still in the process of forming their own adaptation resources, are not always capable of making full use of their personal potential in order to obtain optimal results in the process of social adjustment. In addition, social adaptation is a complex, multi-level, multi-functional process that young people may face at any time of their life, the one that involves fear of the unknown, risk and responsibility. Emotional and moral weakness of the young people can control them, leading to domination of disadaptative processes, i.e. outbreaks of the so-called "spiritual dynamite" − resentment.

Ideas and conceptions of the philosopher M. Scheler as regards forms, types, patterns of symptom manifestation of resentment are relevant for modern society, which often experiences attacks of the irrational evil, aggression, revenge, anger and other destructive phenomena. Therefore it is important to be able to distinguish various forms of resentment manifest in the maladaptive behavior of the youth in order to predict the direction of their antisocial acts and thus perform the selection of effective technologies which may facilitate the process of rehabilitation and re-adaptation.

Key words: resentment, personal maladjustment, social adaptation, re-adaptation, morality, affect, value, selfishness, existence, functional organ.

AXIOLOGICAL DETERMINANTS OF ADAPTATION OF PERSON QUA SUBJECT OF ETHNO-CONFESSIONAL RELATIONS

A.R. Monsonova

Aryuna Radnanimaevna Monsonova is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Faculty of Social Science and Psychology at Buryat State University.

E-mail: monsonova@rambler.ru

In the article axiological determinants of adaptation of personality qua subject of ethno-confessional relations are considered. It is necessary to note that the problem of personal adaptation to the complex system of ethno-religious relations in the multi-cultural environment of today is urgent at present, especially in the ontogenetic perspective due to the introduction of the new subject – the fundamentals of world religions – into the school curriculum. In the article there have been outlined certain criteria for distinguishing particular variants of ethno-confessional relations, the psychological analysis of the peculiarities of the latter in relation to the type of the sociocultural situation of the ethnic community has been carried out. The following psycho-diagnostic methods of empirical data collection have been used: R. Inglehart's value-orientation test (modified by M.S. Yanitskiy), G.A. Aminev's "Spiritual Differential" test and The Rokeach Value Survey. To sum it up, the author of the article posits that the most important determinants in the sphere of value orientations of the buryats are their historic legacy, memory, beliefs and ideas about their native land, their ancestors, indigenous art and national character.

Key words: value, value orientation, meaning, types of personalities: individualizing, adaptable, socializing, ethno-confessional relations, subjectivity.

ADAPTATION PROBLEMS OF FOREIGN STUDENTS IN THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

N.M. Oparina

Y.A. Tyurina

Nadezda Mikhailovna Oparina is Doctor of Technical Sciences, Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: nd59@mail.ru

Yulia Alexandrovna Tuyrina is Doctor of Sociology, Professor, Sociology and Social Work Department, Director of the Institute of Economics at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: jultur2005@yandex.ru

The article provides an overview of psychological studies of adaptation of foreign students, the issues of general and individual adaptation syndrome causes of international students and highlights the most important variables of this phenomenon. The article identifies two important factors that influence the process of adaptation to living and studying in a foreign university − contacts with the local population and previous experience of staying abroad. Both of these factors are compatible and support the interpretation of the study of culture and social skills in the process of adaptation. It has been revealed that the degree of social interaction between foreigners and the local population has a direct relation to the adaptation of the former.

The article deals with the theory of models of adaptation. A descriptive model of adaptation of foreign students has been presented, according to which adaptation changes in time in accordance with the U - shaped law, being supplemented by the W - curve adaptation, which corresponds to the first half of the adaptation to the new environment, and the second half of it corresponds to the period of rehabilitation on his return to his own country.

Social-psychological model of temporal adaptation is based on a variety of specific determinants and is believed to be universal in certain cases, such as marriage, changing jobs, giving birth to first child or a moving to another place of residence.

The article describes the theory of stages of adaptation of a foreign student, and the stages of the adaptation phase with respect to the educational process.

The importance of studying this problem is warranted not only by the concern for progress of foreign students, but also by the necessity of improving the effectiveness of training and quality training of personnel for foreign countries.

Key words: adaptation, adaptation syndrome, the phase model of adaptation, intra-physical variable adaptation, determinants of adaptation, curve of adaptation.

RECONSTRUCTION OF REALITY BY WOMEN WITH DIFFERENT SEXUAL IDENTITIES

V.P. Yassman

Victor Pavlovich Yassman is Candidate of Psychology, Associate Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: yassman@yandex.ru

In this article the phenomenon of homosexual identity is discussed from the point of view of phenomenological hermeneutical trends in psychology. It is shown that the spreading of this phenomenon is a clear example of changes occurring in the world, which brings the society to the necessity of adaptation to the new conditions of existence. The question of the role of the conceptual system of consciousness in the formation of subjectivity is raised. It is stated that human subjectivity and his understanding of the world are mediated by the inherent representational system, which does not reflect reality but relates. The leading role in the representation of the world in the mind is given to language containing a symbolic representation of the global world. Meaningful and systematic development of consciousness occurs with changes in the system of values and meaning of the word. By giving the word subjective meaning, each person has an individual conceptualization of his being. Hence, the reconstruction and qualitative analysis of subjective representative system allows distinguishing differences in the conceptualization of the world between those that differ according to various parameters, in this case according to sexual preference. So the problem of interaction of biological and social factors in the formation of subjectivity is denoted. The results of structural and thematic analysis of the association experiment are given. The semantic differences in the reconstruction of the reality by women with different sexual identities are described.

Key words: being, understanding, cognitive attitude, subjective conceptualization of reality, representation, concept, meaning, conceptual framework, conceptual framework approach to the world, subjectivity, sexual identity, gender identity, identity conflict, subjective well-being.

CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS' RESILIENCE AND SOCIAL ADAPTATION

A.I. Laktionova

Anna Igorevna Laktionova is Candidate of Science (Psychology), Research Assistant at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: apan@inbox.ru

The purpose of this study was to investigate resilience as an individual or group ability to cope with destabilizing events, difficult life conditions or even serious injury. It is shown that resilience combines two dimensions which are relevant to the dynamic process of the positive adaptation in the context of adverse circumstances. The author investigated resilience not only as a simple human property of preservation or ability to return to normal state, but as a positive development, which is superior to the individual state. The empirical data of resilience and social adaptation of adolescents with normative and deviant behavior are presented. The peculiarities of social

adaptation and resilience characteristic of both groups are described. The relationship between resilience and social adaptation of adolescents is analyzed. It was shown that personality and behavioral characteristics of adaptive adolescents and environmental features of their development are virtually protective factors (i.e. resilience) for them. Maladaptive adolescents' personality and behavioral characteristics as well as environmental features are risk factors for them, which are lowering their resilience. Low resilience of maladaptive adolescents is determined by deficiency of psychological and environmental resources. The relationship between adolescents' resilience and their social adaptation is not apparent and adaptation to asocial environment endangers pro-social behavior of teenagers.

Key words: adolescents, social adaptation, resilience, personality and behavioral characteristics.

REGIONAL STUDIES QUA MEANS OF ETHICAL EDUCATION OF STUDENTS OF ELEMENTARY SCHOOLS

R.D. Sanzhaeva

Zh.B. Baldanova

Rimma Dugarovna Sanzhaeva is Doctor of Psychology, Professor of the Department of Child and Educational Psychology at Buryat State University (Ulan-Ude).

E-mail: rimmasan@pochta.ru.

Zhalma Baradievna Baldanova is Elementary School Teacher at Secondary School 2 (Mogoitui settlement, Agin-Buryat autonomous area, Zabaykalski krai).

The article demonstrates the experience of working with primary school children in terms of ethical education which involves the incorporation of regional studies documents and records. Regional studies is believed to be one of the most important factors which contributes to moral and ethical education of students of primary school since this particular age from the perspective of ontogenesis is a sensitive period of the moral development of person and ethno-cultural aspect is an essential contributing factor. The given program of ethical education incorporates records and data pertaining to the history of Agin-Buryat area of Zabaykalsky krai, a unique region bordering on Mongolia and China. Aga undoubtedly has its distinctive idiosyncratic historical roots which still prevail at present and serve as indispensable regional information data.

Key words: primary school age, ethical education, regional studies records, Aga, program.

PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONALITY

SOCIAL ADAPTATION OF THE PROFESSIONAL IN THE CONTEXT OF POSTREORGANIZATION CRISES

Ye.P. Ermolaeva

Yelena Pavlovna Ermolaeva is Doctor of Psychology, Leading Research Officer of the Laboratory of Psychology of Labour at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: ermlen@yandex.ru

Social adaptation of the professional is considered to be the function of any given subject which is aimed at overcoming sociogenic crises of professional identity. The theoretical model and the results of research of professional adaptation in the conditions of social and economic crises are presented. According to the theoretical model, for professional adaptation to be successful the social professional environment should contain a prototype of different variants of adaptation strategies, the ones that will be able to adapt to changing norms and values. True professional should unquestionably possess tolerance, a certain degree of openness and readiness to accept unusual and unorthodox values typical of the new social professional environment. Some aspects of this model are presented in the comparative psychological research of social adaptation of professionals in the conditions of three professional crises of postreorganization Russia which were connected with the alteration of social and economic formations, internal reforms and globalization. The research demonstrates that at different stages of the postreorganization period various strategies of social adaptation of professionals used to prevail: overcoming psychological barriers as a result of the clash of old conceptions and new social and economic realities; gradual comprehension of objectivity of the established conditions and advance of new rules of adaptable behavior through an alternative choice of strategies; the conscious application of the optimal adaptation strategy which corresponds to the acknowledged social and professional attitudes.

Key words: professional adaptation, professional identity, professional marginalization, social and economic crisis.

THE FOCUS AND EFFECTIVENESS OF INDIVIDUAL STYLES OF SELF-REGULATION OF FUNCTIONAL STATE OF MAN

L.G. Dikaya

V.I. Schedrov

Larissa Grigorievna Dikaya is Doctor of Psychology, Professor, Leading Research Officer of the Laboratory of Psychology of Labour at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: dikaya@psychol.ras.ru

Viktor Ivanovich Schedrov is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of General and Social Psychology at Balashov Branch of Chernyshevsky Saratov State University.

E-mail: psychology@bfsgu.ru

In the article the approach to defining the mechanisms and structure of the individual style of self-regulation of the functional state of subject of labor has been outlined. There have been delineated four main psycho-physiological styles of psychical self-regulation based on the ratio of indicators of trophotropic / ergotrophic responses, extraversion / introversion and psychological profile of the individual. It has been substantiated that the imperfection of activation mechanisms and psychodynamic mechanisms and the balance between them form a non-optimal style of self-regulation. The structure of psychical variability of personality predetermines, to a certain extent, compensates or enhances the shortcomings of individual style of self-regulation of the functional state. The most adaptive and stress-resistant are those subjects whose energy costs either correspond to their energy resources or may be quickly replenished both by means of innate properties and in case the subject is aware of a variety of ways and methods of self-regulation, which might help them to quickly and effectively recover their resources.

Key words: functional state, psychophysiological self-regulation, individual style, action and state orientation, ergotropic and trophotropic responses, extraversion/introversion, psychical variability of personality.

SPECIFIC CHARACTER OF RESOURCES PROVISION FOR THE DEVELOPMENT OF A PROFESSIONAL

M.V. Sokolskaya

Y.A. Davydov

Marina Vyacheslavovna Sokolskaya is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: mvsokolskaya@mail.ru

Yury Anatolyevich Davydov is Doctor of Engineering, Professor, Head of Electric Stock Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: puch@festu.khv.ru

The article considers the process of professional development under the influence of the main meta-systems: professional activity, personality, macro- and micro-society, where professional activity is regarded as a core factor of a person's life activity. It is stated that along with positive (resource) influence these meta-systems include powerful destructive potential.

The essential difference between resources and destructors is their contribution to the achievement of individual needs, goals and values, in other words in their role in the process of professional development. Resources and destructors are personal traits and characteristics as well as specific features of professional activity, the adequacy of which in the context of an individual's current life situation is a determining factor of their influence on formation of a professional (resource or destructive). In this regard, the subsystem data have a "distributed nature" and are seen as inversion form of all the other subsystems. Therefore, resources and destructors, describing the whole structure of a professional's personality and being an integral part of it, form the balance, the violation of which can lead to disruption and destruction of personality as a whole. Therefore, the development of a professional is provided by balanced "distribution" of resources and destructors subsystems at all levels of its organization and in the system of all types of determinants. The results of empirical study proved that the formation of resources and destructors systems is governed by certain laws, and the type of professional activity has a great impact on these laws.

Key words: development of a professional, professionalization, personality, professional activity, resources, destructors, traffic controllers, engine drivers, educators (teaching staff).

PSYCHOLOGICAL CULTURE AS A PREREQUISITE FOR PROFESSIONAL ADAPTATION OF AN INDIVIDUAL

A.A. Lezhenina

Anna Andreevna Lezhenina is Candidate of Psychology, Associate Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: Lanna0808@mail.ru

In the article value of psychological culture for professional adaptation is considered. The historical analysis of formation of the concept "psychological culture" is provided. The author makes a start from the concept "culture" which is understood as a level of development of creative power and abilities of the person, expressed in types and forms of the organization of his / her life and activity. Furthermore, the definitions of the concept "psychological culture" existing within the domain of the Russian school of psychology are given. The author understands psychological culture as the integrated characteristic of the personality which is shown in cultural ways of activity and interaction with the world and includes the maintenance of the relations to other person and to itself. The structure of psychological culture is presented in the form of set of cognitive, affective, motivational and behavioral components. Professional adaptation is understood by the author as process of occurrence of the person in a profession and harmonization of his interactions with the professional environment. In the article the value of each component of psychological culture for professional adaptation of experts is considered. Also the results of empirical research considering psychological culture of polytypic experts are presented. Results of empirical research show that the psychological culture is the foundation of professional adaptation, however the value of psychological culture differs in accordance with the specifics of professional activity.

Key words: culture, psychological culture, professional adaptation.

PROFESSIONAL PERCEPTION OF SUCCESS BY SPECIALISTS OF DIFFERENT TYPES

O.A. Lubitskaya

K.A. Chizhenko

Olga Andreevna Lubitskaya is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychology at Far East State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: lyubitskaya07@mail.ru

Ksenia Anatolievna Chizhenko is an Undergraduate of the Department of Psychology at Far East State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: chizhenko_ksenia@rambler.ru

The paper presents the idea of the existence of professionally mediated world images. The authors emphasize the fact that professionals acquire specific visions of the surrounding world. “A substitute reality”, a range of phenomena, situations and objects, allow researchers to distinguish differences between the world views of specialists of different types. This paper considers the results of empirical research focused on the category “professional success” as a “substitute reality”. The sample consisted of representatives of two professional groups: railway transport specialists (30 people) and healthcare workers (30 people). The procedure for empirical research in the perception of professional success included two stages. The first stage was aimed at the reconstruction of ideas of professional success, factors that influence professional success and situations of experiencing professional success through psycho-semantic methods. During the second stage the authors conducted comparative analysis of the ideas of professional success belonging to specialists of different types. On the basis of the results of the empirical research the authors formulated the following conclusions: 1) both external (specific features of labour) and internal (meaningfulness of professional activity and labor satisfaction) factors considerably influence the perception of professional success; 2) psycho-semantic methods of research allow researchers to consider psychological features of perception of professional success in linguistic constructs which are characteristic of specific professional groups.

Key words: professional perception, professional success, specialists of different types, situations of experiencing professional success, factors influencing professional success, psycho-semantic methods.

THE PERSONAL CONCEPT OF THE CREATIVE AGE IN THE CONTEXT OF PROFESSIONALIZATION

I.G. Yurina

Irina Georgievna Yurina is Postgraduate Student of Philology, Pedagogy and Psychology at Khabarovsk State Institute of Arts and Culture.

E-mail: yurina_irina@mail.ru

The article introduces the results of the research of the "creative age" from the position of psycho-semantics, which studies the development and functioning of the system of values of the individual consciousness with regard to certain phenomena.

107 students of both technical field and those majoring in the sphere of the Humanities were involved in the associative experiment.

The data analysis led to identifying in the semantic structure of the concepts in question such categories as temporality, activity, objectivity, emotionality which reflect the ambiguity of the phenomenon "creativity", and parameters of "age" – categories that allow for the notion of "creative age" qua multi-level cognitive construct.

The detected significant differences of the distribution of categories "temporality-activity-objectivity" within experimental groups confirm the premise that posits the diverse nature of the world images typical of different types of professionals.

The definition of these categories as dependent variables allows to develop the empirical tools for operationalization and substantiation of the psycho-diagnostic potential of the "creative age" construct and to create its theoretical model in the context of professional activity and development.

The study of representations of the creative age qua psychological phenomena of representation of self-actualization temporal perspective is important in terms of determining the motivational component of the activity as well as subjective "renewal" factors of the creative age, understanding the real life potential of the individual in the actualization of creativity in the modern professional formation.

Key words: creative age, association, mental representation, categorical analysis of representations of the creative age, specificity of professional image of the world.

LABOR DYNASTY PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF ADAPTATION

E.A. Zibrova

Ekaterina Alexandrovna Zibrova is Candidate of Science (Psychology), Head of Scientific Laboratory of Psychology of Professional Activity at Khabarovsk Krai Institute for Retraining and Qualification Upgrading in the Field of Professional Education.

E-mail: optima1984@mail.ru

This article deals with the concept of "adaptation" as the process and the result in terms of the formation of labor dynasties. Adaptation, as a subject's active (conscious or unconscious) formation of strategies, ways of bringing a situation under control at different levels of the regulation of activity, state, behavior is necessary for reaching a person's stability in the changing world. In this context, analysis of the psychological phenomenon of "dynasty", which includes psychological patterns of professional consciousness formation, professional experience and professional settings, allows to study the adaptive experience accumulated by labor dynasty generations and to trace the formation of stability in descendants' professional choices.

The author describes the results of the analysis of the adaptation strategies of the representatives of railwayman labor dynasty and workers who do not belong to any labor dynasty. The article reveals the process of accumulation and transfer of adaptation experience from generation to generation as well as positive and negative aspects of the psychological phenomenon of "dynasty" in the context of adaptation.

It shows the example of adaptive potential of the representatives of railwayman labor dynasty, as well as the relationship of adaptability and professional success. The author analyzes labor dynasties as the process and the result of adaptation, where a person not only adapts to the changing professional environment, but also adapts this environment to his needs and requirements, and creates the conditions for the development of future generations.

Key words: labor dynasties psychology, adaptation strategies of labor dynasty, adaptation experience of labor dynasty, adaptive potential of labor dynasty.

ROLE OF PROFESSIONAL IDENTIFICATION IN THE ADAPTATION OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS

N.G. Grigorieva

Nadezhda Georgievna Grigorieva is Doctor of Pedagogy, Professor, and Vice-Rector for Educational Affairs at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: pvr@festu.khv.ru

The article discusses the role of professional identification in the process of adaptation of students of higher educational establishments. The adaptive ability is not believed to be the major indicator of the effectiveness of professional growth of the specialist to be. It is essential to consider students' adaptation from the perspective of their professional identification since interest for the selected vocation, personal initiative and self-improvement unquestionably facilitate motivation in the educational process which ultimately leads to the professional growth of the specialist.

The system of professional identification is initiated in the pre-university period of young people's education. Hence, it is essential to regulate the job market not only by means of centralized procedures, i.e. government order, but also via specific methods within educational process in high (secondary) schools, for boosting interest for specific required jobs (within the framework of industrial and economic infrastructures) should be realized not during but before actual choice of vocation. Technological and pedagogical promotion of the process of professional identification during professional training can both enhance students' motivation and expose the erroneousness of their professional choice. Surveys demonstrate that one third of the total of students is unsatisfied with the choice made.

Young people possessing successful professional identification as regards their future profession cope with adaptation challenges at universities quite easily and continue their personal and professional progress effectively.

Key words: professional identification, adaptation, adaptive resource, socialization, pragmatic reasoning, activity, unmotivated education.

LEADERSHIP POTENTIAL OF RAILWAY TRANSPORT MANAGERS AS CRITERION FOR ADAPTATION TO ORGANIZATIONAL CHANGE

Y.V. Primachenko

Yanina Vitalievna Primachenko is Candidate of Science (Psychology), Head of the Department for Standardization and Quality Management, Associate Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: yanina-75@mail.ru

The results of the research aimed at solving the problem of successful adaptation and preparing a manager with leadership skills in the conditions of constant organizational change are considered in the article; the paper also deals with justification of leadership potential assessment as a criterion for assessment and forecasting of further effective work and adaptation of railway transport managers.

According to the data collected from managers and students, the structure and components of a manager leadership potential are determined: the ideal model of a prospective manager leadership potential is developed, the model of real manager leadership potential is proved, main qualities and resources of manager leadership potential are specified.

The author distinguishes leadership potential as meta-quality which integrates a manager's subjective, professional and personal qualities; these qualities are complemented with socially-oriented, volitional, intellectual and moral personal resources.

Key words: reorganization, leadership, management, leadership potential, model.

INTERCONNECTION OF AN IMPLICIT STRUCTURE OF FEAR OF UNEMPLOYMENT AND COPING-STRATEGIES OF OVERCOMING CRISIS OF EMPLOYMENT

T.H. Nevstrueva

O.R. Murzina

Tamara Hasiamovna Nevstrueva is Doctor of Philosophy, Professor of Department of Psychology at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: tamaranevst@mail.ru

Olesya Ruslanovna Murzina is a Student at Far Eastern State Transportation University.

In this article there is a description of the process and the results of the research of interconnection of an implicit structure of fear of unemployment and coping-strategies of overcoming the crisis of employment among engineers. Representations about unemployment, forming the phenomenon of social fear, are subjective, that is why the formation of overcoming coping-behavior has an individual character. Consequently, to identify features of influence of fear of unemployment on the formation of overcoming coping-behavior, we have analyzed the connection between the implicit structure of fear and employed the models of situation-specific coping-strategies. In the given research we consider the implicit structure of fear of unemployment among employed and unemployed representatives of different professions; we have identified the coping-strategies of overcoming behavior of specialists, both actual and latent crises of employment; we have proved the interconnection of an implicit structure of fear of unemployment and coping-strategies of overcoming the crisis of employment. The results present practical suggestions for the work of employees of social services with the unemployed population during the procedure of the socio-psychological and professional adaptation. The findings allow for more profound diagnostic and advisory work of practising psychologists during the correction of fear of unemployment and forming adaptive coping-strategies of overcoming behavior among working population facing crisis of employment.

Key words: social fears, fear of unemployment, actual and latent employment crises, coping strategies, psycho-semantic approach.

PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL TRAINING OF RAILWAY VEHICLE OPERATORS USING SIMULATION METHODS

B.E. Dynkin

T.N. Soboleva

Boris Evgenyevich Dynkin is Doctor of Engineering, Professor, Rector of Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: root@festu.khv.ru

Tatyana Nikolaevna Soboleva is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: t.sobol.n.25@rambler.ru

The paper discusses the problem of professional psychological training of railway vehicle operators. Two training areas are offered: the first is mastering control actions by simulator training, and the second is refreshment and strengthening of psychophysiological qualities of railway vehicle operator using the method of a stabilographic simulator with biofeedback. The rationality and effectiveness of the methods used will be achieved, taking into account the individual characteristics of operators at different stages of their professionalization. The research results have shown that simulator training of locomotive drivers, relevant to their professionalization stage, is an essential element in the system of professional training and allows developing automatic control actions, i.e. control skills.

For all the shortcomings of the simulator, especially the lack of the train reality, its main advantage is the capacity for mastering control skills, which the operator can further transfer to a real situation of train driving, i.e. to a real failure situations, where due skill and specific operations are built up to meet the train situation. The results of the formative experiment to refresh and strengthen psychophysiological qualities proved that stabilographic simulator training increases the effectiveness of operator's voluntary control of movements by stabilizing the center of feet pressure in the sagittal and frontal body bending, and hence his functional state as a whole.

The studies revealed certain specific differences in voluntary movement control to achieve the stability of the feet pressure center in the sagittal and frontal body bending. These differences were found to be specific to each stage of driver's professionalization, thus serving the basis for the development of a particular stabilographic simulator technique for each stage of professionalization to improve training effectiveness. Since 2010 the described simulator techniques have been used to train railway vehicle operators at the Traffic safety training centre of the Institute for Extended Education, FESRU and proved to be good advantage.

Key words: professional training, control actions, refreshment and strengthening of psychophysiological qualities, performance efference, simulator of control actions, stabilographic simulator, voluntary movement control.

METAINTELLECTUAL OPERATIONS AS REGULATORS OF OPERATOR PERFORMANCE EFFERENCE IN SIMULATOR CONDITIONS

T.N. Soboleva

Tatyana Nikolaevna Soboleva is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of Psychology Department at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: t.sobol.n.25@rambler.ru

The paper discusses the problem of simulator training of locomotive drivers with experience in train operation to develop their control activity combined with targeted learning of metaintellectual operations. The solution to this problem will allow taking into account the differences in drivers' personality and professionalization stages, one of the main requirements of psychological training. Based on the functional genetic approach introduced by V.D. Shadrikov, it should be noted that metaintellectual operations is a functional-structural formation and an interaction of each component, subject to the principle of flexible interaction. The structure of metaintellectual operations includes functional, operational, and regulatory components. Functional components make the natural basis for processes which create personal experience. Operating components are intellectual operations that are the result of training,

the basis for the accumulation and transformation of personal experience. Regulatory components are intellectual operations that are realized through the prism of personality, character traits, values and meanings. The undertaken experiments allow concluding that such metaintellectual operations as perception, understanding and modeling can serve as psychological subsystems of controlling activities, provided they are consciously applied. Therefore, they can act as regulators of controlling activities which increase performance efference. When the operator voluntary uses such metaintellectual operations as perception, understanding, and modeling to solve management tasks, then metaintellectual operations, becoming the structural part of control activities, show different specific features. Performance requirements and conditions determine the appearance of those particular features of metaintellectual operations, which improve operator's performance efference.

Key words: performance efference; metaintellectual operations, functional, operational, regulatory components; controlling activity; simulator.

PROFESSIONAL STRESS AND EFFICIENCY OF LABOUR OF NURSING STAFF

E.A. Levkova

K.I. Vorobyova

O.Yu. Koshman

Elena Anatolievna Levkova is Doctor of Medicine, Professor of the Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Psychology at Far Eastern State Transportation University, Leading Research Officer of Medical Information Laboratory of Computer Center at Far East Division of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: e.levkova@rambler.ru

Clarissa Ivanovna Vorobyeva is Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology of the Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: psy@festu.khv.ru

Olga Yurievna Koshman is Senior Laboratory Assistant of the Central Scientific Research Laboratory at the Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Medical Personnel of the Ministry of Healthcare of Khabarovsk Krai.

E-mail: cnil@ipksz.khv.ru

The article offers the analysis of factors shaping the occupational stress among nurses. Universal identification system which presupposes the use of A.B. Leonova's original technique (2009) allowed for the estimation of the level of stress. It has been verified that the clinic staff regularly experience chronic occupational stress. The identified patterns and the negative effects of stress made it possible to develop recommendations re ways of coping with the specified problems. The main recommendations include providing employees with the opportunity to have a flextime working schedule in case they face personal problems. It has been demonstrated that it is essential to inform employees of their accomplishments and success of the work they performed as well as to introduce additional measures aimed at optimization of workspace when a nurse is assigned a specific personal workspace which has a clearly defined spatial boundaries and convenient functional areas.

The study substantiates the necessity for more recreational time during the working day of nursing staff. In addition to the analysis of the main factors the article highlights the need for the equipment of recreational areas near the workplace; it is also essential to invite specialists (psychologists, ergonomists) for group counseling and training sessions which are meant to help reduce stress in the workplace. The necessity of the establishment of the Working Group (of employees, administrators and specialists in organizational consultation) prone to developing a comprehensive program of dealing with stress which will take into account the specific conditions of the organization in question, is proven.

Key words: healthcare system, healthcare providers, medical practitioners, nurses, stress, test index profiles.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF PROFESSIONAL DISADAPTATION (CASE STUDY OF BUSINESS-TRAINERS IN THE BANKING SPHERE)

N.I. Anchukova

Nelly Ivanovna Anchukova is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychology at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: nian@mail.kht.ru

The article presents the results of the research devoted to the analysis of the psychological factors characterizing professional disadaptation of business-trainers – employees at one of the commercial banks. The author considers the given problem – that of professional disadaptation – to be the result of the interaction between the two subjects, that of the professional activity of the organization and the employee. The role of the organization should consist in discerning the psychological peculiarities of personnel and the construction of an adequate system of selection and motivation of the latter, as well as introducing positive stimuli into the labour process together with the overall improvement of working conditions. The functions of the employee should not be limited to the fulfillment of their professional duties; the latter are to be complemented by self-reflective actions, constant introspection and self-development. According to the empirical data, the first symptoms of professional disadaptation can already manifest themselves in the peculiarities of the subjective perception of organisational culture and leadership style. Often the specific nature of this perception is not directly connected with the level of qualification of the specialist; sometimes the inverse correlation is observed which reveals the paradoxical pattern: the higher the professional level of the employee, the more negative his/her perception of the organization. The author attempts to define the reasons for discomfort that the staff might experience, which may be caused by both their own psychological idiosyncratic features and the discrepancy between their needs and those parameters that the organisational culture of the institution has to offer. The results of the study suggest the potential possibility of solving the main problems of the professional disadaptation, namely fluctuation of personnel. This will require certain changes, most notably in the procedure of selection of the personnel and in the system of non-material incentive and work encouragement.

Key words: adaptation, organizational culture, professionalism, psychological factors, fluctuation of personnel, motivators, demotivators, style of management, career orientation, subjective assessment, fulfillment, working conditions, labour process, level of ambition.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION WITHIN THE FRAMEWORK OF A UNIVERSITY COMPLEX IN THE RUSSIA'S FAR EAST

Yu.V. Potaychuk

Yulia Valentinovna Potaychuk is Postgraduate Student at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: yascorp@bk.ru

Nowadays one can witness that there exists a particular need for a significantly novel type of an employee in the sphere of production and labor market; he/she has to possess a high level of social competence, professional adaptation and mobility. Therefore one of the crucial problems of today is that of professional realization of experts of the average link, of facilitating their professional growth, promoting quality and efficiency of work.

In the article the problem of professional socialization of students of average professional educational institutions within the framework of a university complex is considered. The sociological aspect of research is delineated, functional and dysfunctional consequences of professional socialization are designated.

Key words: professional socialization, university complex, professional self-determination, development of professional qualities, motivational foundation, modernization of education.

GENRE QUESTS IN THE PROSE OF RUSSIAN HARBIN: PROPAGANDA, "UNSUBDUED BIOGRAPHY" OR REVIVAL OF THE EPOS?

A.A. Zabiyako

Anna Anatolyevna Zabiyako is Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literature and World Culture at Amur State University.

E-mail: sciencia@yandex.ru

Prose of the Russian Harbin is a unique phenomenon which sheds light upon the specific nature of sociocultural, political and artistic tendencies, characterizing the evolution of the Far East emigration proper. Harbin authors had virtually no literary experience having survived the horrors of the First World and Civil Wars.

Harbin prose dates back to the 1920s, when numerous literary works from the metropolis, Europe and Western emigration engulfed Harbin and the Harbin readers acquired the taste for the belles-lettres genres. These readers were mostly housewives, clerks and students. That made Harbin authors refer both to the Russian prose of the first half of the 20th century and to the European fiction, furthermore incorporating certain propaganda elements. Literary works of different ideological and artistic value, both cheap, gutter novels and those of unquestionable literary merit, were published in "The Rubezh" (Frontier) weekly magazine. The short story "The Ice Demise" (1929) by Arseniy Nesmelov presents one of the best examples of the genre experiment in the Harbin prose. On the one hand, it can boast having parameters typical of the propaganda prose of the 1920-s Soviet Russia (A. Chayanov, V. Kirillov, Ya.M. Okunyov), on the other, it comprises features characteristic of the counter-propaganda emigration prose (P. Krasnov, P. Tutkovsky). It should be noted, though, that Nesmelov's awareness of diverse art systems and genres alongside his inclination for artistic universality shaped an absolutely unique genre construct which incorporated elements of eschatology and dystopia within the metapoetic and feuilleton framework, features of the symbolic text and propaganda, adventure story and a parable. Unfortunately, the magazine format per se and the readership's intellectual level did not contribute to the full perception of the Nesmelov's authorial strategy. The time for the true appreciation of his prose is dawning now. The story "The Ice Demise" has been published in Russia for the first time.

Key words: Far East emigration, Russian Harbin, genre quests, propaganda, average reader, epos, short story, novella, novel, "Rubezh", the belles-lettres, eschatology, dystopia, parable, anecdote, allusion.

Authors Guidelines

1.The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru
<mailto:journal@festu.khv.ru>.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 2 (38) 2013

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *Н.В. Ларионова*

Подписано в печать 26.07.2013 г. Поз. 12.7. Формат 60×84$^{1}/_{8}$.
Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 31,0. Зак. 247. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.